ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Владимир Кравченко

ХАРЬКОВ
/ХАРКІВ:
столица Пограничья

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2010

УДК 316.3(477.54)
ББК 60.5(4Укр)
К78

Рекомендовано:
Редакционно-издательским советом ЕГУ
(протокол № 9 от 27.02.2009 г.)

Рецензенты:
Грицак Я., директор Института исторических исследований
Львовского национального университета имени И.Франко;
Плохий С., профессор истории Украины Гарвардского университета

К78 **Кравченко В.В.**
Харьков/Харків: столица Пограничья. – Вильнюс : ЕГУ, 2010. – 358 с.

ISBN 978-9955-773-35-1.

В книге предпринята попытка проследить историю интеллектуального освоения одного из исторических регионов Украины – Слобожанщины и ее центра – города Харькова, начиная со второй половины XVII ст. и до наших дней. Автор обращается к истории региона и города в контексте современных пограничных, региональных, национальных и урбанистических исследований. В работе рассматриваются, в частности, проблемы символического картографирования города и региона в российском, украинском и советском исторических нарративах, взаимных отношений центра и окраины на примере истории основания Харьковского университета в начале XIX ст., возникновения и соотношения формировавшихся в Харькове дискурсов локальной, региональной и национальных идентичностей, их отражения в культурном ландшафте города.

УДК 316.3(477.54)
ББК 60.5(4Укр)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-35-1

СОДЕРЖАНИЕ

Моим родителям – Кравченко Нине Петровне
и Кравченко Василию Григорьевичу –
посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

О Харькове местные жители иногда говорят так: «Этот город – не первый, но и не второй». Смысл этой фразы в том, что, если, мол, мы не первые, то вторыми быть не хотим. Амбиции города, некогда бывшего административной столицей Советской Украины, в этом случае вполне объяснимы. Харьков сделал стремительную карьеру в относительно короткий исторический период. Возникнув на степном «фронтире» Московского государства в середине XVII в. в виде небольшой деревянной крепости, он превратился со временем в столицу региона, известного под именем Слободской Украины, во второй после Львова университетский центр на украинской территории. В новейший период своей истории Харьков вошел как один из крупнейших мегаполисов Российской империи и Советского Союза, второй после Киева образовательный, индустриальный и военно-промышленный центр Украины.

Легко заметить, что приведенная в начале этого текста сентенция содержит в себе сразу два отрицания, но не отвечает на вопрос о том, что, собственно, представляет собой город Харьков. Это не удивительно: ответов на этот вопрос может быть несколько. Город науки и храм торгашей, колыбель украинского национального возрождения и форпост русификации, столица то ли региона, то ли государства, то ли «русской культуры в Украине»... Образы Харькова создавались и постоянно менялись в зависимости от позиции наблюдателя, смысла, который вкладывался в одно и то же понятие и, конечно же, от изменений в политическом и культурном пространстве, которое окружало город.

Регион Слободской Украины, центром которого Харьков стал в конце XVIII в., в свою очередь, по-разному позиционировался на ментальных картах и интерпретиро-

вался в украинском, русском и советском исторических нарративах. В одних случаях это была «степная окраина Московского государства», в других – «бледная тень Гетманщины», но чаще всего слободской регион сохранял за собой статус «пограничья» – между лесом и степью, миром кочевников и оседлых народов, славянами и тюрками, казацкими областями и империей, Украиной и Россией...

Эта книга – о Харькове и регионе, которые рассматриваются в качестве социальных конструктов и одновременно – в виде пространства, на котором встречались, рождались и взаимодействовали конкурирующие и даже взаимоисключающие дискурсы и идентичности. Здесь представлена история интеллектуального «освоения» региона Слободской Украины и его центра – Харькова, история их «воображения», ментального картографирования и репрезентации в исторических нарративах и публичном пространстве. В этом отношении книга вписывается в традицию, которая сложилась на основе т.н. «культурной», или гуманитарной, географии[1].

Исторический регион Слободской Украины с центром в Харькове сформировался в середине XVII – начале XVIII в. на границе со степью, за обладание которой вели борьбу Россия, Речь Посполитая, Крымское ханство и его вассалы, а также казацкие военно-демократические политии: Гетманат, Запорожская Сечь, Войско Донское. В настоящее время это части территорий Курской, Воронежской и Белгородской областей современной России, а также Луганской, Донецкой, Полтавской, Сумской и Харьковской областей современной Украины. Необходимо прибавить, что границы региона лишь частично совпадали с административными границами Харьковской (Слободско-Украинской) губернии (наместничества) в составе Российской империи и Харьковской области в составе СССР и современной Украины.

Проблема границ, приобретшая политическую актуальность в связи с политическими, социокультурными и экономическими трансформациями в Европе в течение последних двух десятилетий, в настоящее время изучается также в социокультурном измерении[2], вынуждая исследователей выходить за рамки традиционно очерченных научных дисциплин и парадигм в процессе изучения контактных зон, идентичностей и моделей поведения их жителей[3]. Концепт пограничья, хотя и продолжает нуждаться в разработке своей теоретической основы[4], тем не менее уже сейчас, наряду с регионом, рассматривается чаще всего в качестве наиболее реальной альтернативы национально-государственной, централистской парадигме[5]. В украинском контексте эта альтернатива приобретает в последнее время большую популярность, формируя образ Украины как историко-культурного пограничья, палимпсеста различных границ, имеющих религиозную, культурную, политическую, национальную и даже цивилизационную природу, и порождающих соответствующие пограничные, гибридные идентичности[6].

Украинско-российская граница – наиболее проблемная из всех, которые очерчивают современное украинское государственное и национальное пространство. Административные и государственные границы между Украиной и Россией практически никогда не совпадали с географией расселения соответствующих этносов[7]. На Слобожанщине эта граница в разное время приобретала разный смысл, включая в себя, например, степной фронтир – движущуюся границу военных поселений[8] – или совокупность множественных разграничений между украинскими и русскими поселениями, расположенными в непосредственной близости друг от друга по всей пограничной территории. Ранее украинско-российская граница не была стабильной и строго фиксированной, а стала такой лишь в последнее время. Поэтому она выступает чаще всего в качестве ментального конструкта, имеющего символический характер, а также в виде соответствующих процессов, практик и дискурсов, возникавших в результате украинско-русских отношений и обладающих собственной символикой и культурными текстами[9].

В контексте особенностей развития национальных проектов восточнославянских народов[10] делимитация украинско-российской границы, проходящей в 40 км на север от Харькова, – это проблема не только и не столько политической географии, двусторонних отношений между государствами и роли в них пограничных регионов, сколько национальной идентичности – в первую очередь украинской[11] и русской[12], имеющих историческое измерение[13]; в конечном счете это проблема, затрагивающая фундаментальные вопросы о том, что такое Украина и что такое Россия, какими были, есть и могут быть в будущем их взаимные отношения[14].

В связи с этим необходимо отметить, что, как правило, украинско-российская граница не была зоной открытого противостояния, этнонациональных конфликтов, разделенной памяти и тем более этнических чисток. Соответственно, вокруг нее не возникло событий-символов, мест эксклюзивной памяти, включенных в повседневную практику соответствующей нации, которые вписывались бы в конфликтующие нарративы. К украинско-российской границе больше всего подходит определение переходной, или контактной, культурной зоны, независимо от того, проходили по ней политические или административные границы или нет. Весьма вероятно, что такая ситуация будет сохраняться достаточно долго, если только происходящие на украинско-российской границе трагические инциденты, связанные с гибелью людей, не придадут этой границе мрачный оттенок Берлинской стены[15].

Другой вопрос заключается в том, осознавалась ли пограничная территория как разделяющая или контактная зона, и если да, то принимала ли она, в свою очередь, участие в конструировании национальных идентичностей? Какое символическое пространство она занимала в национальных

нарративах? Порождала ли она, в свою очередь, новое культурное пространство или же оставалась мозаикой, эклектикой других, внешних, в том числе исторических, характеристик и признаков? Интеллектуальная история Слободской Украины в этом случае может оказаться полезной, по крайней мере частично, в поисках ответов на эти вопросы.

История Харькова неотделима от истории региона Слободской Украины. Феномен украинского регионализма после развала Советского Союза в 1991 г. осмысливался зарубежными и украинскими исследователями сначала и преимущественно в политическом контексте[16]. В свою очередь, регионализация украинского политического и культурного пространства способствовала росту внимания к региональным аспектам истории Украины в целом[17] и к отдельным регионам в частности[18]. В поле зрения аналитиков все чаще оказываются исторические регионы южной и восточной частей Украины[19], в том числе и современная Харьковщина[20]. В то же время, следует признать, что многие украинские авторы работ подобного рода продолжают оставаться в концептуальных рамках советского краеведения.

Исторический регион, как правило, не имеет четких границ с другими регионами, выступая на протяжении своего существования чаще всего в роли специфической контактной зоны интенсивного культурного обмена[21]. Поэтому определить и понять особенности того или иного исторического региона можно лишь в сравнительной перспективе, обратившись ко всей совокупности его культурных, экономических, политических и социально-правовых признаков[22]. При всей многозначности и неопределенности дефиниции исторического региона, ее использование подразумевает некую пространственную и культурную целостность, обладающую определенным историческим континуитетом и отраженную в региональной идентичности.

Я исхожу в данном исследовании из понимания региона и региональной идентичности, представленного в трудах финского исследователя Ансси Пааси[23]. Регион рассматривается им в качестве исторически сложившейся структуры, целостность которой обеспечивается в процессе ее институционализации, включающей в себя формирование территории, символики и институтов региона[24]. Институционализация региона, в свою очередь, включает в себя: установление его границ, символическое оформление территории, в первую очередь появление и закрепление за ней определенного названия, институционное оформление региона, поддерживающее местные территориальные и символические признаки, наконец, появление идентичности региона, которая превращает его в средство борьбы за власть и ресурсы[25].

Непосредственную связь между идентичностью и регионом поддерживают, как правило, региональные нарративы, в которых создаются образы природы и ландшафта, архитектура, этнокультурные характеристики,

оценки состояния экономики и взаимоотношений провинции с центром, стереотипные образы населения – как «нас», так и «их», – исторические тексты и т.д. В конечном счете, региональные идентичности – это коллективные нарративы о том, кто есть «мы», что такое «наш» регион и чем «мы» отличаемся от всех остальных[26]. Региональные идентичности проявляются не только в нарративах, но и в социальных конструкциях и практиках, ритуалах и дискурсах[27], ограниченных определенным пространством и временем и конкурирующих между собой[28].

Для политиков и политологов обращение к тематике исторических регионов иногда представляет собой серьезный интеллектуальный вызов, поскольку почти всегда содержит в себе искушение историческим детерминизмом. В западной и российской научной литературе прочно укоренилось представление о глубоком расколе Украины на восточную и западную части, предполагающее разделение украинского общества на антирусский, националистический, греко-католический Запад и пророссийский, коммунистический и одновременно ортодоксальный (православный) Восток[29]. Подобное представление в равной степени оказывало влияние на тех авторов, которые пытались его преодолеть, позиционируя Украину «между Востоком и Западом», или же, наоборот, углубить, подобно С. Хантингтону, описывавшему цивилизационную «линию разлома», проходящую, по его мнению, по территории Украины[30].

Творческую интерпретацию «линии Хантингтона» (по аналогии с «линией Керзона») в самой Украине осуществил М. Рябчук, сформулировав тезис о «двух Украинах»[31]. И хотя в дальнейшем сам он неоднократно подчеркивал, что в его понимании речь идет не столько о противопоставлении географических полюсов современной Украины, сколько о виртуальных образах, порожденных разным историческим опытом западных и восточных регионов, концепция «двух Украин» попала на подготовленную для этого почву и спровоцировала горячие дискуссии, не утихающие, кажется, и по сей день[32]. Татьяна Журженко назвала подобный подход «хантингтонизацией» украинского политического дискурса; во многом с ее критикой соглашаются и другие авторы, в том числе Ярослав Грицак. Тем не менее, в существовании разделительных линий и отчетливой региональной асимметрии в политическом и культурном пространстве Украины до сих пор никто не сомневался.

Слобожанщина представляет собой пространство переплетенных и взаимосвязанных социальных процессов, которые не всегда вписываются в интерпретативные рамки существующих ныне национальных парадигм, в данном случае – русской и украинской[33], тем более что исторически сложившийся регион, центром которого считается Харьков, располагается по обе стороны украинско-российской границы. В связи с этим проблема соот-

ношения национальных и региональных идентичностей в истории региона приобретает особое значение.

Региональное, локальное воспринималось в прошлом как изначально адекватное национальному. С распространением концепции «воображенной нации» (Б. Андерсон) изменилось и понимание регионального феномена и региональной идентичности. Конструирование истории региона стало осуществляться по образцу «воображения» нации, а само его появление интерпретировалось как результат интеллектуального проецирования на карту, т.н. ментального картографирования[34]. В конечном счете регионализм и национализм продолжают сохранять тесную связь между собой[35].

Представления о национальной идентичности в данном исследовании базируется на ее интерпретации т.н. «ревизионистами», включая Дж. Армстронга, А. Смита и А. Хастингса, признающими, в отличие от «модернистов», существование «наций до национализма» в виде этнокультурных сообществ, объединенных коллективной идентичностью и языком. В данной работе я исхожу из представления о модерных и домодерных типах национальной идентичности, которые сосуществовали параллельно или выстраивались в определенную иерархию совместимых друг с другом комплексных или гибридных структур на широком историческом пространстве украинского культурного пограничья[36].

Насколько специфичным был и остается процесс формирования наций на православном востоке Европы? В данном случае речь не идет об известной характеристике двух типов национализма: гражданском – на западе и этническом – на востоке Европы, – предложенной более полувека назад Г. Коном и оспоренной его современными критиками[37]. Речь идет о том, что выработанные на Западе концепции национализма не были и не могли быть перенесены на территорию православной Руси без существенных поправок и ограничений. Да и странно было бы ожидать чего-то иного для региона, лишь слегка затронутого культурными трансформациями эпохи Возрождения и Просвещения.

Термин «нация» в русском языке так и не прижился для ее самоописания, вызывая в обществе негативные коннотации вплоть до сегодняшнего дня; «нацию» заменило здесь слово «народ», заимствованное из польского языка, где оно выступало аналогом «нации»[38]. Но при его переводе на русский язык возникла та двусмысленность, которая сохраняется и поныне: «народ» выступает одновременно в двух ипостасях: социальной и этнокультурной. Эту двусмысленность – результат глубокого культурного раскола в православной среде – не смогли преодолеть ни вестернизированное российское дворянство вместе с интеллигенцией, ни воспитанные на западных идеях марксисты.

В этой работе я исхожу из предпосылки о том, что до начала XX в. ни украинской, ни русской модерной нации еще не существовало, хотя отдельные компоненты каждой из них уже начинали появляться. Ханс Роггер прав, тщательно разграничивая понятия «национальное самосознание» и «национализм» применительно к Российской империи: проявления первого из них можно видеть уже в XVIII в., в то время как феномен русского национализма начал складываться не ранее 1830–1840-х гг.[39] По крайней мере, до середины XIX в. ни русские, ни украинские, ни белорусские по происхождению интеллектуалы в своих поисках национальной идентичности не выходили за ментальные границы средневековой «святой Руси», в которой «неслитно и нераздельно» существовали великороссы, малороссы и белороссы. Ситуация начала меняться лишь в начале XX в., с появлением модерного украинского национализма и украинской национальной государственности, но в борьбе за нее украинский национальный проект противостоял не национальному (модерному) русскому проекту, а досекулярной, домодерной концепции «славено-русского» («русского») народа.

В своем понимании модерной украинской нации я не отождествляю модерность и национализм[40]. Последний может проявляться в качестве реакции на модернизацию, но далеко не всегда выступает одним из ее проявлений. Два этих исторических феномена могут сохранять известную автономию по отношению друг к другу. В контексте украинской истории это особенно важно для сравнительной характеристики наиболее русифицированных индустриальных регионов восточной части Украины, которые по сей день выглядят гораздо более модернизированными, чем, например, преимущественно аграрные западноукраинские регионы, где, как считается, уровень национального украинского самосознания намного выше, чем на востоке.

Региональная проекция украинской историографии, вероятно, сможет поможет преодолеть ограниченность национальной, «киевоцентричной» модели в описании украинской истории, напоминающей «пруссоцентричную» версию немецкой историографии[41]. Это позволило бы, в свою очередь, вписать в новую версию украинского исторического процесса те регионы, роль которых в процессе модернизации и национально-государственного строительства была и остается несравненно более значимой, чем, например, роль казацких военных политий, не говоря уже о квазигосударствах «короткого» XX в.

Одна из основных тем данной книги – возникновение и взаимодействие на территории региона разных типов коллективной идентичности. Понятие идентичности сегодня превратилось в едва ли не основной и непременный топос социальных и гуманитарных наук[42]. Невзирая на некоторые сомнения по поводу правомерности использования этого понятия в исследователь-

ской работе, категория идентичности, неразрывно связанная с историей[43], приобретает особое значение при обращении к украинской тематике. Современное украинское общество, словно кольца ствола дерева, сохраняет в себе различные типы идентичностей, возникших в процессе его истории[44]. Пограничные, локальные и региональные идентичности в их числе играют иногда не менее важную роль, чем национальные.

Основную роль в формировании и эволюции региональной и национальной идентичности играют города. Описывать региональность можно и нужно через изучение истории развития городской культурной среды и представлений о тех или иных городах в региональных и национальных нарративах. В своей работе я учитывал теоретические разработки в области исторической урбанистики[45], а также конкретные исследования, посвященные, в первую очередь, украинским городам[46].

Данное исследование опирается, в основном, на опубликованные источники, преимущественно нарративы. Перечень и краткая характеристика работ, посвященных тем или иным аспектам истории Слобожанщины, включены в соответствующие разделы исследования. Подавляющее большинство работ, посвященных истории города и региона, написано на уровне исторического краеведения. Это обстоятельство превращает их в незаменимый и достаточно представительный вид источников для интеллектуальной истории Харькова.

В некоторых случаях автору этих строк приходилось выходить за рамки дискурсивного анализа и обращаться к отдельным аспектам социальной реальности, например, в описании взаимных отношений центра и слободской окраины Российской империи, национальной и культурной политики центра, местных властей и гражданских структур Харькова в новейшее время. При этом у меня была возможность опираться на некоторые собственные исследования, имеющие отношение к истории Слобожанщины[47]. В других случаях приходилось ограничиваться анализом доступных мне текстов, особенно это касается периода XVII–XVIII вв. Насколько и каким образом это повлияло на целостность текста книги, судить, конечно же, не мне.

Структура данной работы основана на хронологическом принципе. В первой главе прослеживается история ментального картографирования и институционализации слободского степного порубежья до второй половины XVIII в., т.е. до екатерининских реформ включительно. Материал второй главы сгруппирован вокруг истории основания Харьковского университета, отразившей сложный характер взаимоотношений имперского центра с провинцией и повлиявшей на символическую, культурную географию региона в Российской империи. Третья глава посвящена возникновению региональных дискурсов в среде местных элит второй половины XVIII – первой половины XIX в. и их взаимоотношениям с формирующи-

мися в то время национальными – русским и украинским – дискурсами. Четвертая глава охватывает период второй половины XIX – начала XX в.; в ней рассматриваются изменения, происходившие в социокультурном пространстве Харькова, а также в региональном историческом нарративе под влиянием модернизации и украинского национализма. В пятой главе речь идет о советском столичном и региональном дискурсах Харькова и региона, сложившихся в «коротком» XX в., а также об их репрезентации в украинском историческом нарративе. Наконец, в шестой, последней, главе рассматривается борьба различных дискурсов, продолжающаяся в региональном историческом нарративе и отражающаяся в городском культурном пространстве после 1991 г.

Обстоятельства, сложившиеся в процессе работы над данной темой, были не весьма благоприятны. Среди прочего, необходимо отметить, что первоначально проект должен был стать коллективным. В результате же мне пришлось заканчивать его самому, заполняя «бреши», которые так хотелось переложить на чужие плечи. Тем не менее, жалеть о потраченном времени не приходится. Работа над проектом позволила мне прикоснуться к проблемам и литературе, которые до сих пор оставались за пределами моих научных интересов.

Пользуюсь случаем, чтобы высказать слова признательности моим рецензентам Ярославу Грицаку и Сергию Плохию. Их работы, замечания, пожелания во многом повлияли на мои представления об истории Украины в целом и о тех проблемах, которые затрагиваются в данной работе. Студенты, слушающие мои лекции по истории Украины и историографии, успели почувствовать это на себе...

С отдельными фрагментами этого текста знакомились мои харьковские коллеги – А.В. Шмалько и О.А. Филиппова, которым выражаю благодарность за терпение и доброжелательность. Обычно после таких слов принято говорить что-то вроде: «Все просчеты и недостатки работы лежат на совести автора, и рецензенты за них ответственности не несут». В данном случае я хочу отойти от этой традиции и пригласить рецензентов разделить со мной хотя бы часть ответственности за эту книгу. Ведь их убежденность в том, что ее текст можно и должно печатать, я воспринял вполне серьезно...

Проблема доступа к современной научной литературе по-прежнему остается одной из самых трудно разрешаемых для исследователя, работающего в Украине. Мне не удалось бы ее преодолеть, по крайней мере частично, без доброжелательной помощи моих коллег из Канадского института украинских исследований Альбертского университета (Зенона Когута, Богдана Клида, Романа Сенькуся), Украинского научного института Гарвардского университета (Романа Шпорлюка, Любомира Гайды, Тимоша Головинского, Тамары Нери), Американского совета научных сообществ (Анджея Тымов-

ского, Ольги Бухиной). Уж они-то как раз не несут никакой ответственности за все просчеты, допущенные в этой работе.

Я далек от мысли, что мне удалось разрешить все затронутые мной проблемы. Тем не менее буду считать свою задачу выполненной, если мне удастся донести до читателя необходимость и возможность пересмотра некоторых устоявшихся стереотипов в восприятии истории региона, необходимость в связи с этим переоценки национально-государственнической парадигмы украинской истории, доминирующей в современной украинской историографии, превращения ее в пространство для диалога разных социальных и гуманитарных наук.

Примечания

1 Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford: SUP, 1994; Bassin M. *Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century* // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. No. 3. (Jun.) P. 763–794; Todorova, Maria. *Imagining the Balkans.* Oxford: Oxford University Press, 1997; Kürti, László. *The remote borderland : Transylvania in the Hungarian imagination*. State University of New York Press, Albany, 2001. См. также: Стрелецкий В.Н. *Культурная география в России: особенности формирования и пути развития* // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 21–33 и др.

2 Newman D. *Borders and Bordering. Towards an Interdisciplinary Dialogue* // European Journal of Social Theory. 2006. Vol. 2. No. 9. P. 171–186; Henk V.H., Naerssen V.T. *Bordering, Ordering and Othering* // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 2. No. 93. P. 125–136; Shapiro M., Alker H. (eds.). *Challenging Boundaries. Global Flows, Territorial Identities.* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996; Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness.* New York: John Wiley & Sons, Ltd., 1996; Newman D. *Boundaries* // Toal G. A Companion to Political Geography / Eds. J. Agnew, K. Mitchell. Oxford: Blackwell, 2002. P. 123–137; *On Borders and Power: A Theoretical Framework* // Journal of Borderland Studies. 2003. Vol. 1. No. 18. P. 13–24; Kolossov V. *Border Studies: Changing Perspectives and Theoretical Approaches* // Geopolitics. 2005. Vol. 4. No. 10. P. 606–632; Brunet-Jailly E. *Toward a Model of Border Studies* // Journal of Borderland Studies. 2004. Vol. 1. No. 19. P. 1–18; Anderson J., O'Dowd L. *Borders, Border Regions and Territoriality: Contradictory Meanings, Changing Significance* // Regional Studies. 1999. Vol. 7. No. 33. P. 593–604.

3 Об идентичностях пограничных регионов см.: Laven D. and Baycroft T. *Border regions and identity* // European Review of History – Revue Europeenne d'Histoire. 2008. Vol. 15. № 3. P. 255–275; Sahlins P. *Boundaries: The Making of France and Spain in the Pyrenees*. Berkeley, CA: University of California Press, 1989; Wilson T., Donnan H. (eds.) *Border Identities: Nation and State at International Frontiers.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Hastings D., Wilson T.M. *Borders: Frontiers of Identity, Nation and State*. Oxford: Berg, 1999. P. 63–86. Обзор современной научной литературы, посвященной идентичности и политике идентичности в культурном пространстве пограничья, см.: Филиппова О.А. *Концепт Пограничья в контексте политик идентичности (историография)* // Гринченко Г., Кравченко В., Мусиездов А.,Филиппова О. *Представления о «Пограничье» и практики их использования.* Моногр.

4 Newman D. *Borders and Bordering*… P. 173.

5 Hagen M. *Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era* // American Historical Review. 2004. Vol. 109. No. 2. P. 445–468; *Новая имперская история постсоветского пространства.* Казань, 2004.

6 Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa*: *History and Place in Contemporary Ukraine.* Toronto; Buffalo; London. University of Toronto Press, 2008.

7 О связи границы с проблемами национального самоопределения, интеграции и дезинтеграции см.: Cobban A. *The Nation State and National Self-Determination*. London: Collins/Fontana, 1969. P. 295–299; Prescott J.R.V. *The Geography of Frontiers and Boundaries.* Chicago: Aldine Publishing Company, 1965. P. 109–178; Coakley J. *National Territories and Cultural Frontiers: Conflicts of Principle in the Formation of States in Europe* // Frontier Regions in Western Europe / Ed. by M. Anderson. London, 1983. P. 34–49; Donnan H., Wilson T.M. *Borders: Frontiers of Identity, Nation and State.* Oxford: Berg, 1999. P. 63–86 and passim.

8 Обзор специальной литературы см.: Чорновол І. *Фронтири Росії* // Критика. 2007. № 6. См. также: Каппелер А. *Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках* // Ab imperio. 2003. №1. [http://abimperio.net/scgibin/aishow.pl?state=showa&idart=670&idlang=2&Code=i3DYW2o01qwgj1M999TJIJiyK]; Savage W.W., Thompson J.S.I. *The Comparative Studies of the Frontier: An Introduction* // The Frontier. Comparative Studies. Bd. 2. Norman, 1979. P. 3–24; Turner B.M. *Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": The Nationalist Signification of Open Spaces* // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. No. 3. P. 473–511; *Frontier and region: essays in honor of Martin Ridge* / Ed. by R.C. Ritchie, P.A. Hutton. 1st ed. San Marino: Huntington Library Press; Albuquerque: University of New Mexico Press, 1997.

9 Об украинско-русских отношениях в истории и по поводу истории см.: *Ukraine and Russia in Their Historical Encounter*. Edmonton, 1992; Shulman S. *Competing versus Complementary Identities: Ukrainian-Russian Relations and the Loyalties of Russians in Ukraine* // Nationalities Papers. 1998. Vol. 26. No. 4. P. 616–628; Lieven A. *Ukraine and Russia. A Fraternal Rivalry.* Washington: United States Institute of Peace Press, 1999; Plokhy S. *The Ghosts of Pereyaslav: Russo-Ukrainian Historical debates in the Post-Soviet Era* // Europe-Asia Studies. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 489–505; Kohut Z. *History as a Battleground: Russian-Ukrainian Relations and Historical Consciousness in Contemporary Ukraine*. Saskatchewan, 2001; Kuzio T. *Historiography and National Identity Among the Eastern Slavs: Toward a New Framework* // National identities. 2001. No. 2. Vol. 3. P. 110–133; Molchanov M. *Political Culture and National Identity in Russian-Ukrainian Relations*. College Station: Texas A&M University Press, 2002; Kappeler A. et al. (eds.) *Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian Russian Encounter, 1600–1945.* Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies, 2003.

10 По вопросу о разнице в типах национальных проектов на Востоке и Западе Европы см. публикации Т. Кузьо, а также недавние исследования Ф. Бьорглунда.

11 Shulman S. *The contours of civic and ethnic national identification in Ukraine* // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 1 (Jan.). P. 35–56; Ibid. *Region, Identity, and Political Authority in Ukraine* // Journal of Ukrainian Studies. 2001 (published 2003); Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. *Nation-Building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Glenn G. *Nation Building and Nationalism in Independent Ukraine: Theoretical Perspectives* // Journal of Ukrainian Studies. 2001 (published 2003); Kuzio T. *National Identity in Independent*

Ukraine: An Identity in Transition // Nationalism and Ethnic Politics. 1996. Vol. 2. No. 4 (Winter). P. 582–608; Ibid. *Identity and Nation Building in Ukraine: Defining the 'Other'* // Ethnicities. 2001. Vol. 1. No. 3 (Dec.). P. 343–366; Pirie P.S. *National Identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine* // Europe-Asia Studies 1996. Vol. 48. No. 7 (Nov.). P. 1079–1104; Wilson A. *Elements of a Theory of Ukrainian Ethno-National Identities* // Nations and Nationalism. 2001. Vol. 8. No. 1 (Jan.). P. 31–54; Sharon W.L., Zviglyanich V. (eds.) *Ukraine: The Search for a National Identity.* Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000.

12 *Fall of an empire, the birth of a nation: National identities in Russia* / Ed. by C.J. Chulos, T. Piirainen. 2000; *The Russian Nation: Historical Destiny in the Twentieth Century* // Russian Studies in History. 1998. Vol. 37. No. 2 (Fall); Tolz V. *Forging the Nation: National Identity and National-Building in Post-Communist Russia* // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 6 (Sept.). P. 993–1102; Bradshaw M., Prendergrast J. *The Russian Heartland Revisited* // An Assessment of Russia's Transformation Eurasian Geography and Economics. Vol. 46. No. 2. P. 83–122; Billington J.H. *Russia in Search of Itself*. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004; Rowley D.G. *Imperial Versus National Discourse: The Case of Russia* // Nations and Nationalism. 2000. Vol. 6. No. 1. P. 23–42; Hosking G. *Can Russia become a Nation-State?* // Nations and Nationalism. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 449–462.

13 Попытку проследить историю украинско-российской границы на материале Донбасса предпринял Гироаки Куромия (см.: K. Hiroaki. *Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s-1990s.* Cambridge: Cambridge UP, 1998. Украинский перевод – Київ, 2003).

14 Szporluk R. *Russia, Ukraine…*; Solchanyk R. *Ukraine and Russia. The Post-Soviet Transition.* Lanham, Boulder, New York: Rowman & Littlefield, 2001; *Россия – Украина: История взаимоотношений.* Сб. ст. М., 1997; *Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3 томах* / Ін-т історії України НАН України, 2004; Kappeler A., Kohut Z.E., Sysyn F.E., Hagen M. (eds.) *Culture, Nation and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945)*.

15 *Ющенко рассчитывает на объективное расследование инцидента на границе с РФ* // Главное: новости, аналитика. Интернет-обозрение из Харькова (http://glavnoe.ua/news/n38370)

16 Sasse G. *The «New» Ukraine: A State of Regions* // Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union: Regions in Conflict / Eds. J. Hughes, G. Sasse. London: Frank Cass, 2002. P. 69–100; *Ethnicity and Territory in the Former Soviet Union: Regions in Conflict* / Eds. J. Hughes, G. Sasse. London: Frank Cass, 2002; Nemiria G. *Regionalism: An Underestimated Dimension of State-Building* // Ukraine: The search for a national identity / Ed. by Sh.L. Wolchik, V. Zviglianich. 2000. P. 183–198; Barrington L.W., Herron E.S. *One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences* // Nationalities Papers. 2004. V. 32. N. 1. P. 53–86.

17 Верменич Я. *Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні.* Київ, 2003; *Регіональна історія України.* Зб. наук. статей. Вип. 1. 2007; Вип. 2. 2008.

18 Чабан А.Ю. *Середнє Подніпров'я.* В 2 т. Черкаси, 1999; Brown K. *A Biography of No Place. From Ethnic Borderland to Soviet Heartland.* Cambridge MA: Harvard University Press, 2004; Сухий О.М. *Галичина: між Сходом і Заходом.* Нариси історії XIX – початку XX ст. 2-е вид. Львів, 1999; Aberg M. *Putnam's Social Capital Theory Goes East: A Case Study of Western Ukraine and L'viv* // Europe-Asia Studies. 2000. Vol. 52. No. 2 (Mar.). P. 295–317; Magocsi P.R. *The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont.* Toronto:

U Toronto Press, 2002; Batt J. *Transcarpathia: Peripheral Region at the 'Centre of Europe'* // Regional and Federal Studies. 2002. Vol. 12. No. 2 (Summer); Matsuzato K. *Elites and the Party System of Zakarpattya Oblast': Relations among Levels of Party Systems in Ukraine* // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. No. 8 (Dec.). P. 1267–1299; Madi I. *Carpatho-Ukraine* // Contested Territory. Border Disputes at the Edge of the Former Soviet Empire / Ed. T. Forsberg. Aldershot: Elgar, 1995. P. 128–242.

19 Pirie P. *National identity and Politics in Southern and Eastern Ukraine*. Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 7. P. 1079–1104; Кононов І.Ф. *Донбас в етнокультурних координатах України (соціологічний аналіз)*. Автореф. дис. … д-ра соц. наук / НАНУ; Ін-т соціології. Київ, 2005; Siegelbaum L.H., Walkowitz D.J. *Workers of the Donbass Speak: Survival and Identity in the New Ukraine, 1989–1992.* Albany: State U of New York. P. 1995; Hans van Zon, Batako A., Kreslavska A. *Social and Economic Change in Eastern Ukraine: The Example of Zaporizhia.* Aldershot: Ashgate. 1998; Fournier A. *Mapping Identities: Russian Resistance to Linguistic Ukrainisation in Central and Eastern Ukraine* // Europe-Asia Studies. 2002. Vol. 54. No. 3 (May). P. 415–433; Malanchuk O. *Social Identification versus Regionalism in Contemporary Ukraine* // Nationalities Papers. 2005. Vol. 33. No. 3 (Sept.). P. 345–368; *Львів – Донецьк: Соціяльні ідентичності в сучасній Україні* (Україна модерна. Спец. вип.). Ред. Я. Грицак, А. Портнов, В. Сусак. Київ, 2007.

20 Rodgers P.W. *Contestation and negotiation: regionalism and the politics of school textbooks in Ukraine's eastern borderlands* // Nations and nationalism. 2006. Vol. 12. Part. 4 (Oct.). P. 681–698; Болдецкая О. *Особенности пограничного региона и их влияние на этнонациональную идентичность (по материалам социологических исследований в Харьковской и Белгородской обл.)* // Региональные проблемы и перспективы. 1997. № 3. С. 53–58; Zhurzhenko T. *Cross-border cooperation and transformation of regional identities in the Ukrainian-Russian borderlands: towards a Euroregion «Slobozhanshchyna»?* // Nationalities Papers. 2004. № 1. P. 207–232 [Part 1], 497–551 [Part 2]; Søvik M.V. *Support, Resistance, and Pragmatism. An Examination of Motivation in Language Policy in Kharkiv, Ukraine.* Stockholm University, 2008.

21 См. подробнее: Wyrobisz A. *O pojmowaniu regionów historycznych w nauce polskiej* // Kwartalnik historyczny. 1986. No. 1 (K-1932); Верменич Я. *Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні*. Київ, 2003; Aust M. *Writing the Empire: Russia and the Soviet Union in Twentieth-Century Historiography European* // Review of History – Revue europe´enne d'Histoire. 2003. Vol. 10. No. 2. P. 375–376.

22 Troebst S. *Introduction: What's in a Historical Region? A Teutonic Perspective* // European Review of History – Revue europe´enne d'Histoire. 2003. Vol. 10. 2. P. 173–188.

23 Paasi A. *The institutionalization of regions: a theoretical framework for understanding the emergence of regions and the constitutions of regional identity* // Fennia. 1986. Vol. 164. P. 105–146; Idem. *Place and region: regional worlds and words* // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26. No. 6. P. 802–811; Idem. *Region and place: regional identity in question* // Progress in Human Geography. 2003. Vol. 27. P. 475. [http://phg.sagepub.com]

24 Paasi A. *Bounded Spaces in the Mobile World: Deconstructing «Regional Identity»* // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. No. 2. P. 137–138.

25 Ibid. P. 139–140. См. также: Keating M. *Rethinking the Region. Culture, Institutions, and Economic Development in Catalonia and Galicia* // European Urban and Regional Studies. 2001. No. 8. P. 217–234.

26 Paasi A. *Bounded Spaces in the Mobile World…* P. 146.

27 Ibid. P. 477.

[28] Григорьянц М. *Формирование культурного региона: проблемы сравнительного анализа* // Регион. 1997. № 4. С. 37–39; Herr Ch. *Critical Regionalism and Cultural Studies: from Ireland to the American Midwest.* 1996.

[29] Harasymiw B. *Post-Communist Ukraine.* P. 316.

[30] Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* Touchstone Rokfeller Center, 1997. P. 165–168.

[31] Рябчук М. *Дві України: реальні межі, віртуальні війни*. Київ, 2003; Він же. *Дві України* // Критика. 2001. Ч. 10; http://krytyka.kiev.ua/articles/s4-10-2001.html; http://dialogs.org.ua/ru/material/full/2/1332

[32] Грицак Я. *Двадцять дві України* // Его же. Страсті за націоналізмом. Історичні есе. Київ, 2004. С. 216–228; Погоріла Н. *Регіональні поділи в Україні: кілька заперечень проти дихотомії «Схід-Захід»* [http://dialogs.org.ua/project_ua_full.php?m_id=1332, 29 червня 2004]; Zhurzhenko T. *The Myth of Two Ukraines* [http://www.eurozine.com/articles/2002-09-17-zhurzhenko-en.html]; Szporluk R. *Why Ukrainians are Ukrainians?* [www.eurozine.com/articles.2002-09-17-szporluk-en.html].

[33] О применимости концепции *entangled histories* к американско-испанскому пограничью см. дискуссию в: *American Historical Review*. June, 2007 (E.H. Gould, J. Can izares-Esguerra); в отношении к Центральной и Юго-Восточной Европе – C. Iordachi. *"Entangled Histories:" Rethinking the History of Central and Southeastern Europe from a Relational Perspective* // Regio, Minorities, Politics, Society English Edition, 2004. Issue 1. P. 113–147 (www.ceeol.com).

[34] Downs R.M., Stea D. *Maps in Minds. Reflections on Cognitive Mapping.* NY, 1977; Шенк Ф.Б. *Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней* // НЛО. 2001. № 6 (52). С. 42–61; Миллер А.И. *Ментальные карты историка. И связанные с ними опасности* [http://mion.sgu.ru/mion/empires/docs/mental.doc].

[35] О соотношении регионального и национального в европейских национальных государствах см.: Umbach M. *Nation and Region. Regionalism in Modern European Nation-States* // What is a Nation? *Europe 1789–1914* // Ed. by T. Baycroft, M. Hewitson. Oxford University Press NY, 2006. P. 63–80; применительно к истории Российской империи см.: Miller A. *Between Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm* // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 1 (Winter). P. 7–26; в немецкой истории – см.: Applegate C. *A Nation of Provincials: The German Idea of Heimat*. Berkeley: University of California Press, 1990; Confino A. *The Nation as Local Metaphor*: *Württemberg, Imperial Germany and National Memory, 1871–1918*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997; украинский контекст – см.: Нагорна Л. *Феномен регіоналізму і національна ідентичність в Україні: історичні витоки* // Регіональна історія України. Зб. наук. ст. Вип. 1. 2007. С. 107–122.

[36] Magocsi P.R. *The Ukrainian National Revival: A New Analytical Framework* // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1989. Vol. XVI. No. 1–2. P. 45–62; Idem. *A History of Ukraine.* Toronto, 1996; Kappeler A. *The Ukrainians of the Russian Empire, 1860–1914* // The Formation of National Elite (comparative studies on governments and non-dominant ethnic groups in Europe, 1850–1940). Vol. VI. NY, 1991. P. 105–132; Когут З. *Коріння ідентичности. Студії з ранньомодерної та модерної історії України.* К.,2004; *Історичні пошуки ідентичності: Українсько-німецький колоквіум*. Київ, 2004; Середа В. *Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні*: Автореф. дис ... канд. соціол. наук. Київ,

2006; Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus.* Cambridge University Press, 2006; и др.

37 См.: Kuzio T. *The myth of the civic state: a critical survey of Hans Kohn's framework for understanding nationalism'* // Ethnic and Racial Studies. 2002. No. 25. P. 20–39.

38 Миллер А.И. *«Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий* // Российская история. 2009. № 1. С. 154.

39 Rogger H. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. P. 3–4. А.И. Миллер помещает русский национализм в хронологические рамки от 1830-х гг. до начала XX в. (Миллер А. *Формирование наций у восточных славян в XIX в. – проблема альтернативности и сравнительно-исторического контекста* [http://empires.ru/docs/miller.doc]. См. также: Miller A.I. *The Ukrainian Question* // The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Central European University Press, 2003. P. 8.

40 Грицак Я. *Парадокси української модернізації* // Его же. *Страсті за націоналізмом. Історичні есеї.* Київ, 2004. С. 37–45; Смит Э. *Национализм и модернизм.* Критический обзор современных теорий нации и национализма. М., 2004.

41 Критика немецкой историографии за неспособность учесть региональное своеобразие немецкой истории и т.н. «пруссоцентризм» – см.: Confino A. *The Nation as a Local Metaphor...* P. 7.

42 Брубейкер Р., Купер Ф. *За пределами «идентичности»* // Ab Imperio. 2002. № 3: 61–114. С. 66; Côté J.E. *Editor's Note: The Hope and Promise of Identity Theory and Research* // Identity: an International journal of theory and research. 2001. No.1. P. 1–5.

43 Berger S. *History and Forms of Collective Identity in Europe: Why Europe Cannot and Should Not be Built on History* // The Essence and the Margin. National Identities and Collective Memories in Contemporary European Culture / Ed. by L. Rorato, A. Saunders. Amsterdam; New York, NY 2009. P. 21–36, здесь – с. 21.

44 Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus.* Cambridge University Press, 2006.

45 Abbott C. *Reading Urban History: Influential Books and Historians* // Journal of Urban History. 1994. No. 21 (Nov.). P. 31–43; Dyos H.J. *Agenda for Urban Historians* // Dyos H.J. (ed.). The Study of Urban History. 1968. P. 1–46; Mohl R. *Urban History* // Woolf D.R. (ed.) Making History: A Global Encyclopedia of Historical Writing. 1997; Spodek H. *Toward a Usable World Urban History* // Journal of Urban History. 1990. No. 17 (Nov.) P. 98–105; Stave B. *A Conversation with Thomas Bender, Urban History as Intellectual and Cultural History* // Journal of Urban History. 1988. No. 14 (Aug.) P. 455–491; Stelter G. *A Regional Framework for Urban History* // Urban History Review. 1985. No. 13 (Feb.). P. 193–206; Wrigley E.A. *City and Country in the Past: A Sharp Divide or a Continuum?* // Historical Research. 1991. No. 64 (June). P. 107–120.

46 Liber G.O. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR 1923–1934.* 2002; Czaplicka J. (ed.) *Lviv: A City in the Crosscurrents of Culture/2004*; Hewryk T.D. *Planning of the Capital in Kharkiv* // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. 16. No. 3/4 (Dec.); Qualls K.D. *Imagining Sevastopol: History and Postwar Community Construction, 1942–1953* // National Identities. 2003. Vol. 5. No. 2. P. 124–139 and othrs.

47 *Д.И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность.* Харьков, 1990; *«Росія», «Малоросія», «Україна» в російській історіографії другої половини XVIII – 20-х років XIX ст.* // Збірник Харк. істор.-філол. т-ва. Нова серія. 1995. Т. 5. С. 3–16; *«Малоросія» та «Україна» в часі і просторі вітчизняної літератури др. пол. XVIII –*

поч. XIX ст. // Осягнення історії. Зб. наук. праць на пошану професора Миколи Павловича Ковальського з нагоди 70-річчя. Острог; Нью-Йорк. 1999. С. 318–323; *Регіональна ідентичність Слобожанщини в історичній перспективі XVIII – початку XX ст.* // Українсько-російське порубіжжя: формування соціального та культурного простору в історії та сучасній політиці. Зб. м-лів семінару Київ. проекту Ін-ту Кеннана та філос. фак. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна, 11 квітня 2003 р. Київ, 2003. С. 44–48; *Університет для України* // Схід-Захід. 2005. Вип. 7. Спец. видання. Університети та нації в Російській імперії. С. 120–166; *Kharkiv: A Borderland City* // The City After the Fall of Communism: Reshaping Cultural Landscapes and European Identity / Ed. J.J. Czaplicka, N. Gelazis, B.A. Ruble. Washington: Woodrow Wilson Press, 2009.

ГЛАВА 1. СТЕПНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ

Пространство

Территория Слобожанщины расположена на стыке природно-климатических областей лесостепи и степи, не имеющих ярко выраженных природных рубежей и плавно понижающихся от севера к югу, определяя направление ее основных рек – Псла, Ворсклы, Северского Донца, Оскола. Исключение представляет невысокий Донецкий кряж, разделяющий реки вместе с их многочисленными притоками на два бассейна – Днепровский и Донской, принадлежащих к Черному и Азовскому морям соответственно[1]. Можно заметить, что первый из них охватывал территорию земледельческой, оседлой культуры народов лесостепи, в то время как последний чаще оказывался в сфере влияния преимущественно кочевой культуры народов т.н. Великой Степи.

Реки традиционно использовались переселенцами из лесостепи для продвижения в богатую природными ресурсами черноземную степь и далее к морю. Лесные массивы, а также болота и озера, создаваемые реками, защищали оседлое население от набегов степных кочевников. Последние при этом использовали старинные сухопутные «шляхи», или «сакмы», простиравшиеся навстречу рекам по водоразделам ровной возвышенной местности. Названия некоторых из них высветились в письменной традиции только в конце XVI – XVII в.: Муравский, Изюмский, Кальмиусский, Бакаев. Реки и степные шляхи можно считать первыми, природными маркерами будущей Слобожанщины.

Социальные и культурные границы региона – явление более позднего времени, насколько можно судить об

этом по имеющимся источникам. Эти границы возникали по мере освоения степи и закреплялись благодаря появлению здесь постоянного населения. Встречное движение народов лесостепи и степи с незапамятных времен придавало региону характер широкой контактной зоны, лишенной поначалу четко выраженных границ и разделительных линий, но соединенной транзитными маршрутами, использовавшимися для торговли, войны и обмена информацией[2].

Нет ничего удивительного в том, что взгляд постороннего наблюдателя долгое время перемещался по этому пространству, нигде не задерживаясь. История и география края до начала Нового времени не были отмечены узнаваемыми символами и в целом мало заметны на фоне событий, придавших некогда символическое значение Крыму, Причерноморью, Днепру, Дунаю или Дону. Возникавшие на территории Великой Степи социальные и политические общности разных народов соприкасались на просторах будущей Слобожанщины в основном своими окраинами. По крайней мере, это можно с определенностью сказать о временах скифов и сармат, Великого переселения народов и Хазарского каганата, Киевской Руси, печенегов и половцев, а также Золотой Орды.

В XII в. «днепровская» часть Слобожанщины стала пограничьем Переяславского и Чернигово-Северского княжеств Киевской Руси, в то время как «донская» вошла в состав Половецкой степи – Дешт-и-Кыпчак[3]. Условная граница между названными территориями в основном совпадала с природно-климатической границей между лесостепью и степью. В поэтически воображенном мире «Слова о полку Игореве» эти две территории, как известно, различаются, соответственно, в качестве «земли русской» и «земли половецкой»[4]. По мнению некоторых историков, битва русских князей с половцами, описанная в этом памятнике и упомянутая в Ипатьевской летописи под 1185 г., произошла на юго-востоке современной Харьковской области, в районе города Изюма[5]. В связи с этим необходимо отметить, что «половецкий» маркер территории, известной впоследствии под именем Слободской Украины и Харьковщины, оказался для нее одним из наиболее устойчивых. Он оставил о себе напоминание в виде многочисленных каменных фигур – статуй, устанавливавшихся на придорожных курганах. Историческая память о половецком владычестве надолго пережила относительно короткое господство над Степью Золотой Орды (XIII – середина XIV в.).

Наследники Золотой Орды – Крымское ханство и подвластные ему кочевые татарские орды в Северном Причерноморье – также оставили глубокий след в историческом наследии Степи. Топонимика Харьковщины не случайно сберегает до сего дня тюркские корни[6]: в названиях рек (Айдар, Балаклея, Тор), древних городищ (Торчиново, Азацкое, Кукуево) и современных городов (Ахтырка, Изюм, Балаклея, Бурлук, Чугуев). Крупнейший

историк края Д.И. Багалей имел основания полагать, что Слобожанщина, по крайней мере частично, в нижнем течении Донца, была местом постоянных поселений и укрепленных пунктов татар, занимавшихся здесь сельским хозяйством, скотоводством, промыслами, охотой и рыбной ловлей[7]. Это давало им основания считать данную территорию своей собственностью и в некоторой степени объясняет ожесточенность степной войны второй половины XVII – начала XVIII в.

Междоусобица, разорвавшая на части созданную монголами Золотую Орду, падение Византийской империи и связанной с нею Киевской Руси создали политический вакуум в Степи, который вскоре попытались заполнить новые государства: Крымское ханство; Великое княжество Литовское, вобравшее в себя большую часть киевского наследия; его основной соперник на этом поприще – Московское Великое княжество; наконец, объединенная Речь Посполитая и со-наследник Византийской империи – Османский султанат, установивший контроль над Причерноморьем.

В XV–XVI вв. территория будущей Слобожанщины в геополитической перспективе представляла собой часть обширной незаселенной территории, своеобразной буферной зоны, разделявшей и соединявшей государства Крыма, России и Речи Посполитой. На степных окраинах каждого из них к тому времени возникли новые военно-демократические формирования казацкого типа: Запорожская Сечь, Войско Донское, кочевые татарские орды. Видимо, есть смысл напомнить, что в XVI–XVII вв. казацкие политии выступали в роли серьезного соперника для любого государства. Не упоминая в этой связи хорошо известные события из истории Москвы, Речи Посполитой и Молдавии, достаточно вспомнить печальную судьбу Сибирского ханства, завоеванного немногочисленным войском казачьих «конкистадоров».

Не удивительно, что каждое из государств, которые вели борьбу за влияние в Степи, стремилось заручиться поддержкой тех или иных казацких сообществ, сознавая в то же время опасность подобных союзов для себя. В свою очередь, для казаков соседние государства могли выступать попеременно в роли «работодателя» или объекта грабежа. В первом случае казачество предлагало свои услуги отдельным государствам-соперникам, получая взамен жалованье вместе с легитимизацией собственного, привилегированного в их глазах, статуса. Во втором случае оно навязывало свою службу тому или иному правительству или демонстрировало ему собственную силу, не говоря уже о сугубо прагматических целях подобных мероприятий. Военно-политическая ситуация в Степи менялась довольно часто, поэтому вчерашние союзники легко превращались во врагов и наоборот.

К середине XVII в. наибольших преимуществ в борьбе за Степь добилось Московское государство[8]. Неторопливо, но с завидным упорством, начиная с XVI в. Москва продвигала на юг свои «острожки» и крепости, отгоражива-

ясь от возможных нападений со всех сторон оборонительными «чертами» и «линиями» и, в свою очередь, предпринимая наступательные действия в степном пограничье[9]. Вновь построенные крепости и оборонительные рубежи заселялись, как правило, русскими служилыми людьми. О важности Степи для Москвы говорит тот факт, что на протяжении XVI–XVIII вв. на южном степном направлении сосредоточивалась почти половина всех вооруженных сил Московского государства[10].

Рука об руку с военной, иногда опережая ее, развивалась церковная, православная колонизация Степи. Монастыри и церкви, возникая в отдаленных и опасных для жизни местностях, маркировали религиозное православное пространство, словно указывая дальнейшее направление правительственной политике. В качестве примера такого рода можно назвать Святогорский монастырь, возникший далеко в Степи задолго до ее массового заселения[11].

Москва постоянно прибегала к религиозной аргументации, доказывая «законность» своих притязаний на Степь не только соображениями безопасности, но и необходимостью «защищения святых Божьих церквей и целости и покоя христианского от бусурманских татарских безвестных приходов...»; об этом говорится, например, в докладной записке, представленной в 1681 г. из Разрядного приказа в Боярскую Думу по поводу строительства оборонительных сооружений на Муравской, Калмиуской и Ногайской сакмах, начатых по указу царя Михаила Федоровича еще в 1621 г.[12]

Постепенное включение Степи в новую геополитическую систему координат, возникновение и взаимодействие на ее территории различных политических образований, появление здесь постоянного населения – все это так или иначе вызывало необходимость наполнения географического пространства социальным содержанием. Неотъемлемым атрибутом такого процесса стало разграничение и картографирование Степи, начавшиеся приблизительно с конца XVI – начала XVII в.

Границы

Попытки лимитации внешних границ, разделявших степные владения сопредельных государств, предпринимались в разное время правительствами Литвы, Речи Посполитой и Московского государства, хотя этот процесс так и не был, да и не мог быть завершен ни одной из заинтересованных сторон без появления здесь постоянных жителей. По этой причине территория будущей Слобожанщины, располагавшаяся в сфере преимущественного политического влияния Москвы и Речи Посполитой, может изучаться одновременно при помощи двух категорий – фронтира и пограничья.

М. Ходарковский, говоря об истории России XVI–XVIII вв., под фронтиром понимает регион, составляющий окраину заселенной или освоенной

территории, определенный политико-географический ареал, в отличие от территории, уже интегрированной в некое политическое пространство[13]. Дж. Адельман и С. Арон определяют фронтир в качестве своеобразной буферной, или контактной, зоны между народами, чьи географические и политические границы не были четко определены[14].

В русском языке понятие «фронтир», использующееся в изучении русской истории[15], приобретает иногда не столько географический или культурный, сколько некий милитарный смысл. Поэтому ближайшим аналогом ему часто выступает более широкий по значению термин «порубежье», стоящий ближе к понятию контактной зоны, в то время как «пограничье» все же более относится к территории, определяемой политической границей, разделяющей государства, а также к хорошо определенным культурным, религиозным или языковым областям.

Если посмотреть на территорию Слобожанщины со стороны Речи Посполитой, как это делал французский инженер на польской службе Г.Л. де Боплан, она приобретает качества пограничья. Сам Боплан, определяя государственную границу между Речью Посполитой и Россией по Днепру, признавал право Москвы на значительную часть так называемых Диких полей на левом берегу Днепра, который он именовал «московской стороной», отличая его таким образом как от днепровского правобережья, т.е. от земель Речи Посполитой, называемых им «рускими», так и от собственно Крымских владений, выступавших под названием «стороны Тартарии»[16].

Граница между Московским государством и Речью Посполитой обладала также чертами порубежья, или фронтира. Во многих документах она определяется как «путивльское порубежье», которое включало в себя, наряду с другими поселениями, т.н. Ахтырское городище, позднее ставшее местом возникновения казацкого полкового города-крепости Ахтырки. Путивльское порубежье долгое время оставалось спорной территорией между Московским государством и Речью Посполитой.

Характерно, что когда польская сторона в 1634 г. предложила московской маркировать границу между ними при помощи земляных курганов, каменных столпов и надписей, русское правительство отказалось это сделать, отговариваясь тем, что «в Московском государстве таких обычаев не повелось» и «дело учинилось по божией воле, а не для столпов и бугров бездушных»[17]. При этом явно имелась в виду подвижность пограничья и возможность изменения соотношения сил в этом регионе, с учетом роли, которую в этом случае могло сыграть украинское казачество, привлекаемое русским правительством на постоянную службу.

Известно, что политическая Смута конца XVI – начала XVII в., в которой активную роль сыграли запорожцы, на какое-то время приостановила продвижение Москвы в Степи и даже отодвинула российские оборонитель-

ные рубежи назад, к Белгороду, Курску и Воронежу. Казацкие войска участвовали во всех войнах и походах, организовывавшихся против Москвы польским правительством и/или магнатами в первой трети XVII в. При этом чаще всего объектом казацкой активности становились «украинные» русские города и крепости.

Достаточно вспомнить, что украинский казацкий предводитель Яков Острянин, прежде чем быть принятым на московскую службу в 1638 г. и стать основателем города-крепости Чугуева, «заслужил» это право захватом г. Валуек и сожжением Белгородского острога пятью годами ранее[18]. Пользоваться услугами подобных союзников было небезопасно, но и отказаться от них московское правительство иногда не желало, а иногда – не могло... В этой связи вывод Брайана Боека о том, что политика московского правительства на степной границе определялась не столько имманентной тягой к экспансии, сколько слабостью и уязвимостью позиций России в регионе, выглядит достаточно убедительным[19].

Если граница Москвы с Речью Посполитой оставалась очерченной весьма приблизительно, то границы с Крымским ханством как таковой в современном понимании слова не существовало вообще. Москва, тем не менее, придавала громадное значение степному порубежью. Свидетельством его практического и ментального освоения русским правительством можно считать знаменитую «Книгу Большому Чертежу», созданную в конце XVI в. и представляющую собой детальное описание территории, лежащей на крымском направлении[20].

Пространство будущей Слобожанщины в этом документе выглядит узкой длинной полосой, соединяющей Москву с Крымом и определяемой в основном при помощи степных «шляхов»: Изюмского, Кальмиусского и Муравского; последний среди них занимает центральное место. Именно здесь соприкасались условные границы Киевского княжества Литвы, позднее – воеводства Речи Посполитой, и Московского государства[21]. Составителей «Книги Большому Чертежу» интересовали прежде всего природные особенности местности: реки, леса, овраги, броды, – а также оборонительные сооружения: острожки, городки, засеки, рвы, использовавшиеся для защиты от татар. В качестве основных ориентиров использовались, кроме того, разбросанные здесь с незапамятных времен каменные бабы.

То, что земли будущей Слобожанщины нашли столь подробное описание в «Книге Большому Чертежу», подчеркивает стратегическое значение, которое сохранял этот регион для московских властей в XVII в. Впрочем, в «Книге...» ему присущи все признаки транзитной территории без четких разделительных линий и внешних очертаний. Даже спустя несколько десятилетий после возникновения пяти слободских казацких полков, «визитной карточкой» занятых ими земель все еще оставался Муравский шлях; в та-

ком качестве он фигурирует и на карте Г. Боплана, переизданной Мовзесом Питтом в 1680 г. в Лондоне[22], и в стихотворении украинского поэта Олександра Бучинского-Яскольда, относящегося к 1678 г.[23]

Борьба за Степь вступила в решающую фазу в середине – второй половине XVII в., когда в эпицентре геополитического четырехугольника (Речь Посполитая, Россия, Турция с Крымом и Швеция) возникло, под руководством Богдана Хмельницкого, новое казацкое государство – Гетманат. Самим фактом своего существования оно нарушило сложившийся баланс сил в регионе, спровоцировав многолетнюю войну со всеми и между всеми своими соседями.

Ключевую, стратегически важную роль в процессе нового витка борьбы за Степь сыграл русский Белгород, построенный в конце XVI в. Он занял центральное место в созданной в 1635–1695 гг. системе крепостей и дал ей свое имя[24]. Военно-стратегическое значение этого мощного «укрепрайона», стратегического плацдарма на пути продвижения Москвы к Черному морю и бастиона в противостоянии с Речью Посполитой в полной мере обнаружилось во второй половине XVII в., когда русские войска использовали его в качестве основной базы для сосредоточения сил, действовавших как на украинско-польском (западном), так и крымском (южном) направлениях.

Война за доминирование на восточной окраине Европы охватила в середине XVII – начале XVIII в. практически все государства региона, в результате чего более современные военно-бюрократические империи Габсбургов, Романовых и Осман доказали и упрочили свое превосходство над политическими образованиями военно-демократического (дворянско-шляхетского и казацкого) типов, включая Речь Посполитую, Венгрию, Крым, а также украинский казацкий Гетманат[25]. Территория последнего была разорвана на куски более сильными соседями, из которых Россия получила более других.

Кардинальные изменения в геополитической конфигурации Восточной Европы сопровождались возникновением на границе степи с лесостепью в середине XVII в. нового украинского (по этнической принадлежности большинства его постоянных жителей) и, одновременно, российского (по политической принадлежности) региона – Слобожанщины. Его заселение можно считать началом нового этапа в истории Степи, связанного с ее вхождением в состав Российской империи, а также с социально-экономическим и культурным освоением степного пространства.

Массовое переселение украинцев из охваченных войной территорий Речи Посполитой на степное московско-татарское пограничье началось после поражения казацкой армии под Берестечком в 1651 г., хотя отдельные случаи подобного рода имели место и раньше[26]. Каждое новое обострение военно-политической ситуации на Правобережной и Левобережной частях Украины выплескивало оттуда новые волны переселенцев, переходивших

под покровительство Москвы. Этот процесс охватил приблизительно половину столетия и продолжался, по мнению Д.И. Багалея, с 1652 по 1712 г. включительно[27].

Первая волна массовой эмиграции привела к возникновению и/или заселению таких порубежных городков-крепостей, как Острогожск (Рыбинск), Сумы, Лебедин, Харьков, Змиёв, и ряда других. Из них в 1652 г. было сформировано сразу два слободских казацких полка: Острогожский, расположившийся на восточной окраине Белгородской линии, и Сумской, прикрывавший ее западную часть. Нетрудно заметить, что в стратегическом отношении первый из них был нацелен на область Войска Донского, а второй – на Гадячский полк соседнего Гетманата, продолжавшего самоубийственную войну с Речью Посполитой.

Созданный в 1654 г. Ахтырский слободской полк располагался уже ближе к Полтаве, тогда как возникший в одно время с ним Харьковский полк находился посредине, между «днепровской» и «донецкой» частями нового региона, ближе к владениям Запорожской Сечи. Последующие волны украинских колонистов, спасавшихся от Руины в 1660–1680-х гг., привели к образованию Изюмского (1681) и Балаклейского (созданного в 1669 г. и расформированного в 1677 г.)[28] полков, придвигавшихся уже непосредственно к запорожским землям.

По мере заселения территории слободских полков и консолидации территории Гетманата, находившегося в состоянии перманентной войны с Польшей, бывшая политическая граница между Россией и Речью Посполитой трансформировалась в административную, разделявшую теперь уже Гетманат и Слободские полки – казацкие земли, входившие в состав Российской державы[29]. Эта административная граница между двумя украинскими регионами оказалась, как будет показано ниже, достаточно стойкой, несмотря на постоянные изменения политической конфигурации степного порубежья.

Ретроспективно легко заметить, что слободские полки самим фактом своего существования резко изменяли геополитическую ситуацию на степном пограничье в пользу Москвы. С одной стороны, они прикрывали собственно русские (великорусские) земли и города, населенные в конце XVI – первой трети XVII в., от набегов татар. С другой стороны, они выступали в качестве плацдарма для российской армии, получавшей теперь дополнительные возможности для военного и политического давления на казацкие политии Дона, Запорожья и Гетманата.

Впрочем, возникновение на российском степном порубежье постоянных поселений вооруженных колонистов несло с собой для Москвы не только очевидные преимущества, но и определенный политический риск. Российское правительство должно было сохранять постоянный контроль

над слободскими полками, чтобы эти последние не превратились в плацдарм для выступления казацких окраин и недовольных подданных против центральной власти, как это уже не раз происходило в недавней истории Московского государства XVII в.

Противоречивость взаимных отношений казацких колонистов и русского правительства заставляет взглянуть несколько другими глазами на знаменитые крепостные сооружения – засечные черты или линии, возводившиеся в Степи Москвой. Об их защитной роли написано немало специальных трудов. Об их социальной и политической функциях в контексте русско-украинских отношений историки вспоминают далеко не всегда. Между тем именно Белгородская линия выступает в качестве наиболее заметной и влиятельной пограничной черты в истории слободского региона, выполнявшей помимо сугубо оборонительных еще и социальные функции[30].

Возведение Белгородской линии крепостей сопровождалось, да простится автору невольный каламбур, ослаблением крепостной зависимости для русских поселенцев и служилых людей: здесь поначалу принимали даже беглых крестьян, уже ощутивших на себе тяжесть Уложения царя Алексея Михайловича 1649 г. Но как только к степной границе потянулись иностранные колонисты – украинцы из Речи Посполитой, русское правительство немедленно восстановило социальную границу между крепостными и свободными людьми[31]. Белгородская линия стала последним рубежом для русских поселенцев, крепостного права и дальнейшей экспансии военно-административной системы России[32]. В дальнейшем правительство жестко соблюдало границу между украинскими колонистами и собственно русскими подданными.

Д.И. Багалей не случайно определял Слобожанщину как местность за Белгородской линией (чертой) крепостей (если смотреть на нее с московской перспективы), заселявшуюся пришедшими из Польши украинцами[33]. Поселенцы, оказывавшиеся по внутренней стороне Белгородской черты, чаще всего приравнивались к русским служилым людям, независимо от своего происхождения. Те же, которые селились перед Белгородской линией, прикрывая ее со стороны Степи, приобретали право на дополнительные привилегии. Чем дальше от той или иной линии крепостей выдвигалась в степь новая партия поселенцев, тем больше привилегий она получала, и наоборот.

Так, Острогожский слободской полк, расположенный непосредственно на Белгородской линии, испытывал наибольшее давление со стороны местных российских властей, стремившихся ограничить дарованные ему правительством привилегии. В то же время, чугуевские колонисты во главе с Я. Острянином, заселившие в 1638 г. выдвинутый далеко в степь погранич-

ный форпост, крепость Чугуев, получили льготы, намного превосходившие те, которыми наделялись русские пограничники.

Подобную же роль впоследствии играли и другие построенные российским правительством засечные черты: Изюмская и Украинская. Изюмская черта, созданная в 1683 г., способствовала установлению и закреплению южной границы территории слободских полков, в то время как возведение в 1731–1733 гг. новой, Украинской линии крепостей[34] на юге современной Харьковской области и поселение на ее территории собственно русских военно-поместных формирований поставило под угрозу традиционные привилегии слободских украинцев[35].

Именно льготы (слободы) оказались наиболее эффективным средством контроля над новыми поселенцами со стороны Москвы. Этому способствовала, кроме прочего, политическая слабость слободских полков, сформированных в разное время выходцами из разных регионов и социальных слоев украинского общества и не представлявших собой единого целого. «Горизонтальные» связи между ними ограничивались клановыми или сугубо личными интересами, в то время как «вертикальные», связывавшие каждый из них – отдельно – с московской администрацией, обеспечивали им привилегированный социальный статус и благосостояние. Это обстоятельство решающим образом сказывалось на отношениях слобожан с другими казацкими военно-политическими образованиями.

Отношения слободских полков с соседним Гетманатом (Малороссией) в системе постоянно менявшихся геополитических координат придавали дополнительный, политический и социально-правовой смысл пограничной линии, разделявшей два украинских казацких региона. На Слобожанщине с самого начала ее массового заселения оседали, главным образом, люди, недовольные гетманским режимом. Здесь находили прибежище политические оппоненты украинских гетманов, использовавшиеся российским правительством гораздо более эффективно, чем российские самозванцы – украинским казацким руководством. По этой причине слободские полки самим фактом своего существования представляли реальную угрозу для Гетманата, независимо от внешнеполитического курса последнего.

Начиная с Богдана Хмельницкого украинские гетманы пытались либо уничтожить слободские поселения, либо подчинить их своему «регименту». Это особенно наглядно проявилось во время правления гетмана Ивана Выговского, которому весьма досаждали политические противники, нашедшие убежище в слободских полках и поддерживавшие его оппонента, лояльного Москве полковника М. Пушкаря. Отряды Ивана Выговского под командованием полтавского полковника Жученко с союзниками-татарами подошли под Сумы и Ахтырку, призывая их полковников к союзу против Москвы, но безуспешно. Сторонники украинского гетмана потерпели поражение и

были вынуждены отойти. В целом, по мнению Д.И. Багалея, антимосковское восстание И. Выговского мало коснулось слобожан[36].

Передачи слободских полков под гетманский «регимент» долгое время безуспешно добивался лояльный Москве гетман И. Самойлович[37]. Еще один претендент на гетманство, войсковой канцелярист П. Иваненко, заключивший договор о военно-политическом союзе с крымским ханом, предполагал вообще ликвидировать слободские полки, присоединив к Гетманату Сумской и Ахтырский и переведя на Правобережную Украину Харьковский и Острогожский полки. Крымскому хану это снова открывало бы Муравский шлях, использовавшийся для походов против России[38].

Политический характер границы между Слобожанщиной и Гетманатом был продемонстрирован тем, что именно здесь, над речкой Коломак, в 1687 г. под контролем русской армии произошел политический переворот, приведший к власти лояльного Москве гетмана И. Мазепу. Последний получил возможность испытать прочность этой границы, когда союзные ему шведские войска попытались прорваться на московском направлении через слободские полки; они встретили здесь ожесточенное сопротивление в районе Краснокутска, Коломака, Мурафы, Котельвы, Колонтаева и других крепостей[39]. Союзные войска понесли тяжелые потери из-за партизанских действий местных жителей и вынуждены были отойти[40].

С другой стороны, границы между Слободскими полками и Гетманатом приобретали, помимо административно-политического, социальное содержание. В юридических документах времен Гетманата проводится четкая разграничительная линия между слободскими и малороссийским поселениями[41]. В этом отношении гетманские власти следовали той же логике, что и московское правительство, но руководствовались противоположными мотивами. Если царское правительство стремилось размежевать украинское и русское население, дабы не наделять своих подданных «излишними» льготами, то гетманские власти, отделяя свою территорию от Слобожанщины, наоборот, защищали тем самым присущие Гетманату привилегии, намного превосходившие слободские, не говоря уже о собственно русских.

Пограничные территориальные конфликты слободских и гетманских властей разрешались, при помощи московского правительства, как правило, в пользу первых. Именно так закончились многолетние споры по поводу пограничных территорий Сумского и Ахтырского полков с одной стороны и Полтавского и Гадячского – с другой. Спорные земли (в частности, города Котельва, Коломак) остались за слобожанами. Апелляции лояльных к Москве гетманов И. Скоропадского и Д. Апостола в этом случае ни к чему не привели[42].

В целом взаимные отношения политических элит двух украинских казацких регионов – Слободских полков и Гетманата – оставались достаточно

сложными, если не сказать враждебными. Лояльность по отношению к царскому престолу стала для слободских старшин и их потомков предметом особой гордости, влиятельным компонентом коллективной идентичности местного дворянства и основанной на ней мифологии. Со своей стороны, патриоты Гетманата и Малороссии в течение почти полутораста лет сохраняли по отношению к Слобожанщине чувства горделивого превосходства и откровенного пренебрежения[43], характерные для отношений метрополии к своей провинции; это обстоятельство, в свою очередь, наложило позднее свой отпечаток и на украинскую национальную историографию.

Слободские полки представляли угрозу не только для Гетманата, но и для Запорожской Сечи. Выступление против Москвы, которое возглавил гетман И. Брюховецкий в 1668 г., нашло среди слободских поселенцев гораздо больший отклик, чем предыдущее, – вероятнее всего, благодаря активной политике запорожского кошевого атамана Ивана Сирко, имевшего на Слобожанщине, помимо обширных связей, еще и собственные земельные владения[44]. Его поддержали жители не только второстепенных городков – Цареборисова, Змиёва, Валок, Мурафы, Маяцка, – но и полкового центра – Харькова[45]. Правда, с тем же «успехом». Харьков закрыл свои ворота перед запорожцами, которые вскоре потерпели поражение в битве под Чугуевом. Впоследствии, уже в начале XVIII в., запорожские казаки действовали против слободских поселенцев совместно с татарами[46].

Не менее противоречиво складывались взаимоотношения слободских казаков с донскими: они характеризовались пограничными спорами за земли в районе рек Айдар, Жеребец, Красная[47], с одной стороны, и совместными действиями против внешнего врага – с другой. Восстание под руководством С. Разина нашло поддержку в таких слободских городках, как Тор, Маяцк, Валуйки, Змиёв, Золочев, Цареборисов, Балаклея, Богодухов, Чугуев[48]. В 1670 г. острогожский полковник И. Дзиковский, ранее отказавший в поддержке гетманам И. Выговскому, И. Брюховецкому и П. Дорошенко, также принял участие в разинском выступлении[49]. Вероятнее всего, по той причине, что из всех слободских полков Острогожский был в наибольшей степени связан именно с Доном, а не с Запорожьем или гетманскими государствами. В то же время, Харьковский и Сумской слободские полки выступили против разинцев, за что получили причитавшиеся им награды и льготы от Москвы.

Нечто подобное можно было видеть и во время восстания К. Булавина: оно нашло поддержку среди бахмутских солеваров, но натолкнулось на сопротивление слободских казаков. После поражения булавинцев принадлежавшие донским казакам земельные угодья над р. Айдар перешли к Острогожскому полку, а территории по Северскому Донцу были отведены под новосозданную Бахмутскую провинцию[50].

Возникновение пяти слободских полков, которые не только преграждали путь крымским татарам в их завоевательных походах, но и вторгались на территорию, которую последние считали своей собственностью, не замедлило обернуться резким обострением отношений Москвы с Крымским ханством во второй половине XVII – начале XVIII в. Дипломатические ухищрения царского правительства, избегавшего в отношениях с Крымом даже упоминания о своих претензиях на «южные» земли в новой, возникшей в 1655–1656 гг. титулатуре российского монарха[51], не могли ослабить напряжение между двумя государствами.

Разумеется, первыми, кто ощутил это на себе, стали слободские колонисты. Крупные и мелкие татарские отряды в разные годы обрушивались на занятые ими поселения в попытке вернуть статус-кво в этом районе Степи. В ответ Москва организовала два крупных наступательных похода против Крыма под руководством князя В. Голицына и гетмана И. Самойловича, в которых участвовали и слободские казаки. Ожесточенная борьба с многочисленными потерями каждой из сторон продолжалась вплоть до начала XVIII в., хотя окончательно угроза татарских нападений на Слободскую Украину отошла в прошлое лишь с падением Крымского ханства в 1783 г.

Хотя на практике социальные и даже культурные границы между украинцами и татарами часто оказывались не менее прозрачными, чем политические, для слободских колонистов именно татары стали основным «чужим», а борьба с ними приобрела символический характер. Этому способствовала политика и риторика православной церкви, стремившейся наполнить географическое пространство края сакральным смыслом. Слободская региональная элита, создавая собственную историческую мифологию и перечень заслуг перед российским престолом, отвела войне с татарами почетное первое место (второе отводилось «стойкости» в борьбе с гетманами-«изменниками»).

Помимо религиозных маркеров, еще большую стабильность границе с крымскими татарами придавали природно-климатические особенности местности там, где лесостепь переходила в степь[52]. Степной рубеж навсегда отпечатался в исторической памяти слобожан, оставив после себя богатое фольклорное и литературное наследие. Преодолеть его оказалось не под силу даже профессиональным украинским историкам, до сих пор воспевающим подвиги слободских казаков «в борьбе с татарско-турецкой агрессией» и скромно умалчивающим о завоевательных походах «своих» героев и их отнюдь не героическом поведении на чужой территории.

В целом же геополитическая система координат, в рамках которой во второй половине XVII в. происходило заселение территории Слобожанщины, стала одним из наиболее важных факторов формирования местной региональной идентичности. Слободские колонисты с момента своего по-

селения ощущали отдельность от всех своих соседей, но в политическом отношении ориентировались на Москву. При этом слободские полки никогда не играли самостоятельной политической роли в регионе, да, кажется, и не имели такой необходимости, учитывая пестрый социальный состав и прагматическую мотивацию переселявшихся сюда жителей.

Имя

Важнейшую роль в процессе институционализации и концептуализации каждого нового региона играет его символическое оформление, в первую очередь возникновение имени региона, определяющего чувство общности и коллективной принадлежности его жителей[53]. Для Слобожанщины, впрочем, как и для национальной территории этнической Украины, выбор имени оказался длительным процессом, в ходе которого по отношению к одной и той же территории применялось одновременно несколько названий, в зависимости от времени, а также конкретной политической или социально-экономической перспективы развития региона.

В московских официальных документах земли, занятые впоследствии Белгородской чертой и к югу от нее, отводившиеся для украинских переселенцев, ранее именовались степью, Полем, татарскими сакмами и украиной[54]. Так, Никоновская летопись сообщает о строительстве здесь оборонительных сооружений в годы правления царя Федора Иоанновича в конце XVI в. в таких словах: «...царь Федор Иоаннович, виде от крымских людей своему государству войны многие и помысля поставить по сакмом татарским городы и посла воевод своих со многими ратными людьми, он же шедше постановиша на степи городы Белгород, Оскол, Валуйку и иные городы; а до тех городов поставиша на Украине городы: Воронеж, Ливну, Курск, Кромы...»[55]. Названные здесь, а также другие порубежные городки-крепости в российском деловодстве чаще всего именовались украинными[56], иногда – полевыми[57].

Название «польский» в российских документах того времени довольно часто применялось по отношению к Белгороду и соседним городам, а также проезжим дорогам. «Польской украиной» (т.е. степной окраиной) в начале XVII в. московские официальные лица считали, например, Воронеж, Елец, Валуйки, Курск[58]. В русском фольклоре «польским» именуется казацкий украинский атаман Михайло Черкашенин, промышлявший в степи[59]. Другими словами, понятия «степь» и «поле» употреблялись в качестве синонимов и играли роль основных географических маркеров территории, которая из Москвы выглядела, в первую очередь, опасной для жизни территорией «за чертой», окраиной, местом политической ссылки и, в качестве дополнения, источником диковинных фруктов или дичи для царского стола.

По мере освоения Великой Степи «польская» географическая терминология в российском официальном жаргоне постепенно выходила из употребления. «Украинская» же, наоборот, продолжала оставаться востребованной, причем не только в Москве, но и в Речи Посполитой[60]. Поэтому в российской, польской и украинской исторической литературе со временем распространится представление о «двух украинах»: российской и польской. В этом отношении современный украинский публицист М. Рябчук, сформулировавший несколько лет назад метафору о «двух Украинах», был не оригинален. На самом же деле количество «украин» – окраинных территорий, на которые распространялось это название, не ограничивалось двумя. «Украиной» именовалось, например, казацкое государство – Гетманат в границах 1649 г., наполнявшее сугубо географическое понятие «украины» дополнительным, в данном случае социально-политическим, смыслом[61].

Разумеется, говорить о национальном содержании подобной терминологии для XVII–XVIII вв. было бы очевидной нелепостью. Идентичность этнических украинцев того времени представляла собой пестрый набор разных маркеров, не всегда привязанных к определенной территории[62]. Этнические украинцы, приходя на левобережные степные территории, располагавшиеся перед Белгородской пограничной линией крепостей, определяли свое новое место жительства, пользуясь смешанной географической терминологией, в которой, тем не менее, существенную роль играли «татарские» маркеры: «в поле за р. Доном на ногайской стороне на усть-реке Битюка»[63]; «построились мы, сироты ваши, в вольновском уезде за речкою за Ворсклом на крымской стороне, на татарском шляху, на диком поле...»[64]. По некоторым свидетельствам, дошедшим с начала XVII в., Ногайским традиционно именовался в Москве левый берег Северского Донца, а Крымским – правый берег этой основной речной артерии «донецкой» части московской «украины»[65].

«Украинская» лексика по отношению к слободским полкам часто встречается в письменной традиции того времени. При этом она употребляется как название окраинной территории и русскими, и украинцами. В грамоте царя Алексея Михайловича, направленной в слободские полки по случаю восстания гетмана И. Брюховецкого, земля, занятая казацкими поселенцами, называется «украиной», а ее жители – «украинскими»[66]. В начале XVIII в. картина не меняется. На территории Слобожанщины возводится Украинская линия[67], располагаются украинский ландмилицейский корпус[68], а также регулярные части Украинской армии, действовавшей на степном пограничье.

Характерно, что на географической карте, использовавшейся московскими послами во второй половине XVII в., «украинские» городки в степи отличаются от «черкасских», т.е. гетманских, или малороссийских[69]. В свою

очередь, слобожане проводили четкую разницу между украинскими, малороссийскими и великорусскими (русскими) городами[70]. Московское правительство также не считало слободские украинские поселения принадлежащими к собственно русским землям. Эти поселения вместе с Белгородской линией очерчивали древнюю символическую границу между Русью и Степью. В этом случае, как и в уже упоминавшихся ранее, можно согласиться с Брайаном Боеком, который, в отличие от Д. Ливена и Дж. Хоскинга, полагает, что московское правительство отчетливо разграничивало метрополию (собственно русские земли) и степную окраину государства[71].

Постоянно встречающийся в текстах челобитных и жалованных грамот самих колонистов термин «Украина», а также производные от него («украинные города»), были связаны с московской традицией и употреблялись чаще всего для обозначения окраинных («украинных») городов и территорий[72]. В начале XVIII в., насколько можно судить по документам местного происхождения, «Украйна» обозначает территорию уже не только собственно степных пограничных, но и слободских казацких поселений[73]. Однако в это время данный термин еще не несет в себе этнокультурного содержания, в отличие от «малороссийской» лексики, о чем пойдет речь немного ниже.

Для малороссийской политической и интеллектуальной элиты второй половины XVII – начала XVIII в. понятие «украины» употреблялось в качестве синонима Гетманата, или Малороссии[74]. Однако формировавшееся во второй половине XVII в. географическое представление об «отчизне» казацкой элиты, похоже, не включало в себя Слобожанщину, которая в одних случаях оставалась спорной территорией между Гетманатом и Москвой, в других – считалась частью политического пространства России.

Если верить тексту договора, заключенного войсковым канцеляристом П. Иваненко с крымским ханом, для его участников «Украиной» выступало казацкое государство – Гетманат, в то время как слободские поселения и полки назывались «московскими»: «если обыватели Московских слобод, переведенные из Украины, откажутся от союза с нами и станут упорствовать, тогда надобно поступить с ними как с врагами; если встретится препятствие к занятию Московских слобод и к соединению их с Украиной или оружием или договором мирным, тогда надобно принудить их силой к тому, чтобы вышли из слободы и поселились на правом берегу Днепра»[75]. Как видим, понятия «Украина» и «Московские слободы» в этом тексте, если только он передан адекватно, четко разделяются.

В современной П. Иваненко украинской казацко-шляхетской историографической традиции XVIII в. слободские полки также относились к русским владениям. Самовидец отмечал, что они возникли «на грунтах московских»[76]. По мнению наиболее популярного из казацких летописцев Григория Грабянки, гетман Б. Хмельницкий «повелел народу волно сходить... за

границу у Великую Россию, а бы там городами оседали. И от того часу стали оседати: Суми, Лебедин, Харков, Ахтирка, и все слободы даже до речки Дону козацким народом»[77]. Иначе говоря, несмотря на то, что слободские поселения были, по мнению летописца, санкционированы гетманом и основаны «казацким народом», возникли они на землях, принадлежавших Москве.

Современник Г. Грабянки, историк и «войсковый канцелярист» Самийло Величко также без всяких сомнений относил слободские поселения к Великой России, или «московским» владениям[78], а гетман Иван Мазепа, очевидно по той же причине, называл занятую ими территорию «Азией»[79]. Впрочем, Слобожанщина если и упоминается в исторических текстах эпохи Гетманата, то лишь эпизодически, несколькими словами и практически никогда – в качестве части территории Гетманата-Малороссии[80].

Любопытно, что интеллектуальное «освоение» территории Слобожанщины не поспевало за динамично изменяющейся социальной реальностью. На географических картах второй половины XVII в. (как московских, так и иностранных) слободские казацкие полки, как правило, еще не выделяются в целостный автономный регион и даже не маркируются отдельно, в отличие, например, от территорий донских, запорожских и гетманских (украинских, малороссийских) казаков.

В одних случаях, как показывает карта Московского государства Делиля начала XVIII в., Слобожанщина сливается с Гетманщиной – оба этих региона объединены под общим названием *Ukraine Pays des Cosaques*, в то время как запорожские и донские казаки показаны отдельно[81]. В других случаях, в частности на упоминавшейся ранее карте Боплана, переизданной Мовзесом Питтом в 1680 г. в Лондоне, слободские поселения и полки не обозначены вовсе[82]. Чаще всего они оказываются включенными в территорию Белгородского воеводства.

Постепенно географическая («украинская») номенклатура в названиях края оказалась потесненной социальной, в которой основное место заняли «слободы». Большинство исследователей полагает, что название «слободы» этимологически связано с понятием «свободы», в данном контексте – с освобождением от некоторых традиционных повинностей в пользу государства. Д.И. Багалей, например, отмечает, что под «слободами» имелись в виду прежде всего определенные льготы для колонистов, а не основанные ими поселения[83]. Позднее, в конце XVII – XVIII в., по мере получения жителями царских жалованных грамот, занятую ими территорию стали называть Слободскими полками. В официальной терминологии вплоть до середины XVIII в. различались, например, города «слободские», т.е. привилегированные, и те, которые принадлежали к Белгородской провинции и, стало быть, не обладали подобными привилегиями[84].

Слободы оказались не только наиболее эффективным средством контроля за колонистами со стороны Москвы, о чем уже упоминалось ранее. Они придавали некую целостность разношерстному населению, прибывавшему сюда из разных регионов Украины и находившемуся в постоянном движении. Люди переходили с места на место в поисках новых слобод, оседая на новых или возвращаясь на прежние места жительства, на Левобережную или даже Правобережную Украину.

Постоянные перемещения поселенцев вдоль и поперек географических, политических и социально-культурных границ иногда приобретали характер образа жизни. Кто, куда, откуда и зачем снимался с прежнего места жительства и переселялся на новое, чтобы приобрести или сохранить особый, слободской социальный и правовой статус, – в данном случае не имело особого значения. Насколько правомерны в этом случае сравнения с кочевым образом жизни татар по другую сторону степного порубежья – вопрос, выходящий за рамки данного исследования.

Русское правительство, наделяя колонистов слободами, тем самым вводило их в некое социальное и правовое поле, временн*ы*е рамки которого постепенно определились, с одной стороны, Уложением царя Алексея Михайловича 1649 г., а с другой – реформами императрицы Екатерины II, предпринявшей попытку создания Нового Уложения в конце 1760-х гг. В любом случае переселенцы, по крайней мере большая их часть, принимая «слободы» от русского правительства, в перспективе сталкивались с риском потери личной свободы. Но до того времени социальная мобильность слобожан оставалась одной из наиболее характерных особенностей края, определявшей (правильней сказать, затруднявшей) делимитацию границ его социального пространства.

Еще одним препятствием на пути определения границ региона была тесная взаимосвязь его военной и гражданской администрации – как слободской казацкой, так и русской центральной (приказной) и местной (воеводской). Разрядный приказ, в ведении которого поначалу находились слободские полки, ведал одновременно военными делами и всеми пограничными южными рубежами. В 1688 г. слободские полки перешли в распоряжение приказа Великой России, но историки так и не пришли к единому мнению о том, к какому ведомству ближе находился этот последний – Посольскому или Малороссийскому[85].

По мере дальнейшей институционализации края, прежде всего благодаря административно-правовому оформлению и реформированию слободских полков русским правительством, «украинская» и «слободская» терминология по отношению к ним употреблялась параллельно или же в качестве синонимов. Их объединение закрепится в названии региона, по всей вероятности, лишь в процессе административно-территориальных ре-

форм императрицы Екатерины II во второй половине XVIII в., о чем пойдет речь далее.

Распространенная в историографии традиция, в соответствии с которой название Слободской Украины существовало едва ли не с момента ее массового заселения, т.е. с середины XVII в.[86], похоже, не имеет под собой достаточных оснований. Первые поселенцы не переселялись на «Слободскую Украину». Они лишь наполняли степное порубежье социальным смыслом, организуя с согласия московского правительства военно-административные единицы на привилегированном положении – слободские полки и поселения, давшие степной окраине более четкие границы вместе с новым именем, не имевшим прецедентов в украинской истории: Слободские полки.

Характерно, что в названиях поселений, основанных украинцами на степном порубежье во второй половине XVII в., доминировали антропонимы и топонимы[87]: первые были связаны с именами их основателей (осадчих) или владельцев, вторые – с природными особенностями местности, порой уже зафиксированными в письменной традиции (Харьков, Змиёв, Чугуев и т.п.). И в том, и другом случае в названиях новых поселений крайне редко встречаются упоминания о тех местах, откуда пришли колонисты. Наоборот, создается впечатление, что последние либо не придавали этому значения, либо старались забыть о своей родине вообще.

Названия со словом «новый» если и встречаются в местной топонимике второй половины XVII – начала XVIII в., то относятся преимущественно к основанным уже здесь населенным пунктам, а не местам первоначального выхода поселенцев: Новая Водолага и Старая Водолага, Новый Мерчик и Старый Мерчик, Новый Бурлук и просто Бурлук – все эти населенные пункты основаны переселенцами на новом месте жительства, все они располагаются относительно недалеко друг от друга, подобно российским Новому Осколу и Старому Осколу[88]. Напротив, ничего похожего на «Новые Черкассы», «Новый Брацлав» или, скажем, «Новый Фастов» на степной окраине не возникло. Почему? Вероятно, ответ на этот вопрос следует искать в особенностях географической составляющей в идентичности украинцев середины XVII в.

Идентичности

Идентификация новых подданных для Москвы поначалу была затруднительной во всех отношениях. В Степи всегда можно было встретить людей самого разного происхождения и занятий: охотников и рыболовов, промысловиков-пасечников, табунщиков, торговцев, разбойников, беглецов, пограничников. Социальные барьеры между ними всегда выглядели размытыми. Жители пограничья приобретали со временем черты общей,

специфической для этого региона и способа жизни, культуры. На белгородскую и воронежскую «украину» нападали иногда степные добытчики славянского происхождения, переодевавшиеся татарами. При этом и среди кочующих по степи татар нередко оказывались отряды «воровских» казаков[89]. Поэтому московские порубежные воеводы получали задание внимательно следить как за теми, так и за другими[90].

Чаще всего «казакующих» в степи этнических украинцев-добытчиков в российских документах того времени называли «черкасами» – вне зависимости от того, где они проживали: в Степи, в Речи Посполитой, русских пограничных крепостях, в Гетманате или на Запорожской Сечи[91]. Так, белгородский воевода жаловался на «литовских людей воров черкас»[92], которые постоянно нападали на путивльских севрюков, донских казаков и чугуевских черкас, а московские служивые громили «воровских» черкас вместе с лояльными путивльскими и ливенскими черкасами[93]. Со временем, однако, поселявшихся на московской степной границе украинцев российские власти стали называть «черкасами, прибывавшими из малороссийских и заднепровских городов»[94].

Подобным же образом определяли свое прежнее место жительства и сами переселенцы, приходившие на новые места с уже сложившимися представлениями о родине[95]. Поначалу, до 1648 г., это была Литва: «Мы тебя в Литве не избирали» (гетманом. – *К.В.*), – заявляли своему предводителю Якову Острянину возмущенные колонисты Чугуева в 1638 г.[96] «Литовскими людьми», как правило, называли украинцев русские воеводы, доносившие в Москву о постоянных неприятностях, которые доставляли им подданные пограничных магнатов, прежде всего князя И. Вишневецкого[97]. Но уже со второй половины XVII в. на вопрос: «Откуда вы?» – украинцы чаще всего отвечали: «Из заднепровских городов» или «Из черкасских городов».

Переселенцы 1686 г., основавшие г. Вольный, о себе сообщали: «пришли мы... изо Днепровских, из черкасских городов от разоренья турских и крымских воинских людей...»[98]. Жители Сум спустя почти полстолетия после основания крепости также вспоминали, что явились они на новые земли из «заднепровских и из гетманских городов» и поселились на местах, которыми татары ходили «под украинские и великорусские города»[99]. В каждом из этих случаев ответ выглядит столь же стандартным, сколь и уклончивым. Вероятно, это устраивало обе стороны – как прибывающую, так и принимающую.

Обращает на себя внимание и то, что украинские и великорусские города в свидетельствах пришельцев отличаются друг от друга. Подобным же образом, как о том упоминалось ранее, созданные «черкасами» поселения на московском степном порубежье российские власти именовали «украинными», но не «черкасскими», поскольку эти последние, надо полагать, отно-

сились уже к Гетманату (Малороссии). Гетманские власти, со своей стороны, всегда проводили разграничительную линию между своей территорией и землями слободских полков. В результате едва ли не с самого начала слободских поселений «украинская» терминология приобретала, наряду с более широким, специфический, региональный характер.

«Малороссийская» и «черкасская» терминология при этом служила слободским колонистам чаще всего для подчеркивания своего единства с оставшимися на родине соплеменниками и, таким образом, утверждения своего «иностранного» статуса в глазах московских властей. Об этом свидетельствует, в частности, челобитная изюмских казаков, датированная 1710 г., в которой они отзываются о себе так: «наш малороссийский народ, за неизвычай иноземства своего, против русских людей, таких тягостей на себе (податей на промыслы. – *К.В.*) понести отнюдь не может и от того пойдут все в свободные гетманские города, а иные и пошли уже за Днепр в новостроящиеся города»[100].

Но чаще всего на новой родине переселенцы предпочитали именовать себя черкасами, обосновывая тем самым наличие собственных, разумеется древних, «неотъемлемых» прав и свобод, полученных (на самом деле или согласно исторической традиции, уже не важно) законными путями. Эти права и свободы в их представлении получили общее название «черкасские обыкности» и базировались на традиции[101], воплощенной в модели казацкой военной демократии. Для их обоснования колонисты обращались не только к казацкой, но и к шляхетской правовой традиции и генеалогии.

Основная масса рядовых колонистов при этом апеллировала к казачеству, в то время как старшина – к шляхетским традициям и нормам Речи Посполитой, присоединяя к своим, порой не всегда благозвучным фамилиям, окончание *-ский*, обзаводясь шляхетскими гербами и грамотами[102]. Не случайно, судя по некоторым косвенным свидетельствам, элементы польской гербовой традиции использовались в официальной символике слободских полков[103]. В таком виде она просуществовала до начала российских реформ 1734 г.

Переселенцы на новые земли несли с собой все, что могло свидетельствовать об их респектабельности в глазах российских властей. Это могли быть знамена, символизировавшие привилегированный казацкий статус колонистов; деревянные разборные церкви и церковная утварь вместе с религиозными книгами и колоколами; наконец, не меньшее значение придавалось семьям и домочадцам, домашнему имуществу, а также присутствию в «ватагах» и «валках» мигрантов «добрых» людей, коими считались шляхта и купечество, – все перечисленное давало новым подданным право претендовать на льготы и привилегии на новом месте жительства[104].

В начале XVIII в., когда в целом завершился процесс институционализации слободских полков в составе московского государства, т.е. регион получил собственное имя, границы, систему управления, правовой статус, когда образовалась прочная сеть клиентских и клановых связей возглавившей общество казацкой элиты, частично интегрированной в состав российского дворянства, возникли условия для символического обрамления Слобожанщины как целостного региона. Логично, что эту инициативу приняла на себя утвердившаяся в своем положении казацко-старшинская элита, признанным лидером которой со второй половины XVII в. оказался клан харьковских полковников Донец-Захаржевских.

Благодаря его представителю, харьковскому полковнику Ф. Донец-Захаржевскому, в 1705 г. появился первый (единственный дошедший до нас) из посвященных слободской старшине панегириков, написанный на польском языке известным черниговским поэтом Яном (Иваном) Орновским[105]. Панегирик под названием «Богатый сад», ставший первым печатным произведением, целиком посвященным слободским полкам, представляет собой героико-эпическое произведение, написанное в тяжеловесной и пышной манере высокого барокко, сочетавшей поэзию и прозу, многочисленные аллегории и гиперболы, реальные факты и легенды из местной и всемирной истории.

Главной задачей автора, к решению которой он приложил все свое умение и талант, стало обоснование благородной генеалогии рода Донец-Захаржевских и их связи с польской гербовой шляхтой, прославившейся своими рыцарскими подвигами, в том числе в турецких войнах. Основными источниками, на которые указывал знавший свое дело автор, стали популярный в Речи Посполитой с 1584 г. гербовник Б. Папроцкого и произведение Ш. Окольского, содержащие сведения о шляхетском роде Захаржевских.

Панегирик содержит в себе детальное описание подвигов нескольких поколений слободских Донцов-Захаржевских в войнах с татарами и шведами, свидетельства их всегдашней верности российскому престолу, их активной деятельности по заселению края и строительству городов, крепостей, церквей и монастырей. В этом отношении «Богатый сад» может считаться первым памятником историографии Слобожанщины.

Помимо фактических сведений, подлинных или порожденных фантазией самого автора либо его заказчиков, панегирик интересен созданным в нем образом края, именуемым автором «слободами», «слободским краем», «слободскими городами» и т.д. Подобно тому, как родовой клан Донец-Захаржевских приобретал в данном произведении символический вид розового куста, находящиеся под властью представителей этого рода земли изображались цветущим роскошным садом, созданным на некогда пустынном месте.

Гравюра, помещенная в сочинении Я. Орновского, изображает здание православного храма посреди правильно разбитого сада, окруженного деревьями. Эта аллегорическая картинка в целом отражала внешний облик Харькова – локальной «столицы» Донец-Захаржевских, название которой, возможно, было как-то связано с «благородной» частью их фамилии[106]. По свидетельству историков архитектуры, план города 1742 г. фиксирует доминанту Успенского собора в обрамлении приходских церквей и хат-мазанок под соломенными крышами, утопающих в зелени садов[107].

Характерно, что идея «сада» в степи при этом тесно переплетена с присущими краю правами и свободами (libertatis). Таким образом, панегирик Яна Орновского уже содержит в себе основные элементы коллективной региональной идентичности слободской элиты: идеи героической борьбы с татарами, верности российскому престолу, а также заслуженных подвигами прав и свобод местных старшин. Здесь же можно найти и идею Слобожанщины – antemurale, защищающего Россию от татар. Новое поколение патриотов края в XVIII – начале XIX в. во многом лишь дополняло и модернизировало созданную Я. Орновским картину.

В одно время с трудом черниговского панегириста, в 1705 г., появился другой текст, представляющий собой челобитную сумских казаков на имя российского монарха. В ней также содержалось самоописание жителей региона и их развернутое представление о своей истории[108]. Хотя генеалогия переселенцев в этом документе возводится не к гербовой шляхте, а к «черкасской обыкности», т.е. казачеству, в ней можно найти те же устойчивые компоненты коллективной идентичности, о которых шла речь выше, с преобладанием «черкасских» и «слободских» маркеров для изображения края и его населения.

Соединение «черкасской» и «слободской» терминологии в описании и самоописании местного населения становится распространенной практикой в XVIII в. Ее проявления можно найти, например, в официальных документах времен Петра I, отличавших слободских «черкас» от просто «русских»[109]. «Черкасы», их «обыкности», «слободские полки» сохраняются и при наследниках или, лучше сказать, наследницах первого российского императора, вплоть до начала 1760-х гг.[110] В официальных источниках периода реформирования военно-административной системы слободских полков 1734 г. местное население выступает в качестве «черкасского вольного народа», отличающегося от «великороссийского народа»[111].

В то же время, синонимом «черкасского вольного народа» в российских официальных документах 1730-х гг. нередко выступает «малороссийский народ»[112]. «Малороссийская» терминология остается в ходу и у местного населения, отражая устойчивость малороссийской идентичности в различных социальных слоях и исторических регионах Украины[113]. Эта традиция со-

хранялась и после ликвидации слободского казацкого самоуправления. Так, в историко-топографическом описании Харькова, поданном в Екатерининскую комиссию по составлению проекта нового Уложения 1768 г., сказано, что город был основан «призванными из заднепровских и малороссийских городов по привилегиям вольными людьми малороссийского народа для защищения границы от крымских татар...»[114].

При этом «малороссийская» генеалогия в сознании харьковчан, по крайней мере некоторых из них, могла мирно уживаться, например, с «польской», но уже не в географическом, а в этнополитическом значении слова. Житель Харькова Севастьян Данилович Колосов в прошении на имя императрицы от 2 октября 1780 г. называет себя «полской природы малороссиянином», при этом подчеркивая, что его дед был «полской природы»[115]. Пройдет еще около полувека, прежде чем подобные сочетания понятий приобретут юмористический характер в глазах нового поколения («иностранец Василий Федоров» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя вряд ли показался бы смешным в конце XVII – XVIII в.).

«Черкасы», переселявшиеся на московскую степную «украину», всячески подчеркивали свое «иноземчество», поскольку именно оно давало основание претендовать на льготы и привилегии на новом месте. Так, вдова гетмана Якова Острянина, поселенного на льготных правах в Чугуеве (и убитого впоследствии своими соотечественниками в 1641 г.), обращаясь с просьбой к царю, называет себя «вдова иноземка»[116]. Воспоминание о своем «иноземчестве» впоследствии также наложило свой отпечаток на самосознание региональной элиты. Оно приобрело дополнительное обоснование в связи с переселением сюда в 1711 г. валахов, пополнивших ряды местной привилегированной элиты. Что же касается «черкасской» идентификации, то она, предположительно, имела не только социальный, но и этнокультурный смысл. В связи с этим можно отметить, что «черкасское» самоназвание оставалось за слобожанами и в случае их переселения за пределы края, например в Поволжье[117].

Чего не заметно в самоидентификации и в идентификации новых поселенцев – так это слова либо даже намека на их «русскость», какое бы содержание ни вкладывать в это понятие. Поселявшиеся на степном фронтире украинцы практически не смешивались с собственно русским населением. Это последнее поначалу было немногочисленным и состояло в основном из служилых людей. Впоследствии оно постоянно увеличивалось: его пополняли солдаты, служившие в пограничных гарнизонах и военных поселениях; раскольники, бежавшие на окраины после реформ патриарха Никона; крепостные крестьяне, переводившиеся сюда помещиками, получавшими земли на территории края; наконец, с ростом городов – представители чиновной бюрократии, купцы, ремесленники и т.д.

Русские поселения на Слобожанщине выглядели отдельными вкраплениями в сплошной полосе украинских поселений. К ним относились, в частности, города Валки, Славянск, Чугуев, села Русские Тишки, Васищево, Русская Лозовая, Петровское, Секретаревка, Ефремовка и некоторые другие, расположенные преимущественно на территории современных Волчанского, Змиёвского, Купянского и Харьковского районов Харьковской области.

Ограждая свой привилегированный социальный статус, «черкасы» всячески подчеркивали свое отличие от «русских людей»: «Да их же приходцев великий государь... пожаловали в том новостроенном городке Коломаку воеводам и приказным людям русским у них быть не велел... им же, коломацким жителям, кроме русских людей, держа шинки по своим прежним обыкновенностям безоброчно... А из украинских городов русских беглых служилых и тяглых людей и боярских холопей и крестьян к себе не принимать...»[118]

Российские власти, со своей стороны, были заинтересованы в том, чтобы привилегии и льготы украинских колонистов не распространялись на собственно русских подданных и тем самым не способствовали бы росту побегов крепостных из центра страны на степную окраину. Поэтому они не уставали подчеркивать постоянную границу между русскими служилыми людьми и «черкасами»[119], напоминая о необходимости «как осатчим, так атаманам и есаулам и всем посполитым людям накрепко проходящих людей рассматривать, чтобы были вольные черкасы и под видом бы черкашенина русской не вкрался, а русских людей и донских козаков без пашпортов конечно ни одного не принимать и ни дня не держать»[120].

Русское правительство, утверждает Д.И. Багалей, постоянно опасалось конфликтов, которые возникали каждый раз, когда украинцы и русские селились рядом друг с другом, и старалось, по возможности, расселять их от греха подальше. В качестве примера историк приводит постоянные конфликты между русским и украинским населением с. Тишки, в результате чего это село оказалось разделенным на два: Русские Тишки и Черкасские Тишки[121].

Причины конфликтов между украинцами и русскими могли быть различными[122]: неразмежеванные земли, взаимные негативные этнокультурные стереотипы, характерные для традиционных обществ, но чаще всего яблоком раздора служили привилегии, которыми пользовались украинские колонисты и которые ни под каким видом не распространялись на русских подданных царя[123]. Поэтому российское правительство, как правило, удовлетворяло просьбы слободских старшин о выселении с их территорий русских поселенцев.

Не удивительно, что взаимные контакты этнических украинцев и русских на Слобожанщине с самого начала были весьма незначительны – они жили в разных населенных пунктах, сохраняли свой язык, одежду, обычаи, культивировали негативные взаимные стереотипы и редко вступали в браки между собой[124]. Подобная традиция сохранялась вплоть до начала индустриальной, модерной эпохи.

Границу между русскими и украинцами, поселившимися на степном кордоне, определяли «сло́боды» – различные права и привилегии, предоставленные московским правительством переселенцам на новые земли взамен за службу. Эти привилегии включали в себя свободную заимку земли, освобождение от податей, право беспошлинной торговли и промыслов, изготовление и продажу спиртного, строительство мельниц и некоторые другие.

«Черкасские обыкности» были более широким понятием, относившимся к сфере традиционного права, в то время как «слободы» – более узким, но зато более легитимным, поскольку базировалось на официальных юридических документах. Русское правительство обычно признавало право на «черкасские обыкности» своих новых подданных, охотно закрывая глаза на их сомнительное, в некоторых случаях, прошлое[125]. Оно не только позволяло колонистам создавать разветвленную сеть клановых и родственных связей, смотрело сквозь пальцы на практику наследственного занятия должностей, но и способствовало кооптации представителей местной элиты в российское дворянство. Не случайно практически все слободские полковники уже к концу XVII в. обзавелись российскими боярскими чинами и царскими грамотами на земли[126]. Характерно, что упоминавшийся выше Ф.Г. Донец-Захаржевский в посвященном ему панегирике вначале именуется стольником, а уж затем – полковником Харьковским.

Политическая лояльность слободских полков оплачивалась землями, списанием прежних долгов, предоставлением новых или подтверждением прежних льгот, связанных с промыслами и торговлей, и т.д. «Слободы», гарантированные царским правительством, приобретали при этом гораздо большее значение, чем «черкасские обыкности». Отменить эти последние оказалось гораздо более легким делом, чем лишить слобожан их «слобод». Благодаря этому именно слободы – права и привилегии, предоставленные Москвой жителям степного пограничья, – надолго стали основной составляющей их идентичности и дали название всему региону.

Еще одним эффективным средством легитимизации особого статуса украинских переселенцев стали царские «похвальные» грамоты, выдававшиеся правительством слобожанам за отказ присоединиться к выступавшим против российского правительства гетманам, кошевым или войсковым атаманам трех пограничных казацких «политий». В то время как жители соседней Малороссии нередко квалифицировались российскими властями

как «изменники» или ненадежные подданные, слобожане неизменно получали похвалы за стойкость и верность престолу в борьбе с «изменниками» любого рода. Со временем эта пропагандистская риторика немало поспособствует формированию местной региональной идентичности и будет усвоена потомками слободских старшин вместе с традициями промосковской политической ориентации.

Для правительства льготы и похвальные грамоты, возможности доступа к российским чинам были средством держать слобожан на «коротком поводке» и постепенно уравнивать их в правах или бесправии со своими «коренными» подданными. Для поселенцев же важно было превратить свой привилегированный статус из временного в постоянный и передать его своим потомкам. Взаимоотношения слобожан с российским правительством, таким образом, вплоть до начала XIX в. фактически приобретали характер договорных отношений, хотя и неписанных.

Это был своеобразный торг, порождавшийся каждый раз очередной реформаторской инициативой «сверху» и вызывавший в ответ скромное, но дружное напоминание о традиционных, историей освященных, мужеством и верностью заслуженных местных привилегиях. Это была традиция, подчас незаметная за пышной риторикой обеих сторон. Именно поэтому она надолго пережила сами слободские полки.

Институционализация

Формальный статус слободских полков и проживавшего на их территории населения постоянно изменялся в зависимости не только от геополитической ситуации на степном пограничье, но и от характера и направления реформ в центре российского государства, превращавшегося в централизованую военно-бюрократическую империю. Русское правительство во второй половине XVII в. все еще плохо представляло себе государство в категориях единой суверенной территории[127], не говоря уже о национальной политике. На слободском порубежье центр, озабоченный прежде всего проблемами безопасности, стремился превратить нерегулярные военные формирования в регулярные, а также со временем унифицировать управление слободскими территориями.

Но поскольку ситуация на окраинах оставалась нестабильной, поскольку царская бюрократия была недостаточно эффективной, поскольку правительству все время не хватало ресурсов – оно рано или поздно приходило к пониманию того, что без сотрудничества с пограничными элитами осуществить его планы невозможно. Поэтому политика, направленная на унификацию и интеграцию пограничья, как правило, оставалась непоследовательной и противоречивой, зависящей от конкретной ситуации. Центра-

лизаторские тенденции в ней сменялись децентрализаторскими и наоборот. В результате социальная ниша для существования региональной специфики могла сужаться или расширяться, но – не исчезать навсегда.

Слободские полки как административно-территориальные единицы на особых правах с момента своего возникновения подчинялись белгородскому воеводе. Понять особенности взаимных отношений колонистов с правительством будет легче, если принять во внимание, что Белгородское воеводство, частью которого стали слободские полки, в середине XVII в. представляло собой новый по характеру своего устройства и управления военно-административный регион России, близкий к губерниям, созданным позднее Петром I, а также генерал-губернаторствам последующего времени[128].

Новизна этого устройства заключалась в расширении полномочий местных властей: белгородскому воеводе передавались многие военные и административные полномочия, до того времени сосредоточенные в Москве. Слободские полки, таким образом, с самого начала своего существования становились частью модернизирующегося пространства Российской империи. Они изначально, с момента своего образования, были готовы к последующим реформам, которые следовали одна за другой в стране, вступавшей в эпоху радикальных преобразований.

В 1706–1708 гг. на Слобожанщине воеводская система управления сменилась новой, губернской. Территория Слободских полков в административном отношении оказалась разделенной между Азовской и Киевской губерниями. К последней отошли земли части Харьковского (вместе с Харьковом) и Изюмского полков. Таким образом, новая административная граница совпала с природно-географическим разделением Слобожанщины на «донецкую» и «днепровскую» части соответственно. В 1719 г., однако, она была стерта, поскольку все слободские территории перешли в ведомство киевского губернатора, объединившись, таким образом, с Малороссией в общем административном пространстве. Правда, уже через год, в 1720 г., начальство над Слобожанщиной снова принял белгородский воевода, чтобы, в свою очередь, уступить его Военной коллегии в 1726 г.

Административно-политические преобразования на территории края в конце XVII – начале XVIII в. во многом зависели от геополитической ситуации в степи. Губернская система управления была введена здесь непосредственно после размежевания России с Крымским ханством в 1705 г., впервые установившего точную границу между ними[129]. Но, как показали дальнейшие события, эта граница также не была постоянной и все время норовила превратиться в порубежье. Ближайшим к тому поводом стало поражение российской армии в 1711 г. в российско-турецкой войне и утрата контроля над Азовом.

Завоевательные планы и экспедиции России в Степи в конце XVII – начале XVIII в., невзирая на их сомнительные политические достижения, имели, впрочем, важный результат. Они не только окончательно сформировали южный вектор экспансии страны, до этого занятой здесь преимущественно обороной, но и положили начало ментальному освоению южного региона в составе России, до того времени бывшего неопределенным степным фронтиром с подвижными границами. Азовский поход Петра I способствовал возникновению и распространению «южной» географической номенклатуры по отношению к отвоеванным у Крымского ханства и Османской империи землям в Причерноморье[130].

На практике это нашло отражение в создании первой современной карты «южной и западной России», выполненной Я. Брюсом и Ю. фон Менгденом и опубликованной в 1699 г. в Амстердаме[131]. Эта карта, созданная по правилам географической науки, впервые сделала «видимой» территорию, включавшую в себя многие населенные пункты, оборонительные сооружения и коммуникации, связывавшие Слободскую Украину с Крымом[132]. До того времени эти земли были известны в основном по их словесному описанию в «Книге Большому Чертежу», созданной еще до появления Белгородской линии и Слободских полков.

Военно-административная трансформация Слобожанщины сопровождалась изменениями ее социального пространства. Российское правительство шло по пути создания современной регулярной армии и превращения казацких воинских формирований в армейские. В результате административные, экономические, финансовые, судебные функции слободских казацких старшин постоянно ограничивались, население понемногу утрачивало личную свободу и принимало на себя всю тяжесть содержания военно-бюрократического аппарата империи. На Слобожанщину с 1710 г. распространилась практика военных постоев, с которой местное общество вело более чем столетнюю безуспешную войну.

В 1732 г. российское правительство предприняло попытку радикальной реформы по замене казацкой поместной службы на регулярную армейскую и по ограничению местного самоуправления[133]. Усиление государственного контроля над степной периферией сопровождалось возведением на слободских землях в 1731–1733 гг. новой оборонительной Украинской линии[134]. Тем не менее эта политика не привела к отмене традиционных привилегий слободских полков – наоборот, они были подтверждены в 1734 г. [135], накануне очередной русско-турецкой войны, начавшейся в 1735 г. и закончившейся в 1739 г. Белградским миром и очередным разграничением степного порубежья.

На символическом уровне изменения в статусе слободских полков нашли отражение в замене их старых, казацких, гербов, новыми, импер-

скими. Все они содержали в себе общий элемент – императорскую корону и вензель в обрамлении листьев – и в то же время включали в себя символы локальной специфики, отражавшие природные особенности или военные функции полковых городов-крепостей (виноградная кисть – для Изюма, патронная сумка – для Сум, рыба с острогою – для Острогожска, крепость – для Ахтырки; Харькову повезло менее всего: странное для постороннего уха название города привело к тому, что его символом оказался курьезный «зверь харь»)[136].

Политика центра в отношении слободских полков продолжала оставаться, тем не менее, непоследовательной. Очередная смена правительства и вовсе привела к восстановлению в 1743 г. прежних прав и свобод колонистов, отмененных или ограниченных десятью годами ранее. Подобная политика не только не стирала местную специфику, но временами, учитывая противоречивый характер действий самих реформаторов, способствовала консолидации региональных элит и сопровождались их кооптацией в новые социальные и административные структуры. Современный исследователь приходит к выводу, что введение на Слобожанщине регулярной воинской службы вместо традиционной казацкой привело к укреплению позиций слободских старшин и более широкому доступу выходцев из их семей к армейским чинам, а следовательно, к дворянству[137].

В дальнейшем основные компоненты региональной идентичности слобожан обогащались и закреплялись благодаря, как это ни парадоксально, очередным реформам российского правительства в процессе интеграции степного порубежья в империю. Слободские полки начали занимать собственное место на географических картах Российской империи XVIII в., в то время как еще несколько десятилетий назад они сливались то с Гетманатом, то с Белгородским воеводством[138].

Новое название «Слободские полки» появляется на карте, созданной правительственными землемерами в 1731 г.[139] При этом на фоне нестабильной, изменчивой внешней границы России в Степи внутренняя административная граница Слобожанщины с Великороссией продолжала оставаться постоянной. Ее зафиксировал, например, в 1726 г. русский геодезист Я. Исленьев, составивший для Сената чертеж и описание пограничной линии между Слобожанщиной и собственно русскими территориями[140].

Особенно интенсивным картографирование региона стало в 1730-х гг., в связи с внутренними реформами в Российской империи и очередной российско-турецкой войной[141]. В 1731 г. русские землемеры создают «Чертеж Слободским полкам, лежащим между Доном, Осколом, Донцом и Ворсклою...», на котором едва ли не впервые в картографической практике детально показаны поселения слобожан и новые крепостные линии, возведенные на их территории, – Изюмская и Торская[142]. Позднее появляются

карты, связанные со строительством Украинской линии, а к середине XVIII в. «Слободские казачьи поселения» уже прочно утверждаются на картах степного пограничья вместе с Украинской линией, Новой Сербией, Запорожьем.

Слободские казаки устанавливают символическую связь со своей территорией при помощи новых мундиров. Так, получение царской грамоты о возобновлении прав и привилегий края в 1743 г. привело к тому, что «полковники, составив по постановлению полки, с общего согласия учредили не бывшие до того времени мундиры для каждого своего полка, а именно: верхние черкески, с откидными рукавами и обложенные серебряными тесьмами и снурками, во всех полках были синие, а чекмень и шаровары по полкам: в Харьковском – желтые, в сумском – светло-синие, в Охтырском – зеленые, в Изюмском – красные и в Острогожском – красно-оранжевые»[143].

Характерно, что с преобразованием казачьих слободских полков в регулярные гусарские они не теряли ни своих прежних названий, ни цветов своих мундиров[144]. Новые гусарские полки, формировавшиеся из местных уроженцев, в своих названиях также сохраняли отличительные признаки региона. Так, один из них (сформированный в 1757 г.) получил имя «Слободской», а другой – «Украинский гусарский»[145]. Эти символы в той или иной степени позволяли сохранять определенную преемственность в исторической памяти местных жителей.

Вместе с тем граница Слободских полков с Малороссией не была такой устойчивой, как с Россией. В сознании современников Слобожанщина по-прежнему тяготела к «малороссийской» территории. В этом убеждает, например, проект административного деления Российской империи, разработанный русским ученым и высокопоставленным чиновником В.Н. Татищевым (1688–1750). Номенклатура выделенных в нем административных областей, построенная на историко-географических критериях, включала в себя «генерал-губернамент Малороссийский», к которому автор отнес Гетманат, также Киевскую, Орловскую, Донецкую и Севскую провинции, «вице-губернию» Белгородскую и пять слободских полков[146]. Практического значения проект, впрочем, не имел.

К началу екатерининских реформ, связанных с ликвидацией того, что принято называть автономией слободских полков, местное население уже обладало собственной исторической и социально-правовой традицией, легшей в основу их региональной идентичности и находившей опору в местных привилегиях, время от времени подтверждаемых центральной властью.

На исходе своей почти столетней истории, приблизительно к середине XVIII в., Слободские полки уже занимали собственное, вполне определенное место на административно-политической карте Российской империи. Территория края сохраняла функции и образ боевого порубежья, представленного оборонительными сооружениями, военизированными поселениями

на особых правах, наконец – дислоцированной в степи громадной русской армией, известной под названием Украинской.

Церковь

«Иноземный» статус слободских «черкас» поначалу подчеркивали особенности церковной православной культуры, перенесенные поселенцами из Речи Посполитой на новое место жительства вместе с деревянными церквями, иконами и богослужебными книгами. Характер этих особенностей во многом определялся отсутствием жестких социальных и культурных барьеров между клиром и прихожанами, активным участием последних в делах церкви, а также традициями общественной благотворительности. Отсюда – широкое распространение начальных приходских школ с их «мандрованными» дьячками-учителями, которых нанимало и содержало само общество; с этим же связана и деятельность церковных братств и шпиталей (богаделен) на Слобожанщине.

Тем не менее православная церковь на Слобожанщине с самого начала не была институтом, способным защитить местные интересы. С одной стороны, первое поколение слободского православного духовенства по своему культурному уровню вряд ли превосходило свою паству, а в чем-то и уступало ей. Д.И. Багалей приводит колоритные картинки из жизни и быта священников, не особенно обремененных вопросами образования и морали, зато постоянно озабоченных миром материальным[147]. Ходоки к царскому двору за казенным жалованьем и вспомоществованием потянулись из Харькова едва ли не с момента его заселения. Первые харьковские священники – «черкасский поп Еремеище и новопоставленные поп Василище и диакон Иосипище... приволоклися... бить челом» в Москву о корме и церковном строении уже в 1657 г.[148]; их коллеги и преемники шли проторенной ими дорогой.

С другой стороны, степная окраина Московского государства вместе с Белгородской чертой и Слободскими полками в церковном отношении с самого начала находилась под непосредственным контролем московского патриарха и входила в состав т.н. Патриаршей области[149]. С 1667 г., т.е. с момента учреждения Белгородской епархии, сразу же возведенной в статус митрополии, управление ею перешло к митрополитам (с 1721 г. – епископам и архиепископам) Белгородским и Обоянским. Под их юрисдикцией оказалась громадная территория, граничившая с Киевской митрополией и епархией в пределах Киевской губернии на западе и юго-западе, а на востоке – с Воронежской епархией в рамках Азовской губернии[150]. В политическом отношении белгородские архиереи выступали церковным аналогом светской администрации – белгородских воевод. Проводимая ими политика на была направлена на унификацию и гомогенизацию украинского культурного

пограничья, до того времени остававшегося, по мнению Л.Г. Софроновой, неустойчивым, открытым и проницаемым для разных идейных влияний пространством[151].

Православие новых подданных вызывало, как известно, сильные сомнения у духовных и светских властей Московского государства. Харьковский воевода Офросимов в 1658 г. доносил в Москву о «маловерии» и «ложном» отправлении обрядов харьковскими поселенцами[152]. По этой причине Русская православная церковь (РПЦ) уделяла пристальное внимание пограничью, направляя свои усилия на борьбу не только с остатками языческих народных обрядов или староверами, хлынувшими на степную окраину после церковных реформ патриарха Никона, но и со специфическими традициями православной духовности и обрядности, выработанными православными прихожанами и клириками на территории Речи Посполитой[153]. В этом последнем случае культурная политика РПЦ на степной окраине отличалась гораздо большей жесткостью и бескомпромиссностью по сравнению с политикой светских властей в регионе.

Церковная русификация на Слобожанщине привлекла внимание участников избрания нового киевского митрополита в 1685 г., обсуждавших слухи о преследованиях православного духовенства в Белгородской епархии, поборах и телесных наказаниях, навязывании московских обычаев при крещении и т.п.[154] Эта политика стала еще более жесткой с приходом к управлению Белгородской епархией выходца из местной среды, архиепископа Иосафата (Горленко), находившегося в родстве со старшинским кланом Квиток и канонизированного Русской православной церковью в 1911 г. По его распоряжению в 1749 г. изо всех церквей и монастырей Слобожанщины были изъяты и свезены в Белгородскую соборную церковь многочисленные старинные книги киевской, львовской «и других юго-западных» печатей, после чего, как свидетельствует архиепископ Филарет, они подевались неизвестно куда[155], вероятнее всего – были уничтожены. Такая же участь, уже во второй половине XVIII в., ожидала и иконы старого киевского и львовского письма, изъятые из слободских церквей по распоряжению Белгородской консистории и вывезенные в Белгород, где они опять-таки «исчезли неизвестно куда»[156].

Подключение Слобожанщины к общему духовному пространству Русской православной церкви осуществлялось также при помощи храмового строительства. Первые церкви, построенные колонистами в духе украинского барокко, в том числе харьковская церковь Покрова Пресвятой Богородицы, до наших дней не сохранились. Некоторые из них впоследствии были перестроены по образу и подобию московских церквей, как это произошло с Успенским собором в Харькове, переделанным во второй половине XVIII в. наподобие пятиглавой церкви Св. Климента в Москве[157].

Не менее важную роль в процессе церковной унификации играло появление местных религиозных культов и икон. Среди них особое место заняли культы Курско-Озерянской, Ахтырской и Куряжской икон Божьей Матери.

Активным проводником политики РПЦ на Слобожанщине стал Харьковский коллегиум, переведенный сюда из Белгорода в 1726 г. по инициативе главнокомандующего Украинской армией князя М.М. Голицына[158]. В административном отношении коллегиум входил в структуру харьковского Покровского училищного монастыря, настоятель которого подчинялся белгородским архиереям. По структуре и учебным программам Харьковский коллегиум представлял собой копию Киево-Могилянской академии.

Деятельность Харьковского коллегиума, ставшего со временем одним из крупнейших в Российской империи заведений подобного рода, явилась важнейшей составной частью формирования образа Харькова как учебного и культурного центра. Коллегиум с самого начала своего существования готовил кадры духовенства для громадного пограничного региона, включавшего в себя южные черноземные и степные окраины Российской империи – территории современных Воронежской, Курской, Белгородской, Харьковской, Полтавской, Днепропетровской и Запорожской областей[159]. По количеству обучавшихся в нем слушателей Харьковский коллегиум превосходил в отдельные годы даже Московскую и Киевскую академии[160].

Представление о всесословном характере учебного процесса в Харьковском коллегиуме, видимо, надо существенно ограничить, коль скоро численность выходцев из светских сословий по отношению к общему числу обучавшихся в нем бурсаков в среднем ненамного превышала 12%[161]. Светские предметы (математика, европейские языки), появившиеся в учебных программах Харьковского коллегиума приблизительно в 1730-х гг., несомненно, вносили разнообразие в систему подготовки учеников, но их появление отражало общие тенденции развития образования в Российской империи в XVIII в.

Что же касается языка и программы учебного процесса, то они все более испытывали на себе влияние культурной русификации. В Жалованной грамоте императрицы Анны, данной ею Харьковскому коллегиуму, содержалось требование вести преподавание на русском языке[162], что соответствовало курсу российского правительства на сближение пограничной элиты с русским дворянством. В результате Харьковский коллегиум уже во второй половине XVIII в. мог поставлять в дворянские поместья Слобожанщины домашних учителей, «которые бы учили детей говорить по-русски, а не помалороссийски»[163].

Унификация и русификация религиозно-культурной жизни края в XVIII в. развивались в общем русле конфессионализации религии в России, начавшейся с середины XVII в. и сопровождавшейся стандартизацией ли-

тургии, обрядности, повышением образовательного и культурного уровня священников. Поэтому они не вызывали сопротивления со стороны региональных элит, духовных и светских. Несомненно, эти процессы способствовали дальнейшей инкорпорации Слобожанщины в общее пространство Российской империи, но это пространство, в свою очередь, выглядело более современным, чем традиционное, местное. Последствия этого процесса станут очевидными лишь с появлением и развитием украинского национального движения во второй половине XIX – начале XX в., слабость которого во многом будет обусловлена враждебностью к нему со стороны православного духовенства.

Инкорпорация или «коренизация»?

С приходом к власти Екатерины II наступил новый поворот правительственной политики во взаимоотношениях центра с периферией[164]. Ее определяющей идеей, названной Марком Раевым «институциональной русификацией», стало поэтапное достижение унификации, однородности имперских провинций в административном, экономическом, социально-правовом и, наконец, в культурном отношениях[165].

С началом политики просветительской унификации дни казацкого самоуправления на украинских землях были сочтены. В 1762 г. на Слобожанщину выехала специальная правительственная комиссия во главе с Е. Щербининым, которая принялась осуществлять проект очередного реформирования слободских полков[166]. Под давлением комиссии казацкая старшина Острогожского и Сумского полков, идя навстречу правительству и не без желания оправдать в его глазах собственные немалые злоупотребления, отказалась от «застарелых наших черкасских обыкностей», просуществовавших более ста лет и подтвержденных в свое время царскими жалованными грамотами.

Впрочем, была еще одна, не менее важная причина, по которой слободская старшина не весьма упорствовала в отстаивании потускневшей казацкой традиции. Русское дворянство, благодаря императору Петру III, в 1762 г. получило «вольность» от обязательной государственной службы и начало приобретать корпоративные права и свободы, с которыми украинская казацкая старшина, благодаря шляхетской Речи Посполитой, была достаточно хорошо знакома. Учитывая это, слободская элита – несколько сотен человек – получила хорошую цену за давно уже ненужную ей казацкую демократию и не видела причин, чтобы в этом раскаиваться... Вступление казацкой верхушки в ряды «раскрепощенного» российского дворянства обещало дополнительные блага в виде закрепощенного – безо всяких кавычек – крестьянства, которому, разумеется, было что терять.

Правда, по степени развития крепостного права Слобожанщина стояла ближе к недавно завоеванным Россией территориям на юге, чем к соседним российским и украинским: количество крепостных по отношению к общему числу крестьян на Слобожанщине и на юге России не превышало 35%, в отличие от бывшего Гетманата, где оно колебалось между 36% и 55%, и тем более Киевщины и Правобережной Украины, которые по этому показателю находились приблизительно на том же уровне, что и собственно русские земли (более 55%)[167].

С отменой казацкого самоуправления слободская элита не только не потеряла прежнего привилегированного положения, но и сумела еще более консолидироваться в рамках дворянского сословно-корпоративного самоуправления. Хотя территориальные и корпоративные институты вместе с местными привилегиями не имели прочных корней на собственно русских пограничных землях[168], украинские казацкие колонисты долгое время сохраняли гражданские ценности, выработанные практикой местного самоуправления и придававшие региону своеобразие по сравнению с русскими центральными областями.

По свидетельствам современников, слободское дворянство даже в конце XVIII – начале XIX в. выглядело достаточно независимым по отношению к правительству[169]. Практика помещичьих вооруженных наездов, увековеченная А. Мицкевичем, в одно и то же время продолжалась не только в бывшей Речи Посполитой, но и на Слобожанщине. Местные дворянские собрания, сохранявшие некоторые символические ритуалы казацких времен, могли даже, как утверждал немецкий путешественник И.Г. Коль, далеко не всегда принимать решения, угодные Петербургу[170].

Соображения как внешней, так и внутренней политики требовали сотрудничества центра с местными элитами. Правительство продолжало попытки модернизации разношерстной страны и постоянно испытывало недостаток в светских образованных кадрах. Это означало, в первую очередь, участие представителей последних в управлении соответствующими территориями, каждая из которых продолжала сохранять, в той или иной степени, присущие ей особенности в общественной и культурной жизни. На Слобожанщине, как и в соседней Малороссии, представители местной элиты приняли активное участие в формировании имперской администрации всех уровней[171].

В 1765 г., с окончательным превращением казацких воинских формирований в регулярные, территория слободских полков получила официальное название Слободско-Украинской губернии с центром в Харькове. С некоторым перерывом[172] это название просуществует вплоть до 1835 г., когда правительство придет к мысли окончательно упразднить остатки казацко-шляхетского прошлого украинских земель. В названии края, как видим, не

появилось принципиальных изменений. Оно лишь зафиксировало уже сложившиеся основные признаки статуса пограничного, окраинного региона, жители которого сохраняли свои традиционные привилегии – слободы.

Политика государственной централизации не была, да и не могла быть последовательной, периодически сопровождаясь сменой курса в прямо противоположном направлении[173]. Собственно, само название возникшей в 1765 г. Слободско-Украинской губернии, включившее в себя одновременно централизаторскую («губернскую») и региональную («слободско-украинскую») составляющие, выглядит красноречивым свидетельством противоречивости политики имперского центра на окраине. Насколько это обстоятельство принималось во внимание самим правительством, сказать трудно. В 1780 г. Слободско-Украинская губерния получила новое название – Харьковского наместничества в составе 15 округов (Ахтырского, Белопольского, Богодуховского, Валковского, Волчанского, Золочевского, Изюмского, Краснокутского, Лебединского, Миропольского, Харьковского, Хотмыжского, Чугуевского, Недригайловского, Сумского). Когда маятник правительственной политики качнулся в противоположную сторону, в 1796 г. Харьковское наместничество было ликвидировано, а на его территории восстановлена Слободско-Украинская губерния, разделенная на 10 уездов: Харьковский, Ахтырский, Богодуховский, Валковский, Волчанский, Змиёвской, Изюмский, Купянский, Лебединский, Сумской. Пройдет еще тридцать с небольшим лет, и Слободско-Украинская губерния в 1834 г. вновь превратится в Харьковскую – теперь уже надолго, до конца Российской империи.

В зависимости от интеграционистских или экспансионистских приоритетов имперской экспансии Слобожанщина попеременно включалась в более обширные административно-правовые образования – генерал-губернаторства, объединявшие несколько соседних провинций. В начале 1780-х гг. Харьковское наместничество находилось под властью генерал-губернаторов (П.А. Румянцева-Задунайского в 1780–1781 гг. и Е.А. Щербинина в 1781–1782 гг.), главной задачей которых считалась окончательная ликвидация казацкого самоуправления Гетманата и Слобожанщины[174].

Некоторое – правда, весьма короткое – время Харьковское наместничество объединялось с Воронежским. Но уже через несколько лет Харьковщина-Слобожанщина в очередной раз, как это уже было в середине XVII в., «сместилась» к югу. В 1787 г. Харьковское наместничество перешло под власть Екатеринославского и Таврического генерал-губернатора князя Г.А. Потемкина[175], занятого осуществлением нового, гигантского по замыслу проекта Новой, или Южной, России, о котором пойдет речь в следующей главе.

Время правления Екатерины II способствовало значительному росту численности жителей Слобожанщины; темпы прироста населения здесь

составили более 45%: в абсолютных цифрах население края увеличилось с 550,1 тыс. чел. в начале 1760-х гг. до 800,1 тыс. чел. в начале 1780-х гг.[176] Подавляющее большинство их составляли этнические украинцы (до 90% от общего числа жителей региона)[177]. Вторым по численности этносом на территории края были русские, прежде всего военнослужащие, однодворцы, помещики, староверы, а впоследствии – чиновники, купцы, ремесленники.

Помимо выходцев из России, на Слобожанщине в начале XVIII в. появились молдаване (в 1711 г. сюда эмигрировало около 4 тыс. чел. во главе с кн. Д. Кантемиром), за ними – сербы (в 1720–1730-х гг. их насчитывалось несколько сотен)[178]. Если молдавские эмигранты представляли собой в основном поместное дворянство, то сербы, как и украинцы, несли на пограничье военную службу взамен за экономические привилегии. Наконец, в городках Слобожанщины можно было встретить немцев, французов, поляков, евреев и цыган.

Воспоминания харьковского профессора К.-Д. фон Роммеля, относящиеся к началу XIX в., рисуют довольно пеструю в этническом и культурном отношениях социальную среду Слобожанщины, в которой можно было встретить представителей местного дворянства, русских помещиков и чиновников, немецких ремесленников и ученых, французских комиссионеров и учителей, польских военных и актеров, эмигрантов из Европы, купцов и пленных – турецких и кавказских вельмож, польских и французских офицеров, захваченных во всех войнах, которые вела империя на южном и западном направлениях своей экспансии... Все эти люди, оставаясь на постоянное жительство на Слобожанщине, способствовали увеличению в крае того, что в современной литературе именуется «капиталом разнообразия». Империя эпохи Просвещения доказала свою способность эффективно использовать этот капитал.

Экономика

Слободы, конфирмованные в разное время российскими монархами[179] и связанные прежде всего с различными промыслами, в частности с изготовлением спиртных напитков, мельницами, ярмарками, освобождением от некоторых налогов и т.п., оказали решающее воздействие на формирование экономической идентичности Слобожанщины[180]. Этому способствовали также: плодородная почва, благоприятные условия для разведения скота, более мягкая система крепостнических отношений, необычайно развитая местная ярмарочная торговля всех видов, а также относительно позднее, неравномерное вхождение региона во всероссийский экономический рынок из-за слабого развития путей сообщения.

Одной из особенностей экономической жизни Слобожанщины можно считать широкое развитие ярмарочной торговли. Этому способствовали льготы, полученные слобожанами, в частности освобождение товаров от таможенного налога, а также выгодное географическое расположение края, привлекавшего купцов из России, Малороссии, Войска Донского, Польши, Крыма. Возникновение черноморских портов и заселение Степи и Причерноморья способствовало повышению торгового значения края в качестве посредника между новым регионом – Южной Россией и торгово-промышленными регионами Центральной России.

Это же обстоятельство способствовало притоку на Слобожанщину русских купцов, постепенно сосредоточивших в своих руках всю крупную, в том числе оптовую, торговлю на степной окраине[181]. Это стало возможным прежде всего благодаря их лучшей, по сравнению с украинскими колонистами, организации и профессионализму, связям с промышленными регионами России, дешевизне товаров, а также, в определенной степени, присутствию в их среде староверов, сплоченных высокой трудовой этикой.

Именно в это время начал формироваться дискурс отсталости окраины от центра империи вместе с мнением о врожденной неспособности местных жителей к деловой активности, якобы присущем им стремлении довольствоваться малым, наивной доверчивости и т.п. качествам, приписываемым туземцам вновь открываемых земель. В конце XX в. это мнение будет переформулировано самими «туземцами» с точностью до наоборот...

Экономическая идентичность региона нашла символическое отражение в системе гербов, присвоенных городам Харьковского наместничества в 1781 г. Все они, помимо собственных маркеров, преимущественно заимствованных из местной флоры и фауны (сливы, черешни, груши, терен или волк, лебедь и т.п.), отныне включали в себя обязательные элементы новой харьковской городской символики: рог изобилия и кадуцей, указывавшие на процветание города благодаря торговле и скотоводству[182].

В целом же екатерининские реформы XVIII в. можно лишь с некоторыми оговорками считать окончанием исторической эпохи автономного существования Слобожанщины, как это принято в украинской национальной историографии. Наряду с централизацией и унификацией, они завершали собой процесс институционализации региона, возникшего свыше ста лет назад на степной «украине» Московского государства, в рамках Белгородского военно-административного района. Во второй половине XVIII в. в жизни региона сохранялось немало признаков, указывавших на определенную преемственность новой эпохи с предыдущей. Именно они проявились в полной мере в истории с основанием Харьковского университета, которая освещена в следующей главе.

Подводя итого, следует сказать, что институционализация Слободских полков были непосредственно связаны с длительным существованием степного порубежья, возникновением и ликвидацией военной границы России в степи. Граница создала этот регион и придала его жителям особый социально-правовой статус, в обмен на военную службу государству. Льготы распространялись только на иностранцев, из которых первыми, но далеко не последними, оказались украинские колонисты из Гетманата и Речи Посполитой. Кроме них, были еще служилые калмыки и сербы. Украинские слободские казаки в этом отношении имели много общего с сербскими колонистами, «осаженными» австрийским правительством на военной границе с Оттоманской империей[183], а российским – на степном пограничье с Крымом[184].

Русское правительство не изобретало специальную систему льгот для слобожан. Оно попросту позволило им сохранить те особенности социально-правовой и общественной жизни, которые выработались в результате соединения исторических традиций Речи Посполитой и казацкого Гетманата, но поставило эти особенности под жесткий политический и церковный контроль. Результатом стало появление особого пограничного сообщества, которое отличалось от всех своих соседей особенностями своего устройства.

В отличие от русских подданных, слобожане сохраняли личную свободу, право непосредственного участия в местном управлении, а также определенный уровень социальной мобильности и элементы гражданского общества. Российское правительство было заинтересовано в сохранении внутренней социально-правовой границы со Слобожанщиной не в меньшей, если не в большей, степени, чем сами колонисты. Последние боялись потерять свои привилегии, а правительство боялось распространить их на собственных подданных. Поэтому территория и воздух Слобожанщины не делали всех, кто сюда попадал, свободными людьми.

У нас нет достаточных оснований, чтобы считать Слободскую Украину и ее жителей XVII–XVIII вв. частью единого Украинского казацкого государства, попавшего под русское владычество в силу политических причин. Прежде всего потому, что само представление о территориальном и национальном единстве «отчизны» у казацкой малороссийской элиты находилось в процессе формирования. Похоже, что Слобожанщина либо не входила в это воображаемое пространство, либо занимала в нем маргинальное, пограничное положение. Но если пограничность приносила региону немалые дивиденды в отношениях с Москвой, то она же таила в себе риски, связанные с возможностью понижения или утраты казацкого социально-правового статуса колонистов в их отношениях с Гетманатом или любой другой военной политией (Запорожской Сечью, например).

Логично предположить, что по мере военных и политических успехов России на южных рубежах и устранения непосредственной угрозы для края его специфика будет понемногу стираться, а сам регион – интегрироваться и превращаться во внутренний, сливаясь понемногу с русскими областями. Тем более что ни одно из пограничных сообществ, как показал опыт Речи Посполитой, Венгрии, Молдавии, Гетманата, Крыма, не смогло выработать внятной альтернативы политике просветительской модернизации, принятой к руководству соседними империями – прежде всего, разумеется, Австрийской и Российской.

Трудно удержаться от искушения сравнить процесс заселения Слобожанщины с освоением так называемого Дикого Запада в американской истории. Влияние фронтира на ход американской истории в интерпретации Ф. Тернера выглядит следующим образом: чем дальше продвигался фронтир, тем очевиднее становилась самобытность американского общественного развития. С этой точки зрения история Слобожанщины внешне, казалось бы, повторяет американскую с точностью до наоборот: чем дальше в степь продвигался фронтир, тем менее своеобразия оставалось в региональной системе управления, социально-правового устройства края и т.д. Складывается впечатление, что с продвижением России на юг Слобожанщина двигалась в противоположном направлении – в сторону административной интеграции с империей.

Тем не менее успешная модернизация Российской империи и ее продвижение к Черному морю отнюдь не означали автоматической ликвидации особенностей степного пограничья. Инкорпорация Россией новых территорий и подданных происходила путем взаимного компромисса, особенно в условиях хронической нехватки ресурсов. Поэтому русское правительство, ликвидируя, например, казацкую службу, закрепощая часть некогда свободного населения, стирая остатки местной демократии, в то же время способствовало институционализации и закреплению отдельных элементов региональной традиции, например «слобод», а также привилегий социальной элиты. Тем более что центр не был последователен в своих отношениях с военным пограничьем. Можно вспомнить в этой связи, что в конце XVIII – начале XIX в. правительство продолжало практику создания новых казачьих войск и территорий на особых правах, а также возвращалось к практике военных поселений, в том числе на территории Харьковщины.

Правительственные инициативы, направленные на постепенное стирание слободской специфики, сопровождались модернизацией и трансформацией самой империи. С одной стороны, это способствовало ее унификации, с другой – административные и военные реформы скользили по поверхности глубоко укоренившегося в степную почву сообщества, способствуя его консолидации и территориальному единству. Слободской регион приобрел

свою специфику в ходе экспансии России в Степи, но закрепил отдельные элементы этой специфики в ходе своей инкорпорации в империю. Благодаря этому слободские полки, образовавшиеся в разное время, приобрели общие внешние границы, территорию, имя, символику и коллективную идентичность, о развитии которой пойдет речь в третьей главе.

Основные элементы местной идентичности впоследствии будут, с одной стороны, модифицироваться, вбирая в себя новые элементы социальной реальности и ее интеллектуального воображения, а с другой – сохранять в себе некое первоначальное символическое ядро. В основе этого многослойного ядра, среди прочего, можно отметить пограничный «украинский» (украинный) компонент, связанный с географией и геополитической историей края и определявшийся непосредственной его близостью к Степи, ощущением Степи и исторической памятью о Степи. Не менее важной составной частью местной идентичности стало казачество, вобравшее в себя «черкасскую» и «чужеземную» риторику, связанную с происхождением и социально-правовым статусом поселенцев. Наконец, одним из наиболее влиятельных компонентов региональной идентичности можно считать геополитическую ориентацию на Москву.

Ключевую роль в процессе социально-политической самоидентификации слободской элиты сыграли взаимосвязанные дискурсы «верности», проявленной в борьбе с татарами и «изменниками», а также «слобод», заслуженных у престола за эту верность. Вероятно, к этому следует прибавить и специфическую политическую, кланово-родовую в своей основе, культуру, связанную с полным устранением от политической активности и прагматическим самоограничением практическими делами. Отметим при этом, что слободские поселенцы поначалу были мало отягощены традицией и проявляли открытость к инновациям, способствовавшую модернизации региона в конце XVIII – начале XIX в.

Примечания

1 Багалій Д.І. Вибрані праці. В 6 т. Т. 5. Ч. 1. *Історія колонізації Слобідської України.* Харків, 2007. С. 62.

2 Дашкевич Я.Р. *Большая граница Украины: этнический барьер или этноконтактная зона* // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР: История, динамика, методы изучения. М., 1989. С. 7–21.

3 Дашкевич Я. *Покрайні нотатки про українські степи у «Географії» Птолемея 1562 р.* // Боплан і Україна. Зб. наук. праць. Львів, 1998. С. 86.

4 Norman W. Ingham. *Zemlia Russkaia and Zemlia Polovetskaia in the Poetic Structure of Slovo o Polku Igoreve* // Russian History: Histoire Russe. 1992. Vol. 19. No. 1–4. P. 97–114, здесь – с. 102.

5 Гетманец М.Ф. *Тайна реки Каялы.* Харків, 2003.

6 См. подробнее: Перепеча А.М., Ярещенко А.П. *Топонімічний словник Харківщини.* Харків, 1991.

7 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 106–107.

8 Новосельский А.А. *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века.* М., 1948; Хорошкевич А.Л. *Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI в.* М., 2001; Санин О.Г. *Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII в.:* Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1996.

9 О политике продвижения России к Черному морю см.: LeDonne J.P. *The Grand Strategy of the Russian Empire, 1650–1831.* New York: Oxford University Press, 2004; Martin T. *The Empire's New frontiers: New Russia's Path from Frontier to Okraina 1774–1920* // Russian history. 1992. Vol. 19. No. 1–4. P. 181–201; *Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия).* М., 1999. О строительстве крепостных сооружений на этом пути – см. работы воронежского историка В.П. Загоровского.

10 Hedlund S. *Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State* // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. No. 5 (July). P. 775–801, здесь – с. 780.

11 О взаимной связи политического и теологического в изображении географической территории на московских картах пишет, в частности, Валери Кивельсон (Kivelson V. *Cartographies of Tsardom. The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia.* Cornell University Press, 2006. P. 9).

12 Любавский М.К. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.* М., 1996. С. 302.

13 Khodarkovsky M. *From Frontier to Empire: the Concept of the Frontier in Russia, Sexteenth-Eighteenth Centuries* // Russian History: Histoire Russe. 1992. Vol. 19. No. 1–4. P. 115.

14 Adelman J., Aron S. *From Borderlands to Borders: Empires, Nation-States, and the Peoples in Between in North American History* // The American Historical Review. 1999. Vol. 104. No. 3 (June). P. 814–841, здесь – с. 815 [Stable URL: http://links.jstor.org/sici?sici=00028762%28199906%29104%3A3%3C814%3AFBTBEN%3E2.0.CO%3B2-E]. См. также: Rieber A. *Changing Concepts and Constructions of Frontiers: A Comparative Historical Approach* // Ab Imperio. 2003. No 1[http://abimperio.net/scgibin/aishow.pl?state=showa&idart=636&idlang=1&Code=(Ab imperio 1-2003)]; Faragher J.M. *Afterword: The Significance of the Frontier in American Historiography* // Faragher J.M., rereading Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History and Other Essays. New York, 1994. P. 237–241; Power D., Staden N. (eds.). *Frontiers in Question. Eurasian Borderlands 700–1700.* Basingstoke, 1999. P. 1–12; *Frontiers and the writing of history, 1500–1850* / Ed. by S.G. Ellis, R. Esser. Hannover; Laatzen: Wehrhahn, 2006. P. 11–12. О применимости концепции фронтира к истории Украины см.: Чорновол І. *«Дике Поле» і «Дикий Захід». Україна у світлі тези Тернера* // Критика. 2006. Ч. 6; Он же. *Середньовічні фронтири та модерні кордони* // Критика. 2006. Ч. 10; Он же. *Фронтири Росії* // Критика. 2007. Ч. 6.

15 См. дискуссии по этой проблеме в: Russian History: Histoire Russe. 1992. Vol. 19. No. 1–4, а также: http://www2.h-net.msu.edu/~russia/

16 Дашкевич Я. *Великий кордон України за картами Боплана (політичні та конфесійні відносини)* // Історичне картознавство України. Зб. наук. праць. Львів; Київ; Нью-Йорк, 2004. С. 106–108.

17 Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 5. *История России с древнейших времен.* Т. 9–10. М., 1990. С. 171.

[18] Брехуненко В. *Московська експансія і Переяславська рада 1654 року.* Київ, 2005. С. 171.

[19] Boeck B.J. *Containment vs. colonization. Muscovite approaches to settling the steppe* // Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history / Ed. by N.B. Breyfogle, A. Schrader and W. Sunderland. RoutledgeTaylor & Francise Group, 2007. P. 45.

[20] *Книга Большому Чертежу.* М.; Л., 1950. С. 49. См. о ней: Shaw D.J.B. *Maptaking, science and state building in Russia before Peter the Great* // Journal of Historical Geography. 2005. No. 31. P. 415–420; Kivelson V. *Cartographies of Tsardom. the Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia.* Cornell University Press, 2006. P. 32.

[21] Дашкевич Я. *Великий кордон України за картами Боплана…* С. 107.

[22] *Land of the Cossacks: Antiquarian Maps of Ukraine = Земля козаків: старовинні карти України. Виставка із збірок Албертського університету, осередку української культури й освіти та приватних колекціонерів.* Вінніпег; Манітоба, 1987. С. 23.

[23] *Українська література XVII ст. Синкретична писемність. Поезія. Драматургія. Белетристика.* Київ, 1987. С. 311.

[24] Загоровский В.П. *Белгородская черта.* Воронеж, 1969.

[25] William H. McNeill. *Europe's Steppe Frontier 1500–1800.* Chicago; London, 1964. P. 126–127.

[26] Наиболее известным из них принято считать основание крепости Чугуев (неподалеку от современного Харькова) в 1638 г. переселенцами, бежавшими из Речи Посполитой вследствие неудачного казацкого восстания, под руководством казацкого предводителя Якова Острянина. Этот опыт оказался неудачным. Большая часть переселенцев вскоре воспользовалась амнистией польского правительства и вернулась на родину после острого конфликта с московскими властями и со своим предводителем.

[27] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 320.

[28] Маслійчук В.Л. *Балаклійський полк (1669–1677 рр.).* Харків, 2005.

[29] Слюсарский А.Г. *Социально-экономическое развитие Слобожанщины. XVII–XVIII века.* Харьков, 1964.

[30] Можно предположить, что русские засечные черты в данном случае, благодаря своей протяженности, все же ближе подходят под понятие границы, чем крепости, возводившиеся в то же время османским правительством для обозначения пунктов своего контроля на суше и на море (см.: Brummett P. *The fortress: defining and mapping the Ottoman frontier in the sixteenth and seventeenth centuries* // The Frontiers of the Ottoman World: Fortifications, trade, pilgrimage and slavery [http://www.biaa.ac.uk/Workshop%20 abstracts.pdf), 15 and 16 February 2007. Abstracts Last up-dated 2 November 2006].

[31] Boeck B.J. *Containment vs. colonization...* P. 47.

[32] Ibid. P. 48.

[33] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 205, 288. Российский исследователь В.П. Загоровский, наоборот, отказывается считать засечные линии государственными границами «в полном смысле этого слова» (см.: Загоровский В.П. *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* Кишинев, 1969. С. 206).

[34] Подробнее см.: Заїка Г.П. *Українська лінія.* Київ; Полтава, 2001.

[35] Маслійчук В. *Провінція на перехресті культур (дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007. С. 118.

[36] Багалій Д.І. *Історія колонізації…* С. 325, 347.

[37] Там же. С. 280–281.

[38] *Тисяча років української суспільно-політичної думки*: В 9 т. Т. 3. Київ, 2001. С. 332–336.

[39] Оглоблин О.П. *Гетьман Іван Мазепа та його доба.* Нью-Йорк; Париж; Торонто, 1960. С. 341.

[40] Там же. С. 343.

[41] Гуржій О.І. *Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст.: кордони, населення, право.* Київ, 1996.

[42] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 408–409.

[43] Показательна в этом отношении летопись С. Величко, автор которой упоминает о слободских полках единственно для того, чтобы показать, как они едва не потерпели, по собственной вине, полного поражения в сражении с крымскими татарами в 1689 г., но были спасены, после «слезной просьбы», гетманом И. Мазепой (Величко С. *Літопис.* Київ, 1991. С. 370).

[44] Маслійчук В.Л. *Altera Patria: Нотатки про діяльність Івана Сірка на Слобідській Україні.* Харків: Харківський приватний музей міської садиби; Торсінг, 2004; Маслійчук В., Мицик Ю. *Кошовий отаман Іван Сірко.* Київ, 2007.

[45] Маслійчук В.Л. *Altera Patria...* С. 348; Яворницький Д.И. *История запорожских казаков.* Т. 2. С. 303.

[46] Филарет. *Историко-статистическое описание Харьковской епархии.* В 3 т. Т. 2. Харьков, 2005.

[47] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 64.

[48] Лаврів П. *Історія Південно-Східної України.* Київ, 1996. С. 81.

[49] Слюсарський А.Г. *Слобідська Україна: Історичний нарис XVII–XVIII ст.* Харків, 1954.

[50] Лаврів П. Указ. соч. С. 83–85.

[51] Фаизов С. *«Где Москва, где восток, где запад?»: географическая полемика между крымским ханом Мухаммедом IV и царем Алексеем Михайловичем в 1655–1656 гг.* // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 128–145. При этом в царской титулатуре фигурировали «восточные», «западные» и «северные» земли.

[52] Багалій Д.І. *Історія колонізації…* С. 280.

[53] Paasi A. *Bounded Spaces in the Mobile world: Deconstructing "Regional Identity"* // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. No. 2. P. 140.

[54] Название «украинских», или «украинных», применялось в России ко всем городам, расположенным в зоне степного «фронтира» (Khodarkovski M. *Frontier and Non-Christian identities in Early Modern Russia* // Mappa Mundi: Зб. наук. праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С. 181; Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus.* Cambridge University Press, 2006. P. 317).

[55] Цит. по: Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 90. Здесь, как видим, «степь» и «Украина» различаются, хотя и не принципиально. Можно предположить, что в данном конкретном случае «степь» определяется близостью татар, а «Украина» – близостью Московского государства.

[56] См., напр.: *Статьи, какое опасение и ратных людей в украинных городех иметь* // Записки императ. русского археол. о-ва. 1861. Т. 2. С. 374–376.

[57] Любавский М.К. Указ. соч. С. 307–308.

[58] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 91, 195.

[59] Там же. С. 148.
[60] Plokhy S. Op. cit. P. 317–319.
[61] Ibid. P. 318–319.
[62] Ibid.
[63] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 294.
[64] Там же. Р. 310.
[65] *Книга Большому Чертежу.* С. 68–78, 81–87.
[66] Багалей Д.И. *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства в XVI–XVIII столетии.* Т. 2. Харьков, 1890. С. 171. Правда, не совсем понятно, принадлежит ли это определение самим российским властям или только гетманским посланцам, склонявшим слободских поселенцев к союзу.
[67] Пірко В.О. *250-річчя з часу спорудження Української лінії* // Укр. іст. журнал. 1986. № 8. С. 139–142.
[68] Пенской В.В. *Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке* // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 147–153.
[69] Bagrow L. *A History of Russian Cartography Up to 1800* / Ed. by H.W. Castner. The Walker Press, 1975. P. 10. Карта под названием «Чертеж украинским и черкаским городам от Москвы до Крыма» была обнаружена Лео Багровым в 1918 г. в Стокгольме. Похоже, что предложенная им датировка этой карты, созданной, по мнению исследователя, до 1650 г., ошибочна, поскольку на карте отчетливо видны Харьков, Салтов, Змиёв, Маяцк, Мурафа, Балаклея, основанные позднее названной даты. К сожалению, карта не дает представления о том, какие именно города считаются украинскими, а какие – черкасскими. См. также: Саратов И.Е. *Харьков, откуда имя твое?* Харьков, 2003. С. 74.
[70] Багалій Д.І. *Історія колонізації…* С. 280, 287, 308, 321.
[71] Boeck B.J. *Containment vs. colonization...* P. 49. В «Книге Большому Чертежу» Русь – это земли, расположенные в верховьях реки Оки (*Книга Большому Чертежу.* С. 113).
[72] Филарет. Указ. соч. С. 303.
[73] В прошении слободских полковников от 1711 г. упоминается «наш народ по Украйне» (Филарет. Указ. соч. С. 300, прим.).
[74] Plokhy S. Op. cit. P. 316–320.
[75] Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 349, со ссылкой на Филарета, который заимствовал эти сведения из: *Чтения Московского Общества Истории и Древностей.* 1847. № 1. С. 45.
[76] Цит. по: Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 266.
[77] Там же. С. 267–268.
[78] Величко С. *Літопис.* Т. 2. С. 282, 426.
[79] Субтельний О. *Україна: історія.* Київ, 1994. С. 203. В самой Москве в это время продолжала культивироваться античная картина мира, в которой водоразделом между Европой и Азией выступали Дон и Азовское море (см.: Bassin M. *Russia Between Europe and Asia: The ideological Construction of Geographical Space* // Slavic Review. 1991. Vol. 50. No. 1. P. 4).
[80] О значении понятий «Украина», «Малороссия», «отчизна» в политическом лексиконе эпохи «Руины» см.: Когут З. *Коріння ідентичности. Студії з ранньомодерної та модерної історії України.* Київ, 2004. С. 80–101.
[81] *Land of the Cossacks: Antiquarian Maps of Ukraine = Земля козаків…* P. 36–37. Впрочем, автор украинского учебника по истории картографирования Украины полагает,

что наряду с Запорожьем и Гетманщиной на карте Делиля отмечена и Слобожанщина, см.: Сосса Р.І. *Історія картографування території України. Підручник для студентів вищих навчальних закладів*. Київ, 2007. С. 81–82. Остается предположить, что мы пользовались разными вариантами одной и той же карты...

82 Ibid. P. 23.

83 Багалій Д.І. *Історія колонізації…* С. 322.

84 Хоткевич Г. *До історії Слобожанщини (процес салтівців з Пасеками)* // Наукові записки науково-дослідної катедри історії української культури. 1927. № 6. С. 85.

85 Багалій Д.І. *Історія Слобідської України*. Харків, 1990. С. 83–84.

86 Davies B.L. *Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700.* Routledge, London; New York, 2007. P. 102; Ярещенко А. *Український фенікс.* Харків, 1999. С. 45.

87 Ярещенко А. *Український Фенікс*; Садовнича В. *Антропонімія Слобожанщини XVII ст.: загальний огляд* // Вісник Львівського ун-ту. Серія філол. 2004. Вип. 34. Ч. II. С. 185–190; Абдула Ю.А. *Становлення ойконімії Слобожанщини* (на матеріалі Харківщини): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Кіровоград, 2008. С. 11.

88 Совпадения названий Золочева под Харьковом и Золочева на Львовщине, на мой взгляд, недостаточно, чтобы строить на этом сходстве умозаключения о родине слободских колонистов.

89 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 107, 221.

90 Брехуненко В. *Московська експансія...* С. 280.

91 Там же. С. 149–150.

92 Там же. С. 261.

93 Там же. С. 150.

94 См., напр.: Ярещенко А. *Український Фенікс.* С. 50.

95 Subtelny O. *Recovering the Ancient and Recent Past: The Shaping of Memory and Identity in Early Modern Ukraine* // Eighteenth-Century Studies. 2001. Vol. 35. No. 1. P. 77–84; Sysyn F.E. *Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing 1620–1690* // Harvard Ukrainian Studies: Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe. 1986. Vol. 10. No. 3/4 (Dec.). P. 393–423; Idem. *The Cossak Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National identity* // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. No. 3/4 (Dec.). P. 593–607; *Восточные славяне в XVII–XVIII вв.: Этническое развитие и культурное взаимодействие: Материалы «круглого стола»* // Славяноведение. 2002. № 2. С. 3–35.

96 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 186. См. также с. 188–191.

97 Там же. С. 260–261, 264.

98 Там же. С. 310.

99 Там же. С. 321.

100 Филарет. Указ. соч. С. 304–305. В тексте, правда, малороссийские города, откуда пришли поселенцы, именуются «родны», но, скорее всего, это опечатка, которую следует читать «розные» (там же. С. 303). По словам В. Маслийчука, этнические украинцы слободских полков называли себя черкасами, редко – малороссиянами, хохлами, и только раз ему-де встретилось самоназвание «украинцы» (Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського» на теренах Слобідської України (друга половина XVII ст.)* // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 436, прим. 4).

101 Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського»…* С. 116.

102 По поводу происхождения слободской старшины в украинской историографии высказываются диаметрально противоположные суждения. Дворянские историки конца XVIII – первой половины XIX в., разумеется, всячески подчеркивали свои права на «благородство». Во второй половине XIX – XX в. историки народнических и марксистских убеждений убедительно оспорили подобные утверждения.

103 Саратов И.Е. *История харьковских гербов.* Учеб. пособие. Харьков, 2000. С. 142–143.

104 Багалій Д.І. *Історія колонізації*… С. 259.

105 Лосієвський І. *«Багатий сад» Яна Орновського 1705 р. – перший художньо-документальний твір про Слобідську Україну* // Польська діаспора у Харкові. Історія та сучасність. Матеріали наук. конф. у Харкові. Харків, 2004. С. 82–100. Полковник знал, к кому обращаться, поскольку в это же время Я. Орновский сочинял панегирик самому гетману И. Мазепе (см.: Plokhy S. Op. cit. P. 272).

106 Если существовала слобода «Захарьковская», можно ли предположить, что полонизованная версия этого названия выглядела бы как «Захаржевская»? Это всего лишь предположение, основанное на догадке.

107 *350 лет харьковской архитектуры* // Архитекторы Харькова / Под ред. С. Чечельницкого. Харьков, 2008. С. 6.

108 «В прошлых де годах деды, и отцы, и братья, и родственники их, и они из разных малороссийских и из заднепровских городов под государеву высокодержавную руку на сю сторону Днепра (приходили), и будущие в Белгороде и Курске бояре и воеводы обнадеживали их нашего государя неотменною милостью и всякими их черкасскими неотъемлемыми от них обыклыми вольностями и велели им селиться в защиту окраинным жилым городам по Белгородской черте в диких степях на татарских займах, которыми местами хаживали крымские и ногайские орды под наши государевы жилые окраинные города, и для размножения тех новостроящихся городов велели им призывать в те места на жилье всенадежно их братьев черкас, и теми новоприхожими черкасами построены городы на путивльских диких землях Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Белополье и к тем городам уезды, села и деревни, и во время походов крымских и ногайских орд под окраинные города служили они великому государю по своему обещанию, не щадя голов своих, верно, также и во измененные шаточные времена и ко изменникам не приставали и на прелестные их никакие письма, памятуя к себе государеву милость, не склонялись никогда же и в прошлых годах... для утверждения тех городов за те их верные службы пожалованы, велено им вместо государеваго денежного и хлебного жалования в тех городах жить и государеву полковую службу служить по черкасской обыкности при всяких вольностях и велено же заимки занимать, пасеки и всякие грунты заводить и торговыми всякими промыслами промышлять в своих полках безоброчно и безпошлинно против старочеркасской обыкности» (Цит. по: Багалій Д.І. *Історія колонізації*...С.333); почти то же самое, по словам Д.И. Багалея, говорили о себе жители Золочева и Изюма, в связи с чем можно предположить, что подобные представления были распространены среди слобожан в начале XVIII в.

109 Пассек В.В. *Историко-статистическое описание Харьковской губернии* // Материалы для статистики Российской империи. Т. 1. 1839. С. 41–42; Срезневский И.И. *Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию.* Харьков, 1883. С. 13.

110 Срезневский И.И. Указ. соч. С. 18–19.

111 Багалей Д.И. *Материалы для истории колонизации*… С. 160, 171, 172–178.

112 Срезневский И.И. Указ. соч. С. 18–19.
113 Когут З. *Коріння ідентичности…* С. 97–101.
114 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 300, прим. 153.
115 Гуржій О.І. *Українська козацька держава...* С. 92.
116 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 177.
117 Горленко В.Ф. *Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX ст.* Киев, 1988. С. 198, прим.
118 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 312, 317.
119 Там же. С. 187.
120 Там же.
121 Там же. С. 217. Вероятно, таким же образом возникли два других соседних села: Русская Лозовая и Черкасская Лозовая, существующие и поныне на территории Харьковской области неподалеку от современной границы с Россией.
122 Литература, посвященная украинско-русским отношениям данного периода, довольно обширна: Гуржій О.І. *Про особливості українсько-російських взаємовідносин в середині XVII ст. (1654–1657 рр.)* // Укр. істор. журнал. 1992. № 10–11. С.13–23; Горобець В.М. *Від союзу до інкорпорації: українсько-російські відносини другої половини XVII – першої чверті XVIII ст.* Київ, 1995; Шевченко О.М. *Україна і Росія у світлі релігійно-культурних взаємин другої половини XVII – XVIII ст.* // Укр. істор. журнал. 1996. № 1. С. 82–90; *Россия – Украина: История взаимоотношений.* М., 1997; *Україна і Росія в історичній ретроспективі: Нариси в 3-х томах* / Ін-т історії України НАН України. Т. 1: Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. *Українські проекти в Російській імперії*. Київ, 2004. См. также исследования З. Когута, Ф. Сысына, А. Каппелера, Г. Торке, М. Раева, С. Плохия. К сожалению, большинство авторов названных здесь работ редко обращаются к материалам слободско-украинской истории. Одна из немногих попыток, предпринятых в последние годы, – работа В.Л. Маслийчука (Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського»...* С. 435–437), посвященная периоду, который, вероятно, еще предстоит исследовать с этой точки зрения.
123 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 322.
124 Там же. С. 206.
125 В отписке воеводы Офросимова сказано, что здесь «сброд, мужики деревенские» (см.: Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год).* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993. Т. 1. XVII–XVIII века. С.21).
126 Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського»...* С. 443.
127 Sunderland W. *Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century* // Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Indiana University Press, 2007. P. 35.
128 Davies B.L. *Warfare, State and Society…* P. 93.
129 Санин Г.А. *Южная граница России во второй половине XVI – первой половине XVIII в.* // Russian History : Histoire Russe. 1992. Vol. 19. No. 1–4. С. 442.
130 Феофан Прокопович, главный идеолог формирующейся Российской империи, определяя границы государства после Полтавской битвы 1709 г., упоминает об «Эвксинском» побережье на юге (Plokhy S. Op. cit. P. 272).
131 Denis J.B. Shaw. *Geographical practice and its significance in Peter the Great's Russia* // Journal of Historical Geography. 1996. Vol. 22. No. 2. P. 164.
132 Пірко В. *Картографічні матеріали Півдня України XVIII століття*. С. 406.
133 Подробности см.: Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського»...* С. 105–140.

[134] Пірко В.О. *250-річчя з часу спорудження ...* С. 139–142.
[135] Там же. С. 136.
[136] Саратов И.Е. *История харьковских гербов...* С. 147–148.
[137] Маслійчук В. *Провінція на перехресті культур.* С. 128, 131.
[138] Сосса Р.І. *Історія картографування...* С. 90–91.
[139] «Чертеж Слободским полкам, лежащим между Доном, Осколом, Донцом и Ворсклою, также и Бахмутской провинции» (Пірко В. *Картографічні матеріали…* С. 406).
[140] Гуржій О.І. *Українська козацька держава...* 1996. С. 67.
[141] Пірко В. *Картографічні матеріали…* С. 406–408. Мнение о том, что исследования подобного рода начались на Слобожанщине лишь после основания Харьковского университета (см.: Павленко Ю.В., Руда С.П., Хорошева С.А., Храмов Ю.О. *Природознавство в Україні до початку XX ст. в історичному, культурному та освітньому контекстах.* Київ, 2001. С. 203) считаем необоснованным.
[142] Пірко В. *Картографічні матеріали...* С. 406–408.
[143] Квитка Г.Ф. *Харьков и уездные города.* Харьков, 2005. С. 186.
[144] Там же. С. 188.
[145] Там же. С. 189.
[146] *Экономическая география в СССР. История и современное развитие.* М., 1965. С. 251.
[147] Багалій Д.І. *Історія Слобідської України.* С. 188–189.
[148] Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год).* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993. Т. 1. XVII–XVIII века. С. 321.
[149] Там же. Т. 1. С. 319, 324.
[150] http://www.patriarchia.ru/db/text/31098.html
[151] Софронова Л. *Функция границы в формировании украинской культуры XVII–XVIII веков* [http://www.litopys.org.ua/vzaimo/vz09.htm].
[152] Историки Д. Багалей и Д. Миллер в связи с этим замечают: «В словах воеводы Офросимова ярко выразился взгляд великорусских людей XVII века на православие, которое они представляли себе почти исключительно с внешней обрядовой стороны... Для подобного рода людей все мало-мальски непохожее на свое представлялось уже чуждым, странным, неверным...» (Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 320–321).
[153] Багалій Д.І. *Історія Слобідської України...* С. 179.
[154] Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. *История России с древнейших времен.* Т. 13–14. М., 1991. С. 375.
[155] Филарет. Указ. соч. Т. 1. С. 16; Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 330.
[156] Паньок Т.В. *Стильова еволюція в іконописі Слобожанщини XVII – початку XIX ст.* Автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства. Харків, 2005.
[157] *350 лет харьковской архитектуры...* С. 6.
[158] Посохова Л.Ю. *Харківський колегіум (XVIII – перша половина XIX ст.).* Харків, 1999.
[159] Там же. С. 48–49.
[160] Там же. С. 41.
[161] Там же. С. 46.
[162] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 392.
[163] Данилевский Г.П. *Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования.* Харьков, 1866. С. 298.
[164] Мотивы и направления реформ в этой области см.: Когут З. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830.* Київ, 1996. С. 76; Jones

R.E. *Catherine II and the provincial Reform of 1775: A Question of Motivation* // Canadian Slavic Studies. 1970. No. 3 (Fall); Velychenko S. *Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia: Who Administered the Borderlands?* // Russian Review. 1995. Vol. 54. No. 2. P. 188–208; Готье Ю. *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II.* В 2 т. М., 1913.

165 Когут З. *Російський централізм...* С. 78.

166 Маслійчук В. *Діалог «українського» та «російського»…* С. 141–156.

167 *The Cambridge history of Russia.* Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. Cambridge University Press, 2006. P. XXV.

168 Op. cit. P.11.

169 Роммель К.-Д. *Спогади про моє життя та мій час* / Пер. з нім. В.Л. Маслійчук, Н.А. Оніщенко. Харків, 2001. С. 130.

170 Kohl J.G. *Russia. St. Petersburg, Moscow, Kharkoff, Riga, Odessa, the German provinces on the Baltic, the steppes, the Crimea, and the interior of the Empire.* London, Chapman and Hall, 1842. P. 509–510.

171 Velychenko S. Op. cit. P. 188–208.

172 В 1780 г. Слободско-Украинская губерния была преобразована в Харьковское наместничество, просуществовавшее до 1796 г., когда было возвращено прежнее название.

173 LeDonne J.P. *Regionalism and Constitutional reform 1819–1826* // Cahiers du Monde russe. 2003. Vol. 43. No. 4 (Avril–sept.). P. 5–34; Idem. *Russian governors general, 1775–1825. Territorial or functional administration?* // Cahiers du Monde russe. 2001. Vol. 42. No. 1. P. 5–30; Idem. *Administrative regionalization in the Russian empire, 1802–1826* // Cahiers du Monde russe. 2002. Vol. 43. No. 1. P. 5–34.

174 Когут З. *Російський централізм...* С. 97–113.

175 Посохов С.И., Ярмыш А.Н. *Губернаторы и генерал-губернаторы.* Харьков, 1996. С. 152.

176 Кабузан В.М. Указ. соч. С. 192.

177 Там же. С. 211.

178 Багалій Д.І. *Історія колонізації...* С. 394–398.

179 Маслійчук В.Л. *Провінція на перехресті культур...* С. 150.

180 Leckey C. *Provincial readers and agrarian Reform, 1760s–1770s: the case of Sloboda Ukraine* // Russian Review. 2002. No. 61 (Oct.). P. 535–559, здесь – с. 549.

181 Багалей Д.И. *Ярмарки г. Харькова в XVIII столетии* // Очерки из русской истории. Т. 2. Моногр. и ст. по истории Слободской Украины. Харьков, 1913. С. 76. В начале XIX в., согласно подсчетам Д. Багалея, три четверти харьковского гильдейского купечества составляли русские и иностранцы (Багалей Д.И. *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* В 2 т. Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898. С. 16).

182 Саратов И.Е. *История харьковских гербов...* С. 156–157.

183 McNeill W.H. *Europe's Steppe Frontier 1500–1800.* Chicago; London, 1964.

184 Рудяков П.Н. «*В службу и вечное подданство…*»*: Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764).* Киев, 2001.

ГЛАВА 2. URBI ET UNIVERSITATES

Поиски оптимальной стратегии управления отдаленными от центра территориями и необходимость их интеграции в империю тесно переплетались с новыми задачами и вызовами, порождавшимися экспансией Российской империи в южном, восточном и западном направлениях. Экспансия в данном случае оказывалась тесно связанной с модернизацией, которая, в свою очередь, выглядела оборотной стороной вестернизации. При этом реформирование громадной по своим размерам и пестрой по составу населения империи неизбежно приобретало разный характер в разных регионах страны, с учетом местных особенностей.

Модернизационные стратегии российского правительства на Слобожанщине во второй половине XVIII – начале XIX в. нашли достаточно полное отражение в истории города Харькова и Харьковского университета, которые с этого времени стали наиболее узнаваемыми и влиятельными символами всего региона. В связи с этим возникает вопрос о том, в какой степени городские и университетские реформы отражали местную, региональную специфику. В свою очередь, повлияли ли они на культурную и географическую идентификацию города и региона? Но, прежде чем предложить ответы на поставленные здесь и другие, связанные с ними вопросы, необходимо в общих чертах коснуться основных направлений политики центра на южной степной окраине империи в рассматриваемый период.

Харьков в геополитической системе координат

В годы правления Екатерины II политическая карта Восточной Европы претерпела глубокие изменения. По словам У. Сандерленда, в результате войн и аннексий границы России с Речью Посполитой, Османской империей и Крымским ханством на протяжении 1772–1795 гг. изменялись шесть раз[1]. Эта цифра, несомненно, увеличится, если учесть границы украинских регионов Гетманата, Запорожской Сечи и Слобожанщины, постоянно перекраивавшиеся в ходе административно-политического реформирования степной окраины империи.

По мере того как «военный фронтир на Юге России постепенно эволюционировал в поселенческий (settlement frontier), имперская “варварская граница” – в освоенную границу (Erschließungsgrenze)...»[2], российское правительство переходило к осуществлению гигантского по своим масштабам проекта, направленного на освоение и культурную трансформацию южных степных окраин в соответствии с принципами европейского Просвещения. В Северном Причерноморье и в Крыму стали возникать новые города и административные территории, со временем образовавшие исторический регион, известный под названиями Юга России, Новороссии, Северного Причерноморья, Южной Украины и Степной Украины[3]. Возникновение нового региона и место, которое он занял на новой культурно-политической карте Российской империи, свидетельствовали, по словам Андрея Зорина, о глобальной переориентации всей российской политики, культуры и самосознания[4]. Этот вывод можно несколько смягчить, если вспомнить о том, какие громадные человеческие и военные ресурсы сосредоточивались на южной степной окраине Московского государства и раньше, в XVII в. Степное порубежье сохраняло свое стратегическое значение для Российской империи и во времена Екатерины II, но теперь оно приобретало несколько иную роль в правительственной политике.

Новому региону Российской империи предстояло стать не только плацдармом для дальнейшей военно-экономической экспансии на Кавказ и Балканы, но и опорным пунктом на пути к культурно-цивилизационным истокам Византийской империи[5] и в этой связи – центром национального «возрождения» балканских народов – греков и православных славян. Южнороссийские города проектировались и возводились по античным образцам, как их понимали в России в эпоху Просвещения[6]. В них изначально планировалось открыть учебные заведения, предназначенные для воспитания греческой и славянской молодежи, такие, как, например, Корпус чужестранных единоверцев, переведенный в 1779 г. из Петербурга в Херсон[7], или, спустя более чем полстолетия, – Южнославянский пансион в Николаеве[8].

Южное направление внутренней и внешней политики Екатерины II сопровождалось поисками места для новой, теперь уже южной, столицы Российской империи, в противовес северной столице – Санкт-Петербургу[9]. Вероятно, на эту роль поначалу претендовал Херсон, как о том неоднократно упоминала сама Екатерина II[10]. По замыслу императрицы Херсон должен был стать главным портом нового региона, «южным Санкт-Петербургом»[11]. Не случайно его возводил крестник Петра I, генерал Ганнибал. В 1775 г. в новом городе была создана Херсонская и Славянская епархия Русской православной церкви с исключительно высоким статусом[12]. Правда, как выяснилось позднее, правительство запуталось в истории, посчитав, что именно здесь находился древний античный Херсонес, в котором, по легенде, принял крещение киевский великий князь Владимир[13].

Со временем место Херсона в планах правительства занял Екатеринослав, в основание которого российская императрица собственноручно заложила первый камень в 1787 г. в присутствии австрийского императора Иосифа II. Само название города выглядит дополнительным аргументом в пользу той первенствующей роли в империи, которая отводилась ему в будущем (в сравнении с Петербургом, городом Петра). Особый статус Екатеринослава подчеркивал и Высочайший указ 1784 г. об основании здесь университета, который должен был обучать не только российских подданных, но и проживавших на территории Оттоманской и Австрийской империй славян[14]. Для устройства университета была ассигнована сумма в 300 тыс. рублей и назначены первые профессора. Этот проект не был реализован, но, несомненно, оказал свое влияние на идею Харьковского университета.

В процессе интеллектуального освоения новых степных территорий «южная» терминология, которая входит в постоянное употребление, скорее всего, со времен азовских походов Петра I, теперь начинает все чаще определять собой географическое, историческое и культурное измерение страны. «Северно-южная» система культурных координат входит в употребление в России приблизительно в то самое время, когда в других европейских странах она сменяется «западно-восточной»[15].

По мере того, как на карте все более явственно вырисовывался новый исторический регион, с энтузиазмом реформируемый наиболее почитаемой из российских императриц[16] и превращавшийся в своеобразное образцовое пространство просветительской модернизации, Слобожанщина еще теснее связывалась с югом. Собственно, она оставалась его частью с момента своего возникновения в середине XVII в., причем этот процесс изначально, как уже говорилось в предыдущей главе, был связан с военно-административным реформированием степного пограничья. Слободская Украина словно предвосхищала пути развития всей Южной России, выступая посредником между нею, соседней Малороссией и собственно Россией.

Процесс подключения Слобожанщины к «южнорусскому» культурному пространству активизировался во второй половине XVIII в. В соответствии с представлениями о климатическом разделении Российской империи на три полосы: северную, среднюю и южную – Слобожанщина, вместе с соседней Малороссией, относилась к южным российским губерниям. Новая географическая структура имперского пространства нашла символическое отражение в новой системе мундиров и губернских гербов[17]. Указом Екатерины II от 9 апреля 1784 г. в империи вводились дворянские мундиры трех цветов: светло-синего – для северных губерний (включая Петербургскую), красного – для губерний средней полосы (включая Московскую) и темно-вишневого – для южных губерний (включая Киевскую)[18].

Император Павел I, придя к власти, изменил эту систему, но не отказался от местных различий губернских мундиров. С 1797 г. эти последние получили один общий цвет – темно-зеленый, но отличались между собою деталями воротников и обшлагов, цвет которых должен был соответствовать цвету губернского герба. Так, статский мундир Слободско-Украинской губернии приобрел следующий вид: «кафтан темно-зеленый, воротник и обшлага бархатные светло-зеленые, подкладка, камзол, и исподнее платье, и пуговицы белые»[19]. Мундир Малороссийской губернии отличался от него цветом воротника и обшлагов (белым), а также камзола и исподнего платья (палевого), в то время как мундир Новороссийской губернии имел уже другие, в сравнении с малороссийским и слободско-украинским, цвет пуговиц (желтый), воротника и обшлагов (голубой).

Примечательно, что в отдельных губерниях при этом допускались определенные различия, связанные с местной исторической традицией. Так, дворянам и чиновникам захваченных у Крыма и Речи Посполитой областей, включая Новороссийскую и Малороссийскую губернии, наряду с унифицированным мундиром немецкого покроя было позволено носить традиционную, «по древним обычаям сшитую» одежду, имеющую лишь цвет губернских гербов и мундиров[20]. Другими словами, символика новой одежды отражала не только интегрирующую тенденцию правительственной политики, но и закрепляла региональные особенности на окраине империи.

Новая административная и символическая география Российской империи начала приобретать дополнительное обоснование в исторических сочинениях императрицы: «Северную Руссию» в них олицетворял древний Новгород, а «Южную Руссию» – Киевское княжество[21]. Древнерусская символика, наряду с античной, активно использовалась в процессе интеллектуальной аннексии Россией крымско-татарских и турецких владений. Определенную роль в этом процессе играли поиски полулегендарного Тмутараканского княжества, при помощи которых в свое время обосновывались претензии Москвы на Астраханское ханство[22].

Любопытно, однако, что в поисках новой, альтернативной Петербургу столицы Российской империи взгляды имперской элиты не обращались к Киеву, претендовавшему на эту роль в середине XVII в. И это несмотря на складывавшийся в годы правления Екатерины II культ допетровской Руси, в котором Киеву отводилась роль основного символа «органичности» исторического развития империи, якобы нарушенного Петром I[23]. В начале 1790-х гг. фаворит императрицы Платон Зубов, строя химерические планы перекройки карты мира, выделил сразу шесть столиц для будущей «всемирной» Российской империи, но Киеву среди них места не нашлось[24]. Современный Киев (как, впрочем, и Москва с ее грузом досекулярной историко-культурной традиции), таким образом, для русского правительства оставался неинтересен – гораздо более важной представлялась ему киевская идея...

Научные и литературные путешествия «по южным странам России» (В.Ф. Зуев, П.С. Паллас, В.И. Измайлов, П.И. Сумароков и др.), популярности которых способствовала поездка к Черному морю самой Екатерины II в 1787 г., символически соединяли русские черноземные и этнические украинские земли, а также Новороссию, Причерноморье и Крым – в едином виртуальном пространстве «полуденной России». Для путешественников из российских столиц, проезжавших через Харьков, город также воспринимался в качестве дополнительного ориентира на пути к югу.

Впрочем, сама по себе Слобожанщина для путешественников долгое время оставалась транзитной и неопределенной территорией – ее пересекали паломники, направлявшиеся в поисках «духовных истоков» к более узнаваемым местам поклонения: Полтаве, Киеву, Херсону, Крыму[25]. Императрица Екатерина II, проезжая по территории Слобожанщины, удостоила, например, город Курск рассуждением о том, что, мол, жаль, что Петр I поставил столицу не здесь, «ибо, проезжая сии места, воображаются времена Владимира I, в кои много было обитателей в здешних странах»[26]. Харьков никого не вдохновлял на подобные рассуждения. В антично-древнерусской системе культурных координат XVIII в. он попросту не значился.

Urbi для Украины

Значение Харькова для империи поначалу определялось преимущественно военно-политическими соображениями. Здесь долгое время находилась штаб-квартира главнокомандующего пограничными войсками России в «полуденном крае», которая ближе к концу царствования Екатерины II переехала сначала в Полтаву, затем – в Кременчуг и после – в Елисаветград[27]. Размещение города в символическом пространстве «Полуденной России» отражало не столько интеграционную, сколько экспансионистскую состав-

ляющую политики имперского центра на территории бывшего степного порубежья. Именно это обстоятельство обеспечило Харькову приоритет в борьбе за право именоваться административной и культурной столицей нового южного региона империи и позволило ему опередить на этом пути других, не менее серьезных конкурентов: Белгород, Сумы и Екатеринослав.

На Слобожанщине наиболее серьезным конкурентом Харькова в этой борьбе могли считаться Сумы, превосходившие Харьков по численности населения, интенсивности и объемам торговых оборотов с Россией. Сумы не случайно стали в 1732 г. резиденцией первого реформатора Слобожанщины, князя Шаховского. Географическая близость города к России превращала его в основной опорный пункт империи на Слобожанщине в то время, когда приоритетными для правительства оставались задачи интеграции и инкорпорации степных, в том числе казацких, окраин.

Но во второй половине XVIII в., когда казацкие военно-административные образования, казалось, уже не представляли собой серьезной военной угрозы для империи, политические приоритеты правительства изменились. На первый план выдвигалась экспансия на южном, черноморском направлении. Харьков в военно-стратегическом и геополитическом отношении оказался более предпочтительным опорным пунктом имперской политики, чем Сумы.

Продвижение империи в направлении Черного моря открывало перед Харьковом новые перспективы, особенно в связи с постоянной угрозой войны с Турцией и развертыванием сербского и греческого освободительного движения в начале XIX в. Российское правительство вынашивало далеко идущие планы усиления своего политического влияния на Балканах, в связи с чем Харьков приобретал дополнительное значение в качестве плацдарма и транзитного пункта и на этом направлении имперской политики.

На украинской степной границе начиная с XVIII ст. постоянно концентрировались выходцы из Балкан, получавшие здесь от русского правительства, по примеру украинцев, различные слободы[28]. Это были, большей частью, сербы и валахи, пополнявшие ряды местной элиты, офицерского корпуса, высшего духовенства, интеллигенции. В Харьковском коллегиуме, а впоследствии в университете, обучались и преподавали выходцы из Сербии. Накануне и во время очередной русско-турецкой войны 1806–1812 гг. через Харьков проезжали навстречу друг другу сербские депутации и российские эмиссары.

Необходимо отметить, что с момента возвышения Харькова в качестве столицы Слобожанщины его влияние никогда не ограничивалось административными границами губернии или наместничества. К примеру, сфера полномочий военного губернатора Слободско-Украинской губернии выходила далеко за пределы последней и распространялась также на Белгород-

скую, Воронежскую, Казанскую, Саратовскую и Астраханскую губернии, а также Войско Донское[29].

Стратегическое, военно-административное значение Харькова на пересечении важнейших путей, связывавших столицы и южные окраины империи, дополнялось его функциями церковно-административного центра обширного региона – особенно после того, как в 1726 г. сюда был переведен из Белгорода духовный коллегиум, готовивший православных священнослужителей из жителей пограничных окраин империи. В 1799 г. Харьков превратился в центр новой, Слободско-Украинской епархии.

Другими словами, Харьков становился не только административным центром Слободско-Украинской губернии, но и региональной столицей для всего бывшего степного порубежья России, имевшего в своем составе привилегированные слободы и тем отличавшегося от «внутренних» российских областей. В этом качестве Харьков сравнительно быстро оттеснил на второй план Белгород, считавшийся с середины XVII в. главным военно-административным центром российского контроля над степным порубежьем[30], и занял характерное для себя промежуточное место между более традиционными городами Малороссии и новыми городами Южной России.

Росту Харькова в значительной степени способствовала ярмарочная торговля. С момента своего основания город активно развивался в качестве места проведения оптовых ярмарок, очень скоро вошедших в число крупнейших в империи[31]. Если поначалу основным торговым центром региона были Сумы, располагавшиеся ближе к России и находившиеся в относительной безопасности, подальше от степного порубежья, то продвижение России в южном направлении привело к возвышению Харькова в роли крупного центра ярмарочной оптовой торговли[32]. Таким образом, торговые интересы Харькова теснее привязывали его к формировавшемуся в это время новому региону Южной России, а не к центральным районам империи.

Это хорошо понимали харьковские депутаты в Комиссии по составлению проекта нового Уложения в 1767–1768 гг., выступая, в частности, против переориентации российской внешней торговли на Петербург, в обход Польши, и находя в этом союзников среди депутатов от соседней Малороссии[33]. В то же время локальные интересы харьковчан, жителей Малороссии и Запорожской Сечи ощутимо расходились из-за конкуренции в южной торговле, которая, учитывая общую слабость коммуникаций в стране, представляла для местных торговцев наибольший интерес.

Первые сто с лишним лет своего существования Харьков оставался укрепленным пунктом, в котором можно видеть лишь отдельные элементы городской идентичности в виде «усеченного» мещанского самоуправления, ремесленных цехов и церковных братств, хотя этого, видимо, недостаточно, чтобы сравнивать Харьков с остальными украинскими городами, имев-

шими магдебургское право[34], тем более что казачество в скором времени полностью подмяло под себя мещанство. Долгое время Харьков не имел даже внешних атрибутов городской среды, оставаясь укрепленной слободой, ничем не отличавшейся от других населенных пунктов на степном фронтире. Основатели Харькова – «сброд и мужики деревенские», по презрительному выражению местного русского воеводы, – на новом месте продолжали вести привычный для себя образ жизни, обзаводясь хуторами и занимаясь сельскими промыслами, винокурением и торговлей.

В момент своего заселения Харьков насчитывал 1,5–1,8 тыс. человек, абсолютное большинство которых составляли этнические украинцы[35]. Впрочем, население крепости часто менялось из-за постоянной ротации русских военных и переселений украинских колонистов в поисках новых слобод. Длительное время город оставался малолюдным: в начале XIX в. здесь насчитывалось всего 5373 человек мужского пола; по числу жителей Харьков уступал в то время Валкам (5392 чел. м. п.) и Ахтырке (6309 чел. м. п.)[36].

Впрочем, количество жителей само по себе еще не делало поселение городом. Достаточно сказать, что в древнем Дерпте в то же время населения было еще меньше, чем в Харькове, что не мешало ему считаться городом. Намного более важной категорией для характеристики городской среды является социальная структура населения. В начале XIX в. абсолютное большинство харьковчан составляли крестьяне – государственные (иначе – казенные, или военные обыватели) и помещичьи. Вместе взятые, они насчитывали более 7,5 тысяч человек. Далее – по нисходящей – шли мещане и цеховые ремесленники (более 1,5 тыс. чел.), купцы (немногим больше 800 чел.), дворянство и духовенство (менее 500 чел.)[37].

Нет ничего удивительного в том, что Харьков и выглядел типичной слободой, жители которой занимались в основном сельским хозяйством, мелкими промыслами и торговлей, – именно так описывает его русский путешественник начала XIX в. И. Долгорукий[38]. Кривые улочки, деревянные дома под соломенными крышами, легендарная даже для провинции уличная грязь, зловонные реки и – как следствие – убийственный микроклимат и антисанитария[39], – все эти приметы Харькова производили глубокое впечатление на современников И. Долгорукого.

Профессор И. Тимковский, впервые увидев Харьков в 1803 г., писал: «Город… только что выходит из дикой необразованности»[40]. Видимо, причиной столь резкого отзыва стало огромное количество навоза, который годами сваливали просто в реку или разбрасывали по улицам «для уменьшения грязи». Современник И. Тимковского профессор Л. Якоб, переехав в Харьков из немецкого города Галле в 1807 г., обратился в ученый совет университета с официальным представлением, в котором писал: «Количество грязи и навоза на наших улицах увеличивается со дня на день до такой степени,

что надо опасаться, как бы под ними не были погребены не только люди и животные, но даже и дома. Это огромное количество грязи, из которой не могут почти никогда выбраться пешеходы, а лошади и экипажи выбираются только с трудом, уничтожит все удобства пребывания в городе и даже угрожает жизни его обывателей»[41].

Размытый водой и смешанный с грязью, этот побочный продукт знаменитых харьковских ярмарок действительно постоянно отравлял воздух и воду, вызывая многие эпидемические болезни, среди которых наиболее распространенными были тиф, лихорадка, малярия, ревматизм, респираторные заболевания. В начале XIX в. смертность в городе превышала рождаемость. Приезжие из провинции, поселившись в Харькове, вскоре становились подобными местным жителям, пораженным бледностью и хроническим воспалением глаз. Санитарно-гигиенические и бытовые условия Харькова оказались убийственными прежде всего для иностранцев, прибывавших сюда из европейских стран: многие из них в скором времени умерли или были вынуждены покинуть город «благорастворенного климата».

Польский историк Л. Яновский считал, что Харьков как город уступал в начале XIX в. соседним Белгороду, Воронежу или Курску[42]. Его мнение подтверждает, в частности, русский путешественник П. Сумароков, которому Харьков с его вышеперечисленными прелестями показался городом, «нимало не похожим на великороссийские города»[43]. Для этого были все основания, поскольку первые полтора столетия существования Харькова его социокультурное пространство фактически сливалось с окружавшими город слободами, жители которых продолжали вести традиционный для аграрного общества образ жизни.

Городское пространство Харькова формировалось очень медленно. Первые улицы города, судя по их названиям, выглядели лишь продолжением пересекавших его дорог: Московской, Сумской, Змиёвской, Чугуевской, Полтавской, Белгородской, позднее – Екатеринославской (Новороссийской), Таганрогской и др.[44] Социокультурное пространство Харькова маркировалось также при помощи названий православных храмов, профессиональных занятий жителей (в основном ремесленников, торговцев, солдат) или имен наиболее известных домовладельцев. Но постоянных названий улиц и площадей вплоть до начала XIX в. в Харькове не было.

Первую попытку присвоить харьковским улицам постоянные имена предприняла в начале XIX в. губернская администрация в лице ее руководителя И.И. Бахтина[45]. Просвещенный губернатор потребовал от думы установить в городе столбы с железными листами, на которых должны быть написаны названия соответствующих улиц. Было ли выполнено это требование, к сожалению, неизвестно. Скорее всего, нет, поскольку спустя три десятиле-

тия местные власти снова издали распоряжение об установке на городских домах таблиц с точными названиями улиц[46].

Внешние границы Харькова начали вырисовываться уже в 1659 г., в связи с размежеванием земель[47]. В начале XIX в. они определялись уже не крепостными стенами, как раньше, а социально-экономическими обстоятельствами, связанными с наступлением государства на местные слободы, из которых наиболее важной представлялась торговля спиртным, в наибольшей степени наполнявшая бюджет империи. В самом Харькове ее к тому времени успели прибрать к рукам винные откупщики, установившие здесь монопольные цены. Но в селах, продолжавших пользоваться слободами, продажа спиртного оставалась свободной и цены, соответственно, были ниже, чем в городе. По этой причине в 1807 г. Харьков отгородился от провинции заставами – своеобразными таможнями, на которых обыскивали всех проходящих через них обывателей, представлявших потенциальную угрозу государственным интересам[48]. Впрочем, несознательным любителям «зеленого змия» не возбранялось выходить за городскую черту и через некоторое время возвращаться назад, через кордон, вполне удовлетворенными.

Консолидации и символическому оформлению городской территории могли способствовать, как и в случае со слободским регионом в целом, лишь постоянные жители, объединенные общностью интересов. Екатерина II, стремясь отгородить городских жителей от сельских и стимулировать развитие городов, перенесла на российское пространство современное западное законодательство. В 1785 г. была принята Жалованная грамота городам, дающая горожанам право самоуправления. Но оказалось, что «грунты» Российской империи плохо подготовлены для такого рода экспериментов.

Прежде всего, потребовалось «создать» эти самые города, а вместе с ними и самих горожан. С этой целью статус многих населенных пунктов империи, таких как Харьков, был повышен – они стали называться городами. Их жители, в свою очередь, были расписаны по городским сословиям, с четко определенными правами для каждого из них. Но вдохнуть жизнь в анклавы гражданского общества, проектируемые правительством «служилой» империи с ее крепостным правом, малокомпетентной и коррумпированной бюрократией, консервативной церковью и отсутствием принципа верховенства закона, оказалось трудной задачей.

Городские жители не имели общих корпоративных интересов. Они продолжали оставаться разделенными на сословия, из которых первое место отводилось дворянству. Городское пространство Харькова разделялось на отдельные районы, вчерашние слободы, жители которых объединялись по сословной принадлежности, роду занятий, образу жизни и т.д.: Захарьковская слобода, Москалевка, Чугуевка и т.п. Понятно, что никакой коллективной городской идентичности при таких условиях возникнуть не могло.

Городское самоуправление оказалось в руках одного сословия – купечества[49], игнорировавшего интересы подавляющего большинства харьковчан. В свою очередь, дворянство и бюрократия вместе с полицией и церковью на практике игнорировали городскую думу, низведенную до уровня придатка губернской администрации. Фактически город находился под непосредственным управлением губернатора и верной ему полиции. Не удивительно, что избиравшиеся в органы городского самоуправления гласные воспринимали эту честь как тяжелую повинность и стремились избавиться от нее при первом удобном случае.

С другой стороны, демократическое самоуправление, разработанное просвещенным правительством по западным образцам, долгое время оставалось непонятным и ненужным новоиспеченному городскому («гражданскому») обществу. Д. Багалей, посвятивший немало скорбных строк состоянию харьковского городского самоуправления и его унылому противостоянию с имперской бюрократией, был вынужден, тем не менее, признать, что в печальном положении городского самоуправления в значительной степени были повинны сами купцы[50] – люди пронырливые, но в большинстве своем малограмотные, привыкшие гнуться перед начальством и решать дела при помощи взяток. Понятно, что инициативы, направленные на защиту городских интересов, оставались редкостью, нередко подлежащей наказанию...

Тем не менее, после появления Жалованной грамоты городам можно было, по крайней мере, обозначить пространство и характер специфических городских интересов, пускай даже они имели сугубо сословный характер и ограничивались сферой торговли. Харьковская городская дума едва ли не с момента своего возникновения в 1787 г. принялась ограждать интересы местного купечества от конкуренции, стремясь не допустить к городской торговле великороссийских, малороссийских и еврейских торговцев, а также приезжее крестьянство[51]. Правда, на защиту притесняемых и преследуемых всякий раз героически выступала известная своей неподкупной честностью и бескорыстием местная полиция. Под аккомпанемент борьбы городской думы с еврейскими торговцами в Харькове образовалось и даже успело состариться еврейское кладбище[52].

Прежде чем городская дума и купечество в первой половине XIX в. стали ощутимо влиять на развитие городской среды и культурной жизни Харькова, последний своим прогрессом был обязан прежде всего просветительским инициативам имперского правительства. На изображении города, относящемся к 1787 г., хорошо заметно, что в городском ландшафте все еще доминируют церкви, монастыри и деревянные дома обывателей, но центральное место в городе уже занимает генерал-губернаторская резиденция вместе с губернским магистратом и губернаторским домом[53]. Городские ма-

гистрат и дума, правда, здесь еще практически не заметны; через некоторое время эксперимент с развитием городского самоуправления вообще будет прерван императором Павлом I и возобновится лишь с воцарением Александра I в 1801 г. Тем не менее, следующие полтора столетия в истории города станут временем его стремительного прогресса, в котором городскому самоуправлению придется играть заметную роль.

Во второй половине XVIII в. в Харькове появилось и начало развиваться публичное пространство светской культуры, связанное с распространением в обществе новой просветительской культуры и идеологии. Превращение Харькова в административный центр Слобожанщины способствовало появлению в городе первого театра, получившего постоянное помещение в 1791 г. Театр пользовался широкой поддержкой местного общества, щедро жертвовавшего на его обустройство и наполнявшего театральный зал во время любого представления, особенно когда ставились комедии, водевили, комические оперы, преимущественно русских и некоторых западных авторов: А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, Д.И. Фонвизина, Д. Дидро, Бомарше, Вольтера.

В 1793 г. в Харькове при губернском приказе общественного призрения возникла и первая типография. Среди первых ее изданий историки называют, в частности, оду, написанную учащимися Харьковского коллегиума в честь покровителя этого учебного заведения князя А.М. Голицына (1795), а также бердичевские календари-месяцесловы, переведенные с польского языка префектом Харьковского коллегиума А. Прокоповичем и изданные в 1797 и 1799 гг.[54]

Превращению Харькова из слободы в город в значительной степени способствовало появление здесь университета, о деятельности которого подробнее будет рассказано в следующем разделе этой главы. Здесь же речь пойдет о том месте, которое университет занял в социокультурном пространстве города. Харьковский университет не имел вида кампуса или «ученого городка», как это предполагал его основатель В.Н. Каразин. Университет располагался первое время в казенных строениях вдоль одной из центральных улиц и лишь постепенно расширял свое присутствие в городе за счет покупки и строительства новых помещений, разбросанных по всему Харькову.

Вместе с университетом появились профессора и служащие, обзаводившиеся в городе собственными домами. Немецкие ремесленники, приглашенные В. Каразиным «для нужд университета», смогли даже положить начало новой, Немецкой улице. Разношерстный этноконфессиональный состав харьковских преподавателей и студентов, купцов и ремесленников, военных стимулировал появление в городе, помимо православных церквей, лютеранской кирхи (1830) и католического костела (1832), а рядом с ними –

соответствующих каждой конфессии кладбищ. Кроме христианских, в Харькове появились также иудаистские и мусульманские церкви и кладбища.

Благодаря университету в городской ландшафт первой половины XIX в. органически вписались ботанический и городской сады, бульвар, новые места отдыха и развлечений горожан. В свою очередь, купечество также способствовало прогрессу города построением новых каменных домов и торговых строений, закладкой бульваров и развитием сферы обслуживания. Но и к середине XIX в. трансформацию городского пространства Харькова определяли не столько городское управление, сколько государство и церковь. Символом их нерушимого единства можно считать возведение в 1844 г. в центре города самого высокого здания – колокольни Успенского собора, установленной в честь императора Александра I и победоносного изгнания из России Наполеона с его «двунадесятью языками» в 1812 г.

Особенности городского ландшафта Харькова тонко подметил немецкий исследователь А. Гакстгаузен, проезжавший через город в июле 1843 г. Путешественник детально описал «три источника и три составные части» Харькова, открывавшиеся его пытливому уму по мере приближения к центру города: «деревню с садами и цветниками», с которой он начинался; «город Екатерины II», выстроенный в духе московских окраин с их длинными прямыми немощеными улицами, русскими ремесленниками, кабаками и магазинами; наконец, город времен Николая I, находившийся в центре этого слоеного пирога, – модерный, вполне европейский, с прямыми, частично замощенными улицами, большими площадями и дворцами, но лишенный жизни и движения[55].

Можно предположить, что эта картина отразила представления ученого путешественника о Российской империи в целом – идею прогресса при отсутствии органичности. «Три города в одном» развертываются перед читателем путешественных записок немецкого ученого в виде картины последовательного восхождения: от природы, царства растительности, – к ремеслу, царству минералов, – и от него – к современной цивилизации, то есть от села через ремесленный центр к современному городу; но попавший в его центр путешественник обнаруживает себя в безлюдном месте. При этом каждый новый виток истории города продолжает свое автономное существование, не связанное с его остальными частями.

Насколько пример Харькова в данном случае можно считать типичным для «многих средних и даже крупных российских городов того времени»[56] – вопрос спорный. Но по отношению к самому Харькову между «прогрессом» и «органичностью», кажется, нет непреодолимого противоречия. Историки города начала XX в. отмечали, что Харьков и в середине XIX в. продолжал оставаться слободой, далекой от городского благоустройства, и что вплоть до конца XIX в. самой многочисленной группой харьковского населения

продолжали оставаться крестьяне[57]. Это обстоятельство, однако, не стало препятствием для формирования харьковского городского мифа – свидетельства зарождения собственно городской идентичности.

По пути прогресса

Обретение харьковской слободой городской идентичности находило выражение в активном формировании мифологии города, создаваемой усилиями преимущественно местной культурной элиты. Вероятно, первый шаг в этом направлении сделал упоминавшийся в первой главе черниговский поэт Я. Орновский, автор панегирика харьковским полковникам Донец-Захаржевским, создавший образ «города-сада» в дикой степи. Харьковский коллегиум и знаменитый философ Г. Сковорода, в свою очередь, немало поспособствовали формированию в конце XVIII в. нового образа Харькова как города – средоточия науки[58]. Г. Сковорода, своими «Баснями Харьковскими» принесший славу всей Слобожанщине, называл Харьков Захарполисом[59] и городом солнца, пророча ему славное будущее. Впрочем, если принять мнение Д. Багалея о том, что в знаменитой песне Г. Сковороды «Всякому городу нрав и права...» изображен именно Харьков[60], то придется признать, что одновременно с «городом солнца» возникает и другой образ Харькова – «города греха», от которого сам философ бежал, как от огня, в «дубравы», поля и хутора.

Еще в большей степени сотворению «парадного» образа Харькова способствовала патриотическая риторика В. Каразина, создавшего в борьбе за Харьковский университет образ «украинских Афин», наполненных просвещенными гражданами, искусными ремесленниками, богатыми купцами, живущими в окружении благословенной Богом природы и в «благорастворенном» климате.

Трудно сказать, в какой степени этот образ повлиял на воображение первых профессоров, принявших приглашение о переезде в пограничный до недавнего времени город, но то, что Харьковский университет, созданный благодаря их усилиям, оказал ни с чем не сравнимое влияние на образ Харькова как новой культурной столицы региона, не подлежит сомнению.

Местный «Украинский журнал» уже в 1824 г. заявлял: «...Город Харьков, разумеется, после столиц наших может и должен почитаться первым в отечестве нашем относительно стремления к образованию юношества городом»[61]. В этом отзыве можно видеть светский вариант образа «города ученых», возникшего в предыдущем столетии благодаря духовному коллегиуму. Профессор Д.И. Каченовский, вероятно, по этой причине любил называть Харьков «нашею Саламанкой»[62].

Харьковский писатель Г.Ф. Квитка внес еще больший вклад в создание новой городской мифологии, связанной с представлениями о неуклонном и быстром прогрессе слободской столицы: «Да, город Харьков отличен от многих губернских городов. Взгляните на него хоть слегка, хоть со всею внимательностью: прелесть! Улицы ровные, чистые, прямые; публичные здания великолепны, частные дома красивы, милы; магазины наполнены всякого рода товарами, вещами, в изобилии и беспрестанно сменяющимися новейшими, изящнейшими; не успеет что явиться в Петербурге, уже привезено в Харьков и продано. Улица, театр, гостиный двор, различные художественные заведения… чего в нем нет! […] И что в нем завидно, так это то, что в нынешнем году город был, кажется, кончен совсем; крайний двор известен; на следующий год, глядишь, уже от того двора выдвинулось в поле несколько улиц, выстроены домики – и границы города изменились... Столица, право слово, столица!»[63]

Этот панегирик, близкий по духу к каразинским «рекламным картинкам» начала XIX в., вносил в формировавшуюся мифологию города элемент развития, динамики, модернизации, а не цепляния за старину. Как раз в то же время активно созидался миф Одессы, в котором, как и в случае с Харьковом, роль основной несущей конструкции взяла на себя просветительская парадигма прогресса, связывавшая славу города не с прошлым, которого у Одессы практически не было, сколько с будущим, – отсюда ставшие общим местом сравнения Одессы с бурно развивавшимися западными городами[64].

В свою очередь, современники сравнивали Харьков с Одессой в качестве примера «европейского» университетского города, отличающегося от других подобных городов лишь «хохлацким» выговором его жителей. В этом же контексте лежат и постоянные сравнения Харькова с Петербургом – они во многом объясняются ролью региональной столицы, которую играл Харьков с момента своего превращения в административный центр Слободской Украины. Немецкий путешественник барон фон Гакстгаузен писал о Харькове как об одном из наиболее важных, красивейших и многообещающих городов Южной России, сравнимых с Одессой в такой же степени, как Москва может сравниться с Петербургом[65].

В путешественных записках И.Г. Коля Харьков назван «одним из наиболее интересных и значительных населенных пунктов империи, занимающих одно из первых мест в ряду провинциальных городов»[66]. Профессор Дерптского университета А. Петцольдт, посетивший Харьков в 1855 г., отзывался о нем как о «прекрасном и цветущем, среди степи раскинутом и беспрерывно расширяющемся городе»[67]. В связи с этим можно вспомнить, что Н.И. Костомаров еще в 1844 г. сравнивал Харьков с Киевом, к большой невыгоде последнего[68], при том, что улицы Харькова и в середине XIX в. ненамного отличались от тех, которые поражали воображение приезжих полвека назад...

Важнейшим элементом харьковского мифа становилась генеалогия города. На рубеже XVIII и XIX вв. она формулировалась в двух основных видах – фольклорном и литературном[69]. Первый из них связан с легендой об основателе города – некоем казаке Харьке, основавшем хутор под своим именем, который со временем перерос в город Харьков. «Портреты» казака Харька, вооруженного и одетого весьма своеобразно, с пикой в руках сидящего верхом на лошади, можно было в изобилии найти на местных ярмарках и в домах харьковских обывателей.

Именно этот сюжет был воспринят харьковским литератором В.Г. Масловичем, опубликовавшим в 1816 г. сентиментальную поэму «Основание Харькова», в которой, правда, речь идет не столько об истории, сколько о любви «дочери» Харька, Гапки, к батраку Якову[70]. Тем не менее автор подчеркивает непосредственную связь прошлого с настоящим при помощи узнаваемых его современниками деталей городского ландшафта. В диалогах основных персонажей поэмы употребляются украинские слова и выражения, что придает произведению некий локальный, специфический для русскоязычного читателя колорит.

Второй вариант истории с основанием Харькова создан украинским писателем Г.Ф. Квиткой, современником В.Г. Масловича, и тоже замешан на взаимной любви, но с несколько иными социальными акцентами. Основателем Харькова в ней выступает уже не казак Харько, а знатный шляхтич, сын московского боярина и немки, выросший в семье киевского польского воеводы и получивший благодаря своей красоте прозвище Квитка; влюбившись по законам жанра в красавицу-дочь воеводы, Квитка бежал с ней на границу, где поступил на службу к русскому царю, основал хутор Основа, от которого и пошел город Харьков... В этой истории обращает на себя внимание разве что благородное «чужеземное» происхождение «основателя» города, выросшего из дворянского поместья.

С конца XVIII в. город Харьков – новый имперский административный и культурный центр на пограничье – стал активно влиять на «маркировку» всего региона, в числе названий которого, наряду со «Слобожанщиной» и «Украиной», вскоре появилось имя «Харьковщина». Невольно напрашивается мысль о том, что «харьковский» маркер в названии края указывал на интеграционистские тенденции в его политической и культурной жизни, в то время как «слободско-украинский» подчеркивал его местные особенности, вначале – в качестве порубежного региона на особых правах, а впоследствии – в виде части украинского национального пространства, о чем пойдет речь в следующих разделах.

Не случайно инициатор основания Харьковского университета Василий Каразин еще в начале XIX в. мечтал о том времени, когда его малая родина – Слобожанщина потеряет свой окраинный статус и приобретет имя Харь-

ковской губернии. Так и случилось еще при жизни просветителя, в 1835 г. Подобную эволюцию пережили также названия Слободско-Украинской епархии, переименованной позднее в Харьковскую, а также Слободско-Украинского главного народного училища, переименованного в процессе превращения в гимназию. В то же время, появившийся в городе в 1805 г. университет с самого начала своего существования получил название императорского Харьковского. История его открытия заняла около трех лет и, словно в капле воды, отразила сложный характер взаимных отношений имперского центра и провинциального поместного дворянства.

Universitates для Украины

Открытие Харьковского университета в 1805 г. можно считать центральным событием в истории Слобожанщины конца XVIII – начала XIX в. Большинство трудов, посвященных этому событию[71], демонстрируют достоинства и недостатки так называемого ведомственного подхода к предмету изучения, как правило, ограниченного рамками просветительского историко-культурного дискурса[72]. Между тем данный эпизод из украинской и российской истории приобретает несколько иное измерение, если подойти к его рассмотрению в контексте взаимных отношений центра и окраин, столичной бюрократии и местных элит, а также культурной политики центра на южных окраинах империи[73].

Для имперского центра новая, светская система образования считалась основным средством в модернизации и «цивилизовании» общества «сверху», «воспитании» нового типа просвещенного гражданина и подданного, способного к восприятию и поддержке реформ просвещенного правительства. Для свежеиспеченного провинциального дворянства – весьма многочисленного и в массе своей бедного – образование порой становилось основным средством утвердить свой привилегированный статус в обществе или сделать успешную карьеру в столицах империи.

Слободское дворянство достаточно четко высказалось в пользу светского образования во время выборов и в процессе работы Комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767–1768 гг. Так, в выступлениях сумских депутатов впервые прозвучала мысль о некоем светском учебном заведении, в котором последующие историки видели намек на университет. Ахтырские депутаты предлагали расширить программу преподавания в Харьковском коллегиуме, особенно современных языков, математики и военного дела[74]. Проект нового учебного заведения в Сумах, насколько мне известно, правительством не рассматривался. Но программа обучения в Харьковском коллегиуме действительно претерпела изменения, в соответствии с пожеланиями слободского дворянства.

В 1768 г. в структуре Харьковского коллегиума было образовано государственное светское учебное заведение, известное под названиями «дополнительные классы», «классы», «казенное училище» и даже «гимназия»[75]. Оно предназначалось в основном для дворянских детей и в административном отношении было фактически независимым от коллегиума, подчиняясь непосредственно губернскому правлению, т.е. губернской администрации[76]. В своей деятельности «казенное училище» ориентировалось уже не на Киево-Могилянскую академию, а на Московский университет, откуда получало учебную литературу, оборудование, методики преподавания. Кстати сказать, именно в это учебное заведение для преподавания катехизиса получил приглашение Г. Сковорода с его новаторскими идеями и методами воспитания.

Учебный процесс в «дополнительных классах» включал в себя преподавание французского и немецкого языков, математики, геодезии, фортификации, артиллерийского и военного дела, военной подготовки, рисования, музыки и танцев. В общем и целом программа преподавания в этом заведении создавала возможность его превращения в военное училище, что вполне соответствовало пожеланиям местного дворянства. Современники не случайно сравнивали казенное училище в Харькове с кадетским корпусом[77]. Правда, пройдет еще много лет, прежде чем в городе действительно появится специализированное военное заведение (об этом будет сказано подробнее немного дальше).

Светская система образования вскоре расширилась за счет Главного народного училища, открытого в 1789 г. Через некоторое время, в 1798 г., к нему присоединилось и «казенное училище». В уездных городах – Ахтырке, Сумах, Изюме, Острогожске, Валках и Богодухове открылись малые народные училища, подчиненные харьковскому. Кроме государственных, в городе появилось немало частных учебно-воспитательных пансионов для дворян, организованных в основном французами и немцами.

В целом же в системе образования, сложившейся в Российской империи к концу XVIII в., продолжала доминировать церковь с ее духовными академиями, коллегиумами и церковно-приходскими школами. В том, что подавляющее большинство населения продолжало оставаться неграмотным, видимо, следует винить церковную систему образования, застывшую на уровне ушедшего столетия. При этом зарождающееся светское образование ориентировалось в основном на дворянство, которое хотело видеть своих детей в первую очередь на военной или дипломатической службе. Правительство, в свою очередь, было заинтересовано в образованных кадрах для пополнения бюрократии и армии. Поэтому, проводя политику модернизации империи, оно лавировало между всесословными и сословными моделями развития образования, то есть между интересами государства, церкви и дворянства.

Общеизвестно, что одним из первых шагов императора Александра I, возведенного на трон дворянскими заговорщиками, стало возобновление в начале апреля в 1801 г. Жалованной дворянской грамоты, святости и нерушимости дворянских привилегий, а также Городового положения и Жалованной грамоты городам[78]. Царь поддержал инициативу Сената, восстановив практику проведения губернских дворянских собраний и подачи коллективных просьб правительству, запрещенных раньше Павлом I[79]. Очевидно, что молодой император, окруженный известными и неизвестными ему заговорщиками, убийцами своего отца, был вынужден возобновить диалог трона с дворянством, прерванный его предшественником.

Необходимость нового политического компромисса центра с региональными дворянскими элитами диктовалась прежде всего характером политики «просвещенного абсолютизма» в целом. Для осуществления просветительских реформ правительство нуждалось в содействии общества, т.е. дворянства. Поэтому оно всячески стремилось пробудить инициативу дворянской общественности, рассчитывая направить ее в русло требуемой политики. Со своей стороны, пробужденное к участию в общественной жизни дворянство разношерстных провинций спешило, как правило, заявить о своих собственных потребностях и нуждах, противоречивших иной раз курсу на унификацию государства. Этот механизм приходил в действие каждый раз, как только периоду правительственной реакции приходила на смену политика либеральных реформ.

Недвусмысленные сигналы, посылавшиеся центром, были должным образом восприняты на местах. Это, в свою очередь, привело к оживлению усыпленной было дворянской инициативы. Украинское дворянство опять, как это было во времена выборов в Комиссию по составлению проекта нового Уложения в 1767 г., начало заявлять о своих традиционных правах и свободах. Ничего удивительного нет и в том, что наибольшую активность проявило дворянство Малороссии. При этом региональные и сословные интересы малорусской элиты оказались тесно связанными с идеей университета.

В Малороссии просвещенная элита уже с середины XVIII в. разрабатывала планы устройства в регионе университета (в разные годы – в Батурине, Киеве, Чернигове, Переяславе, Лубнах)[80], который бы отвечал ее собственным стратегиям модернизации и закрепления ее привилегированного статуса на территории тогда еще существовавшего Гетманата. В августе 1801 г. малороссийское дворянство подняло вопрос об основании университета – на сей раз в Чернигове – и выразило желание пожертвовать для этого определенную сумму из собственных прибылей. Спустя некоторое время в числе претендентов на статус университетского города появились Лубны и Новгород-Северский. Так был дан старт новой кампании борьбы за универ-

ситет для бывшей Гетманщины. Она имела действительно общественный характер, поскольку была инициирована «снизу» самим малорусским дворянством, помнившим о прежних правах и свободах так же хорошо, как и о неосуществленных проектах малороссийского университета.

Слободское дворянство на этом фоне выглядело достаточно скромно[81]. С приходом к власти Александра I на Слобожанщине, как и в других провинциях империи, также наблюдался заметный рост общественной активности. Местное дворянство, узнав о возобновлении в полном объеме Жалованной грамоты 1785 г., поспешило созвать 31 мая 1801 г. чрезвычайное собрание для выражения глубокой благодарности новому императору. Следом за ним это сделали горожане, празднуя возобновление Жалованной грамоты городам. Одновременно слободское дворянство решило воспользоваться случаем и затронуть перед правительством вопрос о возобновлении тех местных прав и привилегий, которые содержались в царских жалованных грамотах XVII – начала XVIII в., но были отменены в годы правления Екатерины II.

По примеру прошлых лет дворянство, а за ним и купечество избрали своих депутатов, которые должны были лично принести новому императору поздравления с избранием на престол и представить губернию на его коронации. Делегатами от дворян стали губернский дворянский предводитель В. Донец-Захаржевский, сумской помещик Ф. Куколь-Яснопольский, а также богодуховский помещик В. Н. Каразин, который, проживая в Петербурге, начал свою скоропалительную карьеру при дворе.

Пожелания потомков слободских старшин были удовлетворены новым императором. Высочайший рескрипт от 29 декабря 1801 г. по этому поводу содержал в себе все необходимые упоминания о «всегдашнем благоволении нашем к непоколебимым верности, усердию и заслугам слободско-украинского дворянства», «утверждении и удостоверении всех прав и преимуществ, в различные времена ему присвоенных и доселе без отмены существующих»[82].

Шагом правительства навстречу сословным интересам слободского дворянства стал проект основания в Харькове военного училища (кадетского корпуса), обнародованный в середине августа в 1801 г. В нем содержался призыв к добровольным пожертвованиям на это заведение. Поскольку пожелания центральной власти в Российской империи всегда воспринимались на местах как очередное указание к действию, слободско-украинское дворянство приняло на себя обязательство собрать на новый правительственный проект 100 тысяч рублей в течение трех лет.

Часть помещиков, правда, выразила при этом протест против суммы пожертвований, считая ее завышенной[83], но важно было другое: взаимные отношения поместного провинциального дворянства с престолом опять, как и раньше, стали определяться практикой непосредственного диалога

и взаимных компромиссов. По-видимому, слободское дворянство и правительство тем бы и ограничились, если бы в их новый диалог не вмешался В. Каразин.

Просветитель Слобожанщины

Биография В.Н. Каразина, несмотря на большое количество литературы, посвященной его жизни и деятельности[84], все еще изобилует значительными пробелами. Удивительные метаморфозы в судьбе В.Н. Каразина, прошедшего за считанные годы путь от провинциала до столичного лейбгвардейца, от вольнослушателя Горного корпуса до вольнодумного помещика, от опасного нарушителя государственной границы до «особы, приближенной к императору», наконец, от влиятельного столичного чиновника до опального ссыльного, поднадзорного полиции, не являются предметом данной главы и не имеют к ней непосредственного отношения.

Следует сказать лишь о том, что В.Н. Каразин был потомком балканских эмигрантов, вероятнее всего болгарского происхождения, переселившихся в Россию при Петре I, сделавших здесь военную карьеру и ставших слободскими помещиками[85]. Отец В.Н. Каразина, Н.А. Каразин, отличился во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и еще более упрочил свое положение на Слобожанщине, получив здесь имение и войдя в родство с влиятельным казацко-дворянским кланом Ковалевских.

В.Н. Каразин получил образование в иностранных пансионах Харькова и Кременчуга, был зачислен на службу в элитный лейб-гвардейский Семеновский полк, какое-то время параллельно со службой обучался в столичном Горном институте, после чего был задержан при попытке нелегально пересечь российскую границу с Пруссией. После этого В. Каразин находился в Петербурге то ли в заключении, то ли под особым покровительством Павла I, а после государственного переворота 1801 г. внезапно оказался среди людей, входящих в число приближенных к новому императору и занятых разработкой реформ государства.

В этой книге В. Каразин выступает прежде всего в качестве представителя и выразителя взглядов и настроений провинциального дворянства, укоренившегося на степной окраине империи. Именно В. Каразин в начале XIX в. сформулировал в наиболее обобщенном виде тот комплекс идей, проектов и образов, которые в своей совокупности отражали местные интересы, нужды и пожелания региональной элиты. Это были идеи, направленные на модернизацию всех сторон жизни местного общества, на его дальнейшую интеграцию в империю, а также на некую более активную роль в общественной и культурной жизни страны.

Оказавшись по воле судьбы при дворе, В. Каразин соединял в своем лице функции представителя дворянства Слободско-Украинской губернии при императоре и одновременно – доверенного лица монарха, представителя центра в регионе, подлежащем дальнейшей унификации и слиянию с империей. Сам В. Каразин в своих отношениях с императором считал себя прежде всего выразителем интересов и настроений провинциального поместного дворянства, голоса «народа», т.е. социально активной части населения, взгляды и пожелания которого во многом расходились с интересами столичной высокопоставленной дворянской бюрократии. Другими словами, В. Каразин в качестве посредника между провинцией и центром империи выступал в роли типичного представителя культурного пограничья, давшего столице немало новых имен, прежде всего интеллектуалов.

Этническое происхождение и самосознание В. Каразина, называвшего себя, в зависимости от обстоятельств, греком, болгарином или сербом и подчеркивавшего при этом свой местный, украинский, и общеимперский, русский, патриотизм – дополнительное тому подтверждение. Обусловленная этими обстоятельствами противоречивость и некая двойственность многих его поступков и проектов в конечном счете завершилась крахом карьеры В. Каразина. Такая же судьба ожидала и диалог между столицей и007 периферииями империи в целом. Пожалуй, ни в чем так ярко не проявились драматические перипетии этого диалога, как в истории с основанием Харьковского университета.

Роль В. Каразина в этой истории определялась, конечно же, не его риторическими или публицистическими талантами, изрядно преувеличенными его потомками, а прежде всего тем исключительным положением, которое он занимал при дворе. Скромный по должности секретарь различных комитетов и комиссий, разрабатывавших проекты университетской реформы, был в то же самое время доверенным лицом императора, имевшим к нему непосредственный доступ; В. Каразину поручались иногда секретные дела, требовавшие особой деликатности, в частности, расследование случаев коррупции высокопоставленных чиновников.

Именно поэтому, невзирая на относительно невысокие чин и должность, В. Каразин обладал де-факто гораздо большим влиянием, чем могло показаться со стороны. При этом В. Каразин не только был «оком и ухом государевым», но и высказывал определенные политические амбиции, разрабатывая собственные проекты государственных реформ или принимая участие в их разработке. Свое личное влияние при дворе В. Каразин принес на алтарь идеи Харьковского университета. Идеи, которая стала реальностью благодаря тому, что оказалась с самого начала связанной с идеей местных, региональных прав и привилегий – слобод.

В.В. Кравченко

Основание Харьковского университета

В истории основания Харьковского университета тесно переплелись интеграционистские и экспансионистские стратегии российского правительства, с одной стороны, и местные региональные интересы слободских сословий, прежде всего дворянства, – с другой. В свою очередь, появление университета в Харькове оказало заметное влияние на культурную и даже административную топографию Слобожанщины и Харькова в первой половине XIX в. Университет стал одним из наиболее узнаваемых символов города и региона, а возникшая вокруг университета культурная среда впоследствии оказалась весьма благоприятной для зарождения здесь элементов украинской национальной культуры.

В украинской историографии основной причиной открытия университета в Харькове, а не в каком-либо другом городе Украины считается патриотическая инициатива слободско-украинского дворянства, выступившего с благородной идеей пожертвования для просвещения и науки значительной суммы из своих прибылей[86]. Отсюда ведут свое происхождение сразу два тесно связанных между собой исторических мифа: один – о высоком уровне общественной активности и просвещенности слободского дворянства, второй – о его национальном украинском самосознании, выразившемся в провозглашении и реализации идеи национального университета на Слобожанщине[87]. Националистический миф давно опровергнут самими украинскими историками[88], в то время как либеральный все еще продолжает влиять на взгляды части исследователей и широкой публики.

Помимо названных выше, существует еще одно распространенное представление о появлении университета в Харькове, согласно которому главная заслуга в этом деле принадлежит лично В. Каразину[89]. Один из первых исследователей истории Харьковского университета профессор Н.А. Лавровский заметил, что в то время выбор Харькова на роль университетского города никому, кроме В. Каразина, не мог прийти в голову[90]. При этом разные исследователи, оценивавшие с диаметрально противоположных позиций так называемые объективные предпосылки основания Харьковского университета, соглашались между собой в том, что Харьков как город сам по себе не мог рассчитывать на роль университетского центра.

Автор этих строк придерживается высказанного в начале XX в. историками российских университетов мнения о том, что не «среда» подготовила возникновение университетов в Российской империи. Напротив, сами университеты, созданные по государственной инициативе, начали формировать впоследствии собственное интеллектуальное пространство[91]. Исследователь прошлого Казанского университета Н.П. Загоскин имел основания утверждать, что «Первые университеты основывались в России не в силу на-

зревшей потребности в них общества, не в силу культурного роста в обществе мысли и общественного самосознания, но в интересах государства и по его прямой инициативе»[92].

Действительно, если не преувеличивать университетские инициативы слободского дворянства[93], которые до В. Каразина выглядят довольно-таки невнятно, и не принимать буквально литературную метафору «бродячего университета» в лице Григория Сковороды, проложившего, дескать, дорогу настоящему университету в Харькове, придется согласиться с тем, что местная слободская общественность почти до последнего момента ни слухом ни духом не догадывалась о судьбе, определенной для нее в столице.

Дворянство Слободско-Украинской губернии, ожидая открытия в Харькове кадетского корпуса, одновременно готовилось к своему общему собранию для того, чтобы выразить торжественную благодарность императору за восстановление местных привилегий. Губернский предводитель дворянства, планируя эту акцию, в письме от 20 июня в 1802 г. советовал дополнительно пожертвовать деньги либо для открытия в Харькове больницы на 40 мест, либо на стипендии для 20 дворянских детей, или, в конечном итоге, на помощь бедным[94]. Однако ни единого упоминания об университете в этих письмах еще нет. Слободское дворянство в этом отношении следовало в соответствии с выработанной многолетней практикой схемой взаимных отношений с правительством: инициатива должна была исходить «сверху», а ответ на нее предполагал положительный ответ «снизу» вместе со скромным напоминанием о местных пожеланиях и нуждах.

Учитывая это обстоятельство, В. Каразин, выступая перед слободским дворянством в Харькове 31 августа 1802 г., выражался довольно туманно: «Исполнители его (императора. – *К.В.*) человеколюбивых и мудрых велений уверили меня, что приятно ему было назначить Украину средоточием просвещения»[95] (подчеркнуто мною. – *К.В.*). Эта фраза становится понятной, если допустить, что никакого предварительного согласия на открытие университета в Харькове Александр I не давал.

В июле 1802 г., когда В. Каразин сумел убедить царя, что местное дворянство полностью поддерживает идею Харьковского университета и готово доказать это щедрыми добровольными пожертвованиями, Александр I согласился лишь на проведение губернского дворянского собрания в Харькове. Историк Харьковского университета Д.И. Багалей вынужден был признать, что В.Н. Каразин «по свойственному ему увлечению… уже довел до сведения государя о желании харьковского дворянства сделать пожертвование на университет» еще задолго до официального решения дворянского съезда[96] и что он не имел формального права это делать, поскольку не получил на то предварительного согласия дворянской корпорации[97].

Можно допустить, что со стороны В. Каразина слободскому дворянству были даны какие-то обещания личного или общественного характера в обмен на согласие поддержать университетский проект. В связи с этим обращает на себя внимание тщательным образом продуманный и регламентированный церемониал дворянского губернского съезда в Харькове 30 августа 1802 г. Он должен был лишний раз напомнить присутствующим, что главной причиной и идейной сердцевиной этого действа является все-таки не университет, а грамота на дворянские привилегии, милостиво предоставленная монархом.

Этот драгоценный документ публично носили на малиновой подушке, кропили святой водой, выставляли на самых заметных местах в церкви и в административных помещениях. Будущие пожертвования на университет выглядели на этом фоне лишь жестом общества в ответ, благодарностью за очередную монаршую милость. Точно неизвестно, учитывался ли организаторами дворянского собрания тот факт, что на 30 августа приходилось тезоименитство Александра I, или это было лишь благоприятное стечение обстоятельств. Напомню лишь, что впоследствии именно этот день стал одним из праздничных для Харьковского университета.

Невзирая на все предварительные мероприятия, среди дворянства Изюмского и Волчанского уездов Слободско-Украинской губернии возникла оппозиция относительно университетского проекта, который в их глазах был «спущен сверху», без предыдущих консультаций, по исключительной инициативе правительства. Вернее будет сказать, что эта оппозиция стала лишь продолжением предыдущей, когда малоимущие помещики протестовали против завышенной, по их мнению, суммы добровольных пожертвований в 100 тысяч рублей на военное училище, проектируемое правительством в Харькове. Намеченная частью дворян новая сумма взносов в 1 миллион рублей для университета на этом фоне выглядела вообще нереальной.

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что оппозиция, поддержанная, кстати, местным слободско-украинским губернатором А.К. Артаковым, действовавшим в соответствии с предыдущими инструкциями правительства, с формальной точки зрения вела себя правомерно, ссылаясь на официальное запрещение пожертвований, которые не носили добровольного характера. Кроме того, оппоненты обращали внимание на процедурные нарушения в ходе подготовки и проведения дворянских собраний. В частности, указывалось на то, что император не давал именного повеления относительно их проведения, в силу чего и решения последних якобы не имели законного характера.

В.Н. Каразин со своей стороны сделал все, что мог, для того чтобы добиться позитивного постановления дворянских собраний 31 августа 1802 г.

Свою речь, наполненную пылким и искренним чувством, патетической риторикой в духе времени и вдохновенным пророчеством относительно величественного будущего Харькова и Слобожанщины, он завершил откровенными словами: «От вас зависит теперь, высокопочтенное собрание, оправдать меня или предать стыду и отчаянию. Здесь стою перед вами в лице вашего друга или преступника»[98].

Дворянство в этой ситуации не желало и вряд ли осмелилось бы превратить царского фаворита из своего друга во врага, рискуя тем самым провалить дело с возобновлением своих сословных привилегий. Однако, будучи людьми практического склада ума, слободские дворяне, выслушав Каразина-чиновника, поспешили высказать Каразину – своему депутату при царском дворе ряд дополнительных просьб о своих традиционных «слободах» и при этом, кстати, уменьшило цифру добровольных пожертвований на университет до 400 тысяч рублей, включив в нее и невыплаченные государственные долги, и собственные пожертвования на кадетский корпус. Свою позицию участники съезда зафиксировали в отдельном документе, одобренном 1 сентября 1802 г., который должен был служить инструкцией для В. Каразина в его последующих действиях. Никакой царской грамоты на основание Харьковского университета, о чем пишут современные авторы[99], в этот день не подписывалось.

В сознании слободского дворянства университетский проект В. Каразина оказался, таким образом, тесно связанным с их собственными сословными пожеланиями – теми, которые были уже подтверждены правительством, и теми, которые они рассчитывали получить. Это настроение было настолько распространенным, что даже губернский дворянский предводитель, потомок известного казацкого полковничьего рода В. Донец-Захаржевский, призывая соседнее малорусское дворянство присоединиться к пожертвованиям на Харьковский университет, выставил на первый план новые милости правительства к своему краю: «Дворянство Слободско-Украинской губернии имело счастие получить Высочайше пожалованную Его Императорским Величеством подтвердительную прав и преимуществ сего края грамоту…»[100].

Чей университет?

Сам В. Каразин, в силу некоторой двойственности своего положения при императоре, далеко не всегда выступал в роли наделенного высокими полномочиями столичного чиновника. Приступая к разработке проекта устава Харьковского университета, он не забывал и о другой своей роли – депутата от слободско-украинского дворянства при дворе. Проект университетского устава, написанный В. Каразиным, отвечал в первую очередь

корпоративным интересам местного дворянства, поскольку предусматривал, в частности, сохранение сословного принципа в учебном процессе, специальные прерогативы для студентов-дворян, наличие в университетской программе военной подготовки и т.д.

Согласно проекту, руководить работой всех высших и более низких школ на Слобожанщине должен был выборный директор из числа местного дворянства с помощью комитета из числа университетских профессоров. Можно предположить, что роль «дворянского ректора» Каразин предназначал для себя самого. Другие сословия таким образом лишались влияния на университетские дела. Проект В. Каразина, кроме того, придавал университету сугубо сословный характер. Он должен был существовать на деньги, пожертвованные дворянством, без привлечения средств государства. Таким образом, правительство лишалось наиболее эффективного средства влияния на университетские дела, что, безусловно, противоречило его просветительско-централизаторской политике.

В.Н. Каразин не мог не знать, что в начале 1802 г. Александр I лично вычеркнул из проекта устава Дерптского университета всё, что было предложено местным дворянством в собственных интересах и что могло ограничить академические свободы университетской корпорации. Свою позицию в этом вопросе царь подтвердил еще раз во время посещения Дерптского университета в мае 1802 г. Фактически В. Каразин пошел против течения, выступив с возражением против модели немецкого университета с его основополагающими принципами академических свобод и автономии, на которые ориентировалась столичная дворянская бюрократия, наиболее влиятельная группировка при дворе.

Однако В. Каразин сознательно шел на риск, поскольку не имел другого выбора. Ему во что бы то ни стало нужно было склонить слободских дворян к добровольному «патриотическому» пожертвованию на Харьковский университет и тем самым убедить их отказаться от намерения открыть в городе военное училище, на которое уже были собраны определенные средства. С другой стороны, именно поддержка местного дворянства должна было стать решающим аргументом, способным убедить правительство согласиться на открытие университета в Харькове.

Харьковское городское самоуправление, по примеру дворян, также поддержало идею основания в городе университета, но присоединило к ней собственные пожелания и просьбы. Купечество ходатайствовало, например, об отмене военных постоев в городе. Другие сословия, в частности мещанство и цеховые ремесленники, последовали примеру дворян и купцов, хотя и уклонились от денежных пожертвований. В отличие от них, харьковские «казенные обыватели» (бывшие казаки) заявили о добровольном пожертвовании земельного участка в городе для Харьковского университета, но при

этом не забыли напомнить о желательности возобновления собственных сословных льгот, связанных с производством и продажей спиртного, отменой некоторых налогов, откупной системы и т.п.[101]

Таким образом, как справедливо отмечал Л. Яновский, идея Харьковского университета с самого начала оказалась тесно связанной с сугубо сословными, корпоративными интересами местного общества[102], чего так не желало российское правительство. В этом отношении слободское дворянство не отличалось от малороссийского, прибалтийского или польско-литовского. Повторялась в миниатюре и с определенными отличиями ситуация, которая складывалась в начале царствования Екатерины II: пробужденная «сверху» общественная инициатива на местах выходила за рамки, предусмотренные властью. В данном случае она противоречила некоторым основополагающим принципам государственной политики централизации и унификации регионов империи. Именно поэтому харьковский губернатор А.К. Артаков так бурно отреагировал на требования харьковского купечества относительно отмены военных постоев. Отменить эти последние не осмеливался даже сам император. Кроме того, требования местных сословий, касавшиеся возобновления их традиционных «слобод», в частности изготовления и свободной продажи спиртного, задевали интересы имперской казны и местной бюрократии, имевших значительный доход от государственной монополии на водку.

Наконец, сами обстоятельства подготовки и проведения в Харькове в 1802 г. августовских дворянских собраний, жалобы оппозиции на нарушение законности группой самых богатых и самых влиятельных лиц дворянской корпорации края, аналогичные жалобы местного губернатора А. Артакова на действия самого В. Каразина и поддержавшего его городского самоуправления поставили под сомнение легитимность второй составной части успеха каразинского проекта – «неожидаемый и поныне в своем роде единственный порыв патриотизма» в виде добровольного денежного пожертвования дворянства на университет[103].

Александр I в специальном рескрипте от 30 сентября 1802 г. достаточно сдержанно поблагодарил слободское дворянство за его патриотический поступок, ни словом не упомянув о его просьбах сословно-регионального характера и специально подчеркнув, что он дает согласие принять деньги лишь при условии, что они не приведут к новому налогу на крепостных. Правительство признало необходимым даже начать служебное расследование относительно обстоятельств проведения слободских дворянских собраний, которым занялся министр внутренних дел В.П. Кочубей. В.Н. Каразин был вынужден приложить отчаянные усилия для того, чтобы добиться благоприятного для себя вердикта в этом деле. Однако дело Харьковского университета не погибло.

Решение харьковского дворянства и мещанства о добровольном пожертвовании в интересах университета уже успело получить огласку. Правительству было выгоднее повернуть его в свою пользу и представить в виде поддержки своей политики со стороны провинциального дворянства, активного участия общественности в правительственных реформах. Главным, официально выставленным мотивом открытия университета в Харькове стало «патриотическое пожертвование» дворянства и граждан Слободско-Украинской губернии. Не случайно официальным университетским праздником стал день 30 августа – в память о губернском съезде дворянства Слобожанщины, на котором праздновалось возобновление некоторых их прав и привилегий в 1802 г.

Новый царский рескрипт к слободскому дворянству от 31 января 1803 г. по этому поводу резко отличался от того, которым Александр I отозвался на решение общих собраний слободско-украинского дворянства 31 августа 1802 г. На этот раз он был выдержан в чрезвычайно благосклонном тоне и содержал благодарность и комплименты по адресу конкретных лиц, которые действовали в интересах университета. Император раздал награды наиболее активным его сторонникам. Оппозиция университетскому проекту – изюмский предводитель дворянства В. Захарашевич-Капустянский и губернатор А. Артаков – потерпела поражение. Первый спустя некоторое время получил публичный выговор от императора, второй вскоре был снят со своей должности.

Фактически дело Харьковского университета решилось в его пользу уже в конце 1802 г., когда В. Каразин и будущий попечитель Харьковского учебного округа С. Потоцкий приступили к набору первых университетских профессоров. Формальное же решение об утверждении списка университетских городов и учебных округов в Российской империи было принято в январе 1803 г. специальным законодательным актом о базовых основах новой системы образования Российской империи – «Предварительными правилами народного образования».

Для слободского дворянства этот акт обернулся глубоким разочарованием. Правительство не только фактически проигнорировало его сословные пожелания, но и вообще отодвинуло провинциальную дворянскую элиту от непосредственного влияния на университетские дела, сосредоточив контроль за последними в своих руках. Правительственные чиновники еще долго вынуждены были доказывать местной общественности, что название университета Харьковским – не дает местному дворянству никакого права участвовать в управлении им...

После этого слободские дворяне резко потеряли интерес к университету. Съезд уездных предводителей дворянства Слободско-Украинской губернии, состоявшийся 21 апреля 1803 г., отклонил предложение В. Каразина создать

общественный комитет для контроля за денежными пожертвованиями, создание которого специально оговаривалось еще 1 сентября 1802 г. Поступление денежных пожертвований на университет резко сократилось. Через два десятка лет за слободским дворянством еще оставался долг в сто с лишним тысяч рублей – сумма, близкая к первоначальным размерам пожертвований на кадетский корпус в Харькове.

Правительство было вынуждено прибегнуть к административным репрессиям, собирая деньги с должников при помощи полиции и суда. Среди недовольного дворянства еще почти четверть века не утихали жалобы на то, что собранные средства тратятся на университет, а не на военное училище. Однако правительство осталось непреклонным, пока не вытянуло из несчастных меценатов почти всю сумму. Так подтвердилась лишний раз известная в России пословица о том, что каждая инициатива наказуема...

Церемония открытия Харьковского университета в начале 1805 г. была приурочена к очередному общему собранию слободского дворянства. Торжества, которыми сопровождалось это выдающееся событие в истории края, затмили собой празднование по случаю открытия Харьковского наместничества в 1785 г. Они продолжались три дня и включали в себя торжественные речи, молебные праздничные процессии, народные гулянья и фейерверк. Детально разработанный церемониал университетского праздника имел целью подчеркнуть ведущую роль правительства в основании Харьковского университета.

Всем присутствующим напоминали об этом аллегорические фигуры Александра I рядом с Аполлоном, имена императора и первого попечителя Харьковского учебного округа Северина Потоцкого на специально вычеканенной по этому поводу медали. Местное дворянство на празднике было представлено лишь в роли послушных и благодарных подданных, осыпанных милостями верховной власти. Ничто не напоминало об инициативе самих дворян в основании Харьковского университета. Наиболее красноречивой «фигурой умолчания» в этой связи можно считать отсутствие на празднике автора идеи Харьковского университета – В. Каразина. Другими словами, сценарий публичной репрезентации государственной власти в данном случае не включал в себя тех, на кого он, собственно, и был рассчитан, отражая тем самым обычную для империи практику[104].

Единственная деталь, которая должна была напоминать о региональной специфике Харьковского университета, заключалась в том, что в нем предполагалось создать кафедру военных наук для удовлетворения пожеланий местных меценатов-дворян. Кроме нее, в новом университете поначалу не было ничего, что заставляло бы вспомнить об активном участии дворянства в основании Харьковского университета. Более того, в структуре учебного процесса и программе преподавания не было ничего специально сориенти-

рованного на местную историю, географию или культуру и ничего такого, что подталкивало бы студентов думать об отечественной истории и культуре в категориях местной, локальной идентичности.

В 1811 г., когда произошел очередной поворот правительственной политики «вправо» накануне решающих войн с Наполеоном, В. Каразин, ободренный своим недавним избранием почетным членом Харьковского университета, попытался добиться пересмотра его устава в духе своего предыдущего проекта 1802 г., отброшенного министерством. Прежде всего, В. Каразин выразил разочарование университетской реформой 1804–1805 гг. Он предложил подчинить университет постоянному директору, который бы назначался правительством из представителей местного провинциального дворянства, а не из представителей служилой аристократии, и который бы постоянно проживал в Харькове, а не за его пределами. Эту должность В. Каразин соглашался занять сам.

Директор должен был лично распоряжаться административными и хозяйственными делами университета и иметь помощников, в том числе одного – из числа университетских профессоров. Кроме того, В. Каразин опять поставил вопрос о создании в Харьковском университете отделения военных наук, богословского факультета, а также дворянского пансиона. Однако и на этот раз местный, дворянский вариант университетской контрреформы не был воспринят центром в полном объеме. Поэтому выглядит недостаточно обоснованным мнение Ф.А. Петрова о том, что Харьковский университет с начала своего существования приобрел более дворянский характер, в отличие от Московского[105].

Российское правительство, со своей стороны, подтверждало свою принципиальную приверженность политике государственной централизации и социально-культурной унификации, демонстрируя в то же время гибкость при воплощении этой политики в жизнь в отдельных регионах империи. Все вновь созданные университеты с начала своего существования были поставлены в административно-служебную зависимость от правительства. Университетский устав 1804 г. нацеливал их на подготовку новых кадров для государственной службы.

Университеты стали частью централизованной иерархической системы народного образования, подчиненной администрации. Государство контролировало университеты прежде всего через установленный для них постоянный бюджет (на каждый университет выделялась фиксированная сумма – 130 тысяч рублей на год), через специального чиновника – попечителя учебного округа, который выступал в роли полномочного представителя правительства в университетских центрах, а также через механизм утверждения университетских выборных чиновников и преподавателей.

В то же время, университетская профессорская корпорация получала немалые права и привилегии, в том числе собственное корпоративное самоуправление, освобождение от государственной цензуры и право на собственную, право суда над членами корпорации, собственную полицию, освобождение от таможенных сборов и – чего так долго и безуспешно добивались харьковские мещане – свободу от воинских постоев. Университетское правление контролировало все финансовые и хозяйственные дела, разбирало тяжбы между профессорами, семейные дела и мелкие правонарушения. Права и привилегии университета при этом получали надежную юридическую защиту от местной власти в виде специальной жалованной грамоты императора.

В итоге Харьковский университет не стал ни дворянским, как в Прибалтике и Польше, ни городским или региональным, как в средневековой Германии. Он воплотил в себе идею торжества просвещенного государственного централизма над сословно-локальным принципом. Харьковский университет получил государственный бюджет, соответствующий устав и соответствующие надзор и контроль со стороны правительства, персонифицированные в должности попечителя. Статус университета специально подчеркивался его официальным названием – императорский Харьковский университет, но не Слободско-Украинский и не Малороссийский, если прибегнуть к аналогии с более поздними Новороссийским и Таврическим университетами.

Фактически новый университет, в котором подавляющее большинство составляли поначалу иностранные специалисты[106], представлял собой возникшую на культурном порубежье новую слободу, ученую колонию на особых правах и со специальными привилегиями. Для иностранцев особое значение имело освобождение от таможенных сборов и возможность привозить с собой предметы, которыми кое-кто из них мог успешно торговать. Университетская профессура довольно-таки быстро адаптировалась в новых условиях, и если в начальный период ее деятельности местное общество не всегда могло определить социальный статус новых поселенцев, не отличая профессоров от комедиантов или ставя их ниже чиновников губернского правления, то уже через сравнительно небольшое время ни у кого не возникало сомнений в том, что научные звания и степени равнозначны дворянской грамоте.

Учитывая тот факт, что университетская реформа разрабатывалась и проводилась в жизнь государством, что она не была полностью отдана в руки ни провинциального дворянства, ни городского самоуправления, можно еще раз вернуться к вопросу о том, почему же именно Харьков – город, не представлявший собой ничего выдающегося, был избран в конечном счете на роль одного из четырех новых университетских центров, которым

отводилась важная роль в реформировании империи в целом. Этот вопрос важен по той причине, что именно университет и созданный вокруг него учебный округ оказали громадное влияние на процесс дальнейшего интеллектуального картографирования не только Слобожанщины, но и всех пограничных регионов на юге Российской империи. В следующем параграфе речь пойдет о поисках места для Харькова и Слобожанщины на новой культурной карте Российской империи в первой половине XIX в. В основном это будет взгляд на регион «со стороны» – из центра и соседних регионов.

Игры с географией на культурном пограничье
1. Украина versus Малороссия

В заседаниях училищной комиссии, продолжавшихся в 1802–1803 гг., на роль университетского центра из всех городов украинской этнической территории было выдвинуто поначалу только два претендента: Киев, считавшийся историческим, культурным и религиозным «средоточием» Малороссии, и Харьков – новый административный и культурный центр Слобожанщины. При этом ведущие западные специалисты, приглашенные российским правительством, и в их числе – бывший воспитатель наследника российского престола Ф.Ц. Лагарп и известный реформатор образования в Австрийской империи, серб Янкович де Мириево отдавали предпочтение Киеву, ставя его в один ряд с Москвой, Дерптом, Вильно, Петербургом и Казанью[107].

Харьков по всем пунктам уступал «второму Иерусалиму» – Киеву, считавшемуся символом древнерусской государственности и исторической традиции, колыбелью православия на Руси. За Киевом стояла знаменитая духовная академия, которая дала Российской империи ряд выдающихся государственных и политических деятелей, чиновников, ученых, литераторов. Среди ее воспитанников был и тогдашний министр народного образования П.В. Завадовский. Киев, кроме того, превосходил Харьков своими ярмарками, среди которых первое место занимала знаменитая Контрактовая. Его климатические условия не шли ни в какое сравнение с харьковскими.

Помимо Киева, достойную конкуренцию Харькову могла составить Полтава – административный центр Малороссии, дворянство которой проявило готовность к добровольным пожертвованиям на университет уж никак не в меньшей степени, чем слободское. К тому же должность министра внутренних дел занимал в то время малороссийский помещик князь В.П. Кочубей, чье поместье – Диканька – находилось недалеко от Полтавы. Наконец, можно было принять во внимание и такие города, как Чернигов и Новгород-Северский, каждый из которых успел к тому времени побывать в роли административной столицы края.

В том, что Слобожанщина в университетском марафоне обошла Малороссию, сыграл определенную роль национальный фактор, хотя и не в том аспекте, о котором говорил Ю. Лавриненко. По этому поводу сам В. Каразин высказался в своем письме к малороссийскому генерал-губернатору князю А.Б. Куракину. Взвешивая шансы разных городов: Полтавы, Киева, Харькова и Чернигова – на открытие в каждом из них университета, автор письма подчеркнул, что Киев пребывает в сфере влияния польского дворянства, а Полтава хранит «какое-то доныне непобедимое отчуждение от великороссийских жителей» и находится на слишком большом расстоянии от российских городов Орла, Курска и Воронежа[108]. Слобожанщина, по мнению В. Каразина, лишена этих недостатков.

Таким образом, В. Каразин, человек, хорошо знакомый с новейшей западной культурой, в обосновании выбора университетского центра на южной окраине уже учитывал роль и значение (прото)национальных факторов, о которых не задумывались ни В.П. Кочубей, прохладно относившийся к университетской системе в целом и противопоставлявший ей систему аристократических лицеев[109], ни тем более П.В. Завадовский, влюбленный в старую могилянско-иезуитскую схоластику и освятивший в 1805 г. личным присутствием открытие известного в истории польской культуры Кременецкого лицея на Волыни, ставшего основным центром польской культуры на «кресах» бывшей Речи Посполитой.

Каразинский проект Харьковского университета не вызвал сочувствия в соседней Малороссии – в Полтавской и Черниговской губерниях, дворянство которых продолжало вынашивать собственные проекты основания университета на территории прежней Гетманщины. Это был вынужден признать в ответном письме к В. Каразину не кто иной, как малороссийский генерал-губернатор князь А. Куракин. Разочарованный этим, В. Каразин даже заявил, что отныне он будет руководствоваться в своей деятельности исключительно интересами собственной родины – Слобожанщины, а не Малороссии, которая, мол, смеется над его усилиями[110].

Аргументы современника и единомышленника В. Каразина по университетскому проекту, одного из первых профессоров Харьковского университета И.Ф. Тимковского, убеждавшего малороссийскую элиту, что ей, мол, нечего хлопотать об университете для Полтавы или Чернигова, коль скоро Харьковский университет «учреждается близ ея и в крае, населенном ее племенами»[111], также не помогли. История с университетским проектом повторилась спустя несколько лет, когда слободское дворянство, разрабатывая проект открытия в Харькове института благородных девиц, предполагало даже назвать его Малороссийским и пригласить к участию в нем дворянство соседних малороссийских губерний, но последнее снова отклонило сделанное ему предложение[112].

Можно вспомнить в связи с этим, что в то время как малороссийское дворянство отказалось поддержать университетский проект В. Каразина, он нашел поддержку в двух других соседних губерниях: Екатеринославской и Херсонской. Дворяне Екатеринославщины, для которых идея университета была не чужой со времен князя Г. Потемкина, а «южнорусская» региональная идентификация не входила в противоречие с местными традициями, в январе 1803 г. постановили пожертвовать на Харьковский университет около 108 тысяч рублей на протяжении 10 лет. Спустя некоторое время, в 1806 г., дворяне другой южной губернии – Херсонской – также приняли решение о пожертвовании на Харьковский университет суммы, немногим большей 40 тысяч рублей[113].

Более традиционное малороссийское дворянство, в отличие от более нового южнороссийского, имело веские причины чувствовать себя оскорбленным. В то время как немецкие бароны и польские шляхтичи добились открытия университетов в «своих» региональных столицах – в Дерпте и Вильно соответственно, – подобные же претензии потомков казачества на землях Гетманата были проигнорированы. Более того, малороссийские губернии включались в Харьковский учебный округ и тем самым подчинялись городу, традиционно находившемуся в оппозиции по отношению к гетманской столице, где бы эта последняя ни находилась. В данном случае проект Харьковского университета выглядел намного более предпочтительным для правительства, поскольку он не был ограничен сугубо региональными рамками. В противном случае правительство вряд ли смогло бы без публичного скандала преодолеть сопротивление малороссийского дворянства с такой же легкостью, как оно это сделало в случае с дворянами слободскими.

Тем не менее, мысль о правомерности и целесообразности существования университета в Харькове, а не в Киеве долгое время продолжала будоражить не только дворянскую общественность, но и само правительство. Не прошло и десяти лет с момента открытия Харьковского университета, как в 1814 г. новый министр народного образования граф А.К. Разумовский, потомок последнего малороссийского гетмана, поставил на обсуждение вопрос о переводе университета из Харькова в другой, более приспособленный для жизни город. Почти половина членов ученого совета университета высказались тогда в пользу Киева. Профессор Ф.Л. Швейкарт, в частности, писал: «Университет должно перевести в древнее местопребывание наук и источник культуры малороссийской, т.е. в Киев. Этого требуют слава города, многочисленность жителей всех сословий, большая торговля, производящаяся там, и вытекающие отсюда удобства жизни, а в особенности близость таких мест, в которых процветают науки. Иностранные ученые, которых будут приглашать из-за границы, конечно, охотнее поедут в Киев, чем в Харьков. Из очертания округа нашего университета нельзя извлечь аргумента

против такого перевода. Ведь Харьков выбран не потому, что расположен в центре округа, но округ был создан после того, как он был выбран»[114].

Эта попытка завершилась ничем. Во-первых, значительная часть харьковской профессуры не желала покидать город, в котором успела обжиться и даже построить себе каменные дома. Во-вторых, в дело немедленно вмешался В. Каразин, убедив слободско-украинское дворянство обратиться к императору с официальным представлением по этому поводу. Наконец, как допускает Д.И. Багалей, император Александр I также отнесся к этой идее неблагосклонно. Очевидно, правительство не желало создавать опасный прецедент. Именно названные обстоятельства, а не «успешное развитие Харьковского университета», как считают некоторые историки[115], привели к отказу от этого проекта.

К сказанному можно добавить, что подобная судьба по тем же, видимо, причинам ожидала и последнее в XIX в. покушение на перевод университета из Слобожанщины в Малороссию, предпринятое во второй половине 1820-х гг. попечителем Харьковского учебного округа А.А. Перовским, еще одним потомком последнего малороссийского гетмана. Попечитель предлагал в качестве альтернативы Харькову – Новгород-Северский, бывшую административную столицу Малороссии, но это предложение, кажется, даже не обсуждалось в ученом совете Харьковского университета.

Возвращаясь к киевской альтернативе Харькову, можно отметить, что, по мнению Ф.О. Петрова, сама по себе «альтернативная постановка вопроса о месте основания университета – Киев или Харьков – была искусственной» и что Харьковский университет своей деятельностью создавал предпосылки для возникновения Киевского университета как центра российского образования в юго-западных губерниях империи[116]. Позволю себе не согласиться с этим. Видимо, ближе к истине мнение И. Лысяка-Рудницкого, который полагал, что «український національний інтерес вимагав би дати перевагу Києву», поскольку это наверняка способствовало бы развитию украинского национального проекта, в частности, культурному объединению Право- и Левобережной частей Украины и подрыву влияния польской шляхты на Правобережье[117].

Последний тезис И. Лысяка-Рудницкого находит косвенную поддержку в том, что проект открытия университета в Харькове получил поддержку со стороны влиятельной при дворе «польской» партии во главе с князем А. Чарторыйским. Мотивы, которыми руководствовался польский вельможа, поддерживая Харьков вопреки Киеву, не остались тайной для историков. По мнению американского исследователя Дж.Т. Флинна, А. Чарторыйский выражал опасения, что открытие университета в Киеве могло воспрепятствовать его планам учреждения университета в Вильно[118]. Эту мысль подтвердил украинский историк И. Лысяк-Рудницкий, когда писал:

«…князь Чарторийський мав рацію, коли, як польський патріот, намагався не допустити до заснування університету в Києві; йому залежало на тому, щоб три правобережні губернії – Волинську, Подільську й Київську – включити до Віленської учбової округи й таким чином закріпити польську культурну гегемонію на цій території. І цього йому пощастило досягти з активною допомогою українця Каразіна»[119]. Подобной точки зрения придерживаются сегодня и другие украинские исследователи[120].

Опасения А. Чарторыйского действительно выглядели обоснованными. Российские образовательные институты с конца XVIII в. играли особую роль в процессе интеграции («сплочения») западных и прибалтийских губерний в Российскую империю. Недаром первые народные училища были открыты российским правительством в 1789 г. в Полоцкой, Могилевской губерниях и в Киеве[121]. В декабре 1801 г. училищная комиссия представила императору докладную записку, в которой предлагала реформировать польские училища в западных губерниях по образцу российских народных училищ «для приведения присоединенной Польши в тесный союз с Россиею»[122].

Однако в годы правления Александра I развитием системы образования в правобережных украинских, литовских и белорусских губерниях руководили чиновники, подобные П.В. Завадовскому, для которых соображения сословно-регионального и политического характера имели несомненный приоритет перед модерными национальными. Александр I, в свою очередь, в условиях стремительного роста французского могущества и грядущих войн с Наполеоном не желал лишний раз дразнить польскую шляхту. После завершения наполеоновских войн российский император пытался привлечь симпатии польской шляхты, экспериментируя с конституцией Царства Польского и с проектами нового административно-политического устройства Российской империи[123].

При этом, несмотря на то, что и в правительственных кругах, и в общественном мнении считалось, что Киев находился в сфере влияния польской культуры и образования, Киевская губерния, включенная ранее в состав Виленского учебного округа, в 1818 г. оказалась присоединенной к Харьковскому учебному округу. Одновременно в Харьковском университете открылся курс польского языка, который взялся вести будущий профессор и ректор университета, украинский писатель П.П. Гулак-Артемовский. Тем самым Харьков – на короткое, правда, время – принял на себя роль авангарда российского образования на «кресах» бывшей Речи Посполитой.

В 1831 г., после польского восстания, харьковские профессора были привлечены к «реорганизации» системы образования на землях прежнего Виленского учебного округа, переданных в связи с этим под харьковскую университетскую юрисдикцию[124]. Однако географическое положение Харькова в этом случае оказалось неудобным для выполнения подобной миссии.

Роль «обрусителя» польских «кресов» Правобережной Украины в конечном счете перешла к Киеву, в то время считавшемуся историческим и культурным центром Малороссии.

После создания в 1832 г. Киевского генерал-губернаторства и образования на территории Киевской, Волынской, Подольской и Черниговской губерний Киевского учебного округа, а также открытия в 1834 г. Киевского университета св. Владимира, от Харьковского учебного округа к Киевскому отошли правобережные украинские земли: Подольская и Волынская губернии, ранее переданные временно в его состав. В роли регионального центра русификации бывшей польской сферы культурного влияния, Киевский университет направлял свою политику уже не столько на юг, сколько на запад. Киев, соответственно, превращался в центр не «южной России», как полагал С.С. Уваров, а Юго-Западного края, составившего, наряду с Северо-Западным краем, т.н. Западный край, или «западные губернии»[125].

Смена основных направлений российской культурной экспансии, сопровождаемая очередной волной реформирования империи, обернулась несколько неожиданным результатом для самой Слобожанщины и соседней Малороссии. Последняя в 1831 г. утратила свою административную целостность, разделившись на Полтавскую и Черниговскую губернии, а в 1835 г. настал черед и Слобожанщины, переименованной, как о том и мечтал В.Н. Каразин, в Харьковскую губернию. Но при этом Харьков стал центром Малороссийского генерал-губернаторства, переведенного сюда из соседней Полтавы в 1835 г. Таким образом, перестав официально называться Слободской Украиной, Харьковщина официально стала частью Малороссии – подробнее об этом речь пойдет в следующей главе.

Подобный вариант административно-территориального устройства украинских земель, собственно говоря, не был новым в истории постоянных преобразований непрерывно расширявшейся Российской империи XVIII–XIX вв. В предыдущем разделе уже упоминалось в этой связи о плане «обустройства» государства, намеченном В.Н. Татищевым, в котором Слобожанщина становилась частью «генерал-губернамента» Малороссийского. В 1820 г. проект конституционного устройства, т.н. Уставная грамота Российской империи, разработанная по приказу Александра I, включала в себя статью о новом административном устройстве страны, предполагавшем разделение ее на 12 округов, или наместничеств, – в соответствии с ним Малороссия, Слобожанщина и Курская губернии объединялись в одно целое вокруг Киева[126].

Современный украинский историк В.С. Шандра полагает, что «процесс поглощения империей Украины должно было активизировать присоединение к составу Малороссийского генерал-губернаторства Харьковской губернии – более интегрированной в административно-военное про-

странство России»[127]. По нашему мнению, все выглядит как раз наоборот: Слобожанщина как бы притягивала к себе Малороссию и становилась ее частью и административным центром. Поэтому и ставка генерал-губернатора переезжала из Полтавы в Харьков, а не vice versa. В двухвековом споре двух регионов о первенстве Слобожанщина, казалось, избрала наиболее оптимальный для себя вариант капитуляции перед Малороссией, приняв на себя роль ее столицы...

По крайней мере, Харьков впервые стал малороссийской столицей не только официально, но и в общественном мнении. Известный российский государственный деятель Н. Милютин, посетивший Харьков в 1837 г., именовал его «средоточием высшего сословия Малороссии», городом, который «обещает сделаться средоточием Малороссии и в нравственном, и в материальном отношении»[128]. В изображении путешественника, уже упоминавшегося ранее И. Сбитнева, он выглядит «Афинами Малороссии». К Малороссии относит Харьков, наряду с Киевом, Полтавой и Черниговом, и изданное в США в 1855 г. иллюстрированное описание Российской империи[129]. Это была очередная и, забегая наперед, скажем, что не последняя попытка стереть границу между бывшей Слобожанщиной и Гетманатом...

2. Южная Россия versus Украина

Возвращаясь к цитированной выше записке профессора Ф. Швейкарта, следует обратить внимание на содержащееся в ней соображение о том, что Харьковский учебный округ создавался «под Харьков». В состав округа, как известно, вошли разнородные исторические регионы современных Украины и России, с разными традициями и национальным составом жителей: Слободско-Украинская, Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская губернии, а также области Войска Донского и Черноморского казачества[130]. Собственно говоря, Харьковский учебный округ охватывал собой едва ли не всю территорию бывшего степного порубежья России, включавшего казацкие политии вместе с Гетманатом, Крымское ханство и даже часть Кавказа.

Бросается в глаза, что сфера административной ответственности попечителя Харьковского учебного округа в момент его образования практически совпадала с пространством, на которое распространялась власть военного губернатора края в конце XVIII в., о чем шла речь в начале этой главы. О том, что В. Каразин, проектируя университет в Харькове и границы его учебного округа, руководствовался интересами империи в большей степени, чем потребностями своей «малой родины», свидетельствует его письмо к харьковскому священнику о. В. Фотиеву от 1802 г., в котором содержатся такие слова: «Быв удостоен вскоре по возвращении своем в Пе-

тербург беседы доброго государя, осмелился я сказать ему идею о заведении в Харькове университета, который был бы образован лучше Московского и достоин бы называться средоточием просвещения полуденной России. Идея моя принята с благоволением, и я принялся было уже за начертание плана к нему»[131].

В данном случае обращает на себя внимание не столько наивное желание провинциала превзойти столицу, сколько мысль о Харькове как региональном центре «полуденной России». Хотя В. Каразин не конкретизировал, собственно говоря, что он имел в виду под «полуденной Россией», можно предположить, что к тому времени он был знаком с записками русского путешественника В.В. Измайлова, чья книга, опубликованная в 1800–1802 гг. под названием «Путешествие в Полуденную Россию», описывала южные русские и украинские губернии, Новороссию, Крым и Северный Кавказ. Границы Харьковского учебного округа в целом оказались такими же, как в этой книге.

Заявляя претензии «маловажного Харькова» на роль «средоточия южных губерний»[132], В. Каразин тем самым словно передавал городу эстафету Екатеринослава – несостоявшейся южной столицы империи, университетского центра и одновременно очага греческого «возрождения». Не случайно В. Каразин, близкий балканским проблемам в силу происхождения и семейных традиций[133], утверждал, что его план основания Харьковского университета предусматривал обучение в нем студентов из Греции. Вполне естественной на этом фоне выглядит и широко употреблявшаяся В. Каразиным метафора «южных Афин» применительно к Харькову.

В начале XIX в. Харьковский университет позиционировался в южном, новоприобретенном пространстве Российской империи, маркировавшемся российским правительством при помощи символов древнерусской истории, но известном в Европе благодаря античным реминисценциям. К примеру, немецкого филолога Ф. Вольфа, получившего предложение занять профессорскую должность в Харьковском университете, воображение сразу же перенесло к югу, побережью Черного моря, обозначенного именем славного Овидия, греческим вином и «боспорскими монументами»[134]. Его младший по возрасту коллега профессор К.-Д. фон Роммель по дороге в Харьков воображал себе роскошные дворцы татарских ханов, гаремы красавиц и – «аудитории, наполненные молодыми, жаждущими знаний казаками»[135]. Не лишним будет отметить и тот факт, что первый ректор Харьковского университета И.С. Рижский считался учеником знаменитого ученого, путешественника П.С. Палласа и в 1795 г. издал собственный перевод его «Краткого физического и топографического описания Таврической области»[136].

Научная деятельность первых харьковских профессоров имела отчетливую южную направленность. Проект первого попечителя Харьковского

учебного округа графа С. Потоцкого, имевшего, кстати сказать, на юге, в Херсонской губернии, поместье Севериновку[137], предусматривал создание в Харькове исторического музея, в котором концентрировались бы находки, сделанные на территории Причерноморья[138]. Французский исследователь профессор А. Дюгур (Дюгуров) посвятил специальное исследование истории и культуре ногайских татар. Правда, со временем научно-культурные инициативы по изучению Юга России стали все больше сосредотачиваться в причерноморских городах, прежде всего в Одессе.

В целом же проект Харьковского университета отвечал политике просветительской модернизации и унификации Российской империи, предусматривавшей стирание исторических границ между регионами империи. Миссия Харьковского университета первоначально заключалась в распространении достижений просветительской культуры в новоприобретенных южных, еще не освоенных провинциях империи. Университетская среда, смоделированная по западноевропейским просветительским образцам, становилась тем основным фундаментом, на котором начали создаваться новые светские культурные и научные институции. Последние, в свою очередь, формировали единое пространство модерной культуры эпохи Просвещения, которая должна была стать «плавильным котлом» для всех региональных особенностей.

Учреждение университета в Харькове придавало новое культурное измерение пространственной локализации города и региона, которые позиционировались в южнорусском географическом пространстве Российской империи. Границы никем в то время не определенной Южной России во многом совпадали с границами Харьковского учебного округа. Так полагало не только российское правительство[139] и харьковская университетская профессура[140], но и слободская дворянская элита, по инициативе которой в начале XIX в. стали возникать общественные организации, распространявшие свою деятельность «в полуденном крае Российской империи»: Филотехническое общество, появившееся в Харькове в 1811 г. по инициативе В. Каразина[141], и образованное тогда же Харьковское общество благотворения[142]. Слободско-украинский губернатор В.Г. Муратов относил Харьков к «полуденному краю», имея в виду его статус штаб-квартиры главнокомандующего пограничными войсками на юге империи[143]. Его современник черниговский педагог и путешественник И. Сбитнев поступал точно так же, называя Харьков центром торговли «Полуденной России»[144]. Но при этом и границы, и центр нового региона все еще оставались неопределенными.

Постоянные административно-территориальные преобразования южной и западной окраин Российской империи способствовали их «удалению» от Харькова и консолидации, соответственно, вокруг Одессы и Киева. В 1822 г., как известно, было образовано генерал-губернаторство Новорос-

сийское и Бессарабское. Через некоторое время к новому Одесскому учебному округу от Харькова отошли Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии. К тому времени Харьковский учебный округ уже успеет лишиться и закавказских территорий.

Административные реформы русского правительства, однако, еще не в полной мере учитывали национальные аспекты и не имели непосредственной связи с символической географией. Любопытно, что когда министр образования К. Ливен обосновывал в 1832 г. необходимость исключить новороссийские провинции из харьковской юрисдикции на том основании, что они имеют смешанный состав населения и потому не могут считаться русскими, император Николай I отверг это предложение, заявив, что он сам, мол, очень хорошо знает, что эти земли – именно «русские»[145]. Логично предположить, что именно по этой причине они находились в административном подчинении Харькова.

Тем не менее, когда на карте империи достаточно отчетливо начала вырисовываться «южная Россия», она долгое время не имела своего регионального центра. На эту роль претендовали сразу три города: Харьков, Киев и Одесса. По мнению нового министра образования России С. Уварова, сменившего на этом посту К. Ливена, «средоточием образования южной России» должен был стать «настоящий», по словам министра, центр этой последней – Киев[146]. В общественном мнении данную роль продолжал играть Харьков[147]. Фактически же роль «южной столицы» постепенно переходила к Одессе, которая увереннее всех остальных городов позиционировала себя в южном культурном пространстве.

Для Одессы, в отличие от Харькова или того же Киева, не существовало проблемы конфликта локальных идентичностей. Одесса никогда не принадлежала ни к Малороссии, ни к Слободской Украине. С самого начала своего существования город приобрел южную «прописку». Первое русскоязычное периодическое издание, появившееся в многонациональной Одессе в 1821 г., получило название «Вестник Южной России», а возникшее в 1828 г. общество, подобное Филотехническому, именовалось здесь Обществом сельского хозяйства Южной России. Правда, возникший в Одессе во второй половине XIX в. университет стал именоваться Новороссийским, а не Южнороссийским, но это обстоятельство отразило лишь непрекращающуюся борьбу городов за первенство в южнорусском пространстве.

«Южная» локализация Харькова, пополнявшего собой число претендентов на роль столицы Южной России (наряду с Екатеринославом, Херсоном, Одессой), не означала утраты Слобожанщиной и ее «средоточием» традиционной украинской географической принадлежности. Харьков официально оставался административным центром Слободско-Украинской губернии и в этом качестве отождествлялся с «украиной». «Украинским» маркером от-

мечены названия возникавших в Харькове в начале XIX в. журналов: «Украинский вестник», «Украинский журнал»; тот же В. Каразин, вынашивая вместе с сербским профессором Харьковского университета А. Стойковичем планы исследования и просвещения Южной России, предусматривал издание журнала под названием «Собеседник из Украйны»[148]. В планах федеративного переустройства Российской империи, разрабатывавшихся декабристом Н. Муравьёвым, Харьков фигурировал в качестве столицы «державы» под названием «Украина», в то время как Киев становился центром некой «Бужской», а Одесса – «Черноморской» державы[149].

«Украинская» локализация Харькова и региона поддерживалась представлением о них как о культурной окраине при взгляде из центра, из столиц Российской империи. Например, в российском столичном сатирическом журнале «Живописец» «украинское» географическое пространство маркируется в 1772 г. при помощи названий городов: Полтавы, Харькова и Голтвы, а также вымышленной местной газеты под названием «Украинские ведомости». В корреспонденции, якобы заимствованной журналом из этой газеты, иронически изображаются «нравы» культурной окраины: псовая охота, банкет и сумасбродный помещик, ищущий, кому бы продать свою совесть... О «нравах» Харькова уже после его превращения в центр наместничества поведал проезжавший через город в 1781 г. академик Петербургской академии наук В.Ф. Зуев. В Харькове губернские сатрапы так поизмывались над ним, что униженный путешественник дал волю чувствам, описав свои мытарства и сделав вывод о том, что, мол, он-то считал Харьков принадлежащим к центральной, то есть цивилизованной, России, в то время как здесь, оказывается, царят порядки, относящие этот город к диким окраинам, где жизнь путешественника подвержена постоянным опасностям.

В. Каразин, как уже говорилось, мечтал о том времени, когда его отчизна сменит «украинское» название на «харьковское», интегрировавшись в общее обновленное культурное пространство Российской империи и забыв о своем окраинном прошлом[150]. Но после того, как это случилось, оказалось, что за Харьковом успело прочно закрепиться и неофициальное теперь уже звание «средоточия» Украины. К примеру, столицей Украины Харьков назван в записках проезжавшего здесь в 1838 г. академика Г. Коля[151]. Слова последнего почти буквально повторил известный российский критик Виссарион Белинский. В начале 1840-х гг. он также прибег к метафоре столицы, чтобы выразить свое впечатление от города: «Харьков, по своему многолюдству и красоте, сравнительно с другими губернскими городами, есть некоторым образом столица Украйны, а следовательно, и столица украинской литературы, украинской прозы и в особенности украинских стихов»[152].

Слобожанщина и в первой половине XIX в., уже после открытия в Харькове университета, продолжала оставаться окраиной при взгляде из цен-

тра. Военно-стратегические соображения в этом восприятии играли существенную роль, если вспомнить, что после окончания наполеоновских войн именно Слобожанщина была избрана местом для эксперимента с военными поселениями, основанными, как известно, в 1817 г. в Харьковском, Изюмском и Змиёвском уездах губернии. Столицей военных поселенцев стал Чугуев. Вероятно, правительство предполагало, что воспоминания о военных поселенцах на степной границе для самих жителей края были не менее популярными, чем воспоминания о казачестве.

В 1859 г. не где-нибудь, а в военном лагере близ Чугуева произошла встреча плененного в кавказских горах имама Шамиля с российским императором Александром II. Последний стремился тем самым не только продемонстрировать уважение к врагу, но и сделать символический примирительный жест по отношению к кавказской военной границе. Бывшая Слободская Украина – пограничье для столиц и освоенное культурное пространство для окраин – подходила для этого как нельзя лучше.

Харьковский университет, избавившись от миссионерско-просветительских функций в отдаленных областях юга и запада, со временем локализовался в качестве действительно регионального университета для Слобожанщины. Киевский же университет становился связующим звеном между Правобережьем и Слобожанщиной, способствуя культурной консолидации этнических украинских земель, с одной стороны, и их непосредственным контактам с пространством польской культуры – с другой. Позднее, в 1865 г., к новому университетскому пространству на территории Украины присоединится еще один, Новороссийский университет в Одессе.

В целом реформы, предпринятые имперским центром во второй половине XVIII – начале XIX в. и направленные на модернизацию и культурную унификацию страны, должны были, по идее, привести к стиранию старых региональных границ и приближению окраин к центру империи. В свою очередь, Слободская Украина, утратив местное самоуправление и превратившись в губернию (на какое-то время – наместничество и генерал-губернаторство), должна была сыграть роль регионального лидера в процессе институциональной культурной русификации бывшего степного пограничья. Харьковскому университету отводилась в этом процессе особая роль, учитывая то место, которое занимало образование в политике имперского центра.

Тем не менее этого не случилось. Культурная интеграция периферии в империю сопровождалась появлением новых границ, которые не совпадали с административными, но и не стирали их. Прежде всего потому, что сама политика центра по отношению к периферии оставалась противоречивой и непоследовательной. Централизаторские тенденции в ней сменялись децентрализаторскими, и наоборот. Но основную причину подобной противоре-

чивости необходимо искать не в отсутствии надлежащей преемственности в политике имперской элиты, а в продолжавшейся экспансии Российской империи. Харьков, в качестве административного и культурного центра, в связи с этим приобретал необычайно широкие полномочия, выходившие далеко за пределы Слободской Украины.

Создание Харьковского университета, с одной стороны, отразило победу доктрины просветительской централизации над региональным и социальным партикуляризмом. Университет с самого начала был государственной институцией, подчинявшейся непосредственно назначенному императором попечителю, а не местной дворянской корпорации. В университетской структуре, преподавательском составе и программах обучения не было поначалу ничего, что отражало бы местную региональную специфику.

Но, с другой стороны, успех харьковского университетского проекта во многом был обусловлен региональным патриотизмом и энтузиазмом инициатора этого проекта – В. Каразина. Он нашел отклик в местном обществе прежде всего потому, что в разных его сословиях еще была жива идея особого, привилегированного статуса региона. Даже идея университетской автономии – особой корпорации, наделенной правом самоуправления, относительно легко вписывалась в привычную для местной традиции модель «поселения на особых правах». Превращение же Харькова в университетский город, в свою очередь, подчеркивало специфику региона. Иначе говоря, политика модернизации не только не входила в конфликт с местной региональной идентичностью, но находила здесь определенную поддержку.

По своему географическому положению, сфере полномочий и территории учебного округа Харьковский университет приближал Слобожанщину не к «северу», а к «югу» Российской империи. Но пространство и центр этого «юга» еще необходимо было определить. На роль «южной» региональной «столицы» с одинаковым успехом могли претендовать, помимо Харькова, например, Киев, Одесса, Екатеринослав, Херсон. Примеряя на себя эту роль и соперничая с соседними городами, Харьков становился частью культурного пространства «Юга» Российской империи, в рамках которого будет происходить развитие украинского национального движения...

Границы Харьковского учебного округа не вносили принципиальных изменений в размещение региона на политической карте по сравнению с прошлым столетием. Они лишь закрепляли его традиционное соседство с другими окраинами: Малороссией, Доном, Причерноморьем и бывшей Речью Посполитой. Соседство с неспокойной Польшей, с одной стороны, воинственным Кавказом – с другой, и, через Крым и Причерноморье, с Османской империей – с третьей – лишь подчеркивали пограничный статус Слобожанщины. Ликвидация военного фронтира сама по себе еще не означала устранения фактора границы из жизни региона, а стирание административной

границы между историческими регионами Слобожанщины и Малороссии привело не к «растворению» их в некоем общем пространстве Российской империи, а к их сближению и превращению Харькова в административно-культурный центр Малороссии.

Территория «полуденной России» в пределах Харьковского учебного округа, однажды «воображенная», так и не смогла переплавить в себе, как в тигле, прежние исторически сложившиеся регионы, относительно недавно вошедшие в состав империи. Она играла роль своего рода метарегиональной оболочки, сохранявшей региональные идентичности наряду с общей, имперской, и расширяя тем самым возможности для одновременного мирного сосуществования различных, не противоречивших друг другу, типов идентификации.

Примечания

1 Sunderland W. *Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century* // Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Indiana University Press, 2007. P. 52.

2 Каппелер А. *Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках* // Ab Imperio. 2003 [http://abimperio.net/scgibin/aishow.pl?state=showa&idart=670&idlang=2&Code=i3DYW2o01qwgj1M999TJIJiyK].

3 См.: Шпорлюк Р. *Імперія та нації* / Пер. з англ. Київ, 2000; Турченко Ф., Турченко Г. *Південна Україна: модернізація, світова війна, революція (кінець XIX ст. – 1921 р.).* Київ, 2003.

4 Зорин А. *Кормя двуглавого орла...*: *Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века.* М., 2001. С. 108. См. также: Saunders D. *The Ukrainian Impact on Russian Culture: 1750–1850.* CIUS, 1985; Елисеева О.И. *Геополитические проекты Г.А. Потемкина.* М., 2000.

5 Турченко Ф., Турченко Г. Вказ. праця. С. 13.

6 Зорин А. Указ. соч. С. 151.

7 Там же. С. 106.

8 Иванов Ю.Н. *Создание Южнославянского пансиона в Николаеве* // Культура народов Балкан в Новое время (Балканские исследования). Вып. 6. М., 1980. С. 201–216.

9 Недовольство выбором места для столицы Российской империи, сделанным Петром I, выглядит едва ли не постоянным лейтмотивом правления Екатерины II, начиная с ее переписки с Вольтером и заканчивая путешествием императрицы на юг в 1787 г. (См.: Проскурина В. *Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II.* М., 2006. С. 114, 145).

10 Зорин А. Указ. соч. С. 115.

11 Герлігі П. *Одеса. Історія міста, 1794–1914.* Київ, 1999. С. 16.

12 Зорин А. Указ. соч. С. 106.

13 Там же. С. 105, 107–108.

14 Яворницкий Д.И. *История города Екатеринослава.* Днепропетровск, 1989. С. 54.

15 Вульф Л. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. М., 2003. С. 35.

16 Sunderland W. Op. cit. P. 51.

[17] См. подробнее: Шепелёв Л.Е. *Чиновный мир России XVIII – начала XX в.* СПб., 2001. С. 199.

[18] Там же. С. 202.

[19] Георги И.Г. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей.* 2-е изд., с испр. и доп. Спб., 2007. С. 508.

[20] Там же.

[21] *Сочинения императрицы Екатерины II.* Т. 8. Труды исторические. Записки касательно российской истории. Ч. 1–2. СПб., 1901. С. 64. Западное направление российской экспансии получало обоснование в «Западной Руссии» – земле древлян (там же).

[22] Филюшкин А. *Проблема генезиса Российской империи* // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 389.

[23] Проскурина В. Указ. соч. С. 137, 144.

[24] На роль российских столиц предназначались: Санкт-Петербург, Москва, Берлин, Вена, Константинополь, Астрахань (Проскурина В. Указ. соч. С. 146, прим. 111).

[25] Гончарова О.М. *Смысловое пространство русской культуры: память – традиция – текст.* СПб., 2005. С. 16–51.

[26] Проскурина В. Указ. соч. С. 145.

[27] Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харкова за 250 лет его существования.* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993. Т. 2. С. 130.

[28] Посунько О. *Історія Нової Сербії та Слов'яносербії.* Автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Запоріжжя, 1998; Рудяков П. Н. *«В службу и вечное подданство...»: Сербские поселения Новая Сербия и Славяносербия на украинских землях (1751–1764).* Киев, 2001; Дмитрієв В.С. *Серби в Україні (XVIII – початок XIX ст.).* Автореф. дис. ...канд. іст. наук. Київ, 2006; Лалич С. *Серби – офіцери і генерали російської армії* // Україно-сербський зб.: Украс. 2006. Вип. 1. С. 27–50.

[29] Гуржій О.І. *Українська козацька держава.* Київ, 1996. С. 102. Срезневский И.И., ссылаясь на Полное собрание законов Российской империи, полагает, что «новоучрежденная Слободско-украинская Харьковская губерния» в 1765 г. «заняла области всех слободских полков и еще в других местах, где поселились слобожане, – Белгородской, Воронежской, Казанской, Саратовской, Астраханской и на Дону» (Срезневский И.И. *Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию.* Харьков, 1883. С. 22).

[30] Современный российский исследователь А. Ремнев так определяет роль подобных центров Российской империи: «Огромное пространство Российской империи, слабость коммуникаций и фрагментарное хозяйственное и демографическое присвоение новых территорий на востоке требовало образования на линии центр – периферия центров второго порядка, транслировавших функции главного имперского центра на удаленные регионы, имевших потенциально важное политическое значение» (Ремнев А.В. *Рассуждения по поводу имперско-региональных понятий* [http://empires.ru/docs/remnevcourses.doc].

[31] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 291.

[32] Багалій Д.І. *Історія Слобідської України*. Харків, 1990. С. 136, 141.

[33] Там же. С. 140.

[34] Антонов А.Л., Парамонов А.Ф., Маслийчук В.Л. *История харьковского городского самоуправления. 1654–1917 гг.* Харьков, 2004. С. 17.

[35] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 55.
[36] Там же. Т. 2. С. 114.
[37] Багалей Д.И. *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* В 2 т. Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898. С. 1023.
[38] Долгорукий И.М. *Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 г.* // Чтения в императ. О-ве истории и древностей росс. при Моск. ун-те. 1869. Кн. 2. № 4–5. Разд. 2. С. 50–53.
[39] Janowski L. *Uniwersytet Charkowski w początkach swego istnienia. (1805–1820).* Kraków, 1911. P. 45–46.
[40] Лавровский Н. *Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского университета* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1872. № 2. С. 202.
[41] Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. С. 1002.
[42] Janowski L. Op. cit.
[43] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 2.
[44] Там же. С. 8–9, 12.
[45] Там же. С. 9.
[46] Там же. С. 17.
[47] Антонов А.Л., Парамонов А.Ф., Маслийчук В.Л. Указ. соч. С. 22.
[48] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 9.
[49] Среди харьковских купцов первенствовали выходцы из России, а также греки.
[50] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 135–136; Т. 2. С. 260–261.
[51] Багалей Д.И. *Краткий исторический очерк торговли (преимущественно ярмарочной) в Слободской Украине в XVII и XVIII вв.* // Очерки из русской истории. Т. 2. Монографии и статьи по истории Слободской Украины. Харьков, 1913. С. 69; Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 76.
[52] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 12.
[53] Там же. Т. 1. С. 106–107.
[54] Там же. Т. 2. С. 476–477.
[55] Я пользовался английским переводом записок Гакстгаузена, изданных в 1856 г.: *The Russian Empire, its People, Institutions, and resources, by baron von Haxthausen.* Vol. 1. London, 1856. P. 394. Русское издание этого труда см.: Гакстгаузен А. *Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России.* Т. 1. М., 1870. Соответствующий пассаж, посвященный Харькову, цитируется в: Антонов А.Л., Парамонов А.Ф., Маслийчук В.Л. Указ. соч. С. 56 и Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917).* Смоленск, 2000. С. 258.
[56] Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 258.
[57] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 92–94, 103, 160–161.
[58] Маслійчук В. *Провініція на перехресті культур (дослідження з історії слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007. С. 349.
[59] Трудно, впрочем, сказать, чем было навеяно появление такого названия города в творчестве философа – панегириком Я. Орновского Донец-Захаржевским, о котором Г. Сковорода наверняка знал, или популярной легендой о казаке Харьке.
[60] Багалій Д.І. *Український мандрований філософ Григорій Сковорода.* Вид. 2, випр. Київ, 1992. С. 328.
[61] Цит. по: Лосиевский И.Я. *Русская лира с Украйны*: *Русские писатели Украины первой четверти XIX века.* Харьков, 1993. С. 10.
[62] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 143.
[63] Цит. по.: Квитка Г.Ф. *Харьков и уездные города.* Харьков, 2005. С. 46, 48.

[64] Герлігі П. Вказ. праця. С. 46. См. также: Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa.* Toronto: University of Toronto Press, 2008.
[65] *The Russian Empire, its People…* Vol. 1. P. 397.
[66] Kohl J.G. *Russia. St. Petersburg, Moscow, Kharkoff, Riga, Odessa, the German provinces on the Baltic, the steppes, the Crimea, and the interior of the Empire.* London: Chapman and Hall, 1842. P. 505.
[67] Петцольдт А. *Краткий отчет об ученом путешествии в южные губернии Европейской России* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1856. Ч. 89. № 3. С. 47–66.
[68] Костомаров Н.И. *Исторические произведения. Автобиография.* Киев, 1989. С. 463.
[69] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 7–16.
[70] См.: Лосиевский И.Я. Указ. соч. С. 65, 130–132.
[71] См.: *История Харьковского университета*: Сист. библиогр. указ. 1805–1917 гг. Ч. 1. Вып. 1. 2-е изд. Харьков, 2004; *Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років.* Харків, 2004.
[72] В последнее время удачную попытку преодолеть некоторые традиционные подходы к изучению истории Харьковского университета предпринял С.И. Посохов (см.: Посохов С.І. *Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії.* Харьков, 2006).
[73] В рассмотрении данной проблемы я опираюсь, в основном, на свои предыдущие публикации соответствующей тематики. См.: Krawchenko V. *Die Gründung der Universität Char'kov. Zu einigen historiographischen Mythen* // Jahrbuch für Universitätsgeschichte. B. 4: Universitätsgeschichte in Osteneuropa / Red. M.-L. Bott. Stuttgart, 2001. P. 137–145; Кравченко В. *Харківський університет і слобідська громада* // Критика. Рецензії. Есеї. Огляди. 2003. Березень. Ч. 3 (65). С. 18–23; *Харківський університет у першій половині XIX століття* // Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років. Харьков, 2004. С. 6–124.
[74] Рождественский С.В. *Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках.* Т. 1. СПб., 1910. С. 285.
[75] Указ об учреждении этого училища был издан в 1765 г. (Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 404).
[76] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1. С. 404–407.
[77] Там же. С. 421.
[78] Сафонов М.М. *Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв.* Ленинград, 1988. С. 74.
[79] Там же. С. 76.
[80] *Проект к учреждению университета Батуринского, 1760 г. писано для графа Г.Н. Тепловым* // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2. С. 67–85; Миловидов Л. *Проекти вищої школи на Чернігівщині (1760–1803 рр.)* // Записки Чернігів. наук. т-ва. 1931. Т. 1. Праці історично-краєзнавчої секції). С. 65–89; Миловидов Л. *Проекти університету у Києві у другій половині XVIII ст.* // Київські збірники історії й археології, побуту й мистецтва. 1930. Зб. 1. С. 295–306 (переиздано в кн.: Короткий В., Ульяновський В. (упор.). *З іменем Святого Володимира.* У 2 кн. Кн.1. Кіїв, 1994. С. 27–36).
[81] Кравченко В. *Харківський університет і слобідська громада* // Критика. Рецензії. Есеї. Огляди. 2003. Березень. Ч. 3 (65). С. 18–23.
[82] См.: Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. Кн. 2. С. 55; «*Я смело могу стать пред судом потомков...*»: (Каразинский сб.): посвящ. 200-летию Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. Харьков, 2004. С. 35, прим.

83 Багалей Д.И. *Опыт истории*… С. 44–49.

84 См. перечень библиографических источников и пособий в: *«Я смело могу стать...»* С. 32–83.

85 Проблема происхождения В.Н. Каразина рассматривается в специальной статье: Кравченко В. В., Страшнюк С. Ю. *О балканском происхождении и «сербском проекте» В.Н. Каразина 1804 года* (в печати).

86 Истоки подобных представлений следует искать в пореформенной либеральной историографии, в первую очередь в публикациях Г.П. Данилевского и Д.И. Багалея, о чем несколько подробнее изложено в главе 4 данной работы.

87 Лавріненко Ю. *Василь Каразин – архітект Відродження. Матеріяли і думки до 200-ліття з дня народження. 1773–1973.* Мюнхен, 1975.

88 См., в частности: Лисяк-Рудницький І. *Історичні есе.* Київ, 1994. Т. 1. С. 203–220.

89 Багалей Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905).* Харьков, 1906. С. 1; Janowski L. Op. cit. S. 45–46.

90 Лавровский Н.А. *Воспоминание о Василии Назаровиче Каразине (1773–1873)* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1873. № 2. С. 301.

91 *Университет для России. Взгляд на историю культуры XVIII столетия.* М., 1997. С. 15.

92 Загоскин Н.П. *История Императорского Казанского университета за первые сто лет (1804–1904 гг.).* Казань, 1902–1903. Т. I. С. XV.

93 Багалій Д.І. *Історія Слобідської України*. С. 121.

94 Багалей Д.И. *Опыт истории...* Т. 1. С. 55–57.

95 Там же. С. 58–73.

96 Там же. С. 68.

97 Там же. С. 71.

98 Там же. С. 70.

99 Павленко Ю.В., Руда С.П., Хорошева С.А., Храмов Ю.О. *Природознавство в Україні до початку XX ст. в історичному, культурному та освітньому контекстах.* Київ, 2001. С. 203.

100 Павловский И.Ф. *Письмо В.Н. Каразина к князю А.Б. Куракину о привлечении малороссийского дворянства к пожертвованию на Харьковский университет* // Труды Полтавской ученой архивной комиссии. 1914. Вып. 11. С. 185.

101 Багалей Д.И. *Опыт истории...* Т. 1. С. 85.

102 Janowski L. Op. cit. P. 31.

103 Багалей Д.И. *Опыт истории...* Т. 1. С. 91.

104 Баберовски Й. *Доверие через присутствие. Домодерные практики власти в поздней Российской империи* // Ab imperio. 2008. No. 3. С. 88.

105 Петров Ф.А. *Российские университеты в первой половине XIX века.* М., 1998–1999. Кн. 2: Становление системы университетского образования в России. Ч. 2. С. 96.

106 Всего до конца 1803 г. было назначено 16 преподавателей, в том числе семь профессоров, семь адъюнктов и два учителя. Среди них – восемь немцев (в том числе два российских подданых), три француза, трое русских, один украинец и один серб.

107 James T. Flynn. *V.N. Karazin, the Gentry and Kharkov University...* P. 14.

108 Павловский И.Ф. Указ. соч. С. 179–185.

109 Рождественский С.В. *Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902.* СПб., 1902. С. 76.

110 Каразин В.Н. *Сочинения, письма и бумаги.* Харьков, 1910. С. 38.
111 Цит. по: Маслійчук В.Л. *Провінція на перехресті культур…* С. 351.
112 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. С. 700. Впрочем, София Русова допускала, что какие-то суммы от полтавского дворянства все же поступили (Русова С. *Григорий Федорович Квитка* // Квитка Г.Ф. Сочинения. Т. VI. Драматические сочинения. Харьков, 1894. С. XIX).
113 Багалей Д.И. *Опыт истории...* Т. 1. С. 88.
114 Там же. С. 1017–1018.
115 Петров Ф.А. Указ. соч. Кн. 3. С. 237.
116 Там же. Кн. 1. Формирование системы университетского образования. С. 299; Кн. 2. Становление системы университетского образования в России. Ч. 2. С. 192.
117 Лисяк-Рудницький І. Вказ. праця. Т. 1. С. 212.
118 Flynn J. T. *V.N. Karazin, the Gentry and Kharkov University* // Slavic Review. 1969. Vol. 28. No. 2. P. 212.
119 Лисяк-Рудницький І. Вказ. праця. Т. 1. С. 212.
120 Дятлов В.О., Коваленко О.Б. *Несподівана першість...* // Древности. 1995. С. 88–90.
121 Рождественский С.В. *Исторический обзор…* С. 23.
122 Там же. С. 24.
123 Мироненко С.В. *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.* М., 1989. С. 148–206.
124 По иронии судьбы Харьков, не успев проявить себя в роли русификатора Польши, сам подвергся в начале 1830-х гг. наплыву польских профессоров и студентов. Одним из результатов этого стало оживление в среде харьковского студенчества интереса к украинскому прошлому времен церковной унии и казацких восстаний.
125 *Западные окраины Российской империи.* М., 2006. С. 103–104.
126 Мироненко С.В. Указ. соч. С. 193.
127 Шандра В.С. *Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX століття.* Київ, 2005. С. 118.
128 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 968.
129 *Illustrated description of the Russian empire; embracing its geographical features, political divisions, principal cities and towns, population, classes, government, resources, commerce, antiquities, religion, progress in education, literature, art, and science, manners and customs, historic summary, etc., from the latest and the most authentic sources, by Robert Sears, embellished with numerous engravings, and maps of European and Asiatic Russian.* New York, published by Robert Sears, 181 William street, 1855. P. 119.
130 Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. С. 225.
131 Там же. С. 101.
132 Каразин В.Н. *Сочинения, письма…* С. 539, 622.
133 Некую идейную преемственность планов В. Каразина с внешнеполитическими планами российского правительства относительно Греции и Балкан времен императрицы Екатерины II можно видеть и в т.н. славянском проекте В. Каразина, предусматривавшем образование на Балканах православного царства под эгидой России: в 1804 г. инициатор создания Харьковского университета настойчиво предлагал себя на роль тайного имперского эмиссара при сербских повстанцах. План В. Каразина не был принят правительством, но Харьковский университет сыграет-таки свою роль в осуществлении балканской политики российского правительства, когда один из первых его профессоров серб Т. Филипович, более известный под именем

Божидара Гуйовича, станет в 1805 г. секретарем сербского Правительствующего совета, автором первых законов и проекта государственного устройства Сербии, а еще один профессор Харьковского университета болгарин Марин Дринов через более чем полстолетия окажется у истоков национальной болгарской государственности.

134 Роммель К.-Д. *Спогади про моє життя та мій час.* Харків, 2001. С. 14.

135 Там же. С. 105.

136 Паллас П.С. *Краткое физическое и топографическое описание Таврической области, сочиненное на французском языке Петром Палласом и переведенное Иваном Рижским.* СПБ., 1795. К сожалению, мне недоступно новейшее издание трудов П.С. Палласа, увидевшее свет в 1999 г. (Паллас П. С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства.* М., 1999).

137 Kijas A. *Polacy na Uniwersytecie Charkowskim, 1805–1917.* Poznań, 2005. S. 41.

138 Григор'єва Т.Ф. *Роль Харківського університету в організації краєзнавчих досліджень (I чверть XIX ст.)* // VIII Всеукраїнська наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наукові доповіді та повідомлення). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 214.

139 Выпускник Харьковского университета и чиновник канцелярии попечителя Харьковского учебного округа А. Склабовский определял Южную Россию как совокупность Украины, Тавриды, Дона и Черноморья (Голубенко П. *Україна і Росія у світлі культурних взаємин.* Київ, 1993. С. 147).

140 Данилевский Г.П. *Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования.* Харьков, 1866. С. 310–311.

141 «*Я смело могу стать...*» С. 157. Оригинальное название записки, составленной по этому поводу В. Каразиным, выглядит так: «Мысли о учреждении в полуденных губерниях Российской империи общества под названием Филотехнического в пользу домоводства сих губерний» (там же. С. 13). Общество ставило перед собой цель модернизации сельского хозяйства на территории Слободско-Украинской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерний (см. там же).

142 Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. С. 665. Общество ставило перед собой, в частности, задачу «воспитания женского пола в полуденном крае России».

143 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 130.

144 Сбитнев И. *Поездка в Харьков* // Вестник Европы. 1830. № 17–18. С. 34.

145 Flynn J.T. *The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1825.* Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 1988. P. 180.

146 Ibid. P. 223.

147 Жданов М. *Путевые записки по России в двадцати губерниях.* СПб., 1843. С. 100.

148 «*Я смело могу стать...*» С. 139, прим. 2.

149 Нечкина М.В. *Движение декабристов.* Т. 1. М., 1955. С. 389. В проекте П.И. Пестеля также значились области Черноморская и Украинская, но их территории никак не обозначались (там же. С. 423), хотя можно предположить, что, по крайней мере, последняя из названных областей совпадала с той, которая упоминалась в проекте Н. Муравьёва.

150 Каразин В.Н. *Сочинения, письма...* С. 585.

151 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 968.

152 Цит. по: Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т. 7. Статьи и рецензии 1843–1845. М., 1955. С. 87.

ГЛАВА 3. ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОИСКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (вторая половина XVIII – середина XIX в.)

Просветительские реформы российского правительства во второй половине XVIII в. создавали условия, необходимые для усвоения и развития современных национальных идей и представлений, формировавшихся в это время на Западе. Принципиальное значение в этой связи приобретало появление в стране класса относительно свободных людей – поместного дворянства, объединенного корпоративными правами, свободой от государственной службы и возможностью участвовать в развитии интеллектуальной культуры. Вторая половина XVIII в. – время «коренизации» дворянских элит, роста их территориального и регионального самосознания, тесно связанного с поисками национальной идентичности[1].

По мере развития системы светского образования, науки и расширения публичного пространства светской культуры в городах основная роль в развитии модерного национального самосознания переходила к интеллигенции, тесно связанной с дворянством. Университетские города становились основными каналами транслирования в провинции европейской культуры и науки, центрами возникновения и развития национальных идей и институций. Благодаря этому местная, в том числе провинциальная, интеллектуальная элита получала возможность непосредственного участия в процессе формирования национальной идентичности Российской империи.

Слободское дворянство, еще не так давно представлявшее собой военно-земледельческое сословие на степной границе империи, теперь, благодаря правительственным реформам и, в особенности, Харьковскому университету, становилось одним из субъектов интеллектуальной модер-

низации Российской империи. Его вкладом в этот процесс можно считать создание регионального слободского дискурса, новых географических и исторических образов региона, связанных с определением его этнокультурных и языковых границ, развитием представлений об этнокультурном единстве украинцев. О том, как именно происходило формирование исторического и этнокультурного компонентов слободского регионального дискурса и как этот последний, в свою очередь, соотносился с политикой центра в национальном вопросе, с одной стороны, и малороссийским этнокультурным дискурсом – с другой, пойдет речь в этой главе.

Культурное пространство слободской элиты

Культурную политику имперского центра в России второй половины XVIII – начала XIX в. определяли две основные, тесно переплетенные друг с другом тенденции: с одной стороны, просветительская унификация по европейским образцам, секуляризация культурного процесса, с другой – антизападный дискурс и обращение к российской православно-славянской архаике[2]. Это противоречивое сочетание, условно говоря, «западнических» и «славянофильских» ориентаций, идеологически оформившихся лишь во второй трети XIX в., отличало политику имперского центра в такой же степени, как и смена централизаторских и децентрализаторских тенденций в его деятельности. Провинциальная культура в этой меняющейся картине мира выглядела с высоты столицы по-разному: либо дремучим медвежьим углом, куда не мог пробиться луч просвещения, либо животворящим источником «коренной» славянщины, незамутненной модерным европеизмом и урбанизмом.

Культурные ориентации образованной слободской элиты второй половины XVIII – начала XIX в. отражали в целом противоречивое сочетание отдельных элементов европейского Просветительства и националистической реакции на него, усиленной впоследствии влиянием Романтизма[3]. С одной стороны, слободское дворянство получило возможность непосредственно контактировать с Западом: ездить за границу, обучать детей современным языкам в пансионах, содержащихся иностранцами, общаться с выходцами из Западной Европы, оседавшими на территории края, импортировать западную интеллектуальную, экономическую, бытовую культуру и т.п.

С другой стороны, в местном обществе постоянно возрастала негативная реакция на западную моду и культуру: произведения патриотически настроенных русских сатириков, писателей, драматургов, объявивших «галломании» настоящую войну и не устававших высмеивать в своих произведениях «русских парижан», пользовались здесь немалым успехом, в том числе на сцене харьковского театра, и вызывали подражания местных

авторов, например А.Н. Нахимова, В.Н. Каразина, Г.Ф. Квитки, П.П. Гулака-Артемовского и некоторых других их собратьев по перу.

Патриотические мотивы, углубление в древнерусскую старину и мифологию, обращение к фольклору, борьба с западным культурным влиянием – характерные черты творчества харьковских писателей и поэтов начала XIX в.[4] «Слово о полку Игореве» сразу же нашло здесь горячих поклонников, а слободской помещик А. Палицын осуществил едва ли не первый в России поэтический пересказ текста памятника. Страстным любителем славянской архаики зарекомендовал себя первый ректор Харьковского университета филолог И. Рижский, имевший репутацию сурового пуриста в области русского языка.

В идейном противостоянии «архаистов» и «новаторов» подавляющее большинство слободских интеллектуалов отдавало свои симпатии А. Шишкову, а не Н. Карамзину. Характерно, что в этом отношении русская часть университетской профессуры также обнаруживала консервативные вкусы. Подобными качествами отличался, например, преемник И.С. Рижского по кафедре русского языка и литературы И.Е. Срезневский, стоявший в рядах т.н. «русской партии» в университетской коллегии. Профессор русской истории Г.П. Успенский тяготел к изучению допетровской старины. Его преемник по кафедре П.П. Гулак-Артемовский отличался консервативными идейными и политическими ориентациями.

Одним из элементов противопоставления «отечественной» («славено-русской») и западной культуры стало осмысление в национальных категориях культурной оппозиции «деревни» и «города». В деревне – новом идеализированном микрокосме поместного российского дворянства – искали истоки старозаветной «славено-русской» старины: свободу, моральность, простоту, гуманность, – противопоставляя их «коррумпированному» западным влиянием городу с его лицемерием, искусственностью, подражательством, завистью и т.п.[5] Понятно, что идеи и творения Ж.-Ж. Руссо нашли благоприятную среду и обрели широкую популярность в «культурных гнездах» образованных слободских помещиков[6].

Сказанное выше во многом объясняет тот успех, которым пользовался на Слобожанщине украинский философ и моралист, писатель и музыкант Григорий Саввич Сковорода (1722–1794). Личность и труды бродячего философа и поэта до сих пор не поддаются однозначной трактовке и вряд ли могут быть осмыслены в категориях модерной национальной культуры[7]. Да это и не обязательно. Достаточно сказать, что феномен Г. Сковороды можно рассмотреть в контексте, обусловленном реакцией местной слободско-украинской среды на модернизацию общественной и культурной жизни империи, проводившуюся российским правительством в эпоху Екатерины II под лозунгами европейского Просвещения.

Г. Сковорода остался на половине дороги между культурными эпохами старой традиции православного барокко и Контрреформации с одной стороны и новой, светской культурой западного Просвещения – с другой. Он не вписался в разграниченное по сословиям общество, скитаясь по территории бывших слободских полков, подобно потомкам их первых колонистов. Его труды и образ жизни сохраняли наглядную преемственность с той исторической эпохой, когда местное общество, еще не разделенное на касты, активно участвовало в делах церкви, местечковая среда не противостояла провинциальной, а духовность редко выходила за рамки религии. Возможно, эта живая связь с прежней, доекатерининской Слобожанщиной сыграла не меньшую роль в посмертном культе Г. Сковороды, чем созвучие его идей и образа жизни с руссоистскими увлечениями местного дворянства.

Имя Г. Сковороды приобрело широкую известность благодаря усилиям представителей местной культурной элиты, начиная с биографа и ученика Г. Сковороды помещика М. Ковалинского, а также его современников И. Вернета и Г. де Кальве – выходцев из-за рубежа, нашедших вторую родину на Слобожанщине. В. Каразин с гордостью заявлял, что «под чубом и в украинской свитке мы имели своего Пифагора, Оригена, Лейбница»[8]. В начале 1830–1840-х гг. имя Г. Сковороды, «украинского Диогена»[9], уже стало едва ли не основным отличительным культурным маркером региона, символом местного колорита и одновременно – «славено-русского» патриотизма[10]. Впоследствии же творчество философа будет вписано и в украинский национальный дискурс.

«Славено-русское» национальное самосознание слободской элиты, формировавшееся под влиянием западной культуры и развивавшееся в идейной оппозиции к Западу, было далеким от модерного национализма. Местная провинциальная культурная традиция выступала в роли вспомогательного ресурса имперско-православного антизападного дискурса, получившего мощный импульс для своего развития во время и после наполеоновских войн. Особенно заметным в этом отношении стал 1812 год – год начала Отечественной войны, ознаменовавшийся рядом патриотических манифестаций и пожертвований со стороны слободского дворянства, а также нарастанием ксенофобии в местном обществе: в Харькове это наглядно проявилось в обострении отношений с университетскими профессорами-иностранцами[11], в соседних Валках привело к трагедии (массовой резне) турецких военнопленных[12]. В этом же году увидела свет «История слободских полков» И.И. Квитки, о которой ниже будет сказано подробнее, а на сцене петербургского театра состоялась премьера патриотической пьесы А.А. Шаховского «Казак-стихотворец», героем которой был выведен казак Харьковского слободского полка начала XVIII в. С. Климовский.

Во всех перечисленных случаях мы видим проявления домодерного культурного или имперского православного национализма. Возникает вопрос: если «старый» национализм продолжал в провинции свое многотрудное бытие в начале XIX в., то что можно сказать в связи с этим о «старом» регионализме?

Региональные вариации ментальной географии Руси/России

Во второй половине XVIII – начале XIX в. отдельные регионы Евразии, по мере их интеграции в Российскую империю, существенно разнообразили ее культурную жизнь, выступая в роли не только резерва кадров для модернизационного и зарождающихся национальных дискурсов, но и активного участника их формирования. Национальные проекты, разрабатывавшиеся элитами в центре и на окраинах, образовывали достаточно сложную гамму взаимных отношений империи, наций и регионов в разных частях страны[13]. Но в целом сознание «славено-русских» интеллектуалов XVIII–XIX вв. было занято не эмансипацией от «России» и «русских», а поисками места «своего» региона в широком и слабо артикулированном историческом, культурно-религиозном пространстве «русскости».

Сколько было и есть «русских» областей? Где находится русский «хартленд»? Какие «отрасли русского племени» – «главные», а какие – «лучшие»? Чье «наречие» более древнее? В конечном счете – на основе какого региона, какой «отрасли» и какого «наречия» должен развиваться русский «народ»? В поисках ответов на эти вопросы в интеллектуальной среде возникали дискуссии, подобные, говоря словами Юрия Венелина, «спору южан и северян о их российсизме» и предварявшие украинско-русскую полемику по поводу общего историко-культурного наследия.

В большинстве исторических синтез, сочинявшихся в Российской империи того времени, «Россия» выступает в виде совокупности исторических регионов Великой, Малой, Белой, Червонной и Черной Руси[14]. При этом каждый из этих регионов также мог, в свою очередь, именоваться Россией, не отождествляя себя с любой другой частью этого широкого историко-религиозного пространства. На роль т.н. heartland'а, «коренного», нациеобразующего центра «святой Руси» и ее империи мог претендовать каждый из ее исторических регионов.

Поиск «сердца» России, однако, затруднялся процессом непрерывного расширения политического пространства России, включением в его состав новых регионов на юге и западе, которые еще предстояло осмыслить и разместить в культурно-национальном пространстве. Еще одним препятствием на пути национальной идентификации России в целом и ее регионов

в частности можно считать невыработанность интеллектуального инструментария.

Во второй половине XVIII в. российское правительство предприняло немалые усилия для организации систематического исследования провинций и окраин империи. Бывшее степное порубежье стало предметом особого внимания авторов многочисленных анкет, а также работ, выполненных в синкретическом жанре земле-народоописаний и включавших в себя сведения исторического, географического, этнографического, социально-экономического, юридического характера. Слобожанщине, с ее стратегически важным расположением, уделялось особое внимание[15], о чем будет сказано ниже.

Несмотря на развитие географических, этнографических, исторических и статистических исследований, в «российской» этнотопонимии конца XVIII – начала XX в. царил настоящий хаос: по отношению к одному и тому же региону, административные и ментальные границы которого оставались изменчивыми, могли употребляться совершенно разные названия – так же, как и по отношению к проживавшему на его территории населению. Пример Украины – Малороссии – Малой России – Руси – России – Южной Руси – Южной России в этом отношении весьма характерен. С такой же путаницей встречались и исследователи других регионов, входивших некогда в историческое и культурное пространство Руси. Но относилось ли сказанное к т.н. «внутренней» России, историческому центру империи?

Высказывания современных исследователей на эту тему достаточно противоречивы. Это можно понять, если учесть, что ни один из критериев выделения российского heartland'а – исторический, этнический, языковой, географический – не использовался в то время достаточно последовательно, чтобы придать этому «воображенному» историко-культурному «ядру» Российской империи, новая столица которой помещалась на севере, прежняя – посредине, а древняя – на юге, более-менее четкие очертания[16].

По мнению М. Лоскутовой и Л. Горизонтова, русский heartland в первой половине XIX в. в своих географических границах в целом совпадал с регионом Великороссии, историческим Великим княжеством Московским, границы которого доходили до природной лесостепной границы Слобожанщины; при этом ни украинские, ни белорусские этнические территории не включались в формирующееся в XIX в. символическое пространство русского национального «отечества»[17].

У. Сандерленд, напротив, считает, что представления о русском историческом ядре во второй половине XVIII в. формировались на основе Киевской Руси и, таким образом, включали в себя большую часть европейской территории Российской империи[18]. Подобную точку зрения разделяет, вероятно, и А.И. Миллер, полагая, что Белоруссия и Левобережная Украина включа-

лись «национально мыслящими русскими публицистами» в «специфично русскую территорию империи»[19]. Вероятно, это противоречие можно снять, если учесть разницу между секулярным и досекулярным пониманием «русскости». К этому вопросу я вернусь немного позже, в связи с характеристикой культурной политики российского правительства в 1830-х гг.

«Малороссия», в сравнении с «внутренней Россией», выглядела более определенной благодаря административным границам, но ее исторические и этнокультурные границы также оставались расплывчатыми[20]. Чаще всего «Малороссия» означала исторически сложившийся регион, входивший в разное время в состав Киевской Руси (или отождествлявшийся с нею), Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, а в середине XVII в. присоединенный к Российскому государству под именем Гетманата. Дальше начинаются разночтения.

Для одних авторов, независимо от их происхождения, Малороссия определялась преимущественно в современных им административных рамках Полтавской и Черниговской губерний, а также Малороссийского генерал-губернаторства (Левобережной Украины в целом). Для других авторов, ориентировавшихся в большей степени на этнокультурные, чем династические и административные ориентиры, Малороссия не ограничивалась Левобережьем и включала в себя также правый берег Днепра, Слобожанщину и даже Новороссию.

Колебания между традиционными, историческими, и новыми, этнографическими критериями в определении территории Малороссии выразил М. Антоновский, один из соавторов известного труда И.Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов» (1799): «Хотя древние пределы Малой России были гораздо обширнее... но как сей край России тогда не назывался также и Малой Россией, то в сем наименовании... нельзя других мест, кроме настоящей Малороссийской губернией объемлемых, назвать Малой Россией, хотя, судя по народу малороссийскому, заселяющему губернии Слободскую Украинскую, Новороссийскую и почти всю Киевскую, Волынскую и Подольскую, и можно бы подумать, что и сии земли должны называться Малой Россией, но сие несходно с истиной исторической...»[21]

Подобных сомнений, напротив, не испытывал русский исследователь Х. Чеботарев. В изданной им в 1776 г. работе под названием «Географическое методическое описание Российской империи» содержится, пожалуй, наиболее широкое понимание историко-географического пространства Малороссии в литературе того времени[22]. Оно охватывало не только земли бывших древнерусских княжеств, традиционно отождествлявшиеся с Малороссией (Киевского, Черниговского и Новгород-Северского), но и территорию Слобожанщины вместе с Белгородской и Новороссийской губерниями. При этом автор отождествлял понятия «Малороссия» и «Украина».

Представители казацкой элиты Гетманата, как известно, выработали и сохраняли достаточно артикулированную малороссийскую идентичность, базировавшуюся на географических, исторических, социально-правовых и отчасти этнокультурных критериях[23] и располагавшуюся внутри православной «русскости». Территориальные рамки малороссийской идентичности не ограничивались, однако, Гетманатом и/или Малороссийской губернией. Региональная политическая элита в XVII–XVIII вв. предъявляла претензии на Слобожанщину, а впоследствии – на часть земель, отошедших к Новороссии[24], и требовала их возвращения в состав Малороссии[25]. При этом малороссийские интеллектуалы традиционно отстаивали собственное «право русского первородства», опираясь на древнекиевское историко-культурное наследие.

«Украина» в подавляющем большинстве исторических и географических текстов второй половины XVIII – начала XIX в. выступала синонимом «Малороссии» по обеим сторонам Днепра, чаще всего в виде казацкой территории для обозначения ее пограничного, окраинного характера. Употребление этого термина почти всегда определялось его контекстом, в основном географическим или политическим. Поэтому «Украина» могла как совпадать, так и не совпадать по значению с «Малороссией»-Гетманатом на обоих берегах Днепра. В одних случаях «Украина» переходила на правобережье Днепра, в других – на его левый берег, как в том убеждает, например, полемика И.И. Квитки с М. Марковым на страницах харьковского «Украинского вестника» в начале XIX в.[26] или анонимная рецензия на «Историю Малой России» Д.Н. Бантыш-Каменского, напечатанная в журнале «Московский телеграф» в 1832 г.[27]

Иногда «Украина» распадалась на две части: «московскую», левобережную, и «польскую», правобережную, иногда – на три, если к названным прибавить пограничную степную полосу исторической Малороссии[28]. В одних случаях она восстанавливала свою целостность в географическом отношении, обозначая сплошную окраину Московской Руси и Речи Посполитой. В других случаях целостный характер «Украины» обеспечивали, кроме политических и географических, этнокультурные категории.

Наиболее известным примером последнего рода можно считать представление об «Украине от Карпат до Дона, населенной многомиллионным украинским населением», высказанное в начале 1820-х гг. писателем, историком и краеведом из Черниговщины П.И. Белецким-Носенко в письме в редакцию харьковского журнала «Украинская жизнь»[29]. Можно предположить, что автор письма был знаком с «Начертанием статистики Российского государства» (1818–1819) русского исследователя К.И. Арсеньева, разделявшего Российскую империю на 10 регионов и выделявшего среди них Кар-

патский, в который включались земли от Варшавы до Дона, в том числе вся нынешняя Украина вместе с Крымом и Причерноморьем[30].

При этом существование Слободско-Украинской губернии не отменяло всех прежних значений термина «Украина», о которых шла речь выше, но иногда «перетягивало» его на себя, следуя практике употребления официального названия края. Говорить о том, что блуждающий термин «Украина» в связи с этим закреплялся за Слобожанщиной, я бы поостерегся, поскольку во многих текстах того времени, независимо от происхождения их авторов, можно встретить параллельное употребление топонимов «Малороссия» и «Украина». К тому же, как упоминалось выше, в 1835 г. «украинское» название губернии окончательно трансформируется в «харьковское».

Остается добавить, что все перечисленные выше дефиниции «России», «Малороссии», «Украины» не имели четко выраженной последовательности в своем употреблении. Любые попытки определить эту последовательность или иерархию терминов до сих пор ставят в тупик очень многих исследователей. Распространение степных рубежей России на юг и развитие исторических, географических и этнографических знаний в Российской империи не вытеснили из употребления ни «Малороссии», ни «Украины», но лишь прибавили к ним новое понятие «Южной России», о котором уже говорилось в предыдущей главе.

Южнороссийский «вызов»

Появление на географической и культурной картах Российской империи нового региона – Южной России – заставляло современников внести коррективы в традиционную систему представлений об исторических регионах Руси/России, о которой шла речь выше. Прежде всего надлежало выяснить, в каком соотношении находился данный регион с соседними – Малороссией и Слободской Украиной. Ответ на этот вопрос определялся поначалу официальным названием региона – Новороссия (Новороссийская губерния – с 1764 г. до 1783 г. и затем с 1796 г. до 1804 г., а также Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторство в 1822–1874 гг.)[31]. Иначе говоря, Новороссия становилась отдельным регионом, формально равноправным с Малороссией и Слобожанщиной. Но при этом возникал очередной вопрос: можно ли было считать Новороссию синонимом Южной России? Похоже, что нет, если вспомнить, что южная «полоса» Российской империи, проведенная Екатериной II наряду с «северной», оказывалась гораздо шире Новороссии и включала в себя все территории, находившиеся южнее средней «полосы», в центре которой располагалась Москва. Таким образом, в составе Южной России оказывались и Новороссия, и Слобожанщина, и Малороссия. Представители каждого из этих регионов, в свою очередь, оказывались

перед необходимостью как-то соотнести свою традиционную локальную идентичность с новой, южнороссийской. Об этом свидетельствует, в частности, серия топографических описаний «южных» наместничеств, подготовленная в конце 1780-х гг.

Видимо, легче всего в этом случае было представителям «Новороссии». Из предисловия к Атласу Екатеринославского наместничества, сочиненному в Кременчуге в 1787 г., можно видеть, что вся история этого нового административного образования уложилась в четыре строки: «Сия страна подвержена бывши издревле разным переменам и, так сказать, служившая зрелищем злоключений и разорений от набегов Турецких и Татарских; ныне в мирное и благополучное царствование Великой Екатерины приведена в безопасное и цветущее состояние»[32]. Другими словами, прошлое края без особых проблем оставалось в турецко-татарском «владении» и не подключалось к древнерусскому наследию.

Гораздо более сложная задача стояла перед исследователями Малороссии. Украинский автор «Топографического описания Черниговского наместничества» А. Шафонский отождествлял свою родину, Малороссию, с Южной Россией[33], а для его современника историка И. Стриттера Киевское Великое княжество, Малороссия и Южная Русь оказывались тождественными и взаимозаменяемыми понятиями[34]. Если для этих авторов «южнороссийское» измерение Малороссии носило преимущественно исторический характер и определялось посредством ее принадлежности к Киевской Руси, то через несколько десятилетий оно приобрело уже ярко выраженное этнокультурное содержание.

С 1830–1840-х гг. мнение о тождественности Малой России с Южной Русью стало общим местом в трудах украинских по происхождению авторов, включая Ю. Венелина, О. Бодянского, Н. Гоголя, М. Максимовича, А. Метлинского, Т. Шевченко, П. Кулиша и многих других их современников. Именно тогда в обиход вошли дефиниции «южнорусский народ», «южнорусский язык» и создаваемая на нем литература, отличающие «южнорусскую» историко-культурную традицию от «севернорусской» и провоцирующие «споры южан и северян на счет их россизма»[35].

Наконец, перед Слободской Украиной также возникла необходимость определить свое место в ряду нескольких региональных вариаций «российскости», включая «великороссийское», «малороссийское» и «южнороссийское». В конце 1780-х гг. эта задача нашла свое оригинальное и новаторское решение в «Топографическом описании Харьковского наместничества».

Большинство исследователей склоняется к мысли о том, что этот труд принадлежит И.А. Переверзеву, директору народного училища в Харькове и выпускнику местного духовного коллегиума[36]. «Топографическое описание Харьковского наместничества» содержит в себе, в частности, срав-

нительную характеристику украинских и русских жителей края, а также исторический очерк Слобожанщины и уникальную для своего времени попытку сформулировать на основе «южнороссийской» дефиниции мысль об этнокультурном единстве украинцев независимо от места их проживания, политической и даже религиозной принадлежности.

Можно предположить, что «Топографическое оисание Харьковского наместничества» в некоторой степени стало ответом местного автора на сравнительную характеристику украинцев и русских, содержащуюся в «Трудах Вольного Экономического Общества» 1768 г. Слободские украинцы изображаются в них в целом позитивно, как простосердечные, опрятные, разумные, богобоязненные люди, но при этом – «непроворные», «всегдашние вольности искатели», нетрудолюбивые по сравнению с великороссийскими земледельцами. «Черкасский народ», «черкасы», по мнению составителей или редакторов текстов, не так прилежны и трудолюбивы, как российские крестьяне, по причине «бывшей вольности своей»[37]. Они-де склонны к пьянству, праздности и нерадивости, поскольку переходят с места на место, пользуясь своими древними привилегиями...

Интерпретация того же вопроса в «Топографическом описании Харьковского наместничества», опубликованном двадцатью годами позднее, в 1788 г., выглядит совершенно иначе. Автор его отмечает, что именно местные украинцы научили своих соседей, великороссиян, более совершенным приемам ведения хозяйства и быта[38] и что к «небрежению» их приводят не пороки, а достоинства – желание довольствоваться малым, «незавидливость» и «испанская доверчивость»[39].

Обобщающая характеристика «всеобщего нрава жителей украинских» в работе И. Переверзева больше напоминает панегирик: «Дух европейской людскости, отчужденный азиатской дикости, питает внутренние чувства каким-то услаждением; дух любочестия, превратясь в наследное качество жителей, предупреждает рабские низриновения и поползновения; послушен гласу властей самопреклонно без рабства. Дух общего соревнования препинает стези деспотизма и монополии»[40].

Подобные панегирики «коренному», «не наезжему», говоря словами Г.Ф. Квитки, «слобожанину» впоследствии будут интерпретироваться и повторяться в разных вариациях едва ли не всеми местными патриотами края. В этом отношении влияние «Топографического описания Харьковского наместничества» на формирование местного регионального нарратива трудно переоценить. Другой вопрос – почему автор, русский по самосознанию воспитанник Харьковского коллегиума и представитель светской культуры, в этом случае выступил в защиту именно украинского, а не русского населения?

Позицию автора трудно объяснить исключительно локальным патриотизмом, коль скоро русские крестьяне проживали в регионе достаточно давно и стали, наряду с украинцами, частью регионального пейзажа. Можно лишь предположить, что на «проукраинские» высказывания И. Переверзева, если он действительно был автором «Топографического описания…»[41], повлияли в определенной степени антикрепостнические убеждения. Несправедливость закрепощения украинских крестьян была вполне очевидной даже для местного дворянства. Утверждать, что они ниже по своим способностям и образу жизни, чем великорусские крепостные, – означало косвенно оправдывать эту меру.

Впрочем, этнографические наблюдения И.А. Переверзева по своему значению поднимались над региональными рамками. Его труд создавался в то время, когда Харьковское наместничество становилось частью южнорусского административного и культурного пространства, формировавшегося на присоединенных к России землях Малороссии, Запорожья, Причерноморья и Крыма. В этом же, южнорусском, пространстве И.А. Переверзев помещал и Слобожанщину. Так же, как и его современник А.Ф. Шафонский, он отождествлял Южную Русь с Киевской Русью. Но при этом И.А. Переверзев не сводил это пространство ни к исторической или современной ему Малороссии, ни к территориям, присоединенным к Российской империи во второй половине XVIII в.

И. Переверзев взял за основу не исторические, конфессиональные, социальные и административные маркеры территории, а этнокультурные категории проживавшего на ней населения. На этом основании он пришел к выводу об историческом и этнокультурном единстве жителей всей этнической территории современной Украины, включая ее западную часть, находившуюся в то время за пределами Российской империи и принадлежавшую, по крайней мере частично, к униатской, а не православной церкви: «Жители Южной России, отлученные одни от других расстоянием мест, инородным владением, различным чиноправлением, гражданскими обычаями, речью, некоторые и религиею (униею), обращают на себя взор зрителя, не без знания примечающего. Когда они собираются для поклонения в Киев с востока, от Волги и Дону, с запада, из Галиции и Лодомирии и ближе к Киеву лежащих мест, взирают один на другого не так, как на иноязычного, но будто однородца, однако много отчужденного в словах и поступках, что для обеих сторон показывается странным явлением; но вообще все сии рассеянные одноземцы и доныне сохраняют сыновнее почтение к матери древних своих жилищ, граду Киеву»[42].

При этом И. Переверзев, говоря о единстве того, что сейчас назвали бы украинской национальной территорией, подчеркивает ее отличие от собственно русского пространства, определяемого при помощи «великорус-

ского» и «северного» маркеров: «Сие роковое отделение Южной от Северной, или Великой, России преобразило навсегда оных жителей так, что из того явилась как будто бы иноплеменная какая нация; от сего произошел малороссийский украинский диалект, как удельный язык славянского племени»[43].

Известный американский исследователь Восточно-Центральной Европы Роман Шпорлюк очень высоко оценивает концепцию И. Переверзева, полагая, что харьковский автор сумел преодолеть традиционные историко-географические рамки Малороссии и вообразить новую, близкую к современной, карту Украины, включавшую в себя Харьков, Киев и Львов и построенную на признании национального единства проживавшего на этих землях местного населения[44]. Тем не менее интеллектуальное новаторство харьковского исследователя все еще нуждается в объяснении[45]. Можно ли считать, что И. Переверзев опередил свое время, или же высказанные им взгляды были характерны для интеллектуальной среды, сложившейся в Харькове во второй половине XVIII в.?

Малороссийская альтернатива

Несомненно, что представление о единстве украинских исторических регионов на основе этнокультурной общности их населения существовало задолго до публикации «Топографического описания Харьковского наместничества». Собственно, «малороссийский» этнокультурный компонент, объединявший жителей Слобожанщины с их земляками из других регионов Украины, присутствовал в самосознании поселенцев с самого начала заселения края, о чем уже говорилось в первой главе. Этот компонент оставался частью их идентичности и впоследствии, независимо от места нового проживания.

Так, депутат в Екатерининской комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 г. от Хоперской крепости А. Алейников говорил о едином «малороссийском народе в Малой России и в слободских полках»[46]. Образованные выходцы из Малороссии, со своей стороны, также отмечали историческую и культурную общность слобожан и малороссиян. Г. Калиновский, например, описывал «свадебные украинские простонародные обряды», общие для жителей Малороссии и Слобожанщины[47]. Знаменитый философ, моралист и поэт Г. Сковорода, хоть и оставался в стороне от новых представлений о народе как этнокультурной общности, но своими путешествиями способствовал формированию представлений об общности территории края, маркированной, с одной стороны, православными монастырями Киева и Воронежа, а с другой – поместьями казацко-дворянских родовых кланов[48]. И в том, и в другом случаях это была преимущественно террито-

рия Малороссии и Слобожанщины. Г. Сковорода словно демонстрировал их историко-культурную общность и одновременно признавал различия двух регионов, называя первый из них – своей матерью, а второй – родной теткой (видимо, все же по матери)[49].

Гораздо более продуктивными в этом отношении оказались русские и иностранные путешественники, в том числе современники Г. Сковороды. Впервые попадая на Слобожанщину и отражая взгляд на нее «со стороны»[50], они фиксировали различия не между слобожанами и малороссиянами, а между малороссиянами и русскими. Сравнительные характеристики этих двух народов стали своеобразной визитной карточкой слободского региона. Это обстоятельство, в свою очередь, позволило сделать видимой этнокультурную границу между Слобожанщиной и собственно русскими землями, имевшую до того времени сугубо административно-правовой статус.

Наиболее любопытны в этом отношении свидетельства Й. Гильденштедта, путешествовавшего по Слобожанщине в 1774 г.[51] Проезжая по землям Изюмской провинции вдоль т.н. Украинской линии, возведенной в 1732 г., исследователь писал о том, что «все вышеупомянутые (по Донцу) слободы принадлежат к Изюмской провинции и населены малороссиянами, за исключением однодворческих слобод... принадлежащих к Екатерининской провинции. Между этими двумя сторонами постоянно ведутся сильные споры о границах; да и едва ли можно надеяться на слитие москалей с хохлами, как они в насмешку называют друг друга, т.е. русских с черкасами, или руснаками»[52]. Спустя более чем полстолетие соотечественник Й. Гильденштедта, А. Гакстгаузен частично подтвердит этот вывод, отметив, что села в Харьковской губернии «совершенно малороссийские» и отличаются от великороссийских, напоминая более немецкие[53]...

Русский путешественник В.Ф. Зуев, проезжая через Слобожанщину в 1781 г., подробно описал «первое прямо малороссийское» селение на своем пути – слободу Липцы, находившуюся на территории Харьковского наместничества, недалеко от его границы с Курским[54]. Народ в этом селении «как наречием, одеянием, так и поступками от русских совсем отменен», но «от малороссиян ничем не отличны»; впрочем, путешественник не останавливается на этом подробно, считая этнографические отличия малороссиян от русских фактом общеизвестным[55].

Другой русский путешественник, П.И. Сумароков, проезжая по тому же маршруту в 1803 г., также посчитал Липцы пограничным селением; для него бросающиеся в глаза различия между этническими русскими и украинцами, вероятно, не были таким общеизвестным фактом, как для В.Ф. Зуева, иначе он вряд ли дал бы волю своим чувствам и красноречию, описывая, как «в опрятной и веселенькой хате нахожу я иные лица, иные обыкновения, иное

на хозяевах одеяние, иное устройство и слышу иной язык. Неужели тут положен предел империи? Не в другое ли я въезжаю государство?»[56]

Историк и дипломат Д.Н. Бантыш-Каменский, проезжая через Слобожанщину спустя шесть лет после П.И. Сумарокова, в 1809 г., также довольно четко определил этнографическую границу между украинскими и русскими поселениями, но нашел ее «в тридцати пяти верстах от Курска»: «В слободе Медвенки, в коей переменял лошадей, в первый еще раз увидел я малороссийские избы, выбеленные как снаружи, так внутри глиною. Сия слобода... вся населена малороссиянами... На вопрос мой у одного из тамошних крестьян – почему домы их выбелены глиной? – он ответствовал мне: “Мы не так, как москали, любим чистоту”»[57].

Современники Д.Н. Бантыша-Каменского, в частности князь И.М. Долгоруков[58], проезжавший через Харьков в 1810–1817 гг., известный историк и писатель М.П. Погодин, посетивший Харьковщину десятилетие спустя, этнограф и статистик В.В. Пассек, – также определяли условную границу между этническими русским и украинским районами поселения неподалеку от современных Курска или Белгорода[59]. Немецкий исследователь А. Гакстгаузен в 1843 г. отметил этнографическую границу Малороссии где-то в районе современного города Старый Оскол в Белгородской области[60].

Харьковские путешественники, направлявшиеся в Россию, со своей стороны, подтверждали существование этнокультурной границы между украинцами и русскими, но воспринимали ее иначе, чем русские путешественники. Так, Курская губерния, выглядевшая границей между Великороссией и Малороссией для большинства русских путешественников, оказалась таковой же и для их соотечественника И.И. Срезневского. Но, поскольку харьковский литератор пересекал ее с другой, «малороссийской» стороны, он с восторгом обнаружил в Курске «все русское, все занимательное» – кокошники, сарафаны, заставившие сильнее биться его «ретивое» сердце[61].

Подобного рода наблюдения позволяют сделать вывод о том, что обретавшая очертания этническая граница между украинцами и русскими ненамного отличалась от той, которая некогда возникла на основе особых привилегий-слобод у местных жителей. При этом условная граница между Слобожанщиной и Великороссией под влиянием этнокультурных характеристик превращалась в границу между Малороссией и Великороссией. Но – границу весьма своеобразную, отмеченную не шлагбаумами и пограничными будками, а такими маркерами, как ставшие впоследствии стереотипными живописный ландшафт, чистые белые хаты, одежда, язык, образ жизни местного населения и т.д.

Означало ли вышесказанное, что, параллельно с «конструированием» этнокультурной границы между собственно Россией и Малороссией (куда

включалась и Слобожанщина), граница между регионами бывших слободских полков и бывшего Гетманата, наоборот, размывалась и становилась неактуальной? Не это ли имел в виду Марк Раев, говоря о том, что «старый регионализм умер», уступив место новому феномену – национализму?[62]

Слобожанщина и Малороссия: незаконченный спор

Екатерининские и александровские реформы второй половины XVIII – начала XIX в. не вытеснили традиций регионального сословного партикуляризма. Эти традиции находили свое отражение в тех немногочисленных трудах, посвящавшихся украинской истории в конце XVIII – начале XIX в., которые в основном сохраняли региональный характер и воспроизводили административную границу, продолжавшую разделять Малороссию и Слобожанщину. Подавляющее большинство авторов этих трудов ограничивалось территорией Малороссии-Гетманата, обходя вниманием Слобожанщину, как, впрочем, и другие населенные этническими украинцами земли. В лучшем случае Слобожанщине посвящалось несколько строк, сообщавших об основании слободских полков в середине XVII в. В малороссийском историческом нарративе Слобожанщина изображалась окраиной малороссийской метрополии, населенной «выскочками» из простонародья, имеющими нахальство заявлять ничем не обоснованные претензии на принадлежность к благородному казачеству.

Весьма характерно в этом отношении сатирическое стихотворение, написанное на разговорном украинском языке неизвестным патриотом Малороссии-Гетманата на рубеже XVIII–XIX вв.[63] Автор высмеивает самоидентификацию жителей Слобожанщины в качестве «малороссиян, украинцев из степей и славных слобожан» и наделяет их весьма нелестными характеристиками («Нехрещені цигани», «паскудство, пастухи, бездомні волоцюги»), обвиняет в трусости и подает совет: «Пасіть собі овець, оріте, чумакуйте, / А лізти в козаки і думать не турбуйтесь! / Селіте слободи, але платіть нам чинш! / А ні, дак із степів позгоним вас: киш,киш!»[64].

В еще большей степени отношение малороссийской казацкой элиты к слободской нашло свое выражение в знаменитом историко-публицистическом памфлете «История русов», написанном приблизительно в это же время неизвестным автором[65]. Его автор обосновывал историческую принадлежность Слобожанщины к Малороссии, приписывая возникновение слободских полков украинскому гетману Б. Хмельницкому и утверждая, что эти полки поселились на малороссийских землях и пребывали в юрисдикции гетманского правительства. Лишь со времени гетмана И. Самойловича, по словам автора, «полковники тамошние, пожелав лучше быть каждому из них маленьким самовластным гетманом, чем большому

гетману повиноваться, просили от двора царского, или, лучше сказать, от князя Голицына, всем тогда управлявшего, всякий себе особые права, исключительные от подчиненности малороссийской»[66].

Характерно, что автор «Истории русов» категорически не приемлет названия «Украина» для своей отчизны, считая его пренебрежительным, если не унизительным, и отстаивая право «русского» первородства Малороссии по отношению к Великороссии[67]. В целом же малороссийский исторический нарратив сохранял по отношению к Слободской Украине негативные стереотипы, выработанные практикой политической борьбы середины – второй половины XVII в., когда пути двух украинских казацких регионов иногда расходились достаточно далеко друг от друга. О том, что автор «Истории русов» не был исключением в своем отношении к Слобожанщине, свидетельствуют и некоторые другие тексты этого времени[68].

Слободские историки, вполне естественно, спешили противопоставить малороссийским доказательства благородного происхождения местной верхушки. В основу слободской исторической мифологии легли подвиги «маленьких гетманов» на верной и беспорочной службе российскому престолу и череда непрерывных милостей и привилегий, получаемых слобожанами от российских монархов. Разумеется, эту верность ярче всего оттеняли «изменники» – малороссийские гетманы И. Выговский, И. Брюховецкий и П. Дорошенко. Другими словами, слободской исторический нарратив создавался в оппозиции не к российскому имперскому, а к малороссийскому региональному историческому нарративу.

Первой попыткой синтеза исторических представлений украинского слободского дворянства о своем прошлом стала работа И.И. Квитки[69] о Слободских полках, опубликованная в знаменательном для Российской империи 1812 г.[70] По своему характеру, содержанию и стилю эта небольшая по объему публикация близка к историко-архивно-географическим сборникам о Малороссии второй половины XVIII в., с характерными для их авторов чувствами локально-сословного патриотизма, повышенным вниманием к различного рода этногенетическим конструкциям и скрупулезным перечислением заслуг «благородного сословия» перед монаршим престолом.

В «Записках о Слободских полках» активно используется дискурс «чужеземного» происхождения первых поселенцев, о котором уже говорилось в первой главе, и сравнительно мало упоминается об их родстве с соседними малороссиянами. Слобожане, по мнению автора, состояли из «поляков, польских украинцев» и представителей «других чужестранных народов», которые приняли, по месту происхождения первых появившихся здесь семей, общее для них имя «черкас» для того, чтобы «отличить свои поселения и род, смешанный из разных племен, от других народов, в России обитающих»[71].

Подобного рода утверждения были призваны помочь автору в обосновании «благородного» происхождения слободских старшин, большинство из которых, по его мнению, вели свое происхождение от польской шляхты (в их числе, разумеется, и основатель клана Квиток)[72]. Любопытно, что знаменитому Г. Донцу, харьковскому полковнику и стольнику, прославленному в поэме Я. Орновского в качестве наследника рода Захаржевских, в праве на шляхетство автором отказано.

И. Квитка доказывает, что земли Слобожанщины принадлежат местному дворянству по праву завоевания, а не исторического наследования. Он отрицает, что Слобожанщина была населена еще во времена Киевской Руси, вступая по этому поводу в полемику со своими предшественниками; первые поселенцы, по его мнению, пришли на пустые земли, расположенные «вне границ России» и находившиеся во владении крымских татар; пришельцы из Речи Посполитой «покорили страну сию державе Российского монарха», тем самым заслужив право на царские милости, промыслы и привилегии[73]. Таким образом, претензии потомков слободского казачества на слободские земли получали двойное обоснование – при помощи «права завоевания» и царских пожалований.

Автор многозначительно подчеркивает, что главной причиной, побудившей предков слобожан оставить свое отечество и принять подданство российского монарха, стало его известное всем правосудие[74], а вовсе не религиозные преследования православных в Речи Посполитой, о которых в основном тексте работы И. Квитки даже не упоминается. Слобожане, по утверждению автора, назвались подданными царя исключительно по своей доброй воле, а не по принуждению. В этих постулатах можно видеть влияние распространенного среди казацкой элиты дискурса «равноправия», в соответствии с которым ее предки соединялись с другими государствами исключительно «как равные с равными и вольные с вольными».

Исторический легитимизирующий миф о заслугах слободских казаков перед российским престолом включал в себя не только доказательства их мужества и воинской доблести, но и тему «верности», проявленной ими во время восстаний «изменников» – гетманов И. Брюховецкого и И. Мазепы: в первом случае слобожане, по мнению автора, не поддались на уговоры примкнуть к восстанию и пострадали от запорожцев; во втором – надежно охраняли границы России от войск мазепинцев. Этот миф оказался одним из наиболее стойких и влиятельных компонентов регионального дискурса, благополучно дожив до наших дней.

Не удивительно, что любые посягательства местных российских властей на привилегии слободских полков, как это было в случае с «Белгородским разрядом», ограничившим права поселенцев в сфере винокурения, безусловно осуждаются И. Квиткой. Если подобные посягательства позво-

ляли себе коронованные особы – их поступки в его работе чаще всего не комментируются, как, например, во фрагменте книги, посвященном «переменам в слободских полках» в годы правления Анны Иоанновны. Зато все случаи отмены ограничений и восстановления слободских привилегий, новых милостей царей к слободским полкам расписываются подробно, на основании соответствующих жалованных грамот и манифестов.

Работа И. Квитки, как видно, сохраняет непосредственную преемственность с историческими представлениями местной элиты начала XVIII в. Слобожанщина в этой картине прошлого еще ограничена во времени и в пространстве: ее история начинается лишь с середины 1640-х гг., а территория определяется при помощи социально-юридических маркеров и, если и включает в себя, например, Острогожский полк, то с весьма большими оговорками. В этом отношении «Записки о Слободских полках» не современны не только началу XIX в., т.е. времени своего выхода в свет, но и концу XVIII в., когда составлялось «Топографическое описание Харьковского наместничества». Сословно-корпоративный, локальный патриотизм И. Квитки в этом отошении не идет ни в какое сравнение с представлениями об украинской (прото)национальной территории И.Переверзева.

Сравнение взглядов И. Квитки и его предшественника И. Переверзева на историю Слобожанщины позволяет увидеть между ними как сходство, так и существенное различие. Автор «Топографического описания Харьковского наместничества», подобно И. Квитке, также легитимизировал «благородную генеалогию» первых поселенцев: «...слободские все чины по большей части происходили из дворянства или старшинские были дети, а из простолюдинов редко; но и к сему потребно было отлично достойных качеств и заслуг»[75].

Вместе с тем, южнорусский этнографический дискурс, о котором шла речь выше, позволил И. Переверзеву акцентировать внимание не на различиях, а на общности исторических судеб Малороссии и Слобожанщины, обращаясь к их общему происхождению от Киевской Руси. В то время как И. Квитка, следуя традиции, полагал, что первые поселенцы основывали свои крепости и селения «на татарской стороне», автор «Топографического описания...» называл земли Харьковского наместничества «опустевшим своих праотцев наследием»[76], тем самым помещая их в историческое пространство Киевской Руси. С другой стороны, Южная Россия, определяемая И. Переверзевым при помощи исторических аналогий с Великим княжеством Киевским[77], де-факто оказывается все той же Малороссией, о которой писал современник И. Переверзева А. Шафонский, начинавший историю Малороссии с киевских времен.

Подобные противоречия между разными системами этногеографических и исторических категорий не были редкостью для времени,

когда этнокультурное измерение «отчизны» еще не приобрело четких очертаний. В этом случае, однако, обращает на себя внимание, что в интерпретации И. Переверзева Слобожанщина фактически оказывалась частью этнической и исторической Малороссии, в то время как И. Квитка обосновывал историческую идентичность Слобожанщины в ее противопоставлении с Малороссией.

Тем не менее, иногда И. Квитка допускал, что Слобожанщина все же могла входить в историческое пространство Малороссии. В 1816 г. на страницах харьковского журнала «Украинский Вестник» историк высказал мнение о том, что название «Малороссия» принадлежит всему Левобережью Днепра, в то время как за Правобережьем остается название «Украина»[78]. Вступивший с ним в полемику по этому вопросу черниговский историк М.Е. Марков указал на то, что и «Малороссия», и «Украина» могли распространяться на обе стороны Днепра, но последний термин более тесно связан с казачеством[79]. Слобожанщина ни в том, ни в другом случаях особо не выделялась.

Можно ли на этом основании сделать вывод об эволюции взглядов И. Квитки? К сожалению, в моем распоряжении нет материалов, которые бы доказывали или опровергали такое предположение. Скорее всего, в сознании региональных элит новые реалии и представления не вытесняли старых, а присоединялись к ним, образуя своеобразный симбиоз, внутренняя противоречивость которого, кажется, мало беспокоила авторов, в отличие от сегодняшнего читателя. Но, во всяком случае, мнение о смерти «старого» регионализма в начале XIX в. следует ограничить. «Старый» регионализм не только не ушел в небытие, но даже обрел новый импульс под влиянием этнографических изучений.

Г.Ф. Квитка: между Россией и Малороссией

Племянник И.И. Квитки, известный общественный деятель Слобожанщины, просветитель и основоположник современной украинской литературы Г.Ф. Квитка активно занимался изучением истории края и его столицы – Харькова[80]. В свое время именно он взялся за издание «Записок о Слободских полках» своего дяди, из-за чего эта работа долгое время приписывалась ему самому. В 1841 г. Г. Квитка опубликовал в журнале «Современник» собственную статью «О слободских полках», оказавшуюся не чем иным, как творческой переработкой издания 1812 г.

Сравнивая работу Г. Квитки с публикацией его дяди, нетрудно заметить сходство и различия в их взглядах[81]. Сходство им придает общее представление о «храброй и верной» Слобожанщине, заслуженно пользующейся милостью российских монархов и своими скромными правами и привилегиями. Общим для обоих историков можно признать и убежденность в

«чужеземстве» первых поселенцев, настойчивые попытки доказать «благородное» происхождение слободского дворянства и не утаить от потомства особые заслуги и знатность их общего предка.

Различия в тональности обеих публикаций во многом обусловлены тем, что Г. Квитка в большей степени, чем его предшественник, испытывал влияние этнокультурных компонентов развивавшегося в его время национального дискурса и, соответственно этому, иначе подходил к интерпретации некоторых ключевых моментов в истории края. Сразу же оговорюсь, что это влияние оказалось глубоко противоречивым.

Прежде всего, Г. Квитка активно утверждал принадлежность Слобожанщины к «общерусскому» историко-культурному наследию. Он не пошел по стопам своего предшественника, отрицавшего принадлежность края к Киевской Руси и со спокойной душой «отдававшего» его территорию татарам. Г. Квитка, наоборот, стремился доказать «русскую» принадлежность Слобожанщины с глубокой древности (уже с первых столетий новой эры, «если не ранее»), объявляя, что земли Слободской Украины никогда «не составляли собственности... татар», а польские претензии на эту территорию вообще можно считать «неважными и мнимыми»[82].

Тема «возвращения на родное пепелище», которую отрицал за поселенцами И. Квитка и, наоборот, отстаивал И. Переверзев, таким образом, нашла дальнейшее развитие в работе Г. Квитки. Понятна, отсюда, его интерпретация причин переселения украинцев на степную границу. Основной среди них оказывались не «правовые предпочтения» юридически просвещенных слобожан, а религиозные преследования православных в Речи Посполитой, которым историк эпохи Просвещения И. Квитка, видимо по рассеянности, не придавал особого значения.

Помимо усиления, в духе официальной идеологии, мотивов «русскости» и православия в интерпретации региональной истории, Г. Квитка пошел «против течения» – по пути углубления исторических и культурных различий между Слобожанщиной и Малороссией. По словам Г. Квитки, «слобожане», счастливые под отеческим правлением России, «нимало не заботились» о судьбе прежней своей родины, Малороссии, и не принимали никакого участия во всех бывших тогда в ней переворотах, имея единственной целью «пребыть верными благодетельствующему им правлению. Никакие обстоятельства не могли их отвратить от сего: ни беспокойства и опасности от татар, ни убеждения соплеменников, по вступлении в подданство России часто колебавшихся в сохранении присяги во всей чистоте»[83].

В письме к А. Краевскому от 28 декабря 1841 г. Г. Квитка утверждал: «...мы, слобожане, не составляем Малороссии. Еще они, малороссияне, судили да рядили, как бы отстать от нечестивых ляхов и к кому бы выгоднее пристать, как предки наши, недолго думавши, поднялись и пошли к родному

батюшке царю русскому, сели по украине слободами... и давай отбиваться от татар и заслонять собою Россию»[84]. Эта же идея присутствует в его «Татарских набегах», сопровождаясь колкостями по адресу «одуревших на некоторое время и совратившихся с истинного пути» малороссиян, пытавшихся руками слободских поселенцев «жар загребать»[85].

Региональный слободской дискурс Г.Ф. Квитки базировался не только на исторических, но и на этнокультурных категориях. Историк соглашался с тем, что «народы, населившие нынешнюю Харьковскую губернию, большею частью были украинцы и имели с малороссиянами один язык и одни обычаи»; он был готов признать, что малороссияне – старшие братья слобожан, но при этом подчеркивал, что слобожане «со времени своего здесь поселения значительно отклонились от них до замечательной разности...»[86].

Писатель, создававший свои произведения на русском и украинском языках, о чем будет сказано ниже, настаивал даже на отличии языка слобожан от языка малороссиян, утверждая, что первый «гораздо очищеннее малороссийского» и что многих малороссийских слов и выражений здешние жители не понимают[87]. Возможно, именно под влиянием Г. Квитки русский издатель харьковского альманаха «Утренняя звезда» И.М. Петров в 1834 г. решил разделить малороссийское и украинское наречия[88].

Нетрудно заметить, что в данном случае «слободскому» разговорному языку отводилась та же роль, которую «малороссийский» язык играл по отношению к «русскому»: «очищенным» считался тот язык, который не был «искажен» иностранными заимствованиями и находился ближе к «славянской» первооснове. Подчеркивая отличия языка слободского простонародья как от малороссийского, «испорченного» польскими заимствованиями, так и русского, содержащего в себе французские слова, патриот Слобожанщины Г. Квитка стремился придать ему более высокий статус среди провинциальных источников «коренной» славяно-русской старины. Предположительно, именно подобного рода утверждения впоследствии вызвали возражения со стороны Т. Шевченко, заметившего, что Г. Квитка «не прислушивался к языку, поскольку, возможно, не слышал его в колыбели от матери»[89].

Касаясь вопроса об этническом составе слобожан, Г. Квитка обратился к тому же дискурсу «чужеземства», которым пользовался его предшественник И. Квитка, но придал ему не социальное, а этнокультурное содержание, подчеркнув, что «жители сих слободских полков начали именоваться, для отличия от малороссиян, поляков и др., “черкасами”, составляя как бы особый народ»[90]. Этот «как бы особый народ» обладал не только собственным именем, генеалогией, историческим прошлым, но и вполне определенной территорией. Другое дело, что географическое пространство Слобожанщины определялось Г. Квиткой в оппозиции уже не к Малороссии, а к собственно России (Великороссии).

Территория «малой родины» в произведениях Г. Квитки приобретает целостный характер и этническое своеобразие, включая в себя помимо Харькова такие населенные пункты, как Дергачи, Вильшану, Коломак, Борисовку (село в Курской губернии, прославившееся своими «богомазами»). Местечко Липцы, которое для русского путешественника П. Сумарокова символизировало своей «опрятной и веселенькой хатой» переход из России в Малороссию, для Г. Квитки, смотревшего на Липцы с другой стороны «границы», это местечко маркируется при помощи кабака – символа «Расеи» и «московской натуры»[91].

Конструкт слободской историко-культурной идентичности, созданный Г. Квиткой, увенчан характеристикой «идеального украинца» – жителя Слобожанщины. В статье «Украинцы», опубликованной в 1841 г. в столичном журнале «Современник», Г. Квитка писал об этом следующее: «Слобожанин… опрятен, гостеприимен, чистосердечен, вежлив»; он честен и чистосердечен, благодаря чему не способен кого-либо обмануть, но сам часто становится жертвой обмана; послушен и предан начальству, без которого и шагу не желает ступить; стремится к знаниям и немало в них преуспел, в особенности местное духовенство, которое «в отношении познаний и нравственности» может считаться образцовым; любит музыку и художества и имеет к ним способности. «Замечательных уголовных преступлений, нарушения важнейших правил религии и верноподданнической обязанности между слобожанами, с самого их здесь поселения до сих дней, никогда даже и слышно не было, и ни один из жителей сей губернии, ни в армии, ни вне губернии или и отечества, нигде и ни в каком случае не забыл обязанности своей к престолу и не навлек пятна здешней губернии, всегда верной, преданной власти»[92].

Нетрудно увидеть различия и сходство этого портрета «украинца» с тем, который был создан на полстолетия ранее автором «Топографического описания Харьковского наместничества». Идеальный слобожанин времен Николая I в изображении Г. Квитки больше напоминает верноподданного чиновника, чем исполненного чувства собственного достоинства дворянина, «послушного гласу властей самопреклонно, без рабства», созданного И. Переверзевым. Наряду с этим можно заметить, что в «слободском портрете», нарисованном Г. Квиткой, основное место занимают все же социальные, а не этнические характеристики, что характерно и для зарисовки И. Переверзева.

Сказанное выше позволяет предположить, что Г. Квитка, проводя границу Слобожанщины как на севере, с Россией, так и на западе, с Малороссией, пытаясь обосновать наличие особой территории, этнической генеалогии, исторического прошлого и специфики языка местных жителей, создавал тем самым определенные условия для формирования этнокуль-

турного регионализма. Вместе с тем, Г. Квитка не пошел дальше по этому пути. Он остановился на нем тогда, когда в своем литературном творчестве обратился к разговорному языку слободского украинского простонародья.

Какой язык до Москвы доведет?

Важнейшим компонентом политики институциональной и культурной русификации, проводившейся имперским центром на окраинах, можно считать распространение и утверждение в местном обществе русского литературного языка. Его проводниками выступали, прежде всего, армия, бюрократия, судебно-правоохранительная система, а также учреждения духовного и светского образования. Но при этом сама российская имперская культура и ее язык в начале XIX в. еще не имели четких национальных параметров и норм. Они находились в состоянии формирования, идейного и эстетического брожения, совмещая в себе разные компоненты православной славянской культурной традиции (в том числе украинской) с западными интеллектуальными новациями.

В деятельности Харьковского университета начала XIX в. эта двойственность проявляется достаточно наглядно. Первый ректор Харьковского университета И.С. Рижский с самого начала своего пребывания в должности продолжил русификаторскую политику ректоров Харьковского коллегиума в языковом отношении[93]: в 1805 г. Совет университета по его предложению постановил «стараться в округе иметь учителей из великороссиян, для избежания того, дабы учащиеся не навыкли неправильному произношению российского языка»[94].

Усилия университетской профессуры оказались не напрасными. Местный педагог Т.И. Селиванов в связи с этим приводит красноречивое свидетельство: «Мы застали уже в 1807 году в училищах самого Харькова учителей, что так и резали по-украински с учениками; да мы, т.е. новоприбывшие из семинарий учителя, по распоряжению начальства, сломили их и приучили говорить по-русски»[95]. Тем не менее, с задачами языковой русификации Харьковский университет справился лишь частично. В этом отношении он оказался не столь эффективен, как его предшественник – Харьковский духовный коллегиум.

Местное дворянство охотно продолжало общаться между собой по-украински. В дворянских салонах и собраниях местная культурная стихия напоминала о себе украинскими словечками и фразами, которыми иногда любила приперчивать свою речь образованная публика, а также украинскими песнями, мелодиями. Этого было недостаточно для того, чтобы создать конкурентоспособную украиноязычную среду, но вполне хватало для того, чтобы использовать украинский язык в качестве маркера некой мест-

ной особенности, культурной специфики в сравнении с этническими великороссами, заполнявшими различные ниши модернизированного культурного пространства города и региона.

На Слобожанщине первой половины XIX в. украинский разговорный язык в целом преобладал над русским. Носители украинского и русского языков продолжали испытывать трудности с взаимным пониманием даже в верхних эшелонах местного общества. Не случайно русские чиновники, интеллектуалы, исследователи, с одной стороны, и украинские издатели, авторы литературных, исторических и краеведческих сочинений – с другой, сопровождали свои исторические, литературные и этнографические публикации украинско-русскими словарями, призванными пояснить русскоязычному читателю особенности местного языка.

Украинский язык в начале XIX в. хотя и оставался малопонятным для русских, однако не воспринимался ими как враждебная или чужеродная стихия. В социально-культурной сфере этот язык не выступал конкурентом русского языка в такой мере, как это было с немецким языком в Дерптском университете или с польским в университете Вильно. Кроме того, помимо коммуникативной, украинский язык обладал и символической культурной функцией. В этом качестве он рассматривался прежде всего как остаток древней «славено-русской» традиции, не затронутой нивелирующим влиянием европейской и городской цивилизации. Тем самым украинский язык постоянно привлекал внимание русских архаистов-традиционалистов, озабоченных влиянием западной культуры и обращавшихся для борьбы с нею к истокам «подлинной», «народной» славяно-русскости, т.е. к провинции.

Сказанное выше позволяет объяснить, почему университетские профессора, а также их воспитанники, прибывая в Харьков из России, принимались за изучение украинского языка и собирание украиноязычного историко-литературного наследия. Не кто иной, как ректор Харьковского университета И. Рижский, искореняя «неправильное» произношение в русском языке подчиненных ему преподавательских кадров, борясь за «чистоту российского слога» в подцензурных университету печатных изданиях, принялся за поиски и исследование местных украиноязычных рукописей.

Изучение украинского фольклора в это же время начал другой высокопоставленный чиновник Харьковского учебного округа М.А. Цертелев, осуществивший в 1819 г. первую специальную публикацию украинских народных песен, что также способствовало вхождению украинского языка в современную «высокую» литературу. Современник М.А. Цертелева, А.Ф. Павловский, рассматривая памятники украинской литературы и фольклора, пришел к мысли создать грамматику украинского языка, хотя и испытывал сомнения в том, что это язык, а не провинциальный диалект. Студент и магистр Харьковского университета А.И. Левшин, осуществив, в

духе времени, литературное путешествие в Малороссию в 1816 г., призвал образованных людей приложить усилия для совершенствования и развития украинского литературного языка[96]. Выпускник и профессор Харьковского университета П.П. Гулак-Артемовский осуществит это на практике, став одним из основателей новой украинской литературы...

Таким образом, наряду с русификацией преподавания и системы подготовки педагогических кадров Харьковский университет в начале XIX в., вполне в духе времени, способствовал пробуждению интереса к местному, разговорному украинскому языку, которым, кстати говоря, продолжали пользоваться этнические украинцы, составлявшие основной контингент студентов Харьковского университета. Им хорошо владели также отдельные профессора, уроженцы соседней Малороссии, в частности И.Ф. Тимковский и П.М. Шумлянский. Последний особенно любил приправлять свой язык украинскими словечками и шутками. Именно П.М. Шумлянскому принадлежит первая в истории попытка использования украинского языка в практике преподавания в Харьковском университете[97].

В первой половине XIX в. вокруг Харьковского университета и его изданий возникла контактная культурная зона украинско-русского литературного билингвизма. Местные авторы, использовавшие украинский язык в своих произведениях, – В. Маслович, П. Гулак-Артемовский – писали также и на русском языке. Они вполне могли говорить на одном языке и писать на другом, но, смешивая оба языка или маркируя один из них при помощи словечек или оборотов, взятых у другого, стилизуя свои произведения в жанре бурлеска, пародии, иронии в виде реакции на новый литературный канон, придавали своим текстам не столько коммуникативное, сколько символическое значение. Русская речь, приправленная украинским языком, играла роль маркера пограничной локальной идентичности на региональном и персональном уровнях.

Произведения харьковских авторов начала XIX в. отразили поиски местной культурной элитой языка, способного выразить специфику региона. Поначалу это был русский литературный, хотя и несколько архаичный язык, в который вкрапливались разговорные украинские слова и фразы. Правда, украинский язык использовался в основном для создания бурлескно-пародийной, шутливой литературы. Однако даже такая литература способствовала созданию нового украинского литературного языка на живой разговорной основе и формированию культурного сообщества людей, сориентированного на его использование.

В харьковских периодических изданиях время от времени появлялись украиноязычные материалы, в том числе цикл сатирических стихотворений, принадлежавших Г.Ф. Квитке, под названием «Шпигачки», литературные произведения В.Г. Масловича «Основание Харькова», «Песнь семейству»,

серия поэтических произведений и переводов П.П. Гулака-Артемовского и некоторые другие. Часто эти произведения появлялись в виде реакции на вторжение русскоязычной среды в повседневную жизнь слободской провинции.

Выше уже упоминалось о том, что в 1812 г. в Петербурге состоялась премьера патриотической пьесы А.А. Шаховского «Казак-стихотворец», героем которой стал казак Харьковского слободского полка, писатель и поэт С. Климовский. Пьеса, вызвавшая у русского зрителя горячее сочувствие накануне войны с «двунадесятью языками», была показана и в Харькове в 1817 г. Здесь, однако, ее ожидал совсем другой прием. Причиной стал язык, которым изъяснялись украинские персонажи пьесы и который оказался настолько непонятным для местной публики, что она сочла себя обиженной[98].

Колоритную зарисовку о том, как воспринимался русский разговорный язык в повседневной жизни Харькова начала XIX в., оставил, в частности, П.П. Гулак-Артемовский, в то время один из издателей «Украинского вестника» и преподаватель Харьковского университета, ставший впоследствии его ректором: «О! Вже вони хоч що перековерсають по-своєму! Там-то вже предивенна їм мова! От часом трапиться так, що стоїш перед ним з добру годину, а він тобі січе та рубає!.. Що ж? Хрін його й слівце второпає, що він там верзе та паплює! От тілько буцім-то й дочуваєш, що "вот-с", та "што-с", та "да-с", та "нет-с", та "гаварю-кажу", "гаварю-кажу", а що він там гаворить-каже, того, далебі, що і з попом не розбереш!»[99]

Г.Ф. Квитка, создававший свои произведения как на русском, так и на украинском языках, в свою очередь, неоднократно описывал трагикомичные ситуации, вызванные взаимным непониманием русских и украинцев. В одном из рассказов он изображает сцену встречи в столице империи русского солдата «при исполнении» и украинского помещика из казацкой старшины. После серии забавных недоразумений, возникших в результате их общения, обескураженный солдат выслушивает лекцию своего старшего товарища о том, кто такие малороссияне: «Ведь они, что турки али татары, другой народ, и язык у них свой...»; они – «не наши», не русские и лишь подделываются под православных из хитрости и страха перед Россией[100]. Таким образом, именно язык в очередной раз показывал существование разделительной линии между украинским и русским культурными пространствами, теперь уже на уровне «высокой» культуры.

Именно язык, в пользу которого сделал литературный выбор Г. Квитка, поставил символический предел культурной интеграции украинской Слобожанщины в общее пространство Российской империи. Г. Квитка называет «нашим» именно малороссийский язык, а не слободской региональный диалект: именно в этом смысле он пишет в письме к А. Краевскому от 28 декабря 1841 г. о переводе «с нашего на русский», о том, что «можно и должно

писать по-нашему», о «расколе, произведенном русскими журналами против нашего языка», наконец, он утверждает исторический приоритет «нашего» языка над русским, обосновывая этот приоритет близостью языка к «коренному славянскому»[101]. В этом последнем случае обращает на себя внимание полемика Г. Квитки с Н. Тихорским на страницах консервативно-славянофильского журнала «Маяк» в начале 1840-х гг. В одной из реплик, адресованных оппоненту, Г. Квитка высказывается совершенно в духе языкового национализма, близкого по характеру «Истории русов» с ее исключительными претензиями на русское историко-культурное наследие[102].

В конечном счете, именно малороссийский язык, в пользу которого сделал свой выбор «украинский» писатель Г. Квитка, способствовал объединению Слободской Украины и Малороссии в процессе национального строительства, трансформировавшего культурно-языковое пространство «славено-русского народа». Но национально-языковый выбор Г. Квитки был не единственным из всех возможных. Другой его вариант можно видеть на примере жизни и творчества В. Каразина, современника Г. Квитки.

В.Н. Каразин: между Россией и Малороссией

Процесс формирования регионального слободского дискурса в начале XIX в. неразрывно связан с именем другого видного представителя слободской дворянской элиты – В.Н. Каразина, инициатора и вдохновителя харьковского университетского проекта, просветителя и новатора. О его роли в деле основания Харьковского университета речь шла в предыдущей главе. Здесь же необходимо подчеркнуть, что у В.Н. Каразина было много общего с Г.Ф. Квиткой: оба они были горячими патриотами Слобожанщины, оба выступали под лозунгами просвещения и модернизации, оба обладали качествами выдающихся общественных деятелей, наконец, оба были лояльными подданными империи и по своим политическим воззрениям – консерваторами. В то же время, по сравнению с «гуманитарием» Г. Квиткой, В. Каразин больше увлекался практическими вопросами, связанными с политикой, экономикой, технологией, естественными науками, и гораздо меньше интересовался фольклором и народными «преданиями».

В. Каразин, пожалуй, впервые в интеллектуальной истории края сформулировал представление о его территории как о «малой отчизне», patria, части «большого отечества» – России. В 1802 г. в своей речи перед слободским дворянством, посвященной необходимости открытия университета в Харькове, В. Каразин так изображал Слобожанщину: «Местное положение нашей губернии делает ее средоточием полуденных плодороднейших земель. [...] Известны способности единоземцев наших, в столицах привыкли почитать таланты природным нашим достоянием. Благотворен наш воздух,

кроток наш климат, способен прельстить самих иностранцев, которых мы пригласим к себе. Земля представляет величайшую готовность для заведений всякого рода – науки и художества водворятся в нашей отчизне; они почтут ее своею собственною; они воспомянут священную для них Грецию, которая первоначально передала их полуденному краю России в то время, когда прочая Европа утопала еще в невежестве и варварски лила кровь народов»[103].

«Греческие» аллюзии в отношении Слобожанщины, разбросанные во многих сочинениях В. Каразина, в данном случае, несомненно, отражали стремление возвысить свою отчизну, выделить ее среди прочих провинций империи при помощи знаковых, узнаваемых в просветительской культуре символов. В этом своем стремлении он был не одинок и шел проторенными путями. К примеру, польский философ-просветитель С. Сташиц полагал, что именно его родина – Польша должна была стать Грецией для Российской империи, что, кстати, находило понимание со стороны, по крайней мере, некоторых российских интеллектуалов[104]. Принимая во внимание, что культурно-просветительской персонификацией Греции чаще всего выступали Афины, русский путешественник в «полуденную Россию» В.В. Измайлов отводил роль российских Афин своей, разумеется, родине – Москве.

В то же время, «греческий» дискурс в культуре Просвещения не исчерпывался Афинами. Помимо воинственной Спарты, его представляла также Аркадия – символ счастливой, беззаботной патриархальной жизни на фоне благосклонной к человеку природы. К примеру, современник В.В. Измайлова, русский путешественник П. Шаликов обнаружил «Аркадию» в соседней с Харьковом Полтаве[105]. Узнаваемые в просветительском культурном дискурсе, античные реминисценции будут использоваться для маркировки украинских территорий еще несколько десятилетий, пока их не вытеснят новые исторические и географические символы, принесенные романтизмом и реализмом...

Возвращаясь к В. Каразину, необходимо подчеркнуть, что его собственная патриотическая доктрина, следуя за изменениями в культурной и политической жизни империи, тем не менее, всегда оставляла место для двойной идентичности ее автора, соединявшего любовь к «малой родине» – отчизне и общему отечеству – Российской империи: «Моя жизнь принадлежит всему отечеству, но в особенности краю, бывшему колыбелью моих понятий. Блажен уже стократно, ежели случай оставил меня в возможность сделать малейшее добро любезной моей Украйне, которой пользы столь тесно в понятии моем сопряжены с пользами исполинской России...»[106]

Представления В. Каразина о прошлом Слобожанщины во многом перекликаются с теми, которые высказывали в разное время И. Переверзев и Г. Квитка. Это, в частности, патриотическое стремление доказать принад-

лежность края к историческому пространству Киевской Руси, убежденность в глубокой древности его населения[107], тезис о преследованиях православных в Речи Посполитой как главной причине их переселения на Слобожанщину, мнение о благородном происхождении казацких старшин, их заслугах в борьбе с «крымскими варварами»[108].

Подобно Г. Квитке, В. Каразин также пытался обосновать этнокультурные отличия слобожан от малороссиян. Публикуя в 1820 г. «Замечания о Слободско-Украинской губернии», В. Каразин писал о том, что «народ Слободско-Украинской губернии, хотя издревле принадлежал к малороссиянам и имел с ними один язык и одни обычаи, со временем поселения своего в здешних местах значительно изменился...»[109]. По мнению автора, он сблизился с «общею массою российского народа», в результате чего «здешний народ и дворянство более обрусели... нежели их соседи»[110], что сказалось и на их языке.

В то же время, В. Каразин, в отличие от Г. Квитки, смотрит на этнических украинцев как бы со стороны, поясняя, например, своему читателю, что местное население известно великороссам под именем «хохлы», но на самом деле это те же славяно-руссы, только вышедшие из Червонной Руси и пришедшие сюда в конце XVI в.[111] Сам В. Каразин часто употреблял по отношению к местному населению термин «хохол» или даже «хохлик». Причем не в уничижительном смысле этого слова, поскольку говорил о способностях «хохлов» к наукам и искусствам[112].

Говоря об «обрусении» слобожан и их сближении с «общей массой российского народа», В. Каразин, тем не менее, не отказался от практики сравнительных характеристик местного украинского и русского населения, как это делалось начиная со второй половины XVIII в. Эти характеристики построены в основном по принципу взаимодополняемости, а не противопоставления этнических русских и украинцев: «Великороссиянин более трудолюбив и готов к услугам. Харьковский житель более опрятен, гостеприимен и вежлив. Украинец более щедр, более стремится к познаниям, более способен к художествам, а великороссиянин – к ремеслам» и т.д.[113] Тем не менее само сопоставление украинцев и русских, заставлявшее автора формулировать их коллективные отличительные особенности, оставляло возможности для их противопоставления и, таким образом, углубления трещин в пространстве «славено-русской» культуры под влиянием национальных идей.

Выше уже говорилось о языковом выборе, сделанном Г. Квиткой. В. Каразин, в свою очередь, незадолго до смерти – после того, как стало очевидным стремление к развитию украинского литературного языка на базе местных разговорных диалектов – оказался перед необходимостью определить свое отношение к языковой проблеме. Именно эта необходимость развела по разные стороны Г. Квитку и В. Каразина – патриотов Слобожанщины,

объединенных до того времени общностью региональных, сословных и просветительских интересов.

В. Каразин усмотрел политическую крамолу в посвященных Г. Квитке украинских стихах Т. Шевченко и не замедлил, по своему обыкновению, известить о них верховное начальство[114]. Одновременно он выступил против украиноязычных публикаций в альманахе «Молодик», но не потому, что они показались ему сомнительными в политическом отношении, а лишь по причине их украинского языка и содержавшихся в них материалов из украинского фольклора.

«Жаль, что он (И.Е. Бецкий, основатель харьковского альманаха «Молодик». – *К.В.*) нарек его по-хохлацки, против моего совета, – писал В.Н. Каразин известному русскому историку М.П. Погодину в 1842 г. – Это имя, заставляя подозревать, что будет набор только хохлацких пиес, кои уже всем надоели, и которым, верьте, меньше всех дорожат наши харьковцы (с гордостью давно причисляющие себя к старой России), многих останавливает»[115].

Позиция В.Н. Каразина в данном случае вполне сравнима с точкой зрения В.Г. Белинского о бесперспективности украинской литературы и необходимости языковой русификации украинцев[116]. Но это не означало, что слободской просветитель разрывал связи со своей «малой родиной». В отличие от В.Г. Белинского, В. Каразин полагал, что провинциальная культура способна и обязана была, вливаясь в общероссийскую, обогатить ее своим культурным своеобразием и тем самым способствовать ее дальнейшему развитию, обновлению и культурному обогащению. Тем самым В. Каразин способствовал развитию представлений о региональной специфике края. Пропагандируемое им направление развития имперского дискурса – снизу вверх, от окраины к столице, от провинции к центру – так или иначе предполагало не столько нивелирование местных особенностей, сколько их культивирование.

Дилемма русского национализма

С приходом к власти императора Николая I (1825–1855) ситуация в стране существенно изменяется. Реформы нового правительства направлены на дальнейшую унификацию географического, социально-правового и национального пространства Российской империи. На украинских землях ликвидируются последние остатки местных социально-правовых особенностей в виде судебной системы, основанной на Литовском статуте, магдебургского права, определенных казацких и дворянских привилегий[117]. В связи с этим на украинско-русском пограничье с конца 1830-х гг. разворачивается новая правительственная программа изучения местной истории, географии, экономики, статистики, сравнимая по своим масштабам разве

что с «учеными экспедициями» и «топографическими описаниями» времен Екатерины II.

Осознание территориальной целостности или специфики регионов вновь оказывается тесно связанным с осознанием национальной целостности империи. Национальная политика времен Николая I формулируется в оппозиции России к Западной Европе и базируется преимущественно на исторических и религиозных категориях. В доктрине графа С. Уварова, известной под названием «самодержавия, православия, народности», последнее звено оказывается самым слабым по причине своей неопределенности, растворяющей национальное начало в имперском, социальном, религиозном и «славянском» одновременно. Говоря словами С. Екельчика, эта формула стала реакцией, но не ответом на новую идею нации[118].

Русское общество, тем не менее, хотя и было придавлено имперской ношей, в вопросах национального строительства оказалось впереди своего правительства. Оно нашло свой собственный национальный heartland, историческое и культурное ядро Российской империи отнюдь не в причерноморских степях, как того, вероятно, хотелось российскому правительству, и тем более не на территории «Украины-Малороссии», как того хотелось патриотам бывшего Гетманата, а в Москве, остававшейся для провинциального дворянства главным, традиционным местом встреч и, таким образом, выступавшей в роли «природного» центра провинциальной России[119], в отличие от космополитического, европеизированного Петербурга.

Именно в Москве в начале 1830-х гг. была предпринята едва ли не самая смелая попытка переформулировать русскую историю в категориях современного национализма. Речь идет о статье русского историка и писателя Н. Полевого, напечатанной в виде рецензии на «Историю Малой России» Д. Бантыш-Каменского в 1830 г.[120] Н. Полевой, подойдя к истории не с династической, как его предшественник Н. Карамзин, а с этнокультурной меркой, впервые в русской историографии провел разграничительную линию между собственно русской и собственно украинской (малороссийской) историей и культурой, заявив: «Доныне малороссияне только исповедуют греческую веру, говорят особенным диалектом русского языка и принадлежат к политическому составу России, но по народности вовсе не русские»[121]. Малороссияне – «народ, совершенно отличный от нас, чистых руссов. Язык, одежда, облик лица, быт, жилища, мнения, поверья – совершенно не наши! Скажем болеее: на нас смотрят там доныне неприязненно»[122].

Фактически Н. Полевой отказался от столь же распространенных, сколь и архаичных представлений об общей «русскости» малороссиян, великороссиян и белоруссов, культивируемой со времен «Синопсиса», в первую очередь представителями малороссийской духовной и светской элиты[123]. Он нанес ей удар с позиций эксклюзивного модерного национализма, при-

ступив к деконструкции «славяно-русской» домодерной идентичности, использовав лишь включенные в нее «великорусские» элементы и отбросив за ненадобностью все остальные, в данном случае – «малороссийские».

Тем не менее эта попытка создания русского национального дискурса взамен имперского не была поддержана ни имперским правительством, ни консервативной частью интеллектуальной элиты, причем как русской, так и малороссийской. Малороссийские интеллектуалы, в том числе М.А. Максимович, Н.В. Гоголь и другие их современники поспешили вписать свою, региональную страницу в слегка обновленную со времен «Синопсиса» редакцию «славено-русского народа». Г. Квитка в этом отношении не стал исключением, хотя, сравнивая, например, вышеприведенные высказывания Н. Полевого с упоминавшейся цитатой из произведения Г. Квитки о разговоре двух русских солдат по поводу малороссиян, мы найдем между ними не так уж много различий.

Однако начало секуляризации концепции «славено-русского народа» было положено. Национальные идеи, оказывая все более заметное влияние на русское общество, разводили украинских и русских интеллектуалов по разные стороны. Одеяло «русскости», которое тянули на себя «малороссы» и «великороссы», в конечном счете оказалось в руках последних. Но это вовсе не означало исчезновения малороссийской идентичности. Она продолжала существовать наряду с национальной украинской и даже вступила с последней в ожесточенную борьбу во второй половине XIX – начале XX в.

С другой стороны, русские «западники», отдававшие приоритет модернизации перед поисками славянской архаики, также никуда не исчезли из общественной и культурной жизни империи. Начиная приблизительно со второй половины 1830-х гг. их голоса становились все более громкими в общем хоре благонамеренных и не во всем согласных подданных императора Николая I. Пример В.Г. Белинского в этом случае будет не лишним. С этого времени акции провинции снова стали падать во мнениях столицы, особенно после того, как один за другим литературные клише «Италии», «Швейцарии», «Аркадии» и т.п. ласкающие слух иллюзии стали развеиваться при виде картинок из жизни «мертвых душ» и «старосветских помещиков».

Конец 1830-х – 1840-е гг. оказались развилкой, с которой начали расходиться пути украинской и русской интеллектуальных элит. С этого же времени можно говорить и о расхождении культурных ориентаций старшего поколения слободской интеллигенции, особенно заметном на примере Г. Квитки и В. Каразина. Но это была только часть общей картины. Еще одним важным ее компонентом стала литературная и научная деятельность харьковских романтиков – представителей нового поколения местной интеллигенции, попытавшихся дать свой ответ на вызовы национализма.

Харьковские романтики

Романтизм как необходимая предпосылка рецепции и воспроизводства национальных идей в украинском контексте связывается иногда с немецкими влияниями, ретранслятором которых выступал Харьковский университет с его немецкой профессурой. Подобная точка зрения нуждается в существенном ограничении, поскольку творчество западных ученых в Харькове и рецепция их идей местной интеллектуальной средой – все же разные вещи. Влияние западной «ученой слободы» на харьковскую культурную элиту начала XIX в. не стоит преувеличивать[124]: оно вряд ли могло превосходить влияние немецких аграрных колоний на окружавшее их крестьянство на Юге Российской империи.

В этом отношении гораздо большее влияние на Слобожанщину оказывало украинско-польское порубежье, которое не только не исчезло в результате разделов Речи Посполитой в конце XVIII в., но стало еще более заметным в связи с созданием в начале XIX в., одновременно с Харьковским, Виленского учебного округа и оживленными контактами украинских и польских интеллектуалов[125]. Первые издания харьковской типографии 1790-х гг. представляли собой переведенные с польского языка хозяйственные календари – прообраз литературных альманахов эпохи Романтизма. В 1818 г. в Харьковском университете началось факультативное преподавание польского языка и словесности[126]. Его инициатором стал адъюнкт университета, выпускник Киево-Могилянской академии П.П. Гулак-Артемовский, выходец из Правобережной Украины, где он какое-то время зарабатывал на жизнь в роли домашнего учителя в поместьях польской шляхты. Украинским писателем П. Гулак-Артемовский стал в Харькове, но многие его лучшие произведения, относящиеся к жанру серьезной литературы и раскрывавшие новые жанровые и тематические возможности украинского языка, написаны под влиянием польских писателей, в частности И. Красицкого и А. Мицкевича. П. Гулак-Артемовский на раннем этапе своего творчества, определившем его выдающуюся роль в молодой украинской литературе, поддерживал активные контакты с польскими интеллектуалами и был избран членом Королевского общества друзей наук в Варшаве.

После разгрома Виленского университета и начавшихся гонений на польскую культуру в связи с восстанием 1830 г., контакты харьковской интеллектуальной среды с польской стали еще более интенсивными. В Харькове нашли пристанище многие польские студенты, численность которых в отдельные годы доходила до трети всего студенческого состава местного университета[127]. Сюда же вынуждены были переехать из Вильно и некоторые польские профессора.

Харьков располагался дальше от Правобережья, чем Киев или Одесса, поэтому отношение к полякам со стороны местной администрации здесь было, как правило, достаточно спокойным. Немало польских студентов принимали участие в харьковских литературных вечерах, посвященных обсуждению украинских тем и сюжетов. Профессор И. Данилович во время своего пребывания в Харьковском университете во многом способствовал развитию этнографических и исторических украиноведческих интересов местных студентов[128]. Среди учеников И. Даниловича был, в частности, начинающий украинский писатель Л.И. Боровиковский, изучавший польский язык и литературу и переводивший А. Мицкевича на украинский язык.

Другой воспитанник Харьковского университета Н.И. Костомаров в своем раннем творчестве обращался к тематике украинско-польского исторического пограничья, казацких восстаний и религиозного противостояния в Речи Посполитой в XVI–XVII вв., чем заставил встрепенуться местное православное духовенство. Диссертация Н.И. Костомарова о религиозной унии вызвала реакцию, более характерную для пограничной ментальности, чем спокойной уверенности имперского центра: по настоянию харьковского митрополита Иннокентия она была запрещена к защите и сожжена – к счастью, без самого автора[129].

Усвоение романтической культуры, преимущественно через российское и польское «посредничество», привело к формированию в Харькове в конце 1820-х – начале 1830-х гг. новых общественных интеллектуальных кружков, которые состояли преимущественно из числа воспитанников и преподавателей университета. Среди них наиболее влиятельным можно считать литературно-научный кружок во главе с И.И. Срезневским, объединивший выпускников Харьковского университета, увлеченных идеями «народности» и «славянщины». Именно эти молодые люди вошли в историю под именем харьковских романтиков, положивших начало новой эпохи в развитии украинской культуры, связанной с появлением украиноязычной прозы, поэзии, критики, драматургии, а также историографии и народоведения[130].

В Харькове основной трибуной нового поколения интеллектуалов стали литературные альманахи и сборники, пришедшие на смену харьковским журналам начала XIX в.[131] Первым из них стал в 1831 г. «Украинский альманах», который содержал, наряду с другими материалами, публикации украинских песен и дум, произведения из истории Украины, поэтические вариации на казацкую тему. Его продолжением в 1834 г. стали два выпуска альманаха «Утренняя звезда», второй выпуск которого состоял исключительно из украинских и в большинстве своем украиноязычных публикаций, авторами которых выступили Г.Ф. Квитка, П.П. Гулак-Артемовский, И.П. Котляревский, Е.П. Гребинка и И.И. Срезневский.

Еще одним серийным изданием, подготовленным И.И. Срезневским, стал «Украинский сборник», два выпуска которого включали тексты популярных пьес И.П. Котляревского «Наталка-Полтавка» (1838) и «Москаль-чарівник» (1841)[132]. В 1840-х гг. было осуществлено издание альманаха «Молодик» в нескольких выпусках при участии в основном украинских авторов. Большинство напечатанных в этих изданиях произведений впоследствии стали считаться классикой новой украинской литературы.

Наиболее известным и в то же время наиболее влиятельным изданием харьковских романтиков 1830-х гг. считаются шесть выпусков «Запорожской старины» – тематического историко-фольклорно-литературного сборника, который публиковался на протяжении 1833–1838 гг. и содержал разнообразные в жанровом отношении материалы, посвященные истории украинского казачества. Значительная часть этих материалов оказалась новейшими авторскими стилизациями фольклорных и рукописных источников, в духе исторического эпоса и исторической беллетристики.

Содержание харьковских альманахов и сборников, произведений харьковских романтиков определяли материалы исторического и литературного характера. Среди них первенствовали произведения, написанные на украинском языке и посвященные украинской истории. География последней включала в себя не только соседние малороссийские губернии, вошедшие в состав Малороссийского генерал-губернаторства вместе с Харьковской губернией, но и земли бывшей Запорожской Сечи, а также Правобережную и отчасти Западную Украину. Другими словами, «Малороссия» харьковских романтиков уже поднималась над традиционными границами исторических регионов и в основном совпадала с этнической территорией Украины.

Тем самым харьковские авторы способствовали трансформации региональной малороссийской идентичности, расширяя ее культурное пространство таким образом, что в перспективе оно могло стать основой для формирования украинской национальной культуры. Харьков выступал в этом случае не столько в роли неофициальной столицы украинского национального возрождения, сколько в роли собирателя культурного наследия украинских исторических регионов, маркируя их «украинскими» названиями своих изданий. Кроме того, Харьков выполнял функции культурного коммуникатора, посредника между украинскими провинциями, Россией и Польшей. Разумеется, в такой ипостаси ему трудно было стать самостоятельным центром национальной культуры, но относительно легко оказалось входить одновременно в каждую из соседних национальных территорий, занимая в каждой из них периферийное положение...

При этом само интеллектуальное сообщество харьковских романтиков оставалось, по справедливому замечанию Т. Кознарского, необычайно флюидным, расплывчатым, амбивалентным по своему характеру[133]. Их творче-

ство свободно помещалось в рамках официальной доктрины «народности» и даже способствовало научной карьере того же И. Срезневского. Мысли Н. Костомарова о «двух русских народностях», созревшие во время его пребывания в Харькове, безусловно, оставляли перспективы для развития украинской культуры, но в то же время обрекали ее оставаться провинциальной разновидностью, придатком «общерусской» культуры, предназначенным для «домашнего употребления» и обреченным на исчезновение под влиянием прогресса.

Многие из харьковских романтиков впоследствии отошли от украинской тематики, в том числе и лидер кружка И. Срезневский. Модернизационная перспектива развития Российской империи оказалась для И. Срезневского более привлекательной, чем культивирование этнического регионализма. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на опубликованную им в 1839 г. работу «Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию»[134]. Наряду с хорошо известными, традиционными чертами слободской казацко-дворянской историографии, связанными с идеями о «всегдашней верности» слободских полков царскому правительству, об их отличии в лучшую сторону от соседней «ненадежной» Малороссии и т.п., в указанной работе уже заметны признаки новой эпохи.

И. Срезневский, следуя логике правовой унификации страны, окончательно отбросил основополагающий для исторической идентичности слободского дворянства постулат о заслуженных кровью привилегиях – историческом наследии времен казацкого самоуправления, назвав его в своей работе «полудикой независимостью», отпечатком «полукочевого образа гражданственности, полукочевого образа понятий, имевшего опору не в письменных законах верховной государственной власти, а в уважении старины и в воле частных лиц»[135]. После этого пройдет почти полстолетия, прежде чем история казацкой Слобожанщины будет реинтерпретирована в ином, положительном качестве в трудах Д.И. Багалея, Н.Ф. Сумцова и их единомышленников.

Модернизация Российской империи не в состоянии была преодолеть культурный раскол в обществе, в частности засыпать пропасть, разделявшую образованную и вестернизированную элиту от жившего в средневековье крестьянства. Украинский язык представлялся одним из средств, способных помочь преодолеть этот раскол. Поэтому украинский язык не погиб под копытами русской «тройки» – он нашел поддержку в демократических, оппозиционных официозу кругах интеллигенции, но уже в качестве орудия просвещения, а не кладезя славено-русской архаики.

Произведения Г. Квитки, написанные по-украински, предназначались не только для элит, озабоченных поисками славянских корней русскости

и/или карьерой в имперских столицах. Их адресатом должна была стать также необразованная масса простонародья. Подобные же, условно говоря, народнические настроения мотивировали увлечение украинским языком Н. Костомарова. В этом случае стремление создать и поддержать местную региональную общность, в том числе языковую, преодолеть культурный раскол между дворянской элитой и крестьянством оказывалось сильнее, чем присущее В. Каразину желание скорейшей культурной интеграции с «внутренней», или «старой», Россией.

Таким образом, приоритет политической лояльности над языком и религией, бывший до того основным принципом взаимоотношений монархии с местными элитами[136], во время николаевского царствования постепенно стал уступать место этнокультурным редакциям коллективной и персональной идентичности. В этом отношении можно говорить о первых признаках появления в начале 1840-х гг. новой, этнокультурной, идентичности региона, которая входила в противоречие с имперской и при этом, нередко вопреки региональному и имперскому патриотизму дворянской элиты, сближала его с малороссийской идентичностью, переживавшей, в свою очередь, трансформацию в национальную. Эта новая, украиноязычная национальная идентичность проводила новую границу не только между регионом и империей, но и внутри самого региона. Одновременно, в противовес этой тенденции, развивалось представление о специфике Слобожанщины, обусловленной ее близостью к России.

Граница или Пограничье?

С начала XIX в. о Слобожанщине начинают писать как о «ненастоящей» Малороссии, которая, в то же время, отличается и от «настоящей» Великороссии. Амбивалентный в этнокультурном отношении характер Слободской Украины отметил уже упоминавшийся ранее Д. Бантыш-Каменский в путешественных записках 1810 г.: по его словам, жители Слобожанщины, проживающие, «так сказать, на границе, разделяющей Великую Россию от Малой», «отличаются весьма как от природных малороссиян, так и от русских, которых некоторые обычаи они переняли»[137].

В начале XIX в. тезис об обрусении местного населения становится одним из наиболее употребительных в работах и высказываниях на эту тему местных интеллектуалов. В первую очередь это касается В. Каразина и Г. Квитки – двух, пожалуй, наиболее репрезентативных фигур слободскоукраинского общества первой половины XIX в. Тема русификации Слобожанщины становится частью не только научного или художественного, но и официального дискурса.

В этой связи можно обратиться к высказываниям харьковского губернатора В.Г. Муратова, отмечавшего, что жители вверенной его попечению губернии «значительно разнятся от малороссиян»[138]. Тем не менее если внимательно присмотреться к аргументации губернатора, можно заметить, что он ограничивал эти отличия в основном институциональными и культурными аспектами общественной жизни. Главные отличия «харьковцев» от их полтавско-черниговских родственников, оказывается, заключались в том, что: 1) слобожане были подчинены одному правительству, 2) на Харьковщине и в ее губернском центре поселилось много русских – помещиков, чиновников и купцов и 3) в Харькове находилась штаб-квартира командующего войсками «в полуденном крае»[139]. Другими словами, ученый губернатор в своей деятельности не придавал особого значения этнокультурным категориям.

Тем не менее можно предположить, что культурная русификация края к середине XIX в. достигла определенных успехов. Можно предположить также, что именно по этой причине профессор Харьковского университета «западник» Д. Каченовский, а чуть позднее и русский публицист-славянофил И. Аксаков проводили условную черту между пограничной Слобожанщиной и «коренной», «настоящей» Малороссией между Харьковом и Полтавой в районе города Валки, находящегося приблизительно в 50 км от Харькова. Но культурная русификация Слобожанщины вовсе не означала утрату ею своей региональной специфики. В русском интеллектуальном инструментарии середины XIX в. попросту не хватало дефиниций для определения особенностей культурного пограничья. По этой причине Слободская Украина нередко оказывалась лишенной ярко выраженных характеристик, соединяя в себе признаки как исторической Малороссии, так и собственно России. В результате регион обретал, с одной стороны, черты аморфного, расплывчатого в этнокультурном отношении пространства, а с другой – соединял в себе несколько накладывавшихся друг на друга границ.

Вероятно, русский историк, этнограф и писатель В.В. Пассек стал первым исследователем Слобожанщины, применившим по отношению к ней термин «неопределенность»[140]. В дальнейшем это слово будет с удивительным постоянством встречаться в высказываниях местных или приезжих интеллектуалов о регионе или его центре – Харькове. Вернее, оно будет употребляться в этом контексте не менее часто, чем «русская», «малороссийская» и «украинская» терминология, причем достаточно долго, чтобы к нему привыкнуть. Настолько долго, чтобы предположить, что в первой половине XIX в. развитие края определялось не столько его интеграцией, т.е. однонаправленным слиянием с неким воображаемым центром империи, сколько формированием особого, пограничного регионального дискурса.

В этом отношении заслуживает внимания позиция В.Н. Каразина, настойчиво добивавшегося интеграции своей «малой родины» в империю. Уже после того, как Слободско-Украинская губерния оказалась переименованной в Харьковскую, В. Каразин счел необходимым еще раз очертить место Харьковщины на карте Российской империи. В статье «О значении Харькова для полуденной России», опубликованной в 1840 г., В. Каразин рассматривает Харьковскую губернию в одном ряду с Черниговской и Полтавской, не разделяя, таким образом, Слобожанщину и Малороссию[141]. Конструируемый В. Каразиным географический образ края основывается теперь уже не на центральном положении Харькова в регионе «полуденной России», как это было раньше, а на его «средоточном положении между севером и югом империи», на «пути из севера и столиц на юг и из востока и кочевых степей в образованную Европу»; даже почва Слобожанщины, по мнению автора, «отличается от почвы полуденного края и северного края»[142].

Пограничный характер региона подчеркивала и множественность этнонимов, при помощи которых авторы конца XVIII – первой половины XIX в. пытались обозначить население края. Оказывается, «черкасы», известные здесь еще с давних времен, одновременно могли называться не только «малороссиянами», но и – если ограничиться обзором работ только И. Переверзева, Г. Квитки и В. Каразина – «слобожанами», «украинцами», «украинскими жителями», «полуденными россиянами», «русскими», «русинами», «русинской нацией», «руским народом», а также «харьковскими жителями», «жителями сей губернии», «областянами».

И.А. Гильденштедт зафиксировал среди названий местных украинцев «хохлов». М. Бобровский в письме к И. Лелевелю в октябре 1829 г., сообщая о переезде И. Даниловича из Харькова в Вильно, также прибегает к этому термину, называя Харьков «столицей хохлов»[143], а Я. Грот в переписке с С. Плетневым видит основное отличие Харькова от Одессы в том, что в Харькове разговаривают «по-хохлацки». Об использовании термина «хохлы» в трудах В. Каразина уже упоминалось в этой главе.

Чаще всего название «хохлы» использовалось в качестве «внешней» характеристики этнических украинцев, понятной их соседям – полякам и русским. О. Шпигоцкий в письме из Москвы к И. Срезневскому от 1832 г. жаловался, что местные книгопродавцы поступили с ним «как москали с хохлом»[144]. В то же время, такие разные по своему происхождению представители местного общества, как Г. де Кальве или В. Каразин, охотно называли себя украинцами[145], но никогда – хохлами или малороссами. Этим они отличались, к примеру, от светлейшего князя, министра внутренних дел В.П. Кочубея, называвшего себя в переписке с малороссийским генерал-губернатором, князем Н.Г. Репниным, «хохлом по рождению».

Тем не менее отличительные черты украинских этнических регионов при взгляде из центра империи оказывались несущественными и словно растворялись в малороссийском пространстве, хорошо известном русской публике и использовавшемся для собственной идентификации по линии «мы–они». Приезжая в столицы России, тот же В. Каразин или, например, И. Срезневский, не бывшие в действительности и никогда не считавшие себя этническими украинцами (хохлами, малороссами), воспринимались в столичном обществе уже как малороссияне[146]. Для русского писателя и историка Н. Полевого, выходца из Сибири, проживавшего в Москве, все выходцы из Слобожанщины: В. Каразин, А. Палицын, Г. Сковорода, Г. Квитка – «замечательные уроженцы Малороссии»[147].

Таким образом, в иерархии этнонимов, употреблявшихся по отношению к украинцам в Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в., можно увидеть некоторые дополнительные нюансы[148]. «Хохол» в тогдашнем русском языке – едва ли не единственный этноним, который использовался исключительно для подчеркивания неких этнокультурных особенностей жителей определенных украинских территорий; в то время как «малоросс» и «украинец», неся на себе определенную этнокультурную «нагрузку», одновременно могли наполняться и сугубо географическим содержанием[149]. Но если говорить об этнокультурной составляющей этой терминологии, название «малороссияне» оставалось намного более употребительным по сравнению с «украинцами».

Итак, можно сделать вывод о том, что слободской региональный дискурс во второй половине XVIII – первой половине XIX в. создавался в процессе институциональной и культурной трансформации бывшей степной окраины в Российской империи. В этом процессе местная интеллектуальная элита, независимо от ее этнического происхождения и самосознания, играла не меньшую роль, чем имперское правительство – по крайней мере до 1830–1840-х гг., когда под влиянием модерного национализма язык стал приобретать значение основного этнодифференцирующего фактора, поставив образованную элиту бывших казацких пограничных областей перед проблемой национального выбора.

Слободской региональный дискурс содержал в себе отчетливо выраженный модернизационный компонент. В этих рамках он мог приобретать разные «редакции»: интеграционистскую и регионоцентричную. Обе они не противостояли друг другу и развивались параллельно, отличаясь лишь отношением к местным региональным особенностям социально-правового, культурного и этнического характера. Для В. Каразина, например, эти особенности имели гораздо меньшее значение, чем для Г. Квитки. В свою очередь, и региональные различия Слобожанщины и Малороссии в

глазах В. Каразина представлялись, видимо, менее существенными, чем для Г. Квитки.

Тем не менее оба выдающихся представителя местного дворянства первой половины XIX в. способствовали формированию регионального слободского дискурса, включая его историю, этнографию и культуру, а также самоотверженно развивая публичную сферу жизни общества, без которой было невозможно сформулировать основные категории региональной идентичности. Активное участие представителей местного общества в процессе модернизации края, поддержка, которую находили здесь правительственные инициативы, – способствовали частичной «регионализации» новых имперских институций, их символическому «присвоению» на местах.

Политика российского правительства в регионе оставляла достаточно пространства для культивирования местных особенностей. Во всяком случае, церковь выглядела гораздо более последовательным деятелем русификации, чем просвещенная светская элита, только начинавшая нащупывать национальную почву под ногами. Национальная доктрина С. Уварова в этом отношении была достаточно толерантной к провинциальной культуре, в данном случае украинской, до поры до времени располагавшейся преимущественно в консервативном спектре культурной жизни Российской империи и тесно связанной с его православно-славянофильскими сегментами.

Региональная идентичность Слобожанщины и ее административно-культурного центра, Харькова, до середины XIX в. оставалась нестабильной, изменчивой, зависящей от меняющегося контекста. Развитие путей сообщения, связывавших Харьков с центральными российскими губерниями, лишь дополняло его репутацию как города-посредника между Москвой и «Украйной, Малороссией, Новороссией, Донской областью, южными приморскими городами и Кавказом»[150]. В. Каразин, размышляя над «значением Харькова для Полуденной России», определял его метафорой «города-перекрестка»[151], прочно вошедшей с тех пор в местную культурную традицию.

Региональный дискурс, отражавший процесс самоописания местных элит, не вписывался в колониальную парадигму, по крайней мере, до рубежа 1830–1840-х гг., пока содержащийся в нем модернизационный компонент доминировал над этнокультурным. Смена идейных ориентаций местной интеллектуальной элиты, наметившаяся в творчестве Г. Квитки и – отчасти – харьковских романтиков, создавала условия для формирования программы национального развития и выстраивания символической границы между Украиной и Россией. Одновременно с этим пограничный характер региона препятствовал их взаимному культурному обособлению не в меньшей степени, чем протонациональная политика имперского центра.

Тем не менее при взгляде со стороны Харьков уже в середине XIX в. прибавил к своим прежним титулам столицы Юга России, Украины и Малорос-

сии еще и название столицы национальной украинской культуры. В этом качестве он обратил на себя внимание одного из будителей украинской культуры на западноукраинских землях, члена «Руської трійці» Ивана Вагилевича, назвавшего Харьков «средоточием просвіщення руського»[152]. Не случайно и польский историк о. В. Калинка, приближенный к кн. А. Чарторыйскому, в 1858 г. писал о том, что сердцем «руськой народности», волею истории оказавшейся по ту сторону Днепра, является Слободская Украина[153].

Круг замыкался. Через пятьдесят лет после публикации труда И. Переверзева Харьков становился частью украинского национального культурного пространства, но уже при взгляде с Запада. Вероятно, трудно найти более красноречивое доказательство того, что, невзирая на политику институциональной и культурно-языковой русификации, Слобожанщина так и не стала частью имперского историко-культурного ядра[154].

Примечания

1 Sunderland W. *Imperial Space: Territorial Thought and Practice in the Eighteenth Century* // Russian Empire Space, People, Power, 1700–1930. P. 43, 53–55.

2 Это противоречие в политике правительства и положении просвещенной части общества хорошо показано в книге: Rogger H. *National Consciousness in Eighteenth-Century Russia.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

3 Подробнее об этом феномене см.: Rogger H. Op. cit.

4 Лосиевский И.Я. *Русская лира с Украйны*: *Русские писатели Украины первой четверти XIX века.* Харьков, 1993.

5 Rogger H. Op. cit. P. 129–132.

6 Тесля М. П. *Діяльність «Паліцинської академії».* Суми, 2008; Бірьова О. Ю. *Поміщицькі садиби Харківської губернії (перша половина XVIII – початок XX століття).* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2009.

7 *Два століття сковородіяни: бібліографічний довідник* / Укл.: Л. Ушкалов, С. Вакуленко, А. Євтушенко. Харьков, 2002.

8 Цит. по: Багалей Д.И. *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* В 2 т. Т. 1 (1802–1815 гг.). Харьков, 1893–1898. С. 84.

9 Северная пчела. 1844. № 120. 29 мая. С. 478.

10 Koznarsky T. *Kharkiv Literary Almanacs of the 1830s: The Shaping of Ukrainian Cultural Identity. A Thesis... for the Degree of Doctor of Philosophy*. Cambridge, MA: Harvard University, 2001. P. 75–76.

11 Багалей Д.И. *Опыт истории…* С. 907–913.

12 Маслійчук В. *Провінція на перехресті культур (дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007. С. 61–75.

13 Berger S., Miller A. *Nation-building and regional integration: the role of empires* // European Review of History : Revue Europeenne d'Histoire. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 317–330.

14 См. подробнее: Кравченко В.В. *«Росія», «Малоросія», «Україна» у вітчизняній історіографії історії України доби національного Відродження (кінець XVIII в. – початок XIX ст.)* // Збірник Харк. істор.-філол. т-ва. Нова сер. 1995. Т. 5. С. 3–16.

15 *Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.*: Описово-статистичні джерела АН УРСР. Археограф. комісія та ін. / Упоряд. В.О. Пірко, О.І. Гуржій; редкол. П. Сохань та ін. Київ, 1991. С. 5–8; *Статистическое описание Слободско-Украинской губернии, составленное на месте министерства полиции чиновником Сатальским в 1815 г.* // РО ГПБ. 1927. № 100. Картотека м-лов по нац. респ. № 25; Багалей Д.И. *Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства.* Т. 2. Харьков, 1890. С. 216–235; *Экономические примечания на Харьковский уезд 1782 г.* / Ред. А. Парамей, А. Парамонов. Харьков, 2006; Греков Б.Д. *Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII в.* // Избранные тр. М., 1960. Т. 3. С. 225–280; Милов Л.В. *Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.).* М., 1965; Leckey C. *Provincial readers and agrarian Reform, 1760s-1770s: the case of Sloboda Ukraine* // Russian Review. 2002. No. 61 (Oct.). P. 535–559.

16 Burbank J., Hagen M. *Coming into the Territory: Uncertainty and Empire* // Russian Empire Space... P. 5.

17 Gorizontov L. *The «Great Circle» of Interior Russia: Representations of the Imperial Center in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries* // Russian Empire Space... P. 67–93; Loskoutova M. V. *A Motherland with a Radius of 300 Miles: Regional Identity in Russian Secondary and Post-Elementary Education from the Early Nineteenth Century to the War and Revolutio*n // European Review of History = Revue Europeaenne d'histoire. 2002. Vol. 9. No. 1.

18 Sunderland W. *Imperial Space…* P. 43.

19 Рибер А. *Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: сравнительно-исторический подход* // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 220. К сожалению, у меня не было возможности рассмотреть аргументацию А.И. Миллера, поскольку А. Рибер ссылается на его неопубликованное выступление.

20 См. подробнее мою статью: Кравченко В.В. *«Росія», «Малоросія»…*

21 Георги И.Г. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей.* 2-е изд., с испр. и доп. СПб., 2007. С. 708.

22 Чеботарев Х. *Географическое методическое описание Российской империи с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще.* М., 1776. С. 103–104.

23 Когут З. *Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України.* Київ, 2004. С. 80–101; Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus.* Cambridge University Press, 2006. P. 332.

24 Галь Б. *«Не уступать ни на один шаг земли!..»: До історії розмежування малоросійських намісництв і Новоросійської губернії (1782–1783 рр.)* // Історія і культура Придніпров'я. Невідомі та маловідомі сторінки: Науковий щорічник. Вип. 5. Дніпропетровськ, 2008. С. 99–129.

25 Когут З. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830.* Київ, 1996. С. 94.

26 Журба О.І. *Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції.* Дніпропетровськ, 2003. С. 148–149.

27 Московский телеграф. 1832. Кн. 10. С. 261.

[28] Горленко В.Ф. *Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX ст.* Київ, 1988. С. 72–73.
[29] Багалей Д.И. *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* В 2 т. Т. 2. Харьков, 1904. С. 773.
[30] *Экономическая география в СССР. История и современное развитие.* М., 1965. С. 294–295.
[31] Турченко Ф., Турченко Г. *Південна Україна: модернізація, світова війна, революція (кінець XIX ст. – 1921 р.).* Київ, 2003. С. 12–13; Шандра В.С. *Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX ст.* Київ, 2005. С. 164–264.
[32] *Описи Степової України останньої чверті XVIII – початку XIX століття* // Джерела з історії Степової України. Т. 10. Запоріжжя, 2009. С. 141. См. также: Бойко А.В. *Атласи Південної України останньої чверті XVIII століття* // Там же. С. 9–31.
[33] Шафонский А. *Черниговского наместничества топографическое описание.* Киев, 1851. С. 44, 46.
[34] Стриттер И. *История Российского государства.* СПб., 1802. Ч. 3. С. 319. Российский историк второй половины XVIII В. Ф. Эмин различал южных и северных «россов» со времен Киевской Руси (Эмин Ф.А. *Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великия и вечной достойныя памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников, ему последование и описание в Севере златаго века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая.* В 3 т. 1768–1769. Т. 1. С. 90, XLII).
[35] Венелин Ю. *О споре между южанами и северянами на счет их россисизма* // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1847. № 4. С. 1–16 (разд. пагинация).
[36] Подробнее см.: *Описи Харківського намісництва кінця XVIII ст.* / Упоряд. В.О. Пірко, О.І. Гуржій; редкол. П. Сохань та ін. Київ, 1991. С. 5–8; Горленко В.Ф. Указ. соч. С. 65–67; Бондаренко І.В. *Топографічні описи України кінця XVIII – початку XIX ст. (проблема атрибуції та інформативної репрезентативності джерел):* Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2003.
[37] Труды Вольного Экономического Общества. 1768. Ч. VIII. С. 40–41, 50, 53, 55. Об этом источнике см.: Савченко Ф. *Етнографічно-економічна анкета XVIII віку на Слобожанщині* // Первісне громадянство. Вип. 3. 1929. С. 113–117; Павленко В. *Етнічна психологія як галузь українознавства* // III Міжнародний конгрес україністів. Політологія, етнологія, соціологія. Харків, 1996. С. 106.
[38] *Описи Харківського намісництва...* С. 30, 32, 36.
[39] Там же. С. 34.
[40] Там же. С. 36.
[41] См.: Горленко В.Ф. Указ. соч. С. 65–67. Автор полагает, что составителем «Топографического описания Харьковского наместничества» был Н. Загоровский. В недавнее время утвердилась мысль об авторстве И.А. Переверзева, которой я также придерживаюсь. Новейшая интерпретация «Топографического описания Харьковского наместничества» приведена в неопубликованной статье Р. Шпорлюка (Szporluk R. *Mapping Ukraine: From Identity Space to Decision Space.* Unpubl. ms).
[42] *Описи Харківського намісництва…* С. 18, прим.
[43] Там же. С. 19.
[44] Szporluk R. *Mapping Ukraine: From Identity Space to Decision Space*.

45 Современный украинский историк Я. Грицак, в отличие от Р. Шпорлюка, гораздо более скептически относится к словам И.А. Переверзева (См.: Грицак Я. *Нариси історії України.* Київ, 1996).

46 Сборник Императорского русского исторического общества. 1871. Т. 8. С. 375.

47 [Калиновский Г.]. *Описание свадебных украинских простонародных обрядов, в Малой России и в Слободской украинской губернии, также в великороссийских слободах, населенных малоросиянами употребляемых. Сочиненное Григорьем Калиновским, армейских пехотных полков, состоящих в Украинской дивизии, прапорщиком.* СПб., 1777.

48 Литературные рефлексии подражателя Г. Сковороды местного писателя начала XIX в. И. Вернета, наполненные сентиментальной риторикой, в своих заголовках содержали названия заштатных местечек, формировавших литературный целостный ландшафт Слободской Украины: Валки, Изюм, Святогорск, Змиёв и т.д.

49 Багалій Д.І. *Український мандрований філософ Григорій Сковорода.* Київ, 1992. С. 77.

50 Одним из ранних примеров подобного рода можно считать путешествие, предпринятое С. Гмелиным, – см.: *Путешествие Гмелина по России для исследования трёх царств естества в 1768, 1769, 1770 и 1771 гг.* СПб., 1771. Т. 1. О путешествиях как жанре литературы см.: *Romantic geographies: discourses of travel, 1775–1844* / Ed. by A. Gilroy. Manchester; New York, 2000. О путешествиях по Российской империи см.: Schoenle A. *Authenticity and fiction in the Russian literary journey, 1790–1840.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2000; о путешествиях по Украине см.: Вінтоняк О. *Україна в описах західньоевропейських подорожників*. С. 20–21; Біленький С. *Мандрувати й описувати: биті шляхи культури під імперським поглядом* // Критика. 2001. № 6; Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. *Україна і Росія в історичній ретроспективі.* Т. 1. Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 266–331.

51 См.: *Путешествие акад. Гильденштедта по Слободско-Украинской губернии.* Харьков, 1892; Вінтоняк О. *Україна в описах західньоевропейських подорожників.* С. 21–22; Багалей Д.И. *Материалы по истории колонизации...* Т. 2. С. 319–398.

52 *Дневник путешествия по Слободско-Украинской губернии академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштедта в августе и сентябре 1774 года* // Харьковский сб. 1891. Вып. 5. С. 71.

53 *The Russian Empire, its People, Institutions, and resources, by baron von Haxthausen.* Vol. 1. London, 1856 (the first edition appeared in German, 1847–1852). P. 411. Об авторе см., в частности: Denni Son T.K., Carus A.W. *The Invention of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence* // The Historical Journal. 2003. Vol. 46. No. 3. P. 561–582.

54 Зуев В.Ф. *Путешественныя записки Василья Зуева от С.Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году.* СПб., 1787. С. 184.

55 Там же. С. 185.

56 Цит. по: Сиповський в. *Україна в російському письменстві.* Ч. 1 (1801–1850 рр.). Харків, 1928. С. 36.

57 Бантыш-Каменский Д. *Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию.* М., 1810. С. 30–31.

58 Долгоруков И.М. *Славны бубны за горами, или путешествие мое кое-куда 1810 года.* Б/д, б/м. С. 35.

59 Gorizontov L. *The «Great Circle»…* P. 74.

60 *The Russian Empire, its People*… P. 392–393.

61 Срезневский В.И. *Из переписки И.И. Срезневского, 1829–1839 гг.* // Киевская старина. 1901. Кн. 6. С. 325.

62 Raeff M. *Ukraine and Imperial Russia: Intellectual and Political Encounters from the Seventeenth to the Nineteenth Century* // Ukraine and Russia in their Historical Encounter. Edmonton / Ed. by P.P. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.N. Žekulin. Edmonton: CIUS Press, 1992. P. 80.

63 *Ответ малороссийских козаков украинским слобожанам* (найденный в Глуховском архиве) // Киевская старина. 1884. Т. X. С. 550–552. Под названием «*Сатира на слобожан*» переиздан в: *Українська література XVIII ст. Поетичні твори, драматичні твори, прозові твори.* Київ, 1983. С. 215–216. Любопытно, что автор комментария к этому произведению видит в нем исключительно классовый конфликт «между казацкой старшиной и слободскими крестьянами» (там же. С. 664).

64 Там же. С. 216.

65 См.: Кравченко В.В. *«Історія русів» у новітніх дослідженнях* // Journal of Ukrainian Studies. Vol. 29. No. 1–2. Special Issue. Synopsis. A Collection of Essays in Honour of Z.E. Kohut. 2005; Plokhy S. *Ukraine or little Russia? Revisiting an Early Nineteenth-Century Debate* // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. No. 3–4. P. 335–353.

66 *Исторія русовъ или Малой Россіи.* М., 1846. С. 108.

67 Там же. С. III.

68 Анонимный автор рукописной «Истории Остерского уезда» конца XVIII – начала XIX в. писал о том, что поселения «Московской Украины» конца XVI – начала XVII в. (так в тексте. – *К.В.*) являли собой «не что иное, как сбор вольницы, называвшейся черными государевыми мужиками, но ничто в казну не платившей. Многие погосты были просто притоном разбойников. Устраивали их бездомные бродяги, нигде не записанные» (цит. по: Гуржій О. *Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст.: кордони, населення, право.* Київ, 1996. С. 8).

69 И.И. Квитке посвящены специальные работы, в т.ч.: Шугуров Н. *Илья Иванович Квитка – неизвестный писатель конца прошлого и начала текущего столетия* // Киевская старина. 1890. Кн. 3; Журба О.І. Вказ. праця. С. 120–137; Маслійчук В. *Провінція на перехресті культур (дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007. С. 256–288.

70 [Квитка И.И.] *Записки о Слободских полках с начала их поселения до 1766 г.* Харьков, 1812 (2-е изд. – 1882); Квитка Г. *Харьков и уездные города.* Харьков, 2005. С. 167–190.

71 [Квитка И.И.] *Записки о Слободских полках...* С. 11–12.

72 Там же. С. 11.

73 Там же. С. 4–9, 19.

74 Там же. С. 11–12.

75 *Описи Харківського намісництва…* С. 24.

76 Там же. С. 21.

77 Территорию Южной России автор последовательно именует «полуденной страной России» и Великим княжеством Киевским, «отторгнутым от единой Российской державы литовцами».

78 Украинский вестник. 1816. Кн. 2. С. 145–146; Кн. 3. С. 304–314. В тексте статьи напечатано как раз наоборот, что впоследствии было разъяснено автором в письме в редакцию журнала.

79 Украинский вестник. 1816. Кн. 8. С. 121–137; Кн. 10. С. 138–140. О полемике двух историков см.: Журба О.І. Вказ. праця. С. 148–149.

80 См. подробнее: Сумцов Н.Ф. *Слободско-украинское дворянство в произведениях Г.Ф. Квитки* // Киевская старина. 1884. Кн. 6. С. 201–209; Багалей Д.И. *Исторические повести и статьи Гр. Фед. Квитки (к 50-летию со дня его кончины)* // Багалей Д.И. Заметки и материалы по истории Слободской Украины. 1893. С. 46–56; Слюсарський А.Г. *Питання історії України в творах Г.Ф. Квітки-Основ'яненка* // Питання історії народів СРСР. 1972. Вип. 14. С. 140–146; Зубков С.Д. *Русская проза Г.Ф. Квитки и Е.П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей.* Киев, 1979. С. 152–166.

81 Мне, к сожалению, не удалось разыскать издание – 1841 г., поэтому пришлось использовать текст, напечатанный в сборнике: Квитка Г. *Харьков и уездные города.* Харьков, 2005. С. 166–190. Остается надеяться на добросовестность его издателя – Л. Мачулина.

82 Квитка Г. *Харьков и уездные города...* С. 166–167.

83 Там же.

84 Квітка-Основ'яненко Г.Ф. Зібрання творів. У 7 т. Т. 7: *Історичні, етнографічні, літературно-публіцистичні статті, листи.* Київ, 1981. С. 337.

85 Там же. С. 143–144.

86 Квитка Г.Ф. *Украинцы* // Квитка Г.Ф. Сочинения. Т. IV: Статьи исторические. Харьков, 1890. С. 460.

87 Там же.

88 Koznarsky T. Op. cit. P. 160. Тарас Кознарский сделал обоснованный вывод о том, что в основу подобного разделения был положен не языковой, а географический принцип, разделяющий Малороссию и Слобожанщину (там же. P. 161).

89 Шевченко Т. *Кобзар.* Харків; Шевченкове, 1996. С. 10.

90 Квитка Г. *Харьков и уездные города...* С. 170.

91 Квітка-Основ'яненко Г. *Повісті та оповідання. Драматичні твори.* Київ, 1982. С. 31.

92 Квитка Г.Ф. *Украинцы...* С. 461.

93 Преподавание в Харьковском коллегиуме было русифицировано уже во второй половине XVIII в. Благодаря этому он мог поставлять в поместья домашних учителей, «которые бы учили детей говорить по-русски, а не по-малороссийски» (Данилевский Г.П. *Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования.* Харьков, 1866. С. 298).

94 Данилевский Г.П. Указ. соч. С. 307.

95 Там же.

96 Видимо, стоит отметить, что замечания А. Левшина об украинском (малороссийском) языке отражают тенденцию не к слиянию его с русским, а к их размежеванию. Автор отмечает, что украинский язык хотя и происходит от древнего славянского, но смешан с немецкими, латинскими и польскими «перековерканными» словами, отчего «делается почти непонятным великороссиянину» и множеством «иностранных выражений и особенных оборотов составляет самое отдаленнейшее наречие языка российского». Напротив, украинские авторы подчеркивали, что их язык и есть наиболее «чистый» и неискаженный иностранными заимствованиями славянский язык.

97 Наши сведения об этом событии основываются исключительно на воспоминаниях одного из первых студентов и выпускников Харьковского университета Т.И. Селиванова (1785–1869), достоверность которых не подвергается сомнению. В них говорится о том, что П.М. Шумлянский прочитал на украинском языке вступительную

лекцию по диететике, сопровождая ее многочисленными шутками и прибаутками. Юмористический эффект от лекции усиливался еще больше от сравнений украинца («русского человека», по словам мемуариста) с немцем по способу жизни, внешнему виду, темпераменту и т.п.

98 Русский историк и придворный А.И. Михайловский-Данилевский, вспоминая о представлении пьесы А. Шаховского в Полтаве, выразился в том духе, что так, мол, сочинителю и надо, коль скоро он рискнул в «столице Украины» представить украинский сюжет, да еще на украинском языке (*Из воспоминаний Михайловского-Данилевского* // Русская старина. 1897. № 6. С. 476).

99 Гулак-Артемовський П. *Поетичні твори.* Євген Гребінка. *Поетичні твори, повісті та оповідання.* Київ, 1984. С. 51.

100 Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Рассказ (1841)* // Зібрання творів. У 7 т. Т. 6: Прозові твори. Київ, 1981. С. 9.

101 Квітка-Основ'яненко Г.Ф. Зібрання творів. У 7 т. Т. 7. С. 272–273. Ср.: Грабович Г. *До історії української літератури. Дослідження, есеї, полеміка.* Київ, 2003. С. 458–459.

102 «Було колись добро, та давно! Господарювала наша мова, по всій нашій православній Россіи!.. Та як, то́ через наши школы, то́ через беседу, навчили москалив письма, так вони и переварнякали нашу мову, вот и возродился чистый, плавный, богатый, изящный Русскій язык. А скильки в ним нашого, прирожденного?.. Та й мовчи. Ще й не смій по старинному писати!.. Зараз закепкують: "Да на штіо так писать-ста? Да кто яго будзя читать-ста?"» (орфография сохранена. – *К.В.*) (цит. по: Квитка-Основьяненко Г.Ф. *Ответ Тихорскому на его статью в сентябрьской книжке Маяка, за 1842* // Маяк. 1843. Т. 10. Отд. критики. С. 34.

103 Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. С. 113.

104 Портнов А. *Винаходячи Річ Посполиту* // Критика. 2006. № 9.

105 Koznarsky T. Op. cit. P. 39–40, 42.

106 Багалей Д.И. *Опыт истории…* Т. 1. С. 114.

107 Каразин В.Н. *Сочинения, письма и бумаги.* Харьков, 1910. С. 584–587, 589.

108 Болебрух А.Г., Куделко С.М., Хрідочкін А.В. *Василь Назарович Каразін (1773–1842).* Харьков, 2005. С. 271.

109 Каразин В.Н. *Сочинения, письма...* С. 448.

110 Там же. С. 449.

111 Там же. С. 584, 600.

112 Там же. С. 484–485.

113 Там же. Можно вспомнить в этой связи, что и классическая для своего времени статья Н.И. Костомарова «Две русские народности» также могла быть навеяна впечатлениями автора от пребывания в Харькове и поездок по губернии.

114 Квітка-Основ'яненко Г.Ф. Зібрання творів у семи томах. Т. 7. С. 290, 295.

115 «*Я смело могу стать пред судом потомков...*»: (Каразинский сб.): посвящ. 200-летию Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. Харьков, 2004. С. 282.

116 Об отношении В.Г. Белинского к Украине – см.: Rutherford A. *Vissarion Belinskii and the Ukrainian National Question* // Russian Review. 1995. Vol. 54. No 4. P. 500.

117 Когут З. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830.* Київ, 1996. С. 207.

118 Yekelchyk S. *The Grand Narrative and Its Discontents: Ukraine in Russian History Textbooks and Ukrainian Students' Minds, 1830s-1900s* // Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian-

Russian Encounter (1600–1945) / Ed. by A. Kappeler, Z.E. Kohut, F.E. Sysyn, M. von Hagen. Toronto: CIUS, 2003. P. 234.

119 Живов В.*Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности* // Новое литературное обозрение. 2008. № 91.

120 Кравченко В.В. *Полєвой Микола Олексійович* // Українське козацтво. Мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 397.

121 П(олевой) Н. *Малороссия; ее обитатели и история. Рец. на кн.: История Малой России (сочинение Д.Н. Бантыш-Каменского). 3 части. М., 1830. В т. Селивановского* // Московский телеграф. 1830. № 18. С. 229.

122 Там же. № 17. С. 77.

123 Raeff M. Op. cit. P. 80–81; Sysyn F.E. *The Cultural, Social, and Political Context of Ukrainian History Writing 1620–1690* // Europa Orientalis. 1986. No. 5. P. 285–310; Idem. *Concepts of Nationhood in Ukrainian History Writing 1620–1690* // Harvard Ukrainian Studies. 1986. Vol. 10. No. 3/4 (Dec.). P. 393–423; Idem. *The Cossak Chronicles and the Development of Modern Ukrainian Culture and National Identity* // Harvard Ukrainian Studies. 1990. Vol. 14. No. 3/4 (Dec.). P. 593–607; Когут З. *Коріння ідентичности…* С. 197.

124 См. подробнее: *Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років*. Харків, 2004. С. 6–124.

125 Beauvois D. *Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich 1803–1832.* T. 1–2. Rzym; Lublin, 1991.

126 Кравченко В.В., Страшнюк С.Ю. *Полоністика в Харківському університеті (XIX – початок XX століття)* // Київський ун-т ім. Т. Шевченка. Вісник. Історія. 1998. № 37. С. 14–17.

127 Неслуховский Ф.К. *Из моих воспоминаний* // Исторический вестник. 1890. № 4. С. 116–153.

128 Вряд ли стоит при этом заниматься опровержением параноидальных фантазий А. Царинного, пытавшегося в 1920-х гг. приписать появление украинских произведений Г. Квитки «влиянию польского кружка в Харькове» (см.: Царинный А. *Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям* // Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 133–252). Еще более нелепыми выглядят утверждения автора о «значительном распространении» на Слобожанщине идей о «нерусском происхождении украинцев», также якобы принесенных сюда «польской интригой» (там же). Н. Ульянов повторил эти мысли спустя почти полстолетия. Упоминаю об этих политических памфлетах только по причине их настойчивой популяризации в наше время русскими националистами. О поляках в Харьковском университете см.: Kijas A. *Polacy na Uniwersytecie Charkowskim, 1805–1917.* Poznań, 2005.

129 См. подробнее: Айзеншток І. *Перша дисертація Костомарова* // Україна. 1925. Кн. 3. С. 21–28.

130 По мнению М. Раева, усвоение идеалистических и романтических культурных образцов создавало предпосылки для развития модерного национализма, хотя вывод ученого о «смерти» старого регионализма в это же время выглядит несколько преждевременным (см.: Szporluk R. *Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union.* Hoover Institution Press, 2000. P. 374).

131 *Харківська школа романтиків.* Харків, 1930. Т. 1–3.

132 Koznarsky T. Op. cit. P. 246.

133 Ibid. P. 325–326.

134 Срезневский И.И. *Историческое обозрение гражданского устроения Слободской Украины со времени ее заселения до преобразования в Харьковскую губернию.* Харьков, 1883. О данной работе см.: Срезневский В. *Из первых лет научно-литературной деятельности И.И. Срезневского. 1831–1839* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1898. № 1. Отд. 2. С. 1–39; Кравченко В.В. *Нариси з української історіографії епохи національного Відродження (друга половина XVIII – середина XIX ст.).* Харків, 1996.

135 Срезневский И.И. Указ. соч. С. 8–9.

136 Kappeler A. *The Ambiguities of Russification* // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 2 (Spring). P. 291–297, здесь – С. 294.

137 Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 30–31.

138 Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год).* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993. Т. 2. С. 130.

139 Там же.

140 Пассек В.В. *Очерк Харьковской губернии.* Б/м, б/д. С. 53.

141 Каразин В.Н. *Сочинения, письма и бумаги.* Харьков, 1910. С. 483–484.

142 Там же. С. 485.

143 Kijas A. *Polacy na Uniwersytecie Charkowskim*… S. 53.

144 Koznarsky T. Op. cit. P. 82.

145 В. Каразин, впрочем, представляет собой особый случай, поскольку, называя себя «украинцем» и «русским», он с легкостью мог именоваться, в зависимости от конъюнктуры, греком, болгарином или сербом.

146 См., например, отзыв Ф. Булгарина об И.И. Срезневском (Фиглярин В. *Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение.* М., 1998. С. 546). Тарас Кознарский заметил, что харьковский славист, обладавший отчетливой русской самоидентификацией, подобным характеристикам не радовался.

147 Северная пчела. 1844. № 120. 29 мая. С. 479.

148 Kappeler A. *Mazepintsy, Malorossy, Khokhly: Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire* // Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian–Russian Encounter (1600–1945) / Ed. Andreas Kappeler et al. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 162–181.

149 Впрочем, автор «Топографического описания Харьковского наместничества», который для идентификации местных жителей использует более традиционную терминологию, называя их «украинцами», «украинскими обитателями», «жителями украинскими», употребляет термин «украинцы» не только в географическом, но и в этническом смысле слова.

150 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 973.

151 Каразин В.Н. *Сочинения, письма*... С. 485.

152 *«Руська трійця» в історії суспільно-політичного руху і культури України.* Київ, 1987. С. 110.

153 Лисяк-Рудницький І. *Історичні есе.* У 2 т. Київ, 1994. Т. 1. С. 425.

154 Мацузато К. *Ядро или периферия империи? Генерал-губернаторство или малороссийская идентичность* // Український гуманітар. огляд. Вип. 7. Київ, 2002. С. 69–82; Шандра В. *Вдячне слово до професора Мацузато, але все-таки – для чого ж створювалися генерал-губернаторства у Російській імперії? Відповідь на рецензію Кімітаки Мацузато* // Український гуманітар. огляд. Вип. 8. Київ, 2002. С. 159–164.

ГЛАВА 4. URBI, IMPERIO, NATIO: ХАРЬКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.

«Великие реформы» второй половины XIX в. открыли перед Российской империей новую историческую эпоху, начавшую очередной этап «революции сверху» и проходившую под влиянием идей модернизации, национализма и становления гражданского общества. Имперская элита столкнулась с новыми современными вызовами, на которые она оказалась не в состоянии ответить. В результате социокультурное пространство разношерстной державы стало быстро покрываться гигантскими трещинами, углублявшими противоречия между центром и периферией, городом и деревней, отдельными регионами, социальными группами, нациями и т.д. В конечном счете Российская империя оказалась буквально разорванной на части по линиям локальных, социальных и национальных разломов.

Концепция «славено-русского» православного народа, лежавшая в основании русской имперской (домодерной) идентичности, в свою очередь, все чаще сталкивалась с более современными идентичностями, развивавшимися на локальной и этнокультурной основах. Локальный дискурс, в частности, находил поддержку в проектах децентрализации Российской империи и выражался не только в реформах местного самоуправления (земского и городского), но и в моделях федеративного переустройства страны, концепциях местного патриотизма, развитии краеведческих изучений. Национальные дискурсы народов Российской империи формировались преимущественно на этнокультурной основе, взаимодействуя не только друг с другом, но и с домодерными конфессиональными и современными политическими формами идентичности. Грань между региональным и национальным в условиях преимущественно традицион-

ного общества, в котором находилось православное крестьянство, оставалась очень тонкой, а различия между ними – трудно различимыми.

Под влиянием процессов модернизации, децентрализации и распространения национализма происходила очередная реинтерпретация регионального дискурса Слобожанщины и ее центра – города Харькова, испытывавших возрастающее влияние накладывавшихся друг на друга национальных дискурсов – русского (домодерного и модерного) и украинского, а также регионального дискурса, формировавшегося на основе т.н. Южной России. О том, как повлияли названные процессы на символическую географию региона и города, каким образом локальный дискурс конструировался в новом историческом нарративе и отражался в городском ландшафте, – пойдет речь в данной главе.

Рождение мегаполиса

Отмена крепостного права, демократические реформы в Российской империи в середине – второй половине XIX в., индустриализация и бурное развитие капиталистической экономики, путей сообщения и образования дали ощутимый толчок процессам урбанизации, которые выдвинули Харьков в число наиболее крупных и динамично развивающихся городов страны[1]. Хотя в 1856 г. Харьков перестал быть столицей Малороссийского генерал-губернаторства, он по-прежнему оставался региональным административным, экономическим и культурным центром бывших пограничных территорий, охватывавших русское Центральное Черноземье, Слобожанщину, Малороссию, Новороссию, Причерноморье. Сфера деятельности многих возникавших в Харькове административных, экономических, научных и культурных учреждений по-прежнему выходила далеко за рамки Харьковской губернии.

Так, в 1867 г. Харьков стал административно-судебным центром не только «своей» губернии, но и Курской, Воронежской, Орловской, части Тамбовской и Екатеринославской губерний с населением до 7 млн чел.[2] В начале XX в. в состав округа Харьковской судебной палаты вошли, кроме того, Полтавская губерния и часть Таврической, а также Войско Донское, а общая численность населения края, «подведомственного» Харькову в судебном отношении, выросла до 17 млн чел.[3] Нетрудно заметить, что география Харьковского судебного округа в начале XX в. была вполне сопоставима с территорией Харьковского учебного округа столетней давности.

Процессы индустриализации, сопровождавшиеся, в частности, бурным железнодорожным строительством, способствовали еще большему усилению роли Харькова в качестве одного из крупнейших экономических и транспортных центров Российской империи. Так, Харьковский фабричный

округ в конце XIX в. – один из шести, на которые разделялась территория Российской империи, – охватывал, помимо Харьковской, также Воронежскую, Курскую, Орловскую, Пензенскую, Тамбовскую, Тульскую, Калужскую, Екатеринославскую, Бакинскую, Кутаисскую, Тифлисскую губернии, вместе с областями донского и черноморского казачества[4].

Бурному развитию города, вступавшему, кажется, в «золотой век» своей истории, способствовало активное строительство железных дорог, имевшее огромное значение для экономической интеграции украинских земель в общероссийский рынок[5]. 22 мая 1869 г. по новой Курско-Харьковско-Азовской (впоследствии Севастопольской) железной дороге к Харькову подошел первый поезд. Железные дороги, веером расходившиеся из Харькова к Сумам и Кременчугу (1871), Киеву и Ростову (1873), Севастополю (1875), – связывали город не только с центром империи, но и с Крымом и Причерноморьем. Характерно, что значительная часть железнодорожных магистралей, прорезавших Слобожанщину, совпадала со старинными степными шляхами.

Установив железнодорожную связь со всеми крупными регионами и городами Российской империи, Харьков превратился в один из крупнейших транспортных узлов страны, усилив традиционную для себя роль перевалочного пункта, посредника в сообщении центральных и южных губерний империи – словом, роль города-перекрестка, предвосхищенного В.Н. Каразиным. Построенный в Харькове в 1870 г. пассажирский вокзал, реконструированный в 1896–1901 гг., надолго превратился в местную достопримечательность, символ непрестанного прогресса и преуспевания города, поразив воображение многих проезжавших через него пассажиров.

«В Харькове, – простодушно делится своими впечатлениями путешественник начала XX в., – на меня произвело большое впечатление новое красивое здание вокзала, роскошной архитектуры. В зале первого класса двое больших стенных часов, поддерживаемых изваяниями муз, стены и потолки украшены изображением знаков зодиака, гербов Харьковской губ. и местных железных дорог. Обилие света, чистота и опрятность, громадные размеры здания оставляют большое впечатление»[6].

«В Харькове, – вторит ему более десяти лет спустя путешествующий по Украине священник Н. Николаев, – прежде всего поражает приезжего громаднейший вокзал, великолепный как снаружи, так и внутри его, с лепными и расписными потолками и стенами. Сотни народа выходят и прибывают, как живая лава. Да, такого вокзала мы не видали и в столицах, а харьковцы говорят, что подобного вокзала нет еще и в России»[7]. Кстати сказать, автор приведенных строк оказался не последним священником, поделившимся своими впечатлениями от харьковского вокзала: через каких-то 15 лет этим же путем проследует небезызвестный о. Федор – литературный персонаж авантюрного романа «12 стульев» одесситов Ильфа и Петрова.

Железнодорожное сообщение и удачное географическое расположение Харькова содействовали широкому притоку в город рабочей силы, товаров, финансовых инвестиций из России и европейских стран (в том числе из Бельгии, Франции, Германии), появлению здесь отделений крупных российских и зарубежных банков, которые контролировали почти 90% инвестиций в индустриальные предприятия Юга России[8]. Здесь располагались, в частности, филиалы Азовско-Донского, Волжско-Камского, Санкт-Петербургского международного банков, а также успешно конкурировавшие с ними местные – Купеческий и Земельный банки. Все они прочно впишутся в культурный ландшафт города.

В конце XIX – начале XX в. Харьков развивался как центр сельскохозяйственного и транспортного машиностроения, обработки металлов, легкой промышленности, следуя общей логике формирования рыночной, капиталистической экономики Российской империи. Черты современного индустриального центра Харьков стал приобретать ближе к концу XIX в., особенно после того, как вступил в строй промышленный гигант – Харьковский паровозный завод. На новых харьковских предприятиях заработки квалифицированных рабочих были одними из наивысших в Российской империи, уступая (и то не всегда) лишь новым столичным заводам и фабрикам. По уровню заработной платы в промышленном секторе экономики Харьков располагался ближе всего к новым индустриальным центрам Юга России[9].

Благодаря развитию промышленности Харьков получил возможность существенно расширить свои международные контакты. Здесь уже в начале 1890-х гг. открылось персидское консульство, через некоторое время повышенное в статусе до генерального, в 1900 г. – появилось французское вице-консульство, а в 1905 г. – германское консульство[10]; в годы Первой мировой войны в Харькове работали генеральные консульства Бельгии, Великобритании, США, Швеции, Италии, Персии – стран, особенно заинтересованных в продукции харьковских промышленных предприятий, выполнявших военные заказы.

Население Харькова увеличивалось в геометрической прогрессии, главным образом за счет приезжих. Так, в 1866 г. в Харькове проживало 60 788 чел., в 1879 г. – 102 049 чел., а в 1912 г. – уже 238 466 чел.[11] По численности своего населения Харьков уступал на территории Украины только Киеву и Одессе, с которыми его традиционно сравнивали начиная с XIX в., но при этом выдерживал сравнение со Львовом (почти 160 тыс. чел. в конце XIX в.). В пределах Российской империи Харьков занимал девятое место после Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева, Лодзи, Риги и Тифлиса; за пределами страны Харьков можно было сравнить по численности населения с такими городами, как Миннеаполис, Прага, Дели и Багдад[12].

Этническая структура населения Харькова в общих чертах отражала его преимущественно украинско-русский характер. Всероссийская перепись населения 1897 г., во время которой основным этнодифференцирующим признаком считался язык, показала, что в Харькове проживало 63,2% русских и 25,9% украинцев (все остальные, этнические группы вместе взятые, составляли 11,8% жителей города)[13]. Для сравнения можно отметить, что по такому показателю, как процентное отношение украинцев к другим этносам, Харьков превосходил все крупные города, располагавшиеся на территории современной Украины: в Киеве этнических украинцев насчитывалось в это же время немногим более 22%, во Львове – свыше 18% и в Одессе – менее 6%[14]. Исключением из этого ряда можно считать разве что Полтаву – единственный губернский город Российской империи, в котором этнические украинцы составляли больше половины населения[15].

Постоянный прирост русского населения в Харькове обеспечивался главным образом за счет миграции. Например, во второй половине XIX в. приезжие, преимущественно крестьяне, составляли около 45%, а в конце XIX в. – свыше 60%. Основной контингент переселенцев составляли этнические русские из соседней Курской, а также Орловской, Московской, Калужской губерний. Так, из каждых ста приехавших в город в конце XIX – начале XX в. украинцы составляли 16 чел., русские – 84 чел. По этому показателю Харьковская губерния намного опережала такие регионы, как Киевщина и Екатеринославщина[16]. Общее количество мигрантов из губерний Левобережной (Полтавская, Екатеринославская) и частично Правобережной (Киевская, Подольская) частей Украины в то же время было втрое меньше.

В Харькове на третьем месте по численности, после русских и украинцев, оказались евреи, получившие возможность более свободно селиться в городе после начала демократических реформ в Российской империи. Еврейское население Харькова во второй половине XIX в. увеличивалось намного более быстрыми темпами, чем общее число жителей города: в 1867 г., по данным А. Риттиха, в Харькове проживало 906 чел. евреев обоего пола, в 1879 г. – 5194 чел.[17], а по данным переписи 1897 г. – 9848 чел., или 5,7% населения города[18]. Из всех крупных городов Украины Харьков выглядел наименее еврейским, если сравнивать его с Киевом, где еврейское население составляло 12,1%, Львовом (около 30%) или Одессой (32,6%)[19].

Помимо русских, украинцев и евреев, в Харькове проживали также поляки и немцы. В конце XIX в. поляков насчитывалось 3969 чел. (до 3,3% населения города) и немцев – около 1,4% (2353 чел.)[20]. Численность других народов, среди которых можно было встретить выходцев из разных стран и регионов Европы и Азии (в частности, французов, армян, татар), в абсолютных цифрах была незначительной.

К сказанному выше остается добавить, что представители разных этносов, проживавших в Харькове, в социальной структуре города были представлены неравномерно. Этнические украинцы оказались в меньшинстве чуть ли не во всех сферах занятости, начиная от прислуги и извозчиков и заканчивая высококвалифицированными профессиями[21]. Чиновники, профессиональная и творческая интеллигенция, предприниматели, работники образования – состояли в основном из русских, а также – в меньшей степени – из немцев, евреев, поляков. В этом отношении Харьков не был исключением из других крупных городов, располагавшихся на этнической украинской территории, в которых украинцы оставались меньшинством, более привязанным к традиционному, чем к модерному обществу[22].

В соответствии с новыми тенденциями в социально-экономической жизни Российской империи, активно формировалось новое городское пространство Харькова. Его наиболее заметным символом стали, в частности, внушительные банковские сооружения в историческом центре города, занявшие всю площадь перед зданием Дворянского собрания. К местным, ставшим традиционными, русским купеческим династиям, увековеченным русским драматургом А. Островским, присоединились финансовые магнаты нового поколения – К. Алчевский и И. Вернадский, связанные с украинским национальным движением.

В Харькове появились новые кварталы: промышленные и рабочие – на окраинах, элитные – в центре и на примыкающих к нему улицах, трущобы – рядом с базарами... Настоящий промышленный и строительный бум Харьков пережил в короткий период между 1905 и 1914 гг., когда он, по словам современника, «из большого, но тихого купеческо-чиновнического города, жившего патриархальной жизнью отдельных небольших домовых хозяйств, превратился в настоящий современный большой город, с развитой деятельностью капитала, с большими заводами и мастерскими, с централизацией всей городской жизни, с крайними противоположностями экономического уровня и растущей борьбой за существование»[23].

Консолидации городского пространства способствовало появление новой инфраструктуры городского хозяйства и линий коммуникаций: водопровода (1881), конки (1882), телефонной связи (1888), трамвая (1906). Во второй половине XIX – начале XX в. Харьков еще более упрочил свою репутацию крупного научно-образовательного центра, когда к университету прибавились другие высшие учебные заведения – Ветеринарный (1873) и Технологический (1885) институты, а также средние специальные учебные заведения, всевозможные учебные курсы, просветительные учреждения.

Благодаря этому в городе неуклонно увеличивалось количество грамотных: если в 1866 г. их было около 36%, то в 1897 г. – свыше 52%[24]. Но в структуре грамотного населения города украинцы занимали последнее место.

Причины этого явления следует искать не только в репрессивной политике царского режима в украинском вопросе, о чем речь пойдет ниже, но и в образовательной политике правительства и православной церкви. Согласно статистике, православное население Харькова по своему образовательному уровню (около 50% грамотных) существенно уступало иудаистам, среди которых грамотных было около 67%, католикам (75%) и протестантам (89%)[25].

Еще одним признаком быстро формирующейся городской культурной среды можно считать появление всевозможных справочников, календарей, указателей, путеводителей по городу, очерчивавших и маркировавших его культурное пространство[26]. В конце XIX в. оказалось возможным создать даже стихотворный юмористический путеводитель по Харькову – свидетельство определенной зрелости локальной городской идентичности. Но, конечно же, более весомой заявкой Харькова на городской статус можно считать капитальную двухтомную «Историю города Харькова за 250 лет его существования», написанную Д.И. Багалеем и Д.П. Миллером и по своему масштабу не имевшую аналогов в Украине.

Наконец, новое публичное пространство Харькова создавала местная журналистика: газеты «Харьковские губернские ведомости», «Южный край», «Харьков», «Харьковский листок» и многие другие, включая специальные ведомственные издания, а также журналы разного профиля, в том числе юмористические[27]. Следует подчеркнуть, что, в отличие от таких русских городов, как Псков, Нижний Новгород, Оренбург, Иркутск, в которых безусловно доминировала столичная пресса[28], Харьков смог противопоставить московским и петербургским газетам собственное ежедневное периодическое издание – газету «Южный край», издававшуюся тиражом около 100 тыс. экземпляров и распространявшуюся далеко за пределами Харьковской губернии, по всей Южной России[29]. В этом отношении газета «Южный край» продолжала традиции харьковской журналистики начала XIX в.[30]

Означало ли развитие крупной промышленности, транспорта, коммуникаций и масс-медиа Харькова, превращавшегося в современный индустриальный город, дальнейшую интеграцию региона с имперским центром, вхождение города, наряду с другими городами и регионами Украины, в некое ядро Российской империи, как об этом говорит М. Хэмм[31]? Весьма вероятно, еще несколько десятилетий назад ответ на подобный вопрос не вызвал бы затруднений. Сегодня над ним сто́ит задуматься еще раз, поскольку новые тенденции в развитии экономической жизни Российской империи, непосредственно затрагивавшие Харьков, связывали город не только и не столько с центром, сколько с югом страны, способствуя тем самым сохранению и даже развитию в нем элементов новой региональной идентичности, проявившей себя уже в конце XVIII в.

Южная Россия: модернизация versus национализм?

Модернизация Российской империи «вписывала» Харьков и регион в бурно развивающееся экономическое пространство Юга России, формировавшееся со второй половины XVIII в. В начале XIX в. это пространство охватывало в основном территорию Харьковского учебного округа. Во второй половине XIX – начале XX в. к Югу России относились, помимо Харькова, такие города, как Киев и Севастополь[32], Екатеринослав, Мариуполь, Таганрог, Херсон, Николаев, Одесса, Ростов и некоторые другие городские центры, большинство которых входило в сферу интересов Съезда горнопромышленников Юга России, регулярно собиравшегося в Харькове. Начиная со второй половины XIX ст. Юг России уже осмысливается в качестве некой экономической целостности в трудах М. Яснопольского[33].

Железнодорожное строительство, о котором уже упоминалось выше, связывало Харьков как с центром, так и с югом Российской империи. А. Рибер показал, что за острыми дебатами, развернувшимися в Санкт-Петербурге в начале 1860-х гг. вокруг выбора направления железнодорожных путей сообщения, стояли не только сугубо экономические и военно-стратегические, но и национальные приоритеты, которые приобрели особое значение в связи с польским восстанием 1863 г., обострившим националистические настроения в среде имперской элиты[34].

Если, к примеру, Одесса в этих дискуссиях фигурировала в качестве «искусственного», космополитического города, созданного иностранцами на южной окраине империи, то Киев выступал в не менее традиционной для себя роли исторического и религиозного центра «славено-русского народа», бастионом на пути враждебного польского влияния[35]. Харьков, судя по всему, не занимал в это время какого-то определенного символического места на формирующейся национальной карте Российской империи, но местные элиты принимали активное участие в определении направления железнодорожного строительства, исходя, в первую очередь, из собственных региональных интересов.

Сказанное выше до некоторой степени можно проиллюстрировать относящейся к 1866 г. перепиской известного писателя, общественного деятеля и патриота Слобожанщины Г.П. Данилевского с уроженцем Харькова, а на тот момент жителем Одессы, композитором П.И. Сокальским. Последний, например, предостерегал Г.П. Данилевского от того, чтобы тот, агитируя за развитие железнодорожной линии из Харькова к Азовскому морю, не выступал против строительства Харьковско-Одесской железной дороги, поскольку это могло затронуть интересы соседней Новороссии и настро-

ить против Харькова новороссийско-бессарабского генерал-губернатора (П.Е. Коцебу): «Ваш путь ясен: хлопотать о Вашей (азовской) дороге и *не трогать* Харьковско-Одесской. На таком основании Вы встречаете в новороссийско-бессарабском генерал-губернаторе союзника и деятельного помощника... Вам, по правде говоря, решительно нет никакой надобности и никакого расчета – ругать Харьк[овско]-Одесс[кую] дорогу. Не ругайте ее, а защищайте свою, разъясняйте ее пользу, и вам поможет Новоросс[ийская] сторона; иначе Вы сами накликаете себе врага... Пишу Вам все сие совершенно серьезно и в видах блага для Харькова. Идите рука в руку с Новороссией, не топчите в грязь того, что Вас не касается, и Вы найдете здесь друзей»[36].

В конечном счете именно азовско-крымское направление, которое должно было связать центр и левобережные украинские губернии с портами Черного моря, одержало в правительственных кругах верх над юго-западным проектом, в котором центральные места отводились Киеву и Одессе. Экономическая целесообразность в этом случае взяла верх над идейно-националистическими соображениями, а Харьков выиграл борьбу за приоритетное строительство железной дороги к морю, в большей степени отвечавшей его интересам, чем направление на Одессу. Управление Южных железных дорог, разместившееся в Харькове, контролировало все пути сообщения, относившиеся к Курско-Харьковско-Севастопольской и Харьковско-Николаевской магистралям общей протяженностью почти 4 тыс. верст[37].

Позиционированию Харькова в динамично развивающемся индустриально-сырьевом регионе Юга России способствовало возникновение Донецко-Криворожского угольно-металлургического бассейна[38]. Административное управление этим регионом сосредоточивалось в Харькове. Здесь располагалась штаб-квартира Съезда горнопромышленников Юга России – организации, которая оказывала существенное влияние не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Российской империи. Съезд включал в себя предпринимателей, контролировавших одно из мощнейших монопольных объединений империи – Продамет, который возник в 1902 г. на базе пяти крупнейших металлургических заводов юга империи и объединял накануне Первой мировой войны около 90% всех металлургических предприятий страны[39]. Кроме того, в харьковских банках концентрировалось почти 90% капитала, инвестированного в индустриальные предприятия Юга России.

В конечном счете именно Харьков стал основным административным и финансовым центром для Донбасса, посредником в его связях с центральными районами и столицами России. В этом отношении Харьков приобрел бесспорное преимущество перед Екатеринославом, также претендовавшим на роль региональной «столицы Донбасса»[40]. При этом усиление экономи-

ческого влияния Харькова в обширном регионе, связывавшем центральные и южные области европейской части Российской империи, сопровождалось усилением южных компонентов его пространственной, географической идентификации.

В начале XX в. популярный путеводитель по Харькову представлял город в качестве экономического, культурного и образовательного центра «юга России»[41]. В Харькове действовали общественные организации, содержавшие в своих названиях южные маркеры: «Общество пособия горнорабочим Юга России», «Съезд горнопромышленников Юга России», «Южно-Русское общество акклиматизации», «Южно-русский автомобильный клуб», «Потребительское Общество Юга России»; здесь же печатались их издания – «Южно-русский горный листок» (1880–1887), «Известия Южно-русского общества технологов» (1896–1917), «Известия Южно-русского общества акклиматизации» (1901–1910), «Южно-русская сельскохозяйственная газета» (1895–1918), «Южно-русский потребитель» (1914–1917) и некоторые другие[42].

«Управление южных казенных железных дорог», также располагавшееся в Харькове, издавало в разное время периодические издания, также окрашенные южным колоритом: «Эхо южных дорог», «Южнодорожное эхо», «Вестник Южных железных дорог». «Юг» присутствует в названии крупнейшей харьковской газеты («Южный край») и постоянно повторяется в других, менее известных местных изданиях: «Южная жизнь» (1906), «Юг» (1910), «Южный голос» (1911), «Южная газета-копейка» (1914–1915)[43]. Основанный в Харькове в 1871 г. Технологический институт также определялся как южнорусский[44]. Большевики, основавшие в Харькове в 1901 г. отдел своей газеты «Искра», именовали его южным.

Разумеется, Харьков не был единственным региональным центром Юга России ни в XIX, ни в начале XX в. На эту роль могли претендовать еще как минимум три города, в каждом из которых обнаруживалась «южная» маркировка, причем в совершенно разных сферах культурной и общественно-политической жизни. Например, в Екатеринославе существовал Южнороссийский союз рабочих анархистов-коммунистов, издавалась (большевиками) газета «Южный рабочий»[45]; в Одессе в 1875 г. действовал Южнороссийский рабочий союз; в Киеве издавалась газета «Южный пролетарий»[46], но при этом Киев, входя в пространство Юга России, не переставал считаться столицей Юго-Западного края. Однако по сравнению со всеми другими городами региона Харьков имел бесспорное преимущество, располагаясь ближе всего к столицам империи. Именно Харьков встречал путешественников, направлявшихся к югу из центра России.

В этой связи можно привести свидетельство И.А. Бунина, приехавшего сюда из Орла: по приезде в город начинающий писатель нашел здесь именно

то, что ожидал увидеть: «...первое, что поразило меня в Харькове: мягкость воздуха и то, что света в нем было больше, чем у нас. […] ...оглянулся вокруг и сразу почувствовал во всем что-то не совсем наше, более мягкое и светлое, даже как-будто весеннее... Солнца не было, но света было много, больше, во всяком случае, чем полагалось для декабря, и его теплое присутствие за облаками обещало что-то очень хорошее. И все было мягче в этом свете и воздухе...»[47]

Сказанное выше позволяет поставить вопрос о формировании во второй половине XIX – начале XX в. особой региональной идентичности, развивавшейся на территориально-экономической основе в процессе интенсивной модернизации южной степной окраины Российской империи. Это пространство охватывало, помимо Харьковщины (об этом подробнее будет сказано ниже), также Донбасс, Новороссию и Северное Причерноморье.

В конце XIX – начале XX в. региональная идентичность Юга России обнаруживала тенденцию к институционализации, особенно наглядно проявившей себя в деятельности Съезда горнопромышленников Юга России,о котором речь шла выше. Кроме того, отдельные структурные элементы культурной идентичности региона можно видеть в местной периодике, краеведческих музеях, научно-исследовательских и просветительских обществах, местных архивах.

С обострением политической ситуации в Российской империи в начале XX в. формировавшаяся в это время идентичность региона Южной России обнаружила тенденцию к политизации. Во время революции 1905 г. в Одессе возникла идея создания Южнорусской или Черноморской республики, которая включала бы в себя юг современной Украины, Крым, а также Волынь и Подолье[48]. Харьковский исследователь И.Л. Михайлин полагает, что Съезд горнопромышленников Юга России еще ранее, в 1903 г., провозгласил идею отделения от России и создания Черноморской республики со столицей в Харькове[49].

Хотя утверждение харьковского автора и нуждается в доказательстве, тенденция к возрастанию экономической и политической самостоятельности отдельных регионов Российской империи в начале XX ст. не вызывает сомнений. Но, поскольку регион Юга России был лишен единого географического и культурного центра, а также четко выраженных административных границ, его институционализация и политизация не нашли идеологического обоснования, подобного, например, сибирскому областничеству. Но само возникновение целостного представления о Южной России, популяризация этого географического образа создавали новое пространственное и символическое измерение слободской локальной идентичности, выводя ее из привычной двухполюсной системы координат по линии «Великороссия – Малороссия».

Малороссия: ядро или периферия?

Южное измерение региональной идентичности Харькова и региона, развивавшееся в процессе модернизации на экономико-географической основе, лишь частично соотносилось с другим, более традиционным типом южной идентификации, который имел преимущественно историко-этнокультурный характер, сформировался на «малороссийской» основе и продолжал в конце XIX – начале XX в. давний спор «южан и северян об их россизме»[50]. «Южнорусская» терминология в Российской империи употреблялась по отношению к Малороссии и всему малороссийскому гораздо чаще, чем украинская. Но, как и прежде, граница между региональным и этнокультурным содержанием этой терминологии оставалась «прозрачной» и не всегда определенной.

Колебания между территориальным и этническим вариантами идентификации данного региона заметны в программной статье украинского журнала «Основа», издававшегося в Санкт-Петербурге в 1861–1862 гг.: «Край, изучению которого будет посвящена “Основа”, обитаем преимущественно южно-русским народом. Хотя в Бессарабии, Крыму и земле Войска Донского преобладающее население не южно-русское, но мы включаем и эти области в круг нашего изучения как потому, что они не имеют еще своих печатных органов, так и потому, что они находятся в непосредственной, промышленной и торговой, связи с прочими южно-русскими землями»[51].

Издатели журнала «Основа» чаще всего употребляли «южнорусскую» лексику в одном синонимическом ряду с «малороссийской». Н. Костомаров описывал украинскую историю под видом Южной Руси; эту же традицию продолжали русский историк Украины А. Ефименко и польский историк А. Яблоновский. Т. Шевченко назвал опубликованный им в 1861 г. букварь украинского языка «южнорусским». Министр внутренних дел Российской империи П. Валуев отождествлял «малороссийское наречие» с «южнорусским диалектом». Нет никакого сомнения в том, что во всех перечисленных случаях «южнорусская» терминология выступала в этнокультурном контексте, не совпадающем по территории с Южной Россией (о которой шла речь в предыдущем параграфе), но выходящем за административно-территориальные рамки Малороссии и Слобожанщины.

В связи с этим было бы интересно проследить, как развивался процесс интеллектуального освоения «южнорусского» географического и исторического пространства украинскими интеллектуалами и как возникновение и развитие региона Юга России, в свою очередь, влияло на представления об украинской национальной территории и истории. Эта проблема в настоящее время лишь начинает вырисовываться перед исследователями в каче-

стве самостоятельной, поэтому в данной главе о ней будет сказано лишь в нескольких словах.

О том, что представители малороссийской региональной элиты еще в конце XVIII – начале XIX в. выступали за возвращение бывших запорожских земель в состав Малороссии, упоминалось в предыдущей главе. В историко-географических представлениях нового поколения украинских интеллектуалов, в том числе Г. Андрузского, М. Драгоманова, частично – М. Грушевского, эти земли выступают в качестве целостного региона, чаще всего под названием Черноморья[52]. Но уже в политической программе Украинской народной партии 1905 г. южные земли представлены не только Черноморьем, но и Запорожьем и Кубанью[53]. Пройдет еще немного времени – и представления об украинской территории и нации соединятся, а регион Южной России приобретет в украинской традиции имя Южной Украины.

Можно предположить, что «южнорусская» терминология, о которой речь шла выше, способствовала расширению представлений о национальном пространстве Украины, выходящем за границы исторически сложившихся регионов Малороссии, Слобожанщины и Запорожья. Не случайно П.А. Кулиш, издавая в 1856 г. свои «Записки о Южной Руси», говорил о Киеве, Харькове и Одессе как о южнорусских городах[54], причем исходил явно не из прежней интеллектуальной традиции, поскольку два последних города в его время еще не включались в воображенную территорию Киевской Руси и Гетманата. Эти же три города фигурируют в качестве административных столиц соответствующих областей в проекте федеративного переустройства Российской империи, предложенного М.П. Драгомановым[55]. Таким образом, Киев, Харьков и Одесса – три крупнейших и наиболее развитых города российской части Украины – обозначали собой новое национальное пространство Украины, активно формировавшееся в конце XIX – начале XX в.

Вписыванию южнорусской территории в украинский национальный нарратив во многом способствовал писатель, патриот Слобожанщины, местный уроженец Г.П. Данилевский, проживавший в своем имении в селе Пришиб современного Балаклейского района Харьковской области. В 1850-х – начале 1860-х гг. Г.П. Данилевский фактически продолжил местную линию творчества Г.Ф. Квитки, обратившись в своем творчестве к сюжетам из истории слободского степного пограничья («Слобожане», 1853; «Из Украины», 1860; «Беглые в Новороссии», 1862, и др.), а также к изучению и популяризации слободского историко-культурного наследия преимущественно первой половины XIX в. («Основьяненко», 1856, и, в особенности, «Украинская старина», 1866[56]).

Локальный «украинский» патриотизм Г.П. Данилевского включал в себя не только малороссийскую и слободскую, но и «степную» региональную составляющую. Писатель шел по пути сближения понятий «Украина» и

«Южная Россия», стирая условную границу между регионами при помощи этнотопонима «украинцы», которых писатель наделял эпитетом «наши» и отводил им для проживания территорию «по всей степи, от Чернигова до Крыма и от Харькова до Запорожья»[57].

При этом писатель сознательно переносил акценты, разделявшие жителей двух регионов – старого и нового, – с этнокультурных компонентов на социальные. В этом отношении привлекает внимание его очерк «Пенсильванцы и каролинцы», в котором «каролинцам» – «мрачным патриотам», казакофилам и традиционалистам – противопоставлены «пенсильванцы» – прогрессивные и предприимчивые колонисты, чуждые всякого консерватизма, живые и бойкие, оборотистые практики, напоминающие автору американских фермеров и предпринимателей и выведенные в его очерке под именем «степных янки»[58].

Взгляды Г.П. Данилевского, видевшего в «смешении сословий и народов» на «степной украйне» фактор прогрессивного развития общества по американскому типу и ожидавшего появления в среде «степных янки» будущих Вашингтонов, не остались без влияния на местную историографическую традицию. Во всяком случае, они оказали определенное влияние на выдающегося украинского историка и общественного деятеля Д.И. Багалея. Анализ творческого наследия этого ученого[59] позволяет утверждать, что Д.И. Багалей, подобно своему предшественнику, стремился «стереть» границы между Слобожанщиной и Южной Россией, соединяя два преимущественно украинских в этническом отношении региона в едином историческом национальном нарративе при помощи концепций колонизациии, народнической парадигмы и дискурса модернизации[60]. Об интерпретации Д.И. Багалеем истории Слобожанщины речь пойдет в следующем параграфе данной главы.

Невзирая на популярность «южнорусского» дискурса, в украинской историографии ни «южнорусская», ни «украинская» терминология не вытеснили из употребления «малороссийскую». Вследствие этого Харьков мог одновременно относиться к двум накладывавшимся друг на друга региональным дискурсам Южной России: экономико-географическому, о котором упоминалось в предыдущем параграфе, и к национальному украинскому, еще окончательно не отделившемуся от «южнорусского» и «малороссийского».

На административных картах и в географических описаниях Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Харьков относится к Малороссии, наряду с Полтавой и Черниговом[61]. То же самое можно видеть на этнографических картах Украины, появившихся во второй половине XIX в. во Львове: на них восточная граница Украины проведена по внешним границам Харьковской и Екатеринославской губерний[62]. В иллюстративном

описании Российской империи, изданном в США в середине XIX в., Харьковская губерния также включена в малороссийское географическое и административное пространство[63].

Русские и иностранные путешественники, проезжавшие через Харьков в конце XIX – начале XX в., в свою очередь относили Харьковщину к Малороссии, как это делали и их многочисленные предшественники в конце XVIII – первой половине XIX в.[64] Например, англичанка Аннетт Микин описывает Харьковщину при помощи узнаваемых «малороссийских» стереотипов – унаследованных ею от просветительской «путешественной» традиции, – включая такие отличительные признаки Малороссии, как чистые и опрятные хаты, поэтичность их жителей, близость малороссиян к славянским «истокам», что якобы отличает их от русских, и т.п.[65]

Наличие множественности определений одной и той же территории и отождествлявшегося с нею «коренного» населения само по себе позволяет говорить о невыработанности национального канона в «донациональной» Российской империи. В этом отношении украинские интеллектуалы конца XIX в., оперировавшие представлениями о некой этнокультурной, исторической и экономической целостности под названием «Украина», были далеки от окончательного определения ее границ[66]. Возникновение и развитие региональных и национальных компонентов идентичности не отменяло существовавших в то время представлений о православно-славянской «русскости», хотя эти последние и испытывали на себе возраставшее влияние более современных представлений о нации – как украинской, так и русской.

Харьков: российский или русский?

В политике имперского правительства по мере усвоения им национальных идей во второй половине XIX – начале XX в. все более явственно звучали русские националистические нотки. Русское общественное мнение, в свою очередь, обращало все больше внимания на различия между империей с ее этническим многообразием и русским ядром[67]. Границы последнего, однако, продолжали оставаться размытыми и неопределенными. Среди русских интеллектуалов по-прежнему не было единства по вопросу о Малороссии – должна ли она входить в русский heartland или же выводиться за его пределы. Среди интеллектуалов, относящих себя к малороссам и южноруссам, в этом вопросе было гораздо меньше колебаний и сомнений: все они, демонстрируя свою региональную этнокультурную идентичность, одновременно претендовали на то, чтобы считаться более «русскими», чем сами этнические русские.

Сторонники более современных концепций национального развития: русские адепты «большой» русской нации, выступавшие за слияние мало-

россов и белороссов с великороссами, отделявшиеся от «славено-русского народа, адепты «малой», этнокультурной русской нации, а также авторы и участники проекта украинской нации, требовавшие отделения от России, – все еще находились в меньшинстве по сравнению с носителями досекулярных представлений о религиозной культурно-исторической общности – «славено-русском народе». То же самое можно сказать и о носителях просветительской культурной традиции, сложившейся на основе русского языка и западных демократических ценностей. Эта традиция, присущая в основном представителям западнически ориентированной интеллигенции, не только дистанцировалась от национализма, но в определенной степени стремилась подняться над ним.

Русское правительство и русское общество, проникаясь национальными идеями, демонстрировали единство в своем отношении к возникавшей на их глазах Украине: украинцы, в отличие от малороссов, стали подвергаться полицейским преследованиям, а украинский литературный язык – почти полному запрету и подавлению[68]. Д. Сондерс и, вслед за ним, Дж. Хоскинг объясняют эту политику сугубо прагматическими, рациональными соображениями, связанными с опасениями русских остаться (без украинцев) в меньшинстве среди других народов империи[69]. На мой взгляд, в этом случае следует учесть также и иррациональный фактор, связанный с сакрализованным пониманием «русскости» в духе домодерных представлений о «славено-русском народе», на целостность которого и замахивались украинцы, инспирируемые, разумеется, исконными врагами православия...

Русский официальный национализм в своей ортодоксальности так и не вышел за пределы православно-славянской «оболочки», в результате чего категория национальности оказалась слабо оформленной[70], что, в конечном счете, внесло свою лепту в процесс развала Российской империи. Хотя составные части доктрины «самодержавия, православия, народности» и двигались в направлении к слиянию друг с другом, но между ними все еще оставалось достаточно места для местных оттенков и вариантов «русскости» и «славянскости», в том числе великорусского, малорусского и белорусского компонентов последней, по-прежнему находившихся между собой, по мнению многих русских интеллектуалов, в состоянии «неслитности и нераздельности». Это касалось как этнических русских, так и украинцев, и белорусов. Напомню, что лишь в начале XX в. украинский историк М.С. Грушевский вынес на обсуждение российской общественности новую, национальную схему истории православного славянства, которая, однако, не нашла поддержки в русской интеллектуальной среде.

«Народность» в не подверженной тлению доктрине С. Уварова в это время еще не стала равнозначной «нации», а эта последняя оказывалась тождественной все той же православной «русскости». Товарищ министра

народного просвещения при императоре Александре III, князь М.С. Волконский, пытаясь определить критерии принадлежности к «русской народности», не смог найти ничего лучшего, чем заявить: «Только православный считался истинно русским, и только русский мог быть истинно православным»[71]. Эти слова лишний раз подтверждают вывод Т. Уикса о неспособности тогдашней русской имперской элиты разобраться с национальностью как интеллектуальной и политической категорией и выйти в ее понимании за рамки религиозных представлений[72].

Если, подобно представителям высшей имперской бюрократии, считать православие залогом русскости, то Харьков в православном символическом пространстве практически ничем не отличался от крупных городов Центральной России. В то же время, он существенно отличался, например, от Одессы или городов правобережной Украины, которые с точки зрения центра все-таки считались окраинными и потому таили в себе угрозу для имперской православной идентичности[73]. В Харькове, надо полагать, этой последней ничто не угрожало. Когда известный своей политической активностью архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий) получил назначение в Харьков, в волынской прессе это расценивалось как переход архипастыря из «волынской окраины в центр России»[74], чем-то напоминавший отъезд в тыл с передовой линии фронта.

Правда, местное харьковское духовенство тоже не почивало на лаврах, будучи озабочено распространением на Харьковщине различного рода религиозных сект[75] или, к примеру, деятельностью толстовцев; поэтому оно считало необходимым разворачивать здесь активную миссионерскую деятельность. Нельзя отрицать и того, что православные священники повсеместно втягивались в политическую жизнь на службе правительства и пытались бороться с левыми партиями и идеологиями, переходя тем самым границы социальной церковной идентичности, но в целом на символической карте империи Харьков, безусловно, принадлежал к культурному ядру православной России.

Имперско-православная символика во многом определяла городское культурное пространство Харькова, заполняя его храмами неорусско-византийского стиля, публичными ритуалами многочисленных официальных праздников – церковных и светских, всевозможных массовых церемоний по случаю исторических юбилеев славянской письменности (1885)[76], крещения Руси (1888)[77], именами членов императорской фамилии и связанными с ними событиями.

Ощутимый след в истории города оставила катастрофа царского поезда в 1888 г. под Борками, неподалеку от Харькова, во время которой император остался жив, хоть и получил травмы разной степени тяжести. Православная церковь поспешила придать этому инциденту видимость чуда. На

месте крушения поезда была возведена часовня, для сооружения которой в Харькове за два неполных года собрали около ста тысяч рублей пожертвований – почти столько же, сколько дворянство всей Слободско-Украинской губернии планировало определить на основание в городе кадетского корпуса в конце XVIII – начале XIX в.

Тема чудесного спасения императора под Борками хотя и не достигла уровня популярности сусанинского сюжета в официальной идеологии, тем не менее сделала Харьков более заметным на символической карте православной России, отразившись и в культурной жизни города. Этой теме сын В. Каразина – художник Н. Каразин посвятил эпическое полотно, местный фотограф А. Федецкий – альбом фотографий, торжественно поднесенный им королю Дании Христиану[78], а харьковское духовенство – серебряный колокол, специально отлитый по этому поводу и установленный на колокольне Успенского собора[79].

Если, как упоминалось выше, Харьков мог считаться частью православного домодерного heartland'а Российской империи, то в политическом отношении он оставался, как и в начале XIX в., одной из окраин страны. Сюда высылались из центральных губерний России и столиц политически неблагонадежные элементы, в частности социал-демократы, такие, как Н.И. Махов – лидер «Социал-демократического союза русских ремесленников», высланный в Харьков из Иваново-Вознесенска[80], А. Спицын и Н. Крумзе – члены санкт-петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», прибывшие в Харьков в 1896 г.[81], или Ф.А. Лыпкин, также принудительно отправленный в Харьков из столицы империи и основавший здесь социал-демократический кружок[82].

По мере того как имперский православный дискурс ощущал растущее влияние политического радикализма, он, в свою очередь, становился все более воинствующим. В начале XX в. Харьков стал ареной деятельности русских националистических организаций: Русского собрания и Союза русского народа[83]. Руководителями харьковских черносотенцев выступили профессора Харьковского университета, и в частности А.С. Вязигин, развернувшие активную пропаганду своих идей в периодических изданиях («Мирный труд», «Глас народа», «Черная сотня» и др.). В начале 1907 г. численность формальных членов Союза русского народа в Харькове достигла почти 4 тыс. чел., а по губернии в целом их насчитывалось порядка 12 тыс. чел.[84]

Однако эти цифры не должны вводить в заблуждение. Активных участников движения в городе было немногим более ста человек. Русские националисты в Харькове, как и в других городах империи, находили опору преимущественно в царской бюрократии и православной церкви. Но они вряд ли могли рассчитывать на массовую поддержку в относительно модернизированном пространстве университетского города, лишенного такого

сильного раздражителя для одурманенной толпы, каким оставались места компактного проживания неассимилированных евреев в других регионах Украины.

Разумеется, можно было, в духе официальной политики, поменять название городского сада «Бавария» на «Славянский» или сменить название улицы Немецкой на Пушкинскую, как это произошло в Харькове в конце XIX в. Можно было обеспечить победу черносотенцам – крупным помещикам, крестьянам и православным священникам – в III Государственную Думу по Харьковской губернии, как это случилось в 1907 г.[85] Но при этом надо учитывать, что даже черносотенцы имели в Харькове репутацию «культурников»[86]. Они избегали вооруженных конфликтов со своими оппонентами, предпочитая оставаться в рамках устной или печатной полемики. Харьков не стал, в отличие, например, от Екатеринослава или Одессы, ареной кровавых еврейских погромов или межнациональных конфликтов.

Наиболее заметные для местного населения «чужие» – немцы и евреи – оказывались достаточно интегрированными в культурное пространство города. Они были представлены прежде всего научной, культурной и предпринимательской элитой, а не мелкими торговцами и ремесленниками, непосредственно соприкасавшимися с полудеревенским люмпеном. Сионистское движение, зародившееся в Харькове в начале 1880-х гг., было обязано своим появлением местному студенчеству и не имело здесь радикального характера. То же самое можно сказать и о польской интеллигенции Харькова[87].

Помимо конфессиональных, имперских и антизападнических компонентов, дискурс русского национализма в Харькове содержал в себе этнокультурную, т.н. великорусскую, составляющую. Эта последняя определялась, главным образом, своим отношением к украинской культуре и языку. Современники уже в 1860-е гг. различали, например, «славянофилов», работавших в Харькове «во имя национальности великорусской», и «украинофилов», действовавших «во имя национальности малорусской»[88]. Эти последние численно преобладали над «славянофилами».

Х.Д. Алчевская вспоминала о существовании в Харькове, наряду с украинским, великорусского кружка во главе с неким Юрьевым и говорила об определенном соперничестве между ними; участники обоих кружков организовали хоровые выступления для концерта-состязания, на котором публика сдержанно отнеслась к украинцам и на «бис» встретила выступление русского хора[89]. К сожалению, Х.Д. Алчевская не упомянула о том, кто был слушателями и судьями на этом концерте, и ничего не сказала о программе и составе «великорусского кружка». Впрочем, скудость сведений о нем сама по себе довольно показательна. Судя по всему, великорусский этнофольклоризм в Харькове, несмотря на свои хоровые успехи, уступал в

популярности «общерусской» светской культуре, располагавшейся ближе к политическому, чем к этнокультурному варианту национального строительства. Носителями этого типа культуры выступали преимущественно либерально-демократические средние городские слои, имевшие наибольшее влияние в органах местного самоуправления[90], в общественных организациях, кооперативах, высших учебных заведениях, профсоюзном, женском, рабочем и студенческом движении. Именно благодаря их влиянию местная политика была, по мнению М. Хэмма, относительно свободной от широкомасштабных национальных конфликтов и одиозных личностей[91].

Многие деятели украинской национальной культуры, особенно представители поколения 1850–1860-х гг. – т.н. культурники, принимали активное участие в общероссийских политических партиях, в том числе кадетов и эсеров, придавая их местным организациям ощутимый привкус федерализма. Многие деятели польского и даже еврейского национального движения встречали в Харькове гораздо более толерантное к себе отношение, чем в окраинных городах – бастионах имперского национализма. Даже представители имперской администрации в Харькове во второй половине XIX в. гораздо спокойнее относились к украинскому национальному движению, чем их коллеги в Киеве.

Вопрос о том, считать ли эту толерантность следствием демократических традиций местного общества, способного успешно преодолевать крайности национализма, как о том пишут некоторые современные авторы вслед за И. Лысяком-Рудницким[92], или же индифферентностью к национальному вопросу в его современном виде, вызванной замедленным и относительно слабым влиянием национальных идей на городские слои Харькова, – этот вопрос остается открытым, а поиски ответа на него выходят за рамки данного исследования....

Украинско-русское пограничье

Проблема русификации этнических украинцев Слобожанщины начинала осмысливаться уже в конце XVIII – начале XIX в., о чем упоминалось в предыдущей главе. В восприятии современников украинские жители Харькова в середине XIX в. приобрели устойчивую репутацию «перевертнів» – смешанного в этническом отношении типа населения, отличавшегося как от «чистых» украинцев-малороссов, так и от «чистых» русских-великороссов. Русский славянофил И.С. Аксаков, посетивший Харьков в 1854 г., отметил: народонаселение города – «сбродное, городское, цивилизованное, испорченные малоруссы, испорченные великоруссы...»[93]. Подобные описания и самоописания жителей украинско-русского пограничья были распространены в рассматриваемый здесь период истории города и региона.

«Население Харькова, – писал в 1856 г. современник И. Аксакова, – составляет смесь русского и малороссийского племен. Дворяне и чиновники наполовину из того и другого племени; купцы почти все русские и при том старшие в семействах или сами, или не далее как их отцы выселились сюда из губерний великороссийских, преимущественно Калужской, Тульской и Московской; половина мещан русские и из одних с купцами губерний; напротив, из цеховых и крестьян 4/5 малороссияне. Посему если принять население в целом составе и обратить внимание на нравы, обычаи и преимущественно язык харьковцев, то окажется, что ни один из главнейших элементов, ни русский, ни малороссийский, не есть здесь отличительный, господствующий, а в отношении языка представится та еще особенность, что как наречие здешних малороссиян не есть настоящее этого племени, так не может быть названо чистым, правильным наречие здешних русских»[94].

В вышеприведенных свидетельствах о специфике украинско-русского этнокультурного пограничья вряд ли можно обнаружить что-либо принципиально новое по сравнению с распространенными еще в первой половине XIX в. представлениями о русификации Слобожанщины. Эти высказывания – дополнительное свидетельство односторонности подобных мнений. За новыми волнами российских переселенцев как-то не всегда был заметен тот факт, что процесс аккультурации в Харькове оказывался двусторонним и многосторонним (если принять во внимание и другие этнические группы); при этом русские также испытывали определенное влияние со стороны украинцев и воспринимали определенные черты бытовой культуры местного населения.

Историки Д. Багалей и Д. Миллер, размышляя о причинах «обрусения» Харькова в XIX в. в категориях этнокультурных и социально-экономических (постоянный приток русского населения, малые способности «малоросса», по сравнению с «великороссом», к предпринимательству и торговле, отсутствие привычки к городской жизни у слобожан и др.), тем не менее оперировали при этом терминологией «всероссийской» культуры, полагая, что именно этот тип культуры (а не «великорусский») продуцировали учебные заведения города и что именно «всероссийская», а не русская этническая культура «настигала и покоряла туземцев»[95].

Харьковские «перевертні» представляли т.н. коренное население Харькова: усвоить некоторые признаки культуры своих ближайших соседей и передать им часть своих собственных было невозможно за короткое время. Но при этом жители города уже обладали некой общей локальной идентичностью. В этом можно убедиться, познакомившись с тем, как реагировали харьковчане на приток десятков тысяч мигрантов, прибывавших в город на рубеже XIX–XX вв. из разных губерний и регионов империи: «Под влиянием нескончаемых колебаний прилива и отлива, – жаловался харьковский

“Статистический листок” в 1884 г., – неподвижные аборигены, создавшие когда-то город… вытесняются отовсюду. Город остается без преданий, он обращается в караван-сарай на торной дороге, в место для нотариальных сделок, для врачебной помощи в колоссальных размерах, для всякого сброда – для отыскания правосудия… для всякого рода спекуляций… Население, для которого самый Харьков был бы дорог, постоянно редеет»[96].

Спустя два с небольшим десятилетия харьковские историки Д. Багалей и Д. Миллер высказывали опасение по поводу того, что «некультурные элементы, проникая в большом количестве, несомненно, должны будут разредить культурный слой горожан и внести с собою в город свою деревенскую первобытность, а это неминуемо должно отразиться и на жилищах, и на образе жизни и нравах, и на городском благоустройстве, особенно если пришельцам будет предоставлена возможность не только посредственно, но и непосредственно влиять на него. Конечно, ассимилировать культурного горожанина они будут не в состоянии, но зато тем резче скажется различие между ними, и тем больше будет места для классовой борьбы и классовой неприязни»[97].

Обе цитаты, как видим, воспроизводят т.н. нативистскую реакцию горожан на прибытие к ним иногородней и деревенской публики. Эта реакция, пронизанная опасениями потерять исторические традиции и городскую культурную среду, не содержит в себе призывов к объединению «своих» против «чужих» и тем более к тому, чтобы воспрепятствовать прибытию в город новых мигрантов. Масса приезжих, основную часть которых составляли выходцы из собственно русских центральных губерний, определяется авторами приведенных высказываний преимущественно по социокультурным, а не по этническим признакам.

Что касается образа «чужого», то основными критериями для его создания в массовом сознании оставались традиционные религиозные и этнические стереотипы, характерные для домодерной эпохи. Во второй половине XIX в. националистически настроенные местные жители поднимали тревогу по поводу «завоевания» Харькова вначале евреями[98], впоследствии – немцами[99], а в начале XX в., и особенно в годы Первой мировой войны, к ним присоединили и украинцев. Но в целом Харьков, как уже говорилось выше, избежал крайностей модерного национализма во всех его проявлениях.

На уровне региона процессы аккультурации и национализации сельского населения развивались, конечно же, не столь интенсивно, как в Харькове. По Харьковской губернии соотношение этнических русских и украинцев оказывалось в обратной пропорции по отношению к губернскому центру: 80,6% и 17,7% соответственно[100]. Накануне Первой мировой войны это соотношение еще больше изменилось в пользу украинцев (почти 86% и 13% соответственно)[101]. На практике это означало лишь углубление разрыва

между городом и провинцией: украинские крестьяне предпочитали переселяться в другие регионы Российской империи, в первую очередь на Северный Кавказ, Дальний Восток и в Сибирь[102], но не идти в Харьков; при этом харьковские украинцы в конце XIX – начале XX в. выселялись из центра на окраины города, уступая место более предприимчивым выходцам из других регионов Российской империи[103].

Разрыв между губернским центром и провинцией по уровню грамотности выглядит на Харьковщине не менее впечатляющим: если в самом Харькове в конце XIX в. читать и писать умело более половины населения, то в губернии – почти в три раза меньше (16,85%)[104]. По этому показателю Харьковская губерния существенно уступала Екатеринославской (21,5% грамотного населения), Херсонской (25,9%) и Таврической (27,9%) губерниям, оставляя позади себя лишь Подолье[105]. Немудрено, что в то время как в Харьковском университете работали ученые с мировым именем, в Харьковской губернии местные жители занимались охотой на ведьм...

В этом конкрентном случае низкий культурный и образовательный уровень сельского населения Харьковской губернии можно считать основным препятствием на пути его русификации. Тем не менее под воздействием модернизации и городской культуры взаимное влияние этнических русских и украинцев на территории края становилось более заметным. Во всяком случае, об этом свидетельствуют современники начала XX в.

Профессор Харьковского университета А.Н. Краснов, путешествовавший по Харьковщине в 1902 г., отмечая безусловную близость и родственность «малороссов» Харьковщины и Полтавщины, вместе с тем, подчеркивал взаимное влияние русских и украинцев на территории края: «Традиционная вражда между хохлами и москалями – коренное различие их бытовых устоев в Харьковщине – начинает смягчаться, хотя еще и далеко не вполне. Но, во всяком случае, эти совсем разные народы начинают оказывать обоюдное влияние»: русские – употреблять «хохлацкое наречие», а «хохлы» – носить русскую одежду, и обе стороны – чаще вступать в брак между собой[106].

Наряду с традиционными уже утверждениями о жителях Харьковщины как смешанном в этнокультурном отношении населении региона на границе Украины и России, во второй половине XIX в. предпринимались попытки иной этнокультурной идентификации слобожан, выходящей за рамки украинско-русского дуализма. Именно так можно интерпретировать этнографический очерк Харьковской губернии А. Риттиха, опубликованный в 1880 г. Его автор подчеркивает, что Харьковская губерния – «вполне русская, православная», но при этом отмечает, что по своему языку, характеру, образу жизни, «складу» и «понятиям» местное население, отличающееся как от великороссов, так и от малороссов, представляет собой этнографический

тип, общий с тем, который преобладает в Новороссийском крае[107]. Впрочем, это «новое явление» автор считал еще не сложившимся, поэтому и не смог отнести Харьковщину к какому-то определенному этнографическому району. К подобным же выводам пришел и другой этнограф Слобожанщины П.В. Иванов, изучавший жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии[108].

Можно предположить, что и А. Риттиху, и П.В. Иванову явно не хватило имевшегося в их распоряжении теоретического арсенала, чтобы концептуализировать свои наблюдения в рамках то ли формировавшейся региональной идентичности Юга России, в дополнение к уже существовавшим ее пространственно-географическому и экономическому измерениям, то ли украинской этнокультурной идентичности, то ли особой пограничной идентичности населения Харьковщины. Во всяком случае, можно предположить, что среди местного сельского населения в это время преобладали различные локальные варианты домодерной, «славено-русской» православной идентификации, включавшей в себя малорусскую, но не сводившейся ни к ней, ни к другим, по выражению П.-Р. Магочи, «низшим» формам идентичности[109].

Украинский проект: национализм versus модернизация?

Превращение Харькова в город современного, индустриального типа, консолидация городского социокультурного пространства создавали благоприятную среду для рецепции и распространения в местном обществе идей и представлений модерного национализма, хотя и ограниченного, в основном, социокультурным пространством модернизированных анклавов общества. Украинский национальный дискурс в Харькове развивался преимущественно в интеллектуальной среде, связанной с местным университетом[110]. Его представителями стали выходцы из разных исторических регионов Украины, в первую очередь Слобожанщины, бывшего Гетманата и Южной России. Они и образовали в Харькове украинскую нелегальную громаду[111], ознаменовавшую свое существование инициативами по изданию литературы «для народа» на украинском языке, связями с духовными лидерами украинского национального движения – Т. Шевченко, Н. Костомаровым, П. Кулишом, дискуссиями об украинской литературе.

Украинское национальное движение в Харькове во второй половине XIX в. базировалось главным образом на двух идейных основах: этнокультурной, выдвигавшей на первый план украинский язык в качестве средства национальной идентификации, и социальной, народнической, делавшей основной упор на развитие просвещения т.н. народа, главным образом крестьянства. Харьковские украинские националисты были культурниками и

народниками – с присущей и тем, и другим этнолингвистической самоидентификацией, – действовавшими в преимущественно русскоязычном индустриальном городе, но ориентировавшимися преимущественно на украинское крестьянство.

До тех пор, пока украинское национальное движение не перешло из «антикварной» в «организационную» и тем более «политическую» стадию, его активисты могли рассчитывать на поддержку как великорусских и малорусских «славянофилов», остававшихся в рамках концепции «триединого славено-русского народа», так и «западников» – поборников просвещения и модернизации. Но, по мере кристаллизации украинского национального движения, оно приобретало эксклюзивный характер, а его бывшие союзники «слева» и «справа» превращались в непримиримых оппонентов. Впрочем, ни один из национальных проектов, развивавшихся или зарождавшихся в это время в Российской империи – модерные этнокультурные украинский и русский, модерный политический русский, домодерный славяно-русский, – не мог обеспечить себе поддержку большинства местного населения и мобилизовать его на политическом уровне.

Украинское движение в Харькове с момента своего возникновения ощущало свою изолированность в местном обществе. Роковую роль в этом сыграла узость идейной программы украинских интеллектуалов, сделавших основной упор на символические аспекты украинской национальной культуры с языком в качестве центрального пункта. Не удивительно, что украинскому языку, лишенному условий для свободного функционирования и распространения в обществе, было неуютно в модерном городском культурном пространстве. Отсюда характерные для многих участников харьковской украинской «громады» жалобы и сетования по поводу прогрессирующего упадка украинского языка, индифферентности к нему со стороны образованных слоев общества.

Едва ли не в первой публичной заявке на существование Харьковской украинской громады – открытом письме, с которым ее члены обратились в 1862 г. к «галицкой молодежи», – дана в целом безотрадная картина состояния украинской культуры в Харькове: «…коли б, років п'ять назад, яким-небудь побитом прийшло вам, братці, на думку послать у Харків лист і гукнуть: а де, мов, тут щирі українці? Озивайтесь! То навряд чи й озвався б хто»[112]. Далее авторы письма сетовали на украинское духовенство, ставшее чужим своему народу и повинное в русификации и моральной деградации народа, а также на то, что «...ми, освічене українське дворянство, скоро більше ста років як топаємо за Москвою»[113].

Если сравнить эту картину с образом Харькова, создававшимся усилиями В. Каразина, Г. Квитки и многих их современников и земляков, нетрудно заметить между ними настоящую пропасть. Вероятнее всего, Г. Квитка из-

умился бы, узнав о том, что спустя два десятилетия после публикации его статьи об «Украинцах» их в Харькове почти не осталось. Скорее всего, он бы оскорбился, услышав о том, что местное духовенство, прославленное, по его мнению, своей ученостью и нравственностью, не в состоянии научить чему-либо хорошему свою паству. Наконец, вряд ли ему пришло бы в голову сетовать на то, что украинское дворянство сто лет плетется за Москвой, поскольку он сам, будучи российским дворянином и потомком слободских старшин, положительно оценивал интеграцию Слобожанщины в империю.

В этой контрастности характеристик, между которыми дистанция в каких-то два десятка лет, отразилась радикальная переоценка прежних, сословно-региональных, малороссийско-слободских символов и ценностей в новом, украинском национальном дискурсе. В отличие от регионального дискурса первой половины XIX в., представлявшего Харьков в роли стремительно прогрессирующей метрополии, выступавшей в одном ряду с Одессой и Москвой и «двигавшейся» от окраины к центру, новый, украинский национальный, наоборот, изображал Харьков окраиной, а не столицей национальной жизни, понижая тем самым его социальный и культурный статус...

Негативное отношение к Харькову в кругах местной украинской интеллигенции во многом было обусловлено консервативной традицией, восходящей к Г. Сковороде и противопоставлявшей «городу греха» моральное «превосходство» сельской жизни. Это заметно, например, в 1840-х гг. в творчестве украиноязычного харьковского поэта Я. Щоголева[114]. Можно предположить, что подобными мотивами руководствовался и местный уроженец композитор П. Сокальский в откровенной переписке с Г. Данилевским, называя Харьков «сознательным подлецом»[115]. «Сильная неприязнь» к Харькову перешла по наследству и к новому поколению украинской интеллигенции, но уже по другим причинам, связанным более не с модерным, а с этнонациональным характером города, подвергавшегося культурной русификации.

Выдающийся украинский композитор Н.В. Лысенко, в 1903 г. отвечая в письме на вопрос своей корреспондентки о том, почему он обходит в своих гастрольных поездках Харьков, писал: «Не знаю, что Вам и ответить на Ваш вопрос, почему я миную Харьков в своих концертных южных турне. Оттого ли, что он стоит в углу "у глухому кінці" моей "подорожі" артистической, или мне сдавалось, что украинская музыка и мои дела в ней не будут приняты, кто его знает? Я и сам не разберусь в этом. Я был большим когда-то патриотом харьковским, когда не жил сознательным украинцем, а когда после многих лет я приезжал туда из Киева, то меня поражало обезличение украинской в нем народности и всегда вместо малорусского человека я встречал московских купцов, приказчиков. Я с великой болью сердца не видел, не чуял в Харькове украинского народа, не видел украинского общества; так

все там замазано, затоптано московским духом, московскими вкусами. Ну, все не наше, все чужое, не родное»[116].

Такие же мотивы отчетливо видны в словах украинского активиста и мецената Е. Чикаленко, считавшего Харьков наиболее «обмосковленным» из всех украинских городов[117], а также некоторых других его современников. В конечном счете, позитивный образ модерного города-перекрестка, созданный В. Каразиным, в украинском национальном дискурсе приобрел негативные черты этакого «предбанника», где люди не живут, а временно пребывают, чтобы разойтись впоследствии по другим «комнатам»-городам; в непосредственной связи с этим возник и новый образ Харькова как «московских ворот» на Украину[118].

В данном случае подобные ассоциации были обусловлены не социальной реальностью, а стереотипами, вызванными к жизни пограничным положением города по отношению к украинскому heartland'у – бывшему Гетманату. Выше уже упоминалось о том, что на рубеже XIX–XX вв. этнических украинцев в Харькове в процентном отношении было больше, чем в Киеве и Львове, не говоря уже об Одессе, а русских – меньше, чем в Киеве[119]. Но «воображаемая» реальность, приумноженная традицией и народническими сантиментами, оказывалась сильнее статистики.

Харьков, будучи на самом деле, а не только в воображении местных патриотов одним из наиболее динамичных городов нового, индустриального типа, поначалу плохо вписывался в культурное пространство, очерченное украинским этнонародническим дискурсом. Тем не менее интеллектуальное «завоевание» Харькова украинцами развивалось намного быстрее, чем «завоевание» города местными крестьянами. Во многом это объяснялось составом украинского национального движения в Харькове во второй половине XIX – начале XX в. Участники харьковских украинских кружков и групп не были маргиналами в культурной, общественной, экономической жизни города. Среди них выделялись, по словам профессора Н. Сумцова, люди солидные, влиятельные и даже богатые, чей голос звучал «чрезвычайно авторитетно» в местной, и не только местной, среде[120]. Достаточно вспомнить в этой связи имена семей банкиров-миллионеров Алчевских и Вернадских, исследователей и педагогов Ефименко, Русовых, художника С. Васильковского, драматурга М. Кропивницкого, адвоката Н. Михновского, представителей университетской профессуры: историка Д. Багалея, физика Д. Пильчикова, филологов О. Потебню и Н. Сумцова. Некоторые из них были депутатами городской думы, а Д. Багалей – профессор и ректор Харьковского университета – избирался в Государственную Думу, Государственный Совет и на пост харьковского городского головы.

Контраст между интеллектуальным и финансовым потенциалом украинской харьковской громады, с одной стороны, и ощущением социально-

культурной изоляции украинской национальной культуры в Харькове – с другой, во многом объясняется разницей в положении «малороссийского» (инклюзивного, домодерного) и «украинского» (эксклюзивного, модерного) компонентов в социально-политическом пространстве Российской империи[121] – разницей, которая стала особенно ощутимой с появлением нового поколения украинской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Те из украинцев, которые ограничивали свою деятельность «малороссийским» дискурсом, не выходя за пределы национальной доктрины самодержавия, не представляли угрозы последнему и могли спокойно себя чувствовать в этносоциокультурном пространстве «малороссийскости», используя двусмысленность национальной семантики официальной «русскости» и даже «украинскости», соединявших в себе элементы этнические и региональные. Двусмысленность «украинской» семантики, например, искусно использовал Д. Багалей, защищаясь от обвинений в «украинофильстве» и доказывая, что его диссертация о заселении Слободской Украины вполне отвечает официальному пониманию «народности»[122]. Эта же неопределенность официального дискурса позволяла развивать некоторые элементы «малорусской» культуры в рамках «общерусской».

Практически все представители старшего поколения украинской интеллигенции Харькова были включены в деятельность русских культурных организаций или партий и чаще всего выступали под лозунгами культурного народничества, любви к «малой» родине, а не национального возрождения. Есть основания полагать, что в этой двуязычной русско-украинской культурной среде находили определенное сочувствие взгляды Н. Костомарова о «двух народностях», в соответствии с которыми украинскому языку отводилась социальная ниша «для домашнього вжитку», а русскому – сфера «высокой» культуры. На практике деятельность украинских «культурников» в русском публичном пространстве становилась возможной вследствие неопределенности и все той же двусмысленности «русскости». С началом эпохи массовой политики и окончательного освобождения украинского национализма от домодерной «русскости» ситуация начала меняться, но до завершения этого процесса было еще далеко[123]. Успех или провал каждого из вариантов национального развития, перечисленных выше, во многом зависел от того, насколько он мог адаптировать региональную традицию.

Борьба за Харьков

Общее направление культурной политики в Харькове определяла, помимо имперской бюрократии и православной церкви, городская дума, о которой современники отзывались как об учреждении, состоящем из «купцов и профессоров», и которая резко выделялась на фоне других крупных горо-

дов Российской империи своим либеральным характером[124]. «Прогрессивное» по своим настроениям и политическим ориентациям, выборное харьковское городское самоуправление с конца XIX – начала XX в. пребывало в состоянии перманентного конфликта с губернской администрацией, назначаемой имперским центром.

М. Хэмм, анализируя политику Харьковского городского самоуправления, пришел к выводу о том, что в ней доминировали прагматические соображения, заставлявшие депутатов городской думы больше думать о модернизации городского хозяйства, благоустройстве, развитии образования и культуры, чем о национальной идентичности. Основная борьба в городской думе Харькова велась не между русскими и украинскими националистами, а между прогрессистами – сторонниками демократизации, верховенства права, основных гражданских свобод – и консерваторами, выступавшими с позиций официального православно-имперского национализма. В полемике друг с другом оппоненты обменивались характерными ярлыками: прогрессистов обвиняли в том, что они пытаются превратить Харьков в Париж, а те отвечали в том духе, что консерваторы («правые») пытаются принести в Харьков «одесские нравы», имея в виду черносотенное движение и воинствующий клерикализм «Южной Пальмиры»[125]...

Городское самоуправление с конца XIX в. оказывало постоянно возрастающее влияние на трансформацию культурного ландшафта Харькова. Наиболее наглядно особенности культурной политики харьковской городской думы можно видеть в топонимике[126] и памятниках[127], маркировавших новый городской ландшафт, в названиях «именных» городских учреждений и общественных организаций, училищ, школ, стипендий для учащихся. О масштабах этой политики свидетельствует тот факт, что в одном только 1894 г. по инициативе городской думы были изменены названия 74 улиц, переулков, других форм культурного пространства Харькова[128].

В этом пространстве достаточно полно отразилась российская составляющая культурной и общественной жизни города, представленная именами выдающихся деятелей культуры (И.С. Тургенева, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова[129], В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, Г.Р. Державина, А.Н.Некрасова, Н.Г. Чернышевского, В.М. Гаршина, П.И. Чайковского), полководцев (П.И.Багратиона, М.Д. Скобелева[130], А.В. Суворова, А. Невского), администраторов (Е.А.Щербинина, С.А.Кокошкина, Д.Н. Кропоткина), императоров (Александра II), а также географическими названиями (Урал, Тамбов, Суздаль, Москва, Белгород).

Не менее, если не более, разнообразно, чем собственно русская, нашла отражение в городской топонимике региональная символика, представленная персонажами местной слободской истории и культуры, среди которых – Г.Е. Донец-Захаржевский, И. Каркач, Т.Л. Клочко, Г.С. Сково-

рода, Н.И. Костомаров, В.Н. Каразин, Г.Ф. Квитка[131], Л.Л. Гиршман, а также купцы: С.К. Костюрин, В.Карпов, А.В.Горяинова. Характерной особенностью местной городской топонимики, отразившей географическое положение «города-перекрестка», можно считать широкую представленность в названиях улиц украинских географических символов: здесь присутствуют Сумы, Харьков, Полтава, Миргород, Санжары, Старобельск, Змиёв, Екатеринослав, Славянск[132].

Украинская интеллигенция Харькова повела борьбу за культурное пространство города под знаменем Т.Г. Шевченко. Борьба за увековечение памяти поэта началась в Харькове вскоре после его смерти (1861) и сопровождалась активной полемикой в местной прессе по поводу идейного и литературного наследия Т. Шевченко и его значения для потомков[133]. Для украинской интеллигенции Т. Шевченко становился пророком Возрождения. Для русской – он оставался в лучшем случае борцом против социальной несправедливости, в худшем – глашатаем национальной и социальной нетерпимости. Характерно, что в ходе полемики харьковских интеллектуалов впервые прозвучала тема противопоставления Т. Шевченко и А. Пушкина. Эта антитеза найдет свое продолжение в «борьбе памятников», о чем будет сказано ниже.

В 1899 г. в саду дома Алчевских был поставлен первый в Украине памятник поэту, который, правда, вскоре пришлось убрать по требованию полиции[134]. В 1907 г. вопрос об увековечении памяти Т. Шевченко поднимался в городской думе и был встречен сочувственно. Наконец, накануне 50-летия со дня смерти Т. Шевченко, в 1911 г., гласные Харьковской городской думы И.В. Кулинич, Н.И. Михновский, В.Н. Пономаренко и Н.Ф. Сумцов снова подняли этот вопрос и добились положительного по нему решения.

4 марта 1911 г. Харьковская городская дума приняла постановление, в котором предусматривалось: приобрести для Харьковского художественно-промышленного музея портрет Т.Г. Шевченко, присвоить имя поэта одному из городских начальных училищ; учредить для Харьковского историко-филологического общества ежегодную премию им. Т.Г. Шевченко за лучшие сочинения по истории Украины, истории украинской литературы и этнографии; учредить стипендию им. Т.Г. Шевченко во 2-м реальном училище Харькова[135]. Новая улица на окраине города получила имя поэта. Наконец, при Харьковской общественной публичной библиотеке был открыт на средства городской казны украинский отдел им. Т.Г. Шевченко. Было принято также решение о возведении в Харькове за счет городской думы обелиска-колонны в украинском стиле с изображением поэта, но реализовать его не удалось.

Борьба «за» и «против» Т. Шевченко привела представителей нового поколения украинских активистов к противопоставлению украинского поэта

другому – русскому национальному символу – А. Пушкину. В начале XX в. идейно-политическая борьба вокруг памятников каждому из них в Харькове едва не переросла в борьбу с памятниками. На сей раз инициатива принадлежала участникам молодежной нелегальной украинской организации, группировавшейся вокруг Н. Михновского, автора известного политического манифеста «Независимая Украина». В 1904 г. участники этой группы предприняли неудачную попытку взорвать установленный в Театральном сквере, в центре города, памятник А. Пушкину, мотивируя свои действия запретом властей на возведение памятника Т. Шевченко[136]. Акция не удалась по сугубо техническим причинам: недоученные студенты не рассчитали заряд взрывчатки, так что взрывом лишь выбило стекла в ближайших зданиях. Гораздо более значительный ущерб от подобных действий был нанесен имиджу украинского движения в глазах харьковской либеральной общественности.

Если Т. Шевченко можно было считать символом национальной общеукраинской культуры, пытавшейся завоевать харьковское городское пространство хотя бы в символической сфере, то для региональной идентичности наиболее знаковой фигурой стал В. Каразин. Публичная дискуссия о В. Каразине началась в Харькове в 1860-х гг., когда в научный оборот понемногу стали входить документы из личного архива слободского просветителя и его заметки, разбросанные в труднодоступных публикациях, а также статьи и воспоминания о нем современников.

Культ В. Каразина начал складываться во многом благодаря усилиям его сына Филадельфа[137], обладавшего монопольным доступом к архиву своего отца и публиковавшего некоторые документы из этого собрания. Либеральная общественность, благодаря А. Герцену, усмотрела в В. Каразине архетип не оцененного при жизни интеллектуала-западника, подающего царям советы «правильного» обустройства России. Славянофилы-консерваторы, в свою очередь, нашли в его творческом наследии немало созвучного своим позициям. Патриотически настроенные энтузиасты, представители местной общественности, объявили о начале кампании по сбору средств для возведения памятника В. Каразину в Харькове. В результате жизнь и труды В. Каразина приобрели символическое значение, превратившись в один из наиболее влиятельных компонентов региональной исторической мифологии.

Разумеется, не было недостатка в желающих разгрести нагроможденные вокруг В. Каразина всевозможные слухи, легенды, личные уколы, взаимные укоры и восхваления, восстановив некоторые двусмысленные эпизоды его жизни и мировоззрения. Попытки такого рода предпринимались, в частности, О. Бодянским[138], историками Харьковского университета П. Лавровским[139] и Д. Багалеем, биографами В. Каразина Я. Абрамовым[140], Н. Тихим и некоторыми другими исследователями[141]. В результате краевед-

ческая, региональная традиция оценки В. Каразина, объединившись с либеральной, сумела возобладать и выработать едва ли не идеальный образ бескорыстного общественного деятеля, горячего патриота края, неоцененного при жизни провинциального ученого, опального либерала, призывавшего к прогрессивным реформам, но потерпевшего поражение в борьбе с царской бюрократией... Но, как показали дальнейшие события, широкая общественность не желала оставаться в стороне от борьбы тьмы «низких истин» с «возвышающим обманом».

В начале XX в., в связи с приближавшимся 100-летним юбилеем Харьковского университета, в условиях резкого обострения внутриполитической ситуации и начинавшейся в империи демократической революции имя В. Каразина оказалось в центре полемики, вспыхнувшей в 1905 г. между либеральными и консервативными кругами харьковской университетской профессуры. Непосредственным поводом для нее стала публикация анонимной брошюры под красноречивым названием «Каразин, мнимый основатель Харьковского университета, или повесть о том, как историк может сделать из мухи слона».

Автор брошюры, имя которого до сих пор остается неизвестным, попытался поставить под сомнение созданный либерально-региональной историографией образ В. Каразина, окрестив его легендой, созданной при помощи подтасовки исторических фактов. В. Каразин назван здесь «знаменитым авантюристом и прожектером», способным лишь раздувать собственные, весьма скромные, заслуги и присваивать чужие идеи и мысли, человеком, приобретшим сомнительную известность в качестве добровольного доносчика, неразборчивого в средствах, и т.д. Новую жизнь этот образ обретет в харьковской прессе спустя сто лет, в начале 2000-х гг.

Хотя подобные обвинения в адрес В. Каразина звучали и со стороны некоторых либералов, в этом случае их поддержали крайне правые университетские историки, принадлежавшие к черносотенным кругам российской общественности[142]. Победа, однако, осталась за их оппонентами. Постановка памятника В. Каразину в Харькове в 1907 г. окончательно санкционировала и символизировала вхождение просветителя в пантеон выдающихся исторических деятелей города и региона. Дополнением к этому памятнику стала публикация в 1910 г. первого и пока единственного сборника сочинений, писем и бумаг В. Каразина, подготовленных к печати Д. Багалеем. Высказывание В. Каразина о любви к его малой родине – Украине, помещенное на пьедестале памятника, к тому времени успело утратить свое сугубо локальное содержание и приобрести отчетливый национальный смысл.

Накануне Первой мировой войны украинская национальная составляющая культурного ландшафта Харькова уже была наглядно представлена в мозаике городских названий: Казацкая, Гайдамацкая, Тараса Шевченко[143].

Одновременно в архитектуре Харькова «обнаружилось стремление к созданию украинского стиля в гражданской архитектуре» города[144], наиболее наглядным воплощением которого стало здание Харьковского художественного училища, открытого в 1912 г.[145] Первая мировая война не дала возможности реализовать другие «украинские» проекты, обсуждавшиеся в городской думе, в частности, установить памятники украинскому композитору Н.В. Лысенко[146], а также драматургу и артисту М.Л. Кропивницкому[147].

В целом в архитектуре и «местах памяти» Харькова периода индустриализации можно видеть те же направления, которые доминировали в общественно-политической жизни города и отражали вкусы как местной администрации, так и входившего в силу класса предпринимателей[148]. Если в церковной православной архитектуре этого времени преобладает неорусско-византийский стиль, отражающий общий характер политики имперского центра, то в светской, частной и корпоративной – эклектика, чаще всего лишенная этнокультурной основы и более характерная для города, имитирующего готовые образцы, но не предлагающего ничего оригинального.

Эту ситуацию сумел тонко почувствовать и отразить накануне крушения империи талантливый петроградский критик П. Пильский, посетивший Харьков в 1916 г.: «Харьков стоит на черноземе и уходит в степь, и потому он так просто богат и так трудно беден. Он малоросс, но и великоросс, и великороссы изо всех сил стараются говорить, как настоящие и заправские хохлы, а малороссы приделывают к своим фамилиям окончание “ов” и не прочь прослыть даже великороссами, хотя их песни презирают москаля и творят гимн только одной Украине и только одному украинскому стилю. Харьков слывет у всех чуть ли не за малороссийский центр, но чтобы достать малороссийскую плахту и узорную малороссийскую, такую красивую вышивку, нужно брать билет и ехать совсем в другой город. Это – город ученых, интеллигентов, книг, но у него всего три газеты, ибо он отдает свое внимание и поддерживает розницу газет чужих, при том, малоросс, он покупает “Русское слово” и петроградскую “Копейку”, предназначенные совсем не для малороссов и совсем не для интеллигенции»[149].

Все сказанное дало автору повод для остроумного вывода о том, что Харьков – «это самый интересный город, который вы могли бы увидеть: неожиданный, противоречивый и странный… В России есть разные города: умницы и дураки, целомудренники и развратники, красавцы и уроды, старики и младенцы. Но в России есть только один город-неопределенность. Этот город – Харьков. …Харьков не знает ни рек, ни гор, ни холмов, ни долин, ибо у него есть горки, речушки, долинки – все небольшое и опять все неопределенное. Типичность – черта не харьковская, ибо все слизано, поу-

бавлено, уменьшено, и, кажется, весь свой костюм это мистическое существо носит с чужого плеча»[150].

Борьба за регион

Традиции регионального исторического нарратива, заложенные в конце XVIII – первой половине XIX в., были продолжены сложившейся в Харькове научной школой, представители которой интерпретировали проблемы истории Слободской Украины под влиянием демократических, народнических и украинской национальной парадигм. Лидерами этой школы считаются уже упоминавшиеся профессора Харьковского университета филолог Н.Ф. Сумцов и историк Д.И. Багалей. В тени этих ученых, их коллег и учеников остается творчество продолжателя Г.Ф. Квитки, писателя, историка и общественного деятеля Г.П. Данилевского, о котором уже упоминалось в этой главе.

В 1861 г. Г. Данилевский издал сборник «Украинская старина», включив в него материалы преимущественно местного содержания, касающиеся жизни и деятельности Г. Сковороды, В. Каразина и Г. Квитки, а также истории образования на Харьковщине. Последняя представала перед читателем в образе просвещенной окраины, «нашей», как сказано в издательском предисловии, «так называемой украинской старины». Анализ этнической номенклатуры текстов сборника позволяет утверждать, что «украина» в данном случае сохраняет преимущественно географическое содержание, хотя этот термин и употребляется автором в качестве синонима как Малороссии, так и Южной России.

Г. Данилевский, в отличие от Г. Квитки, уже не противопоставляет Слобожанщину Малороссии. Для него, к примеру, Г. Сковорода, В. Каразин, Г. Квитка и И. Котляревский – представители украинского общества, украинской литературы и одновременно – «первые настоящие умственные двигатели малороссийского общества»[151]. Таким образом, в новом историко-литературном нарративе, создававшемся Г. Данилевским, внутренние границы украинских исторических регионов стирались, но их общая граница с Великой Россией оставалась прежней. Писатель, подчеркивая модернизационные аспекты развития Слобожанщины, уделяя особое внимание будущему, а не прошлому, предприимчивости, а не языку повседневного общения, – воспроизводит панегирик слободским украинцам, созданный И. Переверзевым почти столетием ранее, и дополняет его собственными объяснениями разницы между украинцами и русскими[152].

Основная заслуга в создании академического регионального исторического нарратива на рубеже XIX–XX вв. принадлежит Д.И. Багалею, профессору Харьковского университета, представителю т.н. областного (ре-

гионального) течения в украинской историографии и активному участнику украинского национального движения[153]. В Харьков Д.И. Багалей приехал из Киева, будучи к тому времени уже сознательным украинцем, членом киевской Старой громады, учеником В.Б. Антоновича, – для оживления «сонных и малодеятельных» харьковских «народолюбцев», по выражению его старшего коллеги, профессора Киевского университета А.Ф. Кистяковского.

Попав в список политически неблагонадежных преподавателей Харьковского университета в середине 1880-х гг., Д. Багалей числился в нем под ярлыком «хохломана», а не «мазепинца» или «украинца»[154], что обусловило относительную легкость, с которой ему удалось реабилитировать себя в глазах властей: «хохломания» ассоциировалась с фольклоризмом и крестьянской «народностью», а не с политическим сепаратизмом или социальным радикализмом, в то время как «украина» во многом сохраняла свое региональное, а не национальное значение.

Впоследствии Д. Багалей принимал активное участие в общественной жизни города и империи в целом, позиционируя себя в качестве «малоросса» в русскоязычном культурном пространстве и ограничиваясь рамками просветительской деятельности. За это он подвергался жесткой критике со стороны украинских национальных активистов или даже исключался ими из числа «сознательных украинцев». Но в глазах русских националистов, судя по справочнику-памфлету С. Щеголева, он все-таки принадлежал, вместе с Н. Сумцовым, к видным представителям украинского национального движения в Харькове.

В то же время Д. Багалей, отстаивая ценности гражданского общества и просвещения народа, относился к «общерусской» либерально-демократической общественности, ориентировавшейся не на этнические, а на социально-политические и просветительские категории. В данном случае декларируемая Д. Багалеем множественность идентичностей на персональном уровне была все же результатом политических условий, вынужденного конформизма и оппортунизма, а не гибридности домодерных идентичностей, присущих, например, Г. Квитке или В. Каразину.

Д. Багалей посвятил Слобожанщине более 100 специальных работ, в том числе статей, сборников, монографий, археографических публикаций, в которых впервые нашли отражение все наиболее важные этапы и эпизоды, связанные с заселением, социально-экономическим развитием, культурной жизнью региона преимущественно XVI–XIX вв. Среди них – капитальные монографии и сборники документов, посвященные исторической географии Слобожанщины, истории Харьковского университета, биографии и творчеству философа Г. Сковороды, просветителя В. Каразина, а также единственная в своем роде двухтомная «История города Харькова за 250 лет

его существования», написанная историком в соавторстве с его учеником и коллегой Д. Миллером.

Специальный историографический анализ работ Д.И. Багалея соответствующей тематики не входит в число задач, поставленных автором данной монографии. Можно лишь отметить, что историк отстаивал, как и его учитель В.Б. Антонович, необходимость изучения истории Украины по регионам (областям) и представлял в своем творчестве т.н. народническое направление в российской историографии, находившееся в идейной либерально-демократической оппозиции к государственно-юридической школе[155]. Это не мешало Д.И. Багалею испытывать ощутимое влияние концепций С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, стремившихся объяснить многие особенности российского исторического процесса его заселением, или, в терминологии того времени, колонизацией. Д.И. Багалей склонен был считать колонизацию основным фактом украинской истории. Сходство этой теории с подходом к американской истории современника названных историков Ф. Тернера, который полагал, что в колонизации Запада лежит ключ к пониманию национального характера и исторического развития США, в данном случае не вызывает сомнений[156].

Историю заселения края в XVI–XVII вв. Д.И. Багалей представил в виде компромиссной, в духе Н.И. Костомарова, формулы взаимодействия двух переселенческих потоков: великорусского и малорусского, объединенных общей «культурной целью». «Взаимодействие их было чрезвычайно полезно и благоприятно – одна дополняла другую»[157]. В этом отношении Д.И. Багалей следовал традиции регионального исторического нарратива, включавшего в себя историю этнических русских и украинцев. Но при этом Д.И. Багалей проводил четкую разграничительную линию между русской и украинской колонизацией, считая первую из них государственной, военно-служилой, а вторую – народной, инициированной «снизу». Понятно, что все симпатии его были отданы последней.

Этот тезис вызвал полемику еще при жизни Д.И. Багалея и возражения со стороны маститых русских авторов, в первую очередь В.О. Ключевского, задетых в собственных национальных предпочтениях. В российском имперском дискурсе того времени именно народная, крестьянская колонизация воспринималась в качестве маркера национальной территории. М.К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял «прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, прежде всего – крестьянской»[158]. Такое же мнение высказывали и некоторые русские публицисты[159]. Впрочем, сравнительные характеристики «малороссов» и «великороссов» в трудах Д.И. Багалея сами по себе не выглядели политической крамолой для охранителей доктрины официальной народности.

Название докторской диссертации исследователя («Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства»), успешно защищенной им в 1887 г. в Московском университете, звучало вполне благонамеренно, чем вызвало язвительные комментарии М.П. Драгоманова, упрекавшего Д.И. Багалея в конформизме. Мало кто в то время обратил внимание на то, что это название само по себе входило в противоречие с существовавшим тогда административно-политическим устройством империи, возрождая границы исторической Слобожанщины, существенно изменившиеся в ходе ее интеграции в империю.

Осторожно корректируя с народнических позиций имперский гранднарратив, Д. Багалей в то же время открыто выступил против дворянских историков края, любовно взрастивших в свое время миф о благородном происхождении своих предков – первых колонистов. По мнению Д. Багалея, доказательства подобного рода нужно признать несостоятельными, поскольку подавляющее большинство слободских старшин вели свое происхождение от рядового казачества. В освещении истории заселения и интеграции края в империю исследователь придерживался антиэлитарных концепций, обвиняя казацкую верхушку в закрепощении рядового казачества и крестьянства и присвоении их земель. В этом отношении он следовал своему старшему современнику, историку Малороссии А.М. Лазаревскому.

Вместе с тем, отрицая дворянскую и централизаторскую версии местной истории, Д. Багалей творчески использовал содержавшийся в каждой из них конструктивный компонент, идею прогресса – тот дискурс модернизации, который в сознании местных интеллектуалов первой половины XIX в. тесно связывался с интеграцией, русификацией и прогрессивными реформами просвещенного правительства. Региональный дискурс модернизации в творчестве Д. Багалея, напротив, был реинтерпретирован в духе приоритета идей и ценностей гражданского общества над государством, необходимости децентрализации самодержавной империи, т.е. фактически – в оппозиционном к правительственной политике духе.

Основной акцент в трудах Д. Багалея сделан не на политике, не на героике казачества[160], оплакивании его былой славы или виктимизации национального прошлого. Историк обращался прежде всего к социально-экономической проблематике, вопросам науки и культуры, а также традициям гражданского общества, в частности, проблемам университетской автономии, городского самоуправления, наконец – к биографиям социально активных местных деятелей. В хронологическом отношении Д. Багалей посвящал свои работы в основном новому и новейшему периоду истории Слобожанщины, проводя, с одной стороны, идею общности региональных интересов по отношению к центру, а с другой – идею истори-

ческого континуитета и «органической» связи модерной Слобожанщины с казацкой Малороссией.

Именно поэтому Д. Багалей стремился интегрировать в своем нарративе наиболее заметных представителей общественной и культурной жизни, патриотов края, независимо от их происхождения или языка их творчества. Именно благодаря такому подходу ему удалось вписать в украинский национально-исторический нарратив те персонажи и институции, чья «украинскость» в XIX в. носила сугубо локальный, территориальный характер, прежде всего В. Каразина, Харьковский университет и созданную последним общественно-культурную среду[161].

Дискуссия вокруг истории основания Харьковского университета достаточно красноречива. Предшественники Д. Багалея, в частности Н. Лавровский, отрицали «закономерность» появления университета в Харькове и приписывали его исключительно личной инициативе и энергии В. Каразина. Современник Д. Багалея, польский исследователь Л. Яновский аргументированно доказывал, что идея открыть университет в Харькове не может считаться непосредственным результатом развития местной культурной жизни, поскольку последняя в то время пребывала в состоянии глубокой спячки[162]. Возникновение Харьковского университета, по мнению Л. Яновского, не имело органической связи с историческим развитием Слобожанщины и в действительности выглядело как разрыв с традицией, а не отражение социальной и культурной эволюции местного общества[163].

Тем не менее Д. Багалей, в некоторых случаях вопреки имеющимся в его распоряжении фактам, выступил с обоснованием «органичности» Харьковского университета – его связи с местной культурной средой. Это дало историку возможность непосредственно связать появление университета в Харькове не столько с правительственной инициативой, сколько с элементами гражданского общества – философом Г. Сковородой, просвещенной дворянской элитой края, городским самоуправлением и даже отдельными сословиями – крестьянством и горожанами, поддержавшими своими пожертвованиями университетский проект.

Д. Багалей стремился не просто воссоздать и тем более прославить украинскую историческую традицию – он пытался вписать ее в современные реалии и примирить с современностью. В этой связи обращает на себя внимание отношение историка к полемике по поводу предпринимательских «способностей» русских и украинцев, о чем писал еще И. Переверзев в конце XVIII в. Д. Багалей попытался доказать, что стереотипный образ украинца – сонного, ленивого и мало предприимчивого, уступившего всю крупную торговлю более энергичным русским купцам – не соответствует действительности. «Обыкновенно принято думать, – писал историк, – что вся... ярмарочная торговля была в руках великорусского купечества, ибо

малороссияне были совершенно не способны к такого рода деятельности. Но положение требует некоторых ограничений и пояснений. Иногороднее купечество оседало на постоянное местожительство только в Харькове да Сумах»[164]. В других городах региона, надо полагать, торговля оставалась в руках местных предпринимателей.

Важнейшим достижением Д. Багалея как украинского историка Слобожанщины было то, что он ввел в арсенал национальной историографии целый ряд тем и персоналий, представлявших региональную культурную традицию, прежде всего жизнь и творчество Г. Сковороды, В. Каразина, П. Гулака-Артемовского, Г. Данилевского, а также историю Харьковского университета и связанной с ним украинской периодики и литературы. В результате Харьков вписывался в новый украинский нарратив в достаточно респектабельном и вполне совместимом с региональной традицией виде – столицы украинского национального «возрождения», а не «московских ворот», открывавших «чужому» дорогу на сакрализованную территорию нации.

Д. Багалею удалось синтезировать в рамках украинской национальной парадигмы практически все основные черты местного регионального дискурса: модернизацию, antemurale, прогресс, якобы имманентно присущую слобожанам склонность к наукам и образованию, этнокультурный украинско-русский дуализм – всё, кроме противопоставления Слобожанщины и Малороссии. Д. Багалей утверждал мнение о преимущественно украинской идентичности региона, но при этом не отрицал и не исключал из своего нарратива русский компонент, присутствовавший здесь изначально.

При этом созданный Д. Багалеем новый региональный нарратив вплоть до 1917 г. включительно оставался частью «общерусского» народническо-просветительского исторического нарратива. Сборники исследований по истории Слобожанщины, изданные Д. Багалеем в начале XX в., имеют общий заголовок «Очерки из русской истории». Следует, видимо, подчеркнуть, что основные работы Д. Багалея по истории региона, написанные в имперский период, публиковались на русском языке. Вероятно, именно эти обстоятельства вызывали при жизни историка необоснованные сомнения в его принадлежности к украинской национальной историографии[165].

После Февральской революции, покончившей с самодержавием и открывшей дорогу демократическому переустройству Российской империи, Д. Багалей писал свои произведения уже исключительно по-украински. Результатом его многолетней исследовательской работы стала первая синтетическая работа по истории Слободской Украины, опубликованная в 1918 г. на украинском языке, которая открыто формулировала принадлежность края к единому национальному и историческому пространству Украины, хотя и имела, как о том будет сказано в следующей главе, существенные отличия от предложенной М. Грушевским интерпретации истории края.

Д.И. Багалей был не единственным создателем национальной, украинской версии истории Слобожанщины. Его соратниками и единомышленниками в этом процессе выступали его коллеги и ученики, в первую очередь Д.П. Миллер и В.А. Барвинский. Заметный вклад в создание украинского образа края внес филолог и этнограф Н.Ф. Сумцов, посвятивший многочисленные труды изучению быта, фольклора и литературы Слободской Украины[166]. Синтезом его исследований в этой области стала опубликованная в Харькове в 1918 г., также на украинском языке, обобщающая научно-популярная работа «Слобожане», остающаяся по сей день единственной в своем роде. «Слобожане» Н.Ф. Сумцова, конечно же, выглядели при этом украинцами, в отличие от «Украинцев» Г.Ф. Квитки, все еще остававшихся «слобожанами»...

В «украинизации» прошлого и настоящего слободского края принимали активное участие не только профессиональные исследователи, но и писатели и художники, создававшие яркие, эмоционально окрашенные произведения в своем жанре. При этом наиболее запоминающимися маркерами украинской Слобожанщины выступали пейзажные зарисовки, посвященные степи, курганам, рекам, а также образы казаков-воинов. В частности, творчество упоминавшегося выше украиноязычного поэта Якова Щеголева[167], пронизанное мотивами степи, включает в себя колоритные образы казаков, косарей-«гречкосеев», пасечников, рыбаков, чумаков... Опубликованные им поэтические сборники носят узнаваемые названия – «Ворскла» и «Слобожанщина» – и синтезируют мотивы местного степного ландшафта и ностальгии по славному казацкому прошлому[168].

Творчество близкого приятеля Д.И. Багалея – художника С.И. Васильковского также в значительной степени создает украинский национальный образ Слобожанщины. Им написано множество полотен с изображением природного ландшафта края, а также картин на исторические темы, обозначавших степное пространство при помощи казацкого маркера («Казак в степи», «Запорожец на посту», «Казачий пикет»), а культурное – при помощи акварельных портретов Г. Сковороды. Характерно, в духе украинской национальной историографии, обработан художником сюжет с посещением Петром I Харьковской крепости: высокорослый царь стоит на ее склоне таким образом, что оказывается ниже угрюмых казацких старшин, занимающих первый план. Достаточно сравнить эту картину с полотном на ту же тему, принадлежащим русскому художнику В. Вихтинскому – на которой Петр I, наоборот, возвышается над старшинами, почтительно внимающими его указаниям, – чтобы увидеть принципиальную разницу в интерпретации их авторами одного и того же сюжета[169].

Благодаря усилиям харьковских украинских интеллектуалов слободская региональная история приобретала высокий статус в украинском на-

циональном историческом нарративе начала XX в. Харьков возвращал себе репутацию культурной столицы, теперь уже не только региональной, но и всего украинского национального «возрождения». Эта репутация Харькова санкционировалась работами фактического создателя украинской национальной историографии М.С. Грушевского и его последователей и единомышленников.

Местная история с ее пантеоном знаменитостей и достопримечательностей, преимущественно новейшего, университетского периода, стала предметом специальных изучений брата М.С. Грушевского, также историка, А.С. Грушевского и претерпела существенную «украинизацию». В украинский национальный исторический нарратив оказались вписанными не только Г.С. Сковорода и В.Н. Каразин, но и вся местная харьковская периодика начала XIX в. (в том числе русскоязычная), не говоря уже о научном и литературном творчестве харьковских романтиков во главе с И.И. Срезневским и всех авторов украиноязычных произведений, проживавших в Харькове в новейшее время.

По сравнению с народническим, демократическим вариантом регионального исторического нарратива, представленного работами украинских историков, его официальный, имперский вариант выглядел намного беднее. Его представляли: изданная в 1885 г. «История харьковского дворянства» Л.В. Илляшевича[170] – книга, написанная в духе официальной идеологии времен Николая I, а также сочиненные разными авторами описания боевых подвигов «слободских полков». Русские националисты не смогли ничего противопоставить новой профессиональной историографии Слобожанщины, удачно комбинировавшей украинские национальные компоненты с региональными и либеральными общероссийскими. Эта историография, акцентировавшая идеи демократического самоуправления, общественной инициативы и критиковавшая дворянство и бюрократию, вызывала ожесточенную критику «справа», безнадежно проигрывавшую символическую борьбу за Харьков и Слобожанщину. Даже В. Каразин и Г. Квитка – общественные деятели, по духу консерватизма и верноподданническим чувствам близкие представителям «правых» начала XX в., оказались практически монополизированы украинскими либерально-демократическими историками.

Публичная презентация украинского образа Слобожанщины состоялась в 1902 г. в связи с проведением в Харькове XII Археологического съезда. Подготовка к его проведению сопровождалась широкой кампанией в прессе и привлечением многочисленных энтузиастов на местах к собиранию историко-культурного наследия края. Основным результатом съезда, на котором, кстати сказать, выступила группа украинских бандуристов под руководством Г. Хоткевича, стало создание в городе этнографического му-

зея, содержавшего многочисленные экспонаты, которые демонстрировали преобладание в регионе украинской бытовой культуры.

«Украинизация» истории региона совпала по времени с возвращением в публичное пространство Харьковщины начала XX в. «слободской» и «украинской» лексики. Первая украиноязычная газета, появившаяся в Харькове в 1906 г. в связи с ослаблением запрета украинского языка, называлась «Слобожанщина». Накануне Первой мировой войны, в 1912 г., в Харькове возродился – правда, на короткое время – журнал «Украинский вестник», а через три года начал свое короткое существование журнал «Слободско-Украинский старожил»[171].

Украиноязычная газета «Сніп», издававшаяся в Харькове в 1912 г. под редакцией Н. Михновского, представляла Харьковщину как Слободскую Украину, а Харьков – как ее столицу и «украинские Афины». Национальный смысл «украинской» терминологии в данном случае не вызывает сомненй.

Украинские гласные Харьковской городской думы, выступая в 1911 г. с программой увековечения памяти Т. Шевченко, сформулировали украинский национальный образ Харькова такими словами: «Город Харьков, расположенный на территории украинского народа и в своей значительной, если не большей, части заселенный украинским племенем, может и должен принять самое горячее участие в чествовании великого поэта, светоча украинского народа»[172].

Но, если снова обратиться к газете «Сніп», к ее редакционной статье, то окажется, что, наряду со «слободско-украинской», в ней активно использовалась символика «Дикого поля», необработанной целины, возвращавшая Слободской Украине ее первоначальный, географический смысл: «Перед нами знов Дике Поле. Знов треба творчої роботи. Отже наново культивувати Дике Поле й підготувати грунт для розцвіту національного генія... грунт сей органічно, стихійно український, що на тому грунті зросло ціле покоління українських письменників з Квіткою на чолі на початку XIX віку й з Олесем – на початку XX віку»[173].

Впрочем, как и следует пограничью, семантика «Слободской Украины» с ее «Диким полем» и в этом случае демонстрирует свою изначально амбивалентную природу, к использованию которой прибегают не только представители украинского национального движения, но и их непримиримые оппоненты – русские националисты. Так, профессор Харьковского университета А.С. Вязигин, один из лидеров Русского собрания, заявлял: «В Слободской Украине нет сепаратизма... отдельные голоса, временами раздающиеся в таком направлении, нельзя считать за голос целой области. Нет, древняя половецкая степь не думает и не желает отделения»[174].

Эти слова демонстрируют, конечно же, не только тот очевидный факт, что одни и те же названия Слободской Украины и степи, обозначавшие две-

сти с лишним лет назад опасный для жизни фронтир, теперь использовались для утверждения политической стабильности региона. Само обращение к «пограничной» терминологии оставляет впечатление, что накануне Первой мировой войны, обострившей восприятие пространства и границ в обществе, Харьковщина снова начала возвращать себе исторически сложившийся пограничный статус, превращаясь в окраину, поначалу в символическом, а впоследствии и в реальном значении этого слова. Но – в окраину чего именно? На этот вопрос предстояло ответить уже в ближайшем будущем.

Процессы модернизации, трансформировавшие социально-экономическое и культурное пространство Российской империи, вносили новые измерения в символическую географию Слобожанщины на карте России и Украины, но не устраняли окончательно прежних, исторически сложившихся границ между регионами. Идентификация Слобожанщины как части Южной России не полностью совпадала с идентификацией Харькова в качестве части Малороссии. Первая в большей степени ориентировалась на пространственно-географические и экономические, вторая – на этнокультурные характеристики. Но отдать предпочтение какой-либо одной из них весьма затруднительно. Поэтому, на мой взгляд, заключение Д. Сондерса о второстепенности этнических оснований регионального разнообразия Российской империи по сравнению с экономическими[175] в данном случае может быть несколько ограничено.

Сказанное выше относится и к выводу об окончательной утрате украинскими землями в XIX в. фронтирного статуса и вхождении их в историческое ядро (core) России[176]. Это верно лишь в той степени, в которой «малороссы» могли называться «русскими» в традиционной, архаической концепции «русскости». Да, могли, но – с определенными оговорками, отражающими сохранявшуюся дистанцию между «великорусскими» и «малорусскими» регионами. Внутреннее культурное Пограничье в отсталой, преимущественно аграрной стране оставалось гетерогенным, но оно не только не исчезало под влиянием модернизации, но могло приобретать дополнительные основания для своего развития.

Харьков накануне Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. не перестал быть ареной противоборствующих идентичностей, одной из которых стала украинская национальная идентичность. Но по своему влиянию в городе и регионе она заметно уступала не только русской идентичности в ее домодерной (этнокультурно-конфессиональной) и модерной (политической) редакциях, но и «южнорусской» (экономической и пространственно-географической) идентичности. Борьба между ними уже через несколько лет выйдет на новый уровень противостояния.

«Южнорусская» географическая локализация Харькова и украинский национализм на рубеже XIX–XX вв. могут считаться проявлениями общего

феномена модерности. При этом ни один из них не может в принципе занять более высокое место в иерархии разных типов идентичности в Пограничье. Динамика развития Харьковщины в Российской империи выводила регион в число наиболее развитых по сравнению не только с западными, но и с центральными, собственно русскими регионами. Поэтому можно утверждать, что южная региональная идентичность Харьковщины были результатом не отставания и слабости, а наоборот – ускоренного осуществления процесса модернизации в Российской империи. Другое дело, что между экономическим и национальным феноменами модерности на региональном уровне было мало общего.

В свою очередь, украинские интеллектуалы, создававшие новое национально-культурное пространство, возводили границу с Россией, основываясь уже не на «малороссийском» или «слободском», а на «украинском» символическом фундаменте. Название «Украина» в этом случае переходило от Слобожанщины к бывшей Малороссии, становившейся национальным heartland'ом. В свою очередь, название «Малороссия», распространившееся на Харьков и Слобожанщину, наоборот, теоретически способствовало включению региона в проект «большой» русской нации, в котором различия между Великороссией и Малороссией становились несущественными.

В результате новая «Украина», меняясь местами с новой «Малороссией», не преодолевала разделявшего их барьера. Но, учитывая специфику украинского нациестроительства, лишенного политического центра, а также особенности русского национального строительства, мирившегося с региональными этнокультурными особенностями, Слобожанщина-Малороссия могла легко дрейфовать в пространстве между ними, превращаясь из русского культурного пограничья в украинское национальное и наоборот, сохраняя при этом собственную целостность. В зависимости от политической конъюнктуры, Слобожанщина могла превращаться как в союзника, так и в оппонента «Украины» или «России».

В силу названных причин деятельность харьковских украинских «культурников» с конца XIX в. начала подвергаться возрастающей критике как русских, так и украинских националистов, а результаты их деятельности – оцениваться порой с диаметрально противоположных позиций, чаще всего – по принципу стакана воды, заполненного водой наполовину. В оценках русского консервативного публициста С.Н. Щеголева Харьков представлял собой гнездо украинского национализма. В отзывах украинских активистов харьковские «культурники» выглядели в лучшем случае ненадежными и запуганными правительством «попутчиками»-«малороссами».

Малороссийский компонент «русскости» продолжал доминировать над украинским национальным сегментом во всех сферах общественной, культурной и политической жизни города в первую очередь благодаря своей

амбивалентности, инклюзивному характеру, делавшему его совместимым с представлениями о «русскости» и «украинскости» одновременно. В результате Харьков в национальном отношении продолжал оставаться в привычном для него состоянии пограничности, сохранявшей подвижный гетерогенный характер контактной культурной зны.

Примечания

1 О развитии в данный период городов Российской империи, в том числе Украины, см.: Herlihy P. *Ukrainian Cities in the Nineteenth Century* // Rethinking Ukrainian History. Edm.: CIUS Press, 1981; *Odessa: A History, 1794–1914.* 1986. Пер. на укр.: Київ, 1999; Hamm M.F. *Kiev: A Portrait, 1800–1917.* Princeton N.J.: Princeton University Press, 1993; Weinberg R. *The Revolution of 1905 in Odessa. Blood on the Steps.* Bloomington: Indiana University Press, 1993; Sylvester R.P. *Tales of Old Odessa: Crime and Civility in a City of Thieves.* DeKalb: Northern Illinois University Press, 2005; Brower D. *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850–1900.* 1990; Idem. *Urban Revolution in the Late Russian Empire* // Hamm M. (ed.). *The City in Late Imperial Russia.* 1986. P. 319–354; Surh G. *Ekaterinoslav City in 1905: Workers, Jews, and Violence* // International Labor and Working-Class History. 2003. No. 64 (Fall). P. 139–166 и др. Содержащийся в данной главе материал о Харькове частично основан на моих прежних публикациях: *Український національний рух у Харкові XIX – початку XX ст.* // Слово і час. 1993. № 10. С. 14–20; *Kharkiv – A Borderland City* // Cities after the Fall of Communism: Reshaping Cultural Landscapes and European Identity / Eds. J.J. Czaplicka, N.Gelazis, B.A. Ruble. Woodrow Wilson Press, 2009.

2 Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год).* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993. Т. 2. С. 230.

3 Там же.

4 Там же. С. 248.

5 Jones R.E. *Ukrainian Grain and the Russian Market in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries* // Koropeckyj I.S. (ed.). Ukrainian Economic History. Interpretive Essays. Cambridge: MA, 1991. P. 227.

6 Святский Д. *Экскурсия в самый южный город России – Ленкорань* // Живая Россия. 1902. Т. 2. № 99. С. 569.

7 Николаев Н. *На отдыхе (путевые воспоминания из записной книжки священника)* // Странник. 1914. Авг. – сент. С. 20–21.

8 Wade R.A. *Ukrainian Nationalism and 'Soviet Power': Kharkiv, 1917* // Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected Papers from the 4th World Congr. for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990 / Ed. by B. Krawchenko. St.Martin Press, 1992. P. 70–83.

9 См.: Турченко Ф., Турченко Г. *Південна Україна: модернізація, світова війна, революція (кінець XIX ст. – 1921 р.).* Київ, 2003. С. 33.

10 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 250.

11 *Современное хозяйство города Харькова (1910–1913).* Вып. 1–2. Харьков, 1914. С. 2.

12 Hamm M. (ed.). *The City in Late…* P. 3.

13 *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897.* Т. XLVII: Харьковская губерния. СПб., 1904. С. 44–45.

14 Herlihy P. *Ukrainian Cities...* P. 144.

15 Saunders D. *Russia's Ukrainian Policy (1847–1905): A Demographic Approach* // European History Quarterly. 1995. Vol. 25. P. 199.

16 Крамер С. *Очерк революционного рабочего движения в Харькове в 1905 г.* // 1905 г. в Харькове. Харьков, 1925. С. 9.

17 Риттих А. *Этнографический очерк Харьковской губернии.* Отд. оттиск из: Харьк. губерн. ведомости. 1880. № 170, 172. С. 14.

18 *Первая всеобщая перепись…* С. 1–3. Местные авторы подают несколько другие данные, утверждая, что в 1890 г. в Харькове насчитывалось 16 318 евреев (см.: Н.Ч. *Постепенное завоевание города Харькова евреями* // Юж. край. 1890. 20 июня).

19 Herlihy P. *Ukrainian Cities…* P. 144; Mendelson E. *Jewish Assimilation in L'viv: The Case of Wilhelm Feldman* // Markovits A.S., Sysyn F.E. (eds.) Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge: MA, 1982. P. 94.

20 *Первая всеобщая перепись...* С. 1–3.

21 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 132–133.

22 По поводу причин «незавоевания» украинцами города см.: Грицак Я. *Нарис історії України. Формування модерної української нації XIX–XX століття.* Київ, 1996. С. 61.

23 Цит. по: *Природа и население Слободской Украйны. Харьковская губерния. Пособие по родиноведению* / Ред. В.Н. Талиев. Харьков, 1918. С. 304.

24 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 778.

25 Там же. С. 779.

26 Каллих П.С. *Указатель улиц гор. Харькова в алфавитном порядке и распределение их по полицейским и судебно-мировым участкам, а также адреса судебных, административных и правительственных учреждений гор. Харькова.* Харьков, 1908; Гусев А.Я. *Харьков: его прошлое и настоящее: Ист. справ. путеводитель.* Харьков, 1902; *Харьков: Путеводитель для туристов.* 3-е изд. Харьков, 1915.

27 Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 788–789; Михайлин І.Л. *Нарис історії журналістики Харківської губернії 1812–1917.* Харків, 2007. С. 22

28 Miller A.I. *The Ukrainian Question* // The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest: Central European University Press, 2003. P. 6.

29 Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 86–103.

30 Там же. С. 87.

31 «During the nineteenth century Ukrainian lands acquired the designation 'Little Russia' and were no longer considered a frontier but part of the core of empire, distinguishable from Russia proper only by the dialect and curious folklore of its peasants» (Hamm M. (ed.) *The City in Late…* P. 175).

32 На областной съезд сельских хозяев Юга России, организованный в Харькове в 1886 г., съехались представители Харькова, Киева, Севастополя и некоторых других городов (Юж. край. 1886. 11 янв.).

33 Velychenko S. *The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought* // Ab Imperio. 2002. No. 1. P. 338–340.

34 Rieber A.J. *The Debate over the Southern Line: Economic Integration or National Security?* // Journal of Ukrainian Studies. 2004. № 1–2. P. 371–398. Необходимо отметить, что дискуссии, связанные с выбором направлений строительства железных дорог на украинской территории, велись не только в имперских столицах, но и в регионах. Несомненно, позиция региональных элит в этом вопросе учитывалась центром. Отголосок борьбы, условно говоря, между Харьковом и Одессой в отстаивании соб-

ственных интересов в железнодорожном строительстве – см., напр.: Багалей Д.И. *Письма к Гр. Петр. Данилевскому* // Киевская старина. 1903. Кн. 5. С. 291–292.

35 Rieber A.J. Op. cit. P. 392–393.

36 Цит. по: Киевская старина. 1903. Кн. 5. С. 290–291. О деятельности П.Е. Коцебу в качестве «начальника края» см.: Шандра В.С. *Генерал-губернаторства в Україні: XIX – початок XX ст.* Київ, 2005. С. 218–229.

37 Rieber A.J. Op. cit. P. 242–246.

38 Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbass. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870's–1990's.* Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998; Саманцов О.П. *Кам'яновугільна та металургійна промисловість Донецько-Придністровського економічного регіону кінця XIX – початку XX століття (проблеми історіографії)*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2007.

39 Фомин П.И. *Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России.* Харьков, 1908.

40 Surh G. *Ekaterinoslav City in 1905: Workers, Jews, and Violence* // International Labor and Working-Class History. 2003. No. 64 (Fall). P. 139–166, здесь – с. 140.

41 Гусев А.Н. Указ. соч. С. 36, 39.

42 См. подробнее: Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 109, 123, 126 и др.

43 Там же. С. 285, 288, 293 и др.

44 Щелков К.П. *Историческая хронология Харьковской губернии.* (Репринт. изд. 1882 г.) Харьков, 2007. С. 289.

45 Турченко Ф., Турченко Г. Вказ. праця. С. 62–63.

46 Сарбей В.Г. *Історія України в дожовтневій більшовицькій пресі.* Київ, 1986. С. 84–93, 136–142.

47 Цит. по: *Харьков в зеркале мировой литературы.* Харьков, 2007. С. 65.

48 Турченко Ф., Турченко Г. Вказ. праця. С. 66–67.

49 Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 124.

50 В качестве примера можно привести терминологию, использовавшуюся в полемике украинских и русских интеллектуалов конца XIX – начала XX в.: Михальчук К.П. *Открытое письмо к А.Н. Пыпину по поводу его статей в «Вестнике Европы» о споре между южанами и северянами*: (К истории отношений к украинству представителей прогрессивной части русского образованного общества). Київ, 1909. См. также изданную в 1856 г. работу П. Кулиша «Записки о Южной Руси в двух томах», в которой «южнорусская» терминология по содержанию фактически совпадает с современной украинской (М., 1856. Репринт. изд.: Київ, 1994. С. V).

51 Миллер А.И. *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века).* СПб., 2000. С. 10.

52 Турченко Ф., Турченко Г. Вказ. праця. С. 20–22.

53 Там же. С. 22.

54 Кулиш П.А. *Записки о Южной Руси в двух томах.* М., 1856. Репринт. изд. Киев, 1994.

55 Лисяк-Рудницький І. *Історичні есе.* В 2 т. Т. 1. Київ, 1994. С. 338.

56 Данилевский Г.П. *Украинская старина. Материалы для истории украинской литературы и народного образования.* Харьков, 1866. Роль и значение Г.П. Данилевского в истории Слобожанщины и – шире – Украины – все еще ждут специального исследования.

57 Данилевский Г.П. *Из Украйны. Сказки и повести.* В 3 ч. Ч. 2. Повести и очерки. СПб., 1860. С. 129.

[58] «По всем вопросам тут решительно те же Соединенные Штаты Северной Америки, с которою наша молодая Украинская Новороссия имеет вообще столько родственного» (Данилевский Г.П. *Из Украйны…* С. 78). О распространенных в это время сравнениях Новороссии с США – см.: *The Cambridge History of Russia.* Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917 / Ed. by D. Lieven. Cambridge University Press, 2006. P. 10.

[59] Публикация основного труда Д.И. Багалея по этой теме стала возможной лишь в последние годы (см.: Багалій Д.І. Вибрані праці. Т. 5. Ч. 2. *Заселення Полудневої України (Запорожжя й Новоросійського краю) і перші початки її господарства і культурного розвитку.* З додатками Н.Д. Полонської-Василенко. Харків, 2008).

[60] Подробнее см.: Кравченко В.В., Швайба Н.В. *Передмова* // Багалій Д.І. Вибрані праці. Т. 5. Ч. 2. С. 5–18.

[61] *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей.* СПб., 1903. С. III, 63; Tagirova N. *Mapping the Empire's Economic Regions from the Nineteenth to the Early Twentieth Century.* P. 125–138, здесь – с. 129, 137.

[62] Ровенчак І. *Фактори та джерела видання Г. Величком «Народописної карти українсько-руського народу» в 1896 р.* // Картографія та історія України. Зб. наук. праць. Львів; Київ; Нью-Йорк, 2000. С. 109–118, здесь – с. 111.

[63] *Illustrated description of the Russian empire; embracing its geographical features, political divisions, principal cities and towns, population, classes, government, resources, commerce, antiquities, religion, progress in education, literature,art, and science, manners and customs, historic summary, etc., from the latest and the most authentic sources, by Robert Sears, embellished with numerous engravings, and maps of European and Asiatic Russian.* New York, published by Robert Sears, 1855. P. 119–121.

[64] *Иван Сергеевич Аксаков в его письмах.* Ч. 1. Т. 3: Письма 1851–1860 гг. Поездка в Малороссию и проч. М., 1892. № 165; Евсеенко С.С. *Под ясным небом Малороссии (Путевые заметки и наблюдения).* М., 1901.

[65] Мікін А. *Харків* // Наукові зап. каф. українознавства Харк. ун-ту. Вип. 1. Харків, 1994. С. 40–47.

[66] Velychenko S. Op. cit. P. 341.

[67] Миллер А.И. *«Украинский вопрос»…* (http://www.ukrhistory.narod.ru/texts/miller-3a.htm).

[68] Хоскинг Дж. *Россия: народ и империя (1552–1917).* Смоленск, 2000. С. 392.

[69] См.: Saunders D. *Russia's Ukrainian Policy…*; Хоскинг Дж. Указ. соч. С. 392.

[70] Cadiot J. *Searching for Nationality: Statistics and National Categories at the End of the Russian Empire (1897–1917)* // The Russian Review. 2005. No. 64 (July). P. 440–455.

[71] Омельянчук И.В. *Украинский и польский вопросы в контексте этнополитической составляющей идеологии консервативно-монархических партий России начала XX века* // Славяноведение. 2006. № 5. С. 11.

[72] Weeks T.R. *Ukrainians and Official Russia: A Deafening Silence* // South East European monitor. 1997. Vol. 4. No. 1. P. 37, 39.

[73] Martin T. *The Empire's New frontiers: New Russia's Path from Frontier to Okraina 1774–1920* // Russian history. 1992. Vol. 19. No. 1–4. P. 181–201.

[74] Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 200.

[75] Потоцький В.П. *Релігійне сектантство в Харківській губернії (1861–1917 рр.).* Автореф. дис. … канд. іст. наук. Харків, 2004.

[76] *Празднование дня славянской письменности по случаю 1000-летия со дня смерти Мефодия в Харькове, Чугуеве, Деркачах.* Юж. край. 1885. 3–4, 11–12 апр.

[77] *Празднование 900-летия крещения Руси в Харькове* // Харьк. губерн. ведомости. 1888. 15–16 июля; *Программа празднования 900-летия крещения Руси в Харькове* // Юж. край. 1888. 7 июля; *Празднование в Харькове 900-летия крещения Руси* // Юж. край. 1888. 17 июля; *Змиёв: О праздновании 900-летия крещения Руси* // Юж. край. 1888. 25 июля.

[78] *Фотограф А. Федецкий* // Юж. край. 1889. 15 янв.

[79] Павлов Т. *Царский колокол* // Юж. край. 1889. 14 янв.

[80] *Очерки истории Харьковской областной партийной организации.* Харьков, 1980. С. 19.

[81] Куличенко М.И. *В.И. Ленин и Харьковская большевистская организация (1895–1917 гг.).* Харьков, 1963. С. 16.

[82] Юрченко О.Т., Демченко М.В. *Поширення марксизму і соціал-демократичні організації на Україні (80–90-і роки XIX століття).* Київ, 1983. С. 85.

[83] Омельянчук И.В. *Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.).* Моногр. Київ, 2000.

[84] Чорний Д.М. *Харків початку XX ст.: історія міста, долі людей.* Харків, 1995. С. 82.

[85] Попик В.И. *Политическая борьба на Украине вокруг выборов в III Государственную думу.* Киев, 1989. С. 78.

[86] Чорний Д.М. *Харків початку XX ст...* С. 82.

[87] Тот факт, что в Харьковском университете какое-то время обучался Ю. Пилсудский, вряд ли можно расценивать в качестве свидетельства активности польских националистов в городе.

[88] Воронов А. *Воспоминания бывшего студента Харьковского университета 60-х годов* // Русская старина. 1913. Т. 154. Апр., май, июнь. С. 580.

[89] Алчевская Х.Д. *Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания.* М., 1912. С. 456–457.

[90] Головко О.М., Ярмыш А.Н. *Сделал, что мог... Харьковский городской голова Александр Константинович Погорелко.* Харьков, 1998; Hamm M.F. *Khar'kov's progressive Duma, 1910–1914: A study in Russian municipal reform* // Slavic Review. 1981. Vol. 40. No. 1. P. 17–36.

[91] Hamm M.F. *Khar'kov's Progressive Duma*… P. 21.

[92] Лисяк-Рудницький І. *Історичні есе*. Т. 1. С. 8.

[93] Аксаков И.С. *Письма к родным (1849–1856).* М., 1994. (http://az.lib.ru/a/aksakow_i_s/text_0160.shtml). № 165.

[94] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 131.

[95] Там же; Kappeler A. *The Ukrainians of the Russian Empire, 1860–1914* // The Formation of National Elite. Comparative Studies on Governments and Non-Dominant Ethnic Groups in Europe. 1850–1940. Vol. VI. New York, 1991. P. 105–132; Каппелер А. *Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи* // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 125–144.

[96] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 121.

[97] Там же. С. 179. Харьковские уроженцы уже в 1880-е гг. оставались в меньшинстве в местном городском самоуправлении (см.: Там же. Т. 2. С. 121; Hamm M.F. *Khar'kov's Progressive Duma*… P. 21).

[98] Н.Ч. Указ. соч.; *Расселение евреев по Харьковской губернии* // Харьк. губерн. ведомости. 1909. 16 июля.

[99] В 1915 г. газеты возмущались «немецким пленением» Харьковского университета и сообщали о ликвидации немецкого землевладения в Харьковской губернии (Харьк. губерн. ведомости. 1915. 14–16 июня).

[100] Чижикова Л.Н. *Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века).* М., 1988. С. 38.

[101] *Харьковский календарь на 1912 год.* Харьков, 1911. С. 31.

[102] Saunders D. *Russia's Ukrainian Policy…* P. 199.

[103] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2. С. 130–131.

[104] Там же. С. 778.

[105] Турченко Ф., Турченко Г. Вказ. праця. С. 37.

[106] Краснов А.Н. *По русскому югу* // Новое дело. 1902. Июль. С. 38, 49, 55.

[107] Риттих А. Указ. соч. С. 5.

[108] Иванов П.В. *Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии.* Харьков, 2007 (1-е изд. – 1907). С. 5.

[109] Magocsi P.R. *The Roots of Ukrainian Nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont.* Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 62.

[110] О развитии украинского национального движения в Харькове второй половины XIX – начала XX в. см.: Пальченкова В.М. *Український суспільно-політичний рух у Харкові в кінці XIX – на початку XX століття*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2000; Ситнік В.П. *Громадсько-політична діяльність М. Міхновського*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2005.

[111] Супронюк О. *Харківська громада наприкінці 1862 р.* // Київська старовина. 1998. № 2. С. 178–191.

[112] Там же. С. 180.

[113] Там же. С. 184.

[114] «В городах я бачив / Куряву та камінь, / Грюкотню од ранку, / Нічью бісів гомін, / Гроші як полова / Сиплються без ліку, / В кого їх немає, / Горе чоловіку. / Бенкети, безпуття, / Небагато віри: / Всі б один другого / Шарпали, як звіри» (Цит. по: Маслійчук В. *Провінція на перехресті культур (дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007. С. 354).

[115] В письме к Г.П. Данилевскому П.И. Сокальский писал из Одессы: «Если будете проживать некоторое время в Харькове, опишите какую-нибудь гадость, одну из тысячи, какими изобилует этот грязный, болотистый город (в переносном смысле). Я думаю, нет в России города, который следовало бы больше казнить и бичевать, как Харьков. Это сознательный подлец!» (Цит. по: Киевская старина. 1903. Кн. 4. С. 59).

[116] Л-ая Т.В. *Воспоминания о Н.В. Лысенко одной из его учениц по Киевскому институту благородных девиц* // Вестник ХИФО. 1913. Вып. 3. С. 51. Любопытно сравнить это высказывание с многочисленными самопрезентациями и декларациями харьковских интеллектуалов начала XIX в., каждый из которых так или иначе идентифицировал и позиционировал себя в качестве «украинца». Разумеется, сравнивая их, легко подпасть под влияние представлений о русификации, якобы не оставившей камня на камне от «национально сознательного» сообщества харьковчан.

[117] Маслійчук В. Вказ. праця. С. 357.

[118] Там же.

[119] Herlihy P. *Ukrainian Cities…* P. 144.

[120] Сумцов Н.Ф. *Харьков и Шевченко* // Вестник Харьк. ист.-филол. о-ва. Вып. 1. 1911. С. 6.

[121] Политике росссийского правительства по украинскому вопросу посвящено много научной литературы, в т.ч.: Saunders D. *Mikhail Katkov and Mykola Kostomarov: A Note on Petr Valuev's Anti-Ukrainian Edict of 1863* // Harvard Ukrainian Studies. 1996 for 1993. Vol. XVI. No. 3. P. 365–383; Idem. *The Russian Impact on Ukrainian Culture 1847–1905*; Idem. *Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863* // International History Review [Canada]. 1995. Vol. 17. No. 1. P. 23–50; Idem. *Russia's Ukrainian Policy (1847–1905): A Demographic Approach* // European History Quarterly. 1995. Vol. 25. P. 181–208; Andriewsky O. *The Russian-Ukrainian Discourse and the Failure of the «Little Russian Solution» 1782–1917* // Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945). CIUS, 2003. P. 182–214; Takach A. *In Search of Ukrainian National Identity 1840–1921* // Ethnic and Racial Studies. 1996. Vol. 19. No. 3 (July). P. 640–659; Хаген М. *Русско-украинские отношения в первой половине XX века* // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997. С. 183–195; Миллер А.И. *«Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.).* СПб. 2000. См. также дискуссию по проблеме русификации в Российской империи в: *Forum: Reinterpreting Russification in Late Imperial Russia* // Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 2 (Spring).

[122] Д.И. Багалей в письме к академику И.Ф. Бычкову, отстаивая выбор темы своей докторской диссертации, посвященной заселению Слободской Украины в XVI–XVII вв., писал: «Я пишу историю Белгородской черты Моск[овского] Госуд[арства] и Слоб[одской] Украйны; может быть, это послужит со временем одним из веских соображений против моей работы. Но ведь эта Украина в настоящее время составляет один из важнейших центров русской торговли, промышленности, просвещения; ведь такое <u>временное</u> состояние Украйны переживали, можно сказать, <u>все области</u> нашего обширного отечества, и изучать их историю значит несомненно изучать <u>историю России</u>. Русским историкам предстоит разрешить чрезвычайно важный вопрос, каким образом Русский народ и государство заселили обширнейшие территории нынешней России и ассимилировали массу разнородных народцев и народностей; а тут налагается запрет даже на историю Северской или Днепровской украйны!» (Ін-т рукописів Нац. б-ки України ім. В.І. Вернадського, ф. І, од. зб. 45487, арк. 3).

[123] Общие проблемы см.: Магочий П.Р. *Українське національне відродження: нова аналітична структура* // Укр. іст. журн. 1991. № 3. С. 97–101 (оригинальная версия: Magocsi P.R. *The Ukrainian National Revival: A New Analyrical Framework* // Canadian Review of Studies in Nationalism. 1989. Vol. 16. P. 45–62). Отдельные аспекты см.: Іванова Л.Г., Іванченко Р.П. *Суспільно-політичний рух 60-х рр. XIX ст. в Україні: до проблеми становлення ідеології.* Київ, 2000; Румянцева С.С. *Мовне питання в діяльності національної інтелігенції Наддніпрянської України (1900–1917рр.)*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2002; *Українське питання в Російській імперії (кінець XIX – початок XX ст.).* Колективна наук. моногр. / Ред. В.Г. Сарбей. Київ, 1999; Назимко С.П. *Участь міських верств населення України у національно-визвольному русі (1905–1907 рр.)*: Автореф. дис. … канд. істор. наук. Київ, 1994; Меша В.Г. *Українське національне відродження 1905–1914 рр. (Історіографія проблеми)*: Автореф. дис. … канд. іст. наук. Донецьк, 1995; Дорощук Н.О. *Український культурно-національний рух у Російській імперії (кінець XIX – поч. XX ст.).* Київ, 1996 и др.

[124] Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 2; Hamm M.F. *Khar'kov's Progressive Duma…*; Головко О. М. *Харківське міське самоврядування у 1893–1917 роках*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Харків, 1997; Головко А.Н., Ярмыш А.Н. Указ. соч.; Токарєв В.М. *Харківське міське самоврядування за городовим положенням 1870 року (історико-правове дослідження)*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1998.

[125] Hamm M.F. *Khar'kov's Progressive Duma…* P. 23.

[126] Журавлева С.В. *К вопросу о топонимической политике Харьковской думы в конце XIX века* // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. 1998. Вип. 3. С. 75–79. См. также: Э.Д. *О некоторых легко устранимых неудобствах Харьковской жизни: Об упорядочении наименований улиц и переулков города* // Харьк. губерн. ведомости. 1889. 14 янв.

[127] Путятин В.Д. *Заметки о мемориальной скульптуре Харькова XIX – нач. XX в.* // Науково-теоретичні здобутки Слобідської України: філософія, релігія, культура: Зб. наук. ст. Харків, 1999. С. 166–168.

[128] Хорошковатий О.В. *Локальна (місцева) топоніміка: спосіб творення, зміни, їх характер* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 344.

[129] *К вопросу о сооружении бюста М.Ю. Лермонтова в Гимназическом сквере возле Харьковского моста* // Харьк. губерн. ведомости. 1891. 18 сент.

[130] *Решение Харьковской городской Думы об открытии училища и присвоении ему имени генерала М.Д. Скобелева* // Харьк. губерн. ведомости. 1883. 5 янв.

[131] *Об открытии на основе школы с отделением садоводства и огородничества в память писателя Г.Ф. Квитки-Основьяненко* // Харьк. губерн. ведомости. 1884. 8 авг.

[132] См.: *Весь Харьков на 1914 год.*

[133] См., в частности, освещение этой полемики в: Мова (Лиманский) В. *Из литературного наследия.* Краснодар, 1999. С. 35–95; Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 58–64.

[134] См.: Рослик М. *Перший пам'ятник Кобзареві* // Прапор. 1963. № 10. С. 98–99. А. Миллер ошибается, полагая, что первым памятником, когда-либо возводившимся в честь представителя украинской культуры, стал мемориал И. Котляревскому в Полтаве, появившийся в 1903 г. (Miller A. *Ukrainophilia* // Russian Studies in History. 2005. Vol. 44. No. 2 (Fall). P. 30–43, здесь – с. 31).

[135] Головко А.Н., Ярмыш А.Н. *Сделал, что мог...* Х., 1998. С. 99.

[136] Наумов С.О. *«Замах» на пам'ятник О.С. Пушкіну в Харкові (1904 р.)* // Схід – Захід. 1998. Вип. 1. С. 120.

[137] Каразин Ф.В. *Ответ г-ну Оресту Миллеру* // Голос. 1871. № 38; Каразин Ф.В. *Василий Назарович Каразин – основатель Харьковского университета* // РС. 1875. № 2. С. 329–338; № 5. С. 61–80; № 9. С. 185–200; № 10. С. 268–279; № 11. С. 470–477.

[138] Бодянский О. *Замечание к записке о В.Н. Каразине* // Чтения в О-ве истории и древностей росс. 1861. Кн. 3. С. 200; Б[одянский] О. *Отзыв по поводу «Замечания к записке о В.Н. Каразине»* // Чтения в О-ве истории и древностей росс. 1862. Кн. 2. С. 243–244; Бодянский О.М. *Попытка В.Н. Каразина бежать за границу* // Чтения в О-ве истории и древностей росс. 1866. Кн. 3. С. 31–37; Данилевский Г.П. *Василий Назарович Каразин (1773–1842 гг.)* // Данилевский Г.П. *Украинская старина…* С. 97–169.

[139] Лавровский Н.А. *Василий Назарович Каразин и открытие Харьковского университета* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1872. Ч. 159. № 1. С. 57–106; № 2. С. 197–247;

Он же. *Воспоминание о Василии Назаровиче Каразине. (1773–1873)* // Журнал М-ва нар. просвещения. 1873. Ч. 165. № 2. Отд. 2. С. 294–311.

140 Абрамов Я.В. *В.Н. Каразин (основатель Харьковского университета). Его жизнь и общественная деятельность.* Биогр. очерк. СПб., 1891.

141 Кульман Н.К. *Из истории общественного движения в России в царствование императора Александра I* // Известия Отд-ния рус. яз. и словесности. 1908. Т. XIII. Кн. 1. С. 99–137.

142 Вязигин А.С. *Несколько слов о В.Н. Каразине* // Вязигин А.С. В тумане смутных дней. Харьков, 1908. С. 310–322. См. также статью П. Буцинского в: Харьк. губерн. ведомости. 1905. 21 авг.

143 Хорошковатый А. *Имена на карте города* // Слобода. 1998. 20 янв.

144 *Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов.* 3-е изд. Харьков, 1915. С. 28.

145 Денисенко О.Й. *Пошуки національного стилю в діяльності архітектурно-художнього відділу Харківського літературно-художнього гуртка [1912–1917 рр.]* // Проблеми збереження та відновлення історичної пам'яті: Наук. конф. з питань музеєзнавства та іст. краєзнавства, 24–25 трав. 1994 р.: Тези доп. Харків, 1994. С. 107–108.

146 Борисенко К.Г., Івах О.Д. *М.В. Лисенко в Харкові* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 243.

147 Харьк. губерн. ведомости. 1910. 13 июля.

148 Шубович С.А. *Исторические аспекты трансформации планировочной структуры Киева, Харькова и Одессы в XIX – нач. XX века* // Известия вузов. стр-ва и архитектуры. 1985. № 2. С. 54–58.

149 Перепечатка из журнала «Пробуждение» за 1916 г. в: Слобода. 1992. № 11.

150 Там же.

151 Данилевский Г.П. *Украинская старина...* С. 77.

152 Там же. С. 5.

153 В своих выводах я опираюсь на собственные работы о Д.И. Багалее (Кравченко В.В. *Д.И. Багалей: научная и общественно-политическая деятельность.* Харьков, 1990).

154 О семантике каждого из этих терминов в общественно-политическом контексте Российской империи см.: Kappeler A. *Mazepintsy, Malorossy, Khokhly: Ukrainians in the Ethnic Hierarchy of the Russian Empire* // Culture, Nation, and Identity: The Ukrainian–Russian Encounter (1600–1945) / Ed. A. Kappeler et al. Edmonton: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2003. P. 162–181.

155 Velychenko S. *National History as Cultural Process* // A Survey of the Interpretations of Ukraine's Past in Polish, Russian, and Ukrainian Historical Writing from the earliest Times to 1914. Edmonton: CIUS, 1992; Kohut Z.E. *The Development of a Ukrainian National Historiography in Imperial Russia* // Historiography of Imperial Russia. The Profession and Writing History in a Multinational State. Armonk; New York, 1999. P. 453–477.

156 Bassin M. *Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces* // The Journal of Modern History. 1993. Vol. 65. No. 3. P. 473–511; Steiner M. *From Frontier to Region: Frederick Jackson Turner and the New Western History* // The Pacific Historical Review. 1995. Vol. 64. No. 4 (Nov.). P. 479–501, здесь – с. 480.

157 Багалей Д.И. *Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства.* М., 1887. С. 11; Он же. *Очерки из русской истории.* Т. 2. Харьков, 1913. С. 228.

[158] Ремнев А. *Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века* // Новая имперская история постсоветского пространства / Ред. и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов. Казань, 2004. С. 227.

[159] Там же. С. 224.

[160] Именно поэтому мне трудно согласиться с мнением Т. Журженко, полагающей, что украинскую идентичность Слобожанщины Д.И. Багалей утверждал при помощи казацкого исторического мифа (Zhurzhenko T. *Cross-border cooperation and transformation of regional identities in the Ukrainian-Russian borderlands: towards a Euroregion «Slobozhanshchyna»?* // Nationalities Papers. 2004. № 1. Part 2. P. 506).

[161] Багалей Д.И. *Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам).* В 2 т. Харьков, 1893–1898. Т. 1 (1802–1815 гг.); Багалей Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905).* Харьков, 1906.

[162] Там же. С. 38–44.

[163] В этом польский исследователь имел не только предшественника в лице харьковского российского историка-славянофила Н.А. Лавровского, но и последователей – из числа современных украинских ученых – В.О. Дятлова и О.Б. Коваленко (Дятлов В.О., Коваленко О.Б. *Несподівана першість, або до питання про передісторію заснування Харківського університету* // Древности. 1995. С. 88–90).

[164] Багалей Д.И. *Опыт истории...* С. 16.

[165] Гермайзе О. *Українська історична наука за останнє десятиліття* // Студії з історії України науково-дослідчої катедри історії України в Київі. Т. 2. Київ, 1929. С. XIII.

[166] См. о нем, напр.: Шишов І. *Українознавець: дослідження (Спроба першого прочитання наукових праць М.Ф. Сумцова).* Харків, 2000.

[167] Щоголів Я.І. *Твори. Повний збірник з ілюстраціями.* Київ, 1961; Айзеншток І. *Літературні й громадські погляди Я.І. Щоголева. До столітніх роковин його народження. 1824–1924 (за невиданими матеріалами)* // Червоний шлях. 1925. № 1–2. С. 298–308; Погрібний А.Г. *Яків Щоголев: нарис життя і творчості.* Київ, 1986.

[168] «Кришталеве Ворскло, лугами повите / Одвіку зеленими горами вкрите, / Найкращая стьожка Дніпра, / І ти, моє поле, могилами зрите, / Де спить наша слава стара!» (Щоголев Я. *Слобожанщына. Лирна поэзия*. Харьків, 1898. С. 38).

[169] Репродукции см.: Багалей Д.И., Миллер Д.П. Указ. соч. Т. 1; Потрашков С.В. *Харьковские полки: Три века истории.* Харьков, 1998. С. 22.

[170] Илляшевич Л. В. *Краткий очерк истории Харьковского дворянства*. Харьков, 1885.

[171] Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 288.

[172] Головко А.Н., Ярмыш А.Н. Указ. соч. С. 99.

[173] Михайлин І.Л. Вказ. праця. С. 300.

[174] Цит. по: Омельянчук И.В. *Украинский и польский вопросы в контексте этнополитической составляющей идеологии консервативно-монархических партий России начала XX века* // Славяноведение. 2006. № 5. С. 17.

[175] Saunders D. *Regional Diversity in the Later Russian Empire* // Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series. T. 10. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 143–163.

[176] Hamm M. (ed.). *The City in Late...* 1986. P. 175.

ГЛАВА 5. «ПЕРВАЯ СТОЛИЦА»?

Новая эпоха в истории человечества, начало которой связано с Первой мировой войной, «пришествием масс», развалом европейских и евроазиатских империй, созданием национальных государств в Восточно-Центральной Европе, наконец, с попытками национально-государственного самоопределения Украины и вовлечением ее в новый, советский проект, – представляет особый период в истории Харькова и региона, как и Украины в целом. Этот период обозначен многократными изменениями административного статуса города и края, поиском ими своего места на постоянно менявшейся политической и культурной карте Российской империи и Советского Союза.

Как повлияли политические процессы, сопровождавшие развал Российской империи, появление украинской государственности и административной границы между Украиной и Россией, на географическую и национальную идентификацию Харькова и региона? Изменились ли их репрезентации в украинском национальном и советском исторических нарративах? Что представлял собой слободской региональный дискурс в советское время? Поиску ответов на эти и некоторые другие, связанные с ними, вопросы посвящена глава, хронологически охватывающая «короткое» XX столетие в истории Харькова и Харьковщины, начиная с 1914 г. – Первой мировой войны – и заканчивая развалом Советского Союза.

В.В. Кравченко

Украина versus Россия versus Южная Россия

Изменения, которые пережила Харьковщина в 1914–1920 гг., можно сравнить по масштабам лишь с геополитическими катаклизмами, сотрясавшими Украину в середине XVII в. При всей кажущейся новизне геополитической и культурной реконфигурации Слобожанщины во время гражданской войны на территории бывшей Российской империи, историку порой трудно отделаться от мысли об историческом континуитете, выступавшем на поверхность из-под глубоких разломов социально-политического, экономического и культурного пространства Украины, в особенности в тот относительно короткий четырехлетний период, который пролег между Российской империей и СССР.

Первая мировая война означала для Харькова, как это уже бывало в его истории в конце XVIII – первой трети XIX в., приближение края к западным окраинам Российской империи, ставшим ареной кровопролитных сражений. В Харьков потянулись эвакуированные из Польши и Прибалтики предприятия, в том числе сельскохозяйственный институт, велосипедный и электромеханический заводы вместе с обслуживавшим их персоналом. Находившимся в их числе латышским рабочим суждено будет сыграть заметную роль в борьбе за власть в городе в 1917 г.

Общее количество беженцев, оказавшихся в Харькове, составило около 45 тыс. чел.[1] Увеличению численности харьковского городского населения способствовала также ликвидация черты еврейской оседлости, что позволило евреям мигрировать в крупные города на востоке Украины и в центре России, а также переброска через Харьков десятков тысяч мобилизованных на фронт и прибывавших оттуда раненых. В результате к концу 1917 г. в городе насчитывалось около 288 тыс. чел., а вместе с пригородами – почти 363 тыс. чел.[2]

Ликвидация царизма означала для Харькова прежде всего превращение его в арену ожесточенной политической борьбы, которую повели между собой партии и объединения различной ориентации: имперской, национальной, демократической. Каждая из них внесла свой вклад в калейдоскопическую трансформацию политического ландшафта Харькова, неуклонно погружавшегося в водоворот гражданской войны. Культурное пограничье Украины и России в это время стало превращаться в политическое, что, в свою очередь, ставило перед местными жителями проблему эксклюзивного национального выбора.

Политическая жизнь Харькова в 1917 г. развивалась под влиянием преимущественно российских партий и движений, в то время как отношение местного населения к украинским партиям зависело главным образом от

внешних факторов – событий в Петрограде и Киеве. Первые политические битвы за Харьков принесли победу российским партиям эсеров и кадетов. На выборах в Харьковскую городскую думу, состоявшихся 9 июля 1917 г., социалисты-революционеры завоевали более 50 мест (получив при этом 37 548 голосов избирателей), кадеты – 15 мест (10 942 голоса), меньшевики – 13 (9345 голосов), большевики – 11 (7521 голос); намного меньшими оказались показатели украинских политических партий: УСДРП набрала всего 1437 голосов, Украинский демократический блок – 1045 голосов харьковчан[3].

Тогдашний городской голова Харькова и крупнейший историк города и края, профессор Д.И. Багалей, выступивший кандидатом от Украинского демократического блока, в городскую думу поначалу не попал, поскольку занял в партийном списке блока «непроходное» пятое место. И лишь отказ от своих мест тех политиков, которые шли в списке первыми, позволил Д.И. Багалею и его младшему по возрасту союзнику Г. Хоткевичу войти в городскую думу на правах гласных. Этот эпизод наглядно показал, с какими трудностями придется столкнуться украинскому движению в Харькове, и высветил со всей определенностью политическую ориентацию большинства местных избирателей на демократическую Россию.

Разницу в политических предпочтениях Харькова и губернии наглядно продемонстрировали выборы во Всероссийское Учредительное собрание в ноябре 1917 г.: по Харьковскому избирательному округу убедительную победу на них одержали украинские и российские эсеры, набравшие вместе почти 73% голосов, в то время как оказавшиеся на втором месте большевики получили 10,5%, а следующие за ними кадеты – 5,3% голосов избирателей[4]. В самом же Харькове победу на этих выборах праздновали большевики, набравшие чуть больше голосов, чем кадеты, за которыми, в свою очередь, расположились российские эсеры.

Несмотря на поражение на выборах, украинская интеллигенция Харькова развернула активную работу, направленную, говоря словами М. Гроха, на завершение второй стадии национального движения, решая задачи культурно-организационного характера[5]. На этом поприще украинские активисты встретили куда более благосклонное отношение местной общественности, чем в сфере политики, не в последнюю очередь – благодаря впервые появившейся возможности публично обсуждать перспективы украинской автономии в местной прессе[6].

Так, Харьковская городская дума приняла постановление об открытии с нового учебного года украинских школ в Харькове. В связи с этим были организованы постоянно действующие учительские курсы, на которых преподавались украинский язык и украиноведение, в частности история Украины. Курсы открылись лекцией Д.И. Багалея под красноречивым названием «Харків яко українське місто», включенной впоследствии в качестве отдель-

ной главы в его «Историю Слободской Украины» – первую синтетическую историю края, написанную на украинском языке и предназначенную к использованию в виде учебного пособия.

1 сентября 1917 г. состоялось заседание Харьковского украинского общества «Просвіта», которое возглавили Н.Ф. Сумцов и Д.И. Багалей. В планах украинской общественности Харькова было также создание народного университета украиноведения и первой на территории края украинской гимназии. Реализовать эти планы в полном объеме помешало резкое обострение политической ситуации в Петрограде, связанное с захватом власти коммунистами, а также события в самом Харькове.

Активизация украинских национальных организаций в Харькове и губернии сопровождалась широким использованием в общественно-политической и культурной жизни региона слободско-украинской символики, получившей теперь ярко выраженное национальное содержание. Губернский украинский съезд, созванный в Харькове 15 апреля 1917 г., избрал Харьковскую губернскую украинскую Раду[7], которая в конце сентября того же года получила название Рады Слободской Украины и сформулировала задачу – «осуществить автономию Украины на Слобожанщине»[8]. Можно представить, насколько странным выглядело бы подобное сочетание слов для жителей Слободско-Украинской губернии в конце XVIII – начале XIX в.

Слободско-украинская символика сопровождала и дальнейшие шаги по институционализации украинского национального движения в Харькове, на всех этапах его развития. Так, известный художник С. Васильковский в июле 1917 г. основал общество «Музей Слобожанщины», пожертвовав для него более 600 собственных картин с украинскими пейзажами, а также коллекцию оружия и украинских национальных костюмов. Впоследствии на основе этих экспонатов в Харькове был образован государственный Музей Слободской Украины. Слободским региональным маркером были отмечены и украинские национальные воинские формирования: гайдамацкий кош Слободской Украины возглавил не кто иной, как Симон Петлюра[9].

Символическое вхождение Харькова и региона в украинское национальное пространство отразили созданные представителями университетской профессуры новые региональные нарративы, увидевшие свет в 1918 г.: исторический, под названием «Історія Слобідської України», принадлежащий Д.И. Багалею, и этнографический – «Слобожане», написанный Н.Ф. Сумцовым. К ним присоединилось краеведческое издание «Природа и население Слободской Украины» под редакцией профессора В.И. Талиева, сориентированное на русскоязычную часть населения города и региона.

О характере последнего издания дает представление вступительная часть, в которой говорилось: «В настоящее время перед населением Украины и в частности Слобожанщины встает заря новой жизни. Его творческой,

производительной деятельности открывается широкий простор, не связанный насильственными политическими путами. Но для этого нужно знать свой край, его прошлое, его природу, его положительные и отрицательные стороны. Старая русская история была мало благоприятной для самодеятельности, и знакомство с собственной родиной было в полном пренебрежении. Теперь этого не должно быть»[10]. В сущности, автор этих слов следовал популярной в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. концепции «малой родины», которая рассматривалась в качестве одного из основных средств пробуждения патриотизма и любви к «большой Родине»[11]. Каким образом авторы представляли себе эту последнюю – можно лишь предполагать, хотя в условиях гражданской войны и фрагментации культурного пространства Российской империи локальная, региональная идентичность чаще всего приобретала преимущество над национальной.

Косвенное подтверждение сказанного можно видеть в содержащемся в книге, помимо описания территории проживания и этнографии населения Харьковщины, кратком перечне рекомендуемых экскурсий по местам, которыми очерчивалось историко-культурное пространство Слобожанщины. В него вошли Коробовы хутора на Северском Донце, Святогорский и Ахтырский монастыри, археологическая стоянка в Верхнем Салтове, меловые отложения и целинная степь в Купянском уезде, остатки оборонительных сооружений в районе Н.Водолага – Валки – Перекоп[12] – словом, памятники, лишенные ярко выраженной национальной украинской символики.

Сознавая, видимо, эклектический характер вышеперечисленных исторических, религиозных и географических символов Слобожанщины, не отягощенных идеологическим грузом, издатель книги счел необходимым объяснить, что раскрепощенный народ со временем, мол, сам должен будет определить, что именно его интересует... И все же главным в этом издании можно признать то, что его авторы относили Харьковщину под именем Слобожанщины к Украине, вдохновляясь демократическими перспективами ее развития и отказом от архаичного имперского наследия.

Будущее Харькова и региона, впрочем, зависело не столько от политической ситуации на местах, сколько от того, как развивались события в Петрограде и Киеве, в частности, от переговоров между лидерами украинского национального движения (Центральной Рады) и представителями Временного правительства России о статусе Украины в составе будущей демократической федеративной Российской республики. В мае 1917 г. они споткнулись на территориальной проблеме, отразив различные концепции Украины и России в восприятии центра и провинции бывшей империи[13].

Российская сторона соглашалась признать украинскими Киевскую, Полтавскую, Черниговскую (частично), Волынскую и Подольскую губернии, – фактически эта территория совпадала с наиболее распространенным

в русском историческом нарративе представлением о Малороссии «обоих берегов Днепра», соотносившейся, в свою очередь, с казацким государством – Гетманатом – середины XVII в. Эта – историческая – Малороссия оказывалась меньше, чем административная Малороссия XIX – начала XX в., которая включала в себя, помимо бывшего Гетманата, территорию бывших Слободских полков. В 1917 г., однако, эта последняя, вместе с Донбассом, исключалась российским правительством из состава Украины.

Российская общественность, независимо от политических взглядов, оказалась на редкость единодушной в своем отношении к украинскому вопросу. Ни одна из российских демократических партий, не говоря уже о консерваторах, не была готова признать за Украиной право на национально-территориальную автономию[14]. Поэтому говорить о расколе между политическими элитами и общественностью в этом случае не приходится. Совсем иначе складывалась ситуация в украинском политикуме.

В политическом противостоянии Временного правительства и Центральной Рады Украина выступала этаким двуликим Янусом: часть ее населения, преимущественно городские средние слои, перешла на позиции модерного украинского национализма, другая – отбрасывала национальную идею во имя религиозной в своей основе идеи «славено-русского народа» или же социальной концепции «народа» как недифференцированной и репрессированной массы.

В Киеве для противодействия украинскому национальному движению возникло сразу несколько общественных организаций, позиционировавших себя в качестве «малороссийских» и «южнороссийских». Одной из них стал «Союз югороссов», противопоставивший принципу национального самоопределения Украины лозунг местного территориального самоуправления в рамках т.н. Южной Руси – территории, очерченной в основном в экономических категориях в виде «края с каменноугольными копями, богатыми рудными месторождениями», развитым сельским хозяйством и «прекрасными гаванями на Черном море», как о том говорилось в специальной записке профессоров Киевского политехнического института, направленной Временному правительству в начале августа 1917 г.[15]

Другими словами, национальной Украине противопоставлялась территориально-экономическая Южная Россия, представление о которой окончательно сформировалось в конце XIX – начале XX в., не в последнюю очередь благодаря деятельности Съезда горнопромышленников Южной России с центром в Харькове. Не случайно активную роль в противостоянии с Центральной Радой играл многолетний руководитель этой организации харьковский предприниматель Н. фон Дитмар, выступивший против включения в состав автономной Украины Харьковской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерний, служивших основной территорией дело-

вой активности Съезда горнопромышленников Юга России[16]. Любопытно, что все пространство названных губерний Н. фон Дитмар именовал Харьковским районом, отдавая тем самым Харькову роль лидера этого региона по сравнению с другими губернскими городами.

Помимо русских предпринимателей и интеллигенции, оперировавших в данном случае в основном экономическими категориями, наиболее последовательным и непримиримым противником украинского национального самоопределения стала Русская православная церковь (РПЦ)[17]. Мировые катаклизмы, ознаменовавшие начало Нового времени, никак не повлияли на ее идеологию и политику. Руководство РПЦ всеми силами продолжало поддерживать идею единства «святой Руси», отождествляя понятия «русскости» и «православия». В то же время, за всем «украинским» православные иерархи стремились закрепить враждебный, внешний, часто – католический стереотип, выталкивая тем самым украинцев за пределы сакрализованного православно-славяно-русского пространства. О том, насколько сильным оставалось влияние РПЦ на основную массу украинского населения – крестьянство, – говорить не приходится. Но ее влияние на российский политикум в новое и новейшее время иногда недооценивается исследователями.

Знакомство с высказываниями по национальному вопросу многих оппонентов украинской автономии позволяет говорить, что государственное единство России для них оставалось вопросом не столько политическим, экономическим и тем более социальным, сколько религиозным. Риторика «святой Руси», ее «священного символа» – «Киева – матери городов русских», высказывания А.И. Деникина, для которого русская государственность оставалась не политической институцией, а «символом веры», «символом ортодоксальным», – все это свидетельства религиозной, а не светской культурной традиции. В этом контексте гетерогенность могла быть терпимой исключительно на региональном уровне, в то время как язык, религия, государство – воспринимались в домодерных категориях национального единства.

Коммунистический переворот в октябре 1917 г. дал возможность Центральной Раде провозгласить свою власть на спорных территориях, а также в некоторых, населенных преимущественно украинцами, уездах Курской и Воронежской губерний. Оказавшись между молотом коммунистической России и серпом Украинской Народной Республики (УНР), Харьковская городская дума приняла 2 декабря 1917 г. резолюцию о присоединении к УНР как составной части Российской демократической республики, признав над собой власть Генерального Секретариата[18]. К такому же выбору пришел и Ученый совет Харьковского университета, выразив протест по поводу захвата власти коммунистами и заявив о своей поддержке Центральной Рады[19].

Дилемма исключительного политического выбора между Украиной и Россией, перед которым оказалась совершенно не готовая к такому повороту событий харьковская общественность, как видим, была существенно скорректирована принципом «двойной лояльности» по отношению к автономному (Киеву) и общегосударственному (Петрограду) политическим центрам. Впрочем, очень скоро под влиянием внешних факторов эта не успевшая утвердиться система политических взаимоотношений провинции с центром сменилась новой. Харькову не удалось удержать дистанцию между основными противоборствующими сторонами. Можно предположить, что колеблющаяся, компромиссная позиция городской общественности, стремившейся избежать обострения ситуации и объединить непримиримых оппонентов, сыграла на руку партии, продемонстрировавшей бóльшую, чем другие, волю к власти. Чем-либо другим трудно объяснить тот факт, что большевики, уступая другим партиям в численности и популярности, в начале декабря 1917 г. сумели захватить власть в Харькове и тем самым открыть себе дорогу на Украину[20]. Прибытие на *Южный* вокзал Харькова «*Северного*» летучего отряда под командованием Р. Сиверса из Петрограда в помощь местным большевикам, конечно, усилило их позиции, но вряд ли сыграло решающую роль в ходе событий.

В декабре 1917 г., как известно, Харьков неожиданно для себя оказался в роли столицы советской Украины, после того как здесь на скорую руку, под прикрытием военных формирований большевиков, был проведен съезд Советов и военно-революционных комитетов Украины. Избранный съездом Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины создал правительство – Народный Секретариат – и объявил свою поддержку коммунистическому правительству в Петрограде, а заодно и провозгласил Центральную Раду свергнутой.

Этим событиям предшествовало заявление советского правительства России под красноречивым названием «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде», написанный В.И. Лениным в духе противопоставления «хорошего» народа и «плохого» правительства – риторики, остающейся в арсенале российского правительства до сего дня и использующейся чаще всего для оправдания вмешательства во внутренние дела соседних государств.

Выбор Харькова на роль столицы Украины был продиктован не только конкретной политической конъюнктурой, о чем говорят современные украинские исследователи, но и географическими, экономическими и политическими соображениями. Харьков оставался наиболее удобным для сообщения транзитным железнодорожным пунктом между центром бывшей империи и ее южным, наиболее развитым в промышленном отношении регионом. К тому же Харьков играл роль регионального партийного центра

коммунистов еще с середины июля 1917 г., когда из Екатеринослава сюда был переведен организационный центр Донецко-Криворожской областной партийной организации – наиболее мощной организации большевиков, действовавшей на украинской территории[21]. Но сама организационная структура РСДРП(б), включавшая в себя, помимо Донецко-Криворожской, «южной», еще и областную организацию Юго-Западного края с центром в Киеве, приводила к заключению, что большевики к тому времени еще не воспринимали Украину в качестве единой национальной территории.

Отношение коммунистического руководства к национальному вопросу вообще и к украинскому в частности оставалось неоднозначным. Умеренная часть лидеров партии большевиков была готова к компромиссу, хотя и отдавала предпочтение принципу политического самоопределения перед национальным. Радикалы настаивали на архаичности наций вообще и провозглашали необходимость исключительно территориально-экономического самоопределения. На символическом уровне эти разногласия отразились в конфронтации, соответственно, «украинских» и «южнорусских» маркеров региональной идентичности.

В начале февраля 1918 г. Харьков был провозглашен столицей вторично. На сей раз – Донецко-Криворожской Республики, экспроприировавшей Харьковскую и Екатеринославскую губернии, а также примыкавшие к ним промышленные районы Войска Донского, которые должны были войти в состав РСФСР[22]. Главным экономическим органом республики стал Южный областной Совет народного хозяйства (ЮОСНХ). Печатный орган Харьковского совета рабочих и солдатских депутатов Донецко-Криворожского бассейна именовался «Известия Юга». Таким образом, коммунисты выдвигали Харьков на роль административно-политического центра экономического региона Юга России точно так же, как это годом ранее делал представитель крупного капитала – Н. фон Дитмар.

20 марта 1918 г. газета «Известия Юга» провозгласила: «Поскольку Украина отделилась от Советской России – это ее дело. Мы за ней не идем... Надо на весь мир крикнуть, что донецкий пролетарий не считает себя входящим в Украинское государство»[23]. Областной комитет Советов заявлял, что «советы Донецкого бассейна принимают участие в общем строительстве государственной жизни с советами всего юга России – Украины и Доно-Кубано-Терского района»[24]. Понятие «юг России» в данном случае, как видим, оказывалось гораздо шире, чем понятие официальной слободской «украины» в конце XVIII – начале XIX в.

Донецкие коммунисты провозгласили отказ от принципа национального самоопределения вообще и замену его территориально-экономическим. На IV областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Донецко-Криворожской области, состоявшемся 27–30 января

1918 г., прозвучали следующие тезисы: «По мере того, как в свободной федерации советских республик России с развитием социалистической революции средства производства будут обобществляться, главные отрасли промышленности – национализироваться, отделение республик все больше будет и должно проводиться по принципу особенностей той или иной области в хозяйственно-экономическом отношении. ...Донецкий и Криворожский бассейны как область, которая уже и сейчас имеет свое определенное экономическое хозяйственное лицо, должен иметь собственные органы экономического и политического самоуправления, единые органы власти, которые организуют в бассейне политический, экономический и культурный правопорядок Советской республики»[25].

Можно предположить, что региональная идентичность Донбасса возникла задолго до 1917 г. и была обусловлена прежде всего особенностями его экономического развития в модернизированном пространстве Южной России [26]. Но это не означало, что экономические компоненты региональной идентичности в данном случае вытесняли все остальные под воздействием интернациональной коммунистической идеологии. Российская официально признанная «народность» вместе с соответствующим типом идентичности, обостренной к тому же обстоятельствами гражданской войны и секуляризацией «святой Руси» в связи с провозглашением украинской государственности, оказывалась все же более влиятельной по сравнению с региональной.

На одном из плакатов того времени Донбасс изображен в виде «сердца России», от которого расходятся кровеносные сосуды ко всем крупным городам страны. Украины как таковой здесь нет вообще. Воинственная антиукраинская позиция донецких коммунистов позволила им объявить сепаратистами даже своих товарищей по партии, выступавших за создание советской Украины на национальной, а не экономической основе, хотя те, в свою очередь, отделяться от России не собирались и направляли свои усилия в основном на ее трансформацию.

Вариант политического устройства «юга России», предложенный умеренным украинским коммунистом М. Скрыпником, предусматривал, в частности, создание донецко-криворожской автономии в составе «южнорусской Украинской Республики как части Всероссийской Федерации Советских Республик»[27]. В этом случае понятия «юг России» и «Украина» совпадали. Компромиссный проект М. Скрыпника, сочетавший региональный принцип «южнорусскости» с национальным украинским, оказался, однако, столь же неприемлемым для радикальных коммунистов, сколь и для украинских и русских националистов.

Любопытно, что ни один из участников политического процесса того времени не ставил под сомнение роль Харькова в качестве регионального центра, независимо от того, какую политическую конфигурацию приобре-

тал регион. Впрочем, изгнание большевистских войск из Украины и приход к власти гетмана П. Скоропадского в апреле 1918 г. на время отодвинули вопрос о политическом статусе Харькова и снова выдвинули на первый план проблему размежевания Украины с Россией по национальному принципу. Донецко-Криворожская республика к тому времени успела незаметно раствориться на Дону.

Оккупация Харькова немецкими войсками показывала, что Германия трактовала Украину в ее этнических границах, декларированных 3-м Универсалом Центральной Рады 1917 г. Присутствие в Харькове немецких войск более четко очертило границы Украины на севере. Для придания им политической легитимности правительство гетмана П. Скоропадского в 1918 г. начало переговоры с коммунистическим правительством России[28]. Очень скоро выяснилось, однако, что стороны придерживаются разных критериев в определении соответствующих государственных территорий. Для украинской стороны основным признавался этнический принцип, в то время как российская сторона провозглашала необходимость территориального политического самоопределения.

Де-факто демаркационная линия между Украиной и Россией начиналась от Купянска на Харьковщине, проходила по территории современной Белгородской области и заканчивалась в Сураже на Орловщине. Украинская сторона отстаивала право на десять уездов Воронежской, Курской и Орловской губерний, а также на четыре уезда Черниговской губернии и треть области Войска Донского. Россия, в свою очередь, выдвинула претензии на значительные территории Черниговщины, Харьковщины и Екатеринославщины, что лишало Украину 85% донецких запасов угля.

Не менее сложными оказались и пограничные переговоры Украины с правительством Всевеликого Войска Донского, поскольку украинская сторона заявляла о своих правах на Таганрогскую область, а донское правительство – на Луганск и Старобельский уезд Харьковской губернии. Тем не менее эти переговоры, в отличие от названных выше, завершились успешно[29]. Стоит отметить, что при создании коммунистическим руководством в 1919–1920 гг. новой, Донецкой губернии к ней отошли-таки Старобельский, а также часть Изюмского и Купянского уездов Харьковской губернии.

Основным в этом споре «славян меж собою» оказывался вопрос о государственной принадлежности промышленно-сырьевого региона Южной России[30]. В этой связи будет уместным напомнить, что основные боевые действия в 1919–1920 гг. разворачивались именно в этом регионе: армия Деникина, наступавшая на большевиков из казачьих областей Дона и Кубани и носившая официальное название Вооруженных сил Юга России, в сущности, так и не вышла за пределы этого последнего, остановившись в районе Курска и Орла – городов, обозначавших некогда северные границы Украины

с Россией. Повстанческая армия Н.И. Махно – политического антагониста А.И. Деникина – оперировала преимущественно в районе современных Днепропетровской и Запорожской областей, включая в зону своих боевых действий и Харьковщину и тем самым демонстрируя ее принадлежность к обширному южному региону, под чьим контролем он бы ни находился.

Политические обстоятельства в конечном счете играли определяющую роль в идентификации и восприятии регионов бывшей Российской империи, вновь ставших пограничными. Любопытное подтверждение этому приводит современный японский исследователь Икеда Иоширо. Осенью 1919 г. в Москве – новом политическом центре России – чиновники из центрального партийного аппарата воспринимали Донбасс, Екатеринославщину и Харьковщину как периферийные, но – не русские, а украинские регионы. И хотя, по мнению историка, в восприятии московских коммунистов «Украина» в данном случае имела сугубо территориальный, а не этнический смысл[31], можно прийти к выводу, что при взгляде из большевистской России Харьков размещался на внешней стороне границы российского heartland'a, как это было во время заселения степной окраины в середине XVII в.

Свидетельства современников и воображение мемуаристов отразили калейдоскопическую смену образов Харькова в разные периоды гражданской войны. Так, в изображении А.Н. Толстого, описывавшего события времен Гетманата 1918 г., это город пограничный, окраинный, завоеванный некими внешними силами, город, лицо которого определяли лихорадочная деловая активность авантюристов и спекулянтов всех мастей, справляющих свой пир во время чумы на фоне опереточных украинских декораций: «По улицам ходили – тяжело, вразвалку – колонны немецких солдат в стальных шлемах. На лихачах проносились потомки древних украинских родов в червонных папахах. Множество дельцов, военной формации, в синих шевиотовых костюмах, толпились по кофейням, из воздуха делали деньги, гоняли из конца в конец Украины вагоны с аспирином, касторкой, смазочными маслами. В сумерки озарялись ртутным светом облупленные двери кабаре и кино. Гремела музыка из городского сада, на берегу заросшей ряской реки Нетечи, где кишели, орали, ухали жабы и лягушки, вились туманными змейками двенадцать лихорадок»[32].

Другими глазами увидел Харьков летом 1919 г. идейный деникинский офицер, публицист Б. Суворин, разразившийся по поводу харьковских обывателей тирадой, которая напоминает строки из письма П. Сокальского к Г. Данилевскому 1860-х гг., процитированные в предыдущей главе: «…какой, однако, лицемерный город Харьков. Особенно его зажиточные слои. Полнейшая неспособность к жертвам, подвигу, глубокое равнодушие к идеям высшего порядка, ко всему, что выходит из круга личных интересов»[33].

Правда, этому впечатлению противоречит свидетельство других сослуживцев Б. Суворина, вспоминавших об энтузиазме, с которым харьковчане, по крайней мере те, кто принадлежал к средним и верхним городским слоям, приветствовали войска Деникина[34]. Но в целом фигура харьковчанина, встречающего красным флагом – большевиков и имперским «триколором» – «белых», может считаться вполне естественной для пограничного города, переходившего из рук в руки и ставшего ареной противостояния трех главных боровшихся за власть политических сил: коммунистов, российских и украинских националистов.

По сравнению с эфемерными советскими республиками Новороссии, Таврии и Донецко-Криворожского бассейна, а также с попытками национального самоопределения малых и больших народов бывшей Российской империи, Харьков не обнаруживал тенденций к собственному региональному политическому автономизму или сепаратизму. Конкурирующие политические проекты, вовлекавшие Харьков в свою орбиту, – имперский, коммунистический, украинский национальный и южный региональный в его различных вариациях – к тому времени давно лишили актуальности любой потенциальный проект слободско-украинской автономии, для которой не было ни политических, ни культурно-символических, ни институциональных основ.

По крайней мере, уцелевшие в городе общественные организации, выступавшие с политическими заявлениями во время гражданской войны, не затрагивали проблему региональной автономии. К примеру, Первый областной кооперативный съезд 19–21 мая 1919 г. в Харькове, создавший Совет харьковских областных кооперативных съездов, принял ряд резолюций, касавшихся вопросов внутренней и внешней политики, и высказался, в частности, за пересмотр Брестского мира и федерацию Украины с Россией[35]. Но ни в одном из принятых на съезде документов вопрос об особом статусе Харькова или региона не затрагивался.

Окончательная победа российских коммунистов и захват ими Харькова в конце 1919 г. снова обернулась для города повышением его статуса до столичного. На сей раз – в Советской Украине. Большевики во главе с В.И. Лениным оказались единственной политической силой в постимперской России, готовой признать, хотя бы частично, национальный статус Украины в ее этнических границах. До уровня столицы Земного шара, «председатель» которого – Велимир Хлебников по счастливому совпадению проживал тогда в Харькове, город немного «не дотянул»...

В.В. Кравченко

Экспериментальная столица: от традиции к модерну

Выбор Харькова на роль столицы Советской Украины был сделан коммунистическим правительством России под влиянием целого ряда факторов, среди которых основное место принадлежит, безусловно, военным и политическим. Ситуация в Украине в начале 1920 г. все еще оставалась неопределенной. Коммунистический эксперимент в экономике в очередной раз проваливался. Крым не был взят, на юге снова разворачивалась повстанческая армия Махно, а с запада готовились к походу польские и украинские войска. В мае 1920 г. они сумели овладеть – правда, на короткое время – Киевом.

В этих условиях Харьков, благодаря прежде всего своему стратегическому значению транспортного железнодорожного узла и близости к Москве, стал основным тыловым центром для советских войск Юго-Западного фронта и одновременно плацдармом для подготовки наступления на крымском направлении[36]. Аналогии с концом XVII – началом XVIII в., когда Харьков стал основной базой для русских армий, наступавших на Крым, при всей их рискованности, могут быть уместными. Именно эту, военно-стратегическую роль Харькова на завершающем этапе гражданской войны планировалось увековечить в виде гигантской диорамы, изображающей штурм и взятие Перекопа войсками под командованием М.В. Фрунзе в 1920 г.[37]

Символическая роль, которую сыграл Харьков в годы гражданской войны, также заставляла новых хозяев страны отдать ему предпочтение перед Киевом. Последний к тому времени успел приобрести репутацию основного центра украинского национального движения, враждебного как коммунистам, так и сторонникам «единой и неделимой России». Харьков, напротив, успел побывать столицей не только советской Украины, но и Донецко-Криворожской республики и потому не вызывал враждебных ассоциаций ни у ортодоксальных коммунистов, отрицавших национальности в принципе, ни у русских националистов, отказывавших в праве на существование только одной нации – украинской.

Наконец, в условиях сохранявшегося в 1920-х гг. ощутимого модернизационного компонента в идеологии и политике коммунистов Харьков, благодаря своему промышленному потенциалу, значительному числу русскоязычного фабрично-заводского пролетариата, роли транзитного и административного центра по отношению к Донецко-Криворожскому промышленно-сырьевому бассейну, гораздо больше подходил на роль экспериментальной авангардной столицы пролетариата на Украине, чем более

традиционный в этом отношении Киев[38]. Оставалось определить – столицей чего, собственно, провозглашался Харьков?

В 1920-е гг. очередное размежевание территории между советскими республиками Украиной и Россией сопровождалось не менее горячими дебатами, чем при предыдущих политических режимах[39]. До того времени граница между УССР и РСФСР определялась договором 1919 г., согласно которому за пределами украинской территории оказывалось более 1,5 млн этнических украинцев. Но в условиях военного времени, меняющейся ситуации на фронтах – эта граница носила временный характер. Теперь, в условиях стабилизации коммунистического режима и предпринятой им политики «укоренения» на местах, дискуссии о границах между советскими республиками снова возобновились. В основном они разворачивались вокруг населенных этническими украинцами уездов Курской и Воронежской губерний.

Характерно, что во время переговоров по спорным вопросам обе стороны руководствовались этнографическим принципом[40]. К примеру, российская сторона, аргументируя свое нежелание поступиться спорными территориями, ссылалась на употребление их жителями русского языка в качестве разговорного и использование традиционной терминологии «малоросс» и «великоросс»[41]. Другой термин – «хохол», часто употреблявшийся в качестве названия и самоназвания по отношению к этническим украинцам на украинско-русском порубежье в XVIII – начале XIX в., к тому времени уже успел приобрести пейоративный характер[42].

Для обоснования «украинскости» местного населения украинское советское правительство прибегло к помощи экспертов – крупнейших в республике профессиональных историков Д.И. Багалея и М.С. Грушевского. Оба они участвовали в подготовке проекта документа «О внешних границах УССР», представленного украинской стороной на рассмотрение ЦИК Союза ССР в 1924 г.[43] Оба пришли, как и ожидалось, к выводу об украинской принадлежности спорных территорий. Любопытно, однако, что каждый из них по-разному определил название украинско-русской границы: для Д.И. Багалея это была граница «северная», что в общем-то согласовывалось с привычной для Харькова «северно-южной» системой географических координат, в то время как для М.С. Грушевского – «восточная»[44].

На основании выводов экспертов украинское советское правительство предполагало присоединить к УССР некоторые уезды Курской и Воронежской губерний, населенные преимущественно этническими украинцами. Хотя специальная комиссия Союзного ЦИК, рассматривавшая этот проект, согласилась положить в основу своей работы этнографический принцип и частично признала справедливость предложений украинской стороны, обсуждение вопроса о территориальном размежевании сопровождалось гром-

кими демаршами и взаимными обвинениями, показавшими, что до победы интернационализма даже в коммунистической среде было еще далеко.[45]

На первый взгляд, этнические категории не стали единственными и определяющими в политике советского центра по отношению к Украине. Параллельно с ними, использовался экономический принцип административного деления советской территории. Так, административная реформа 1925 г. отразила борьбу между Госпланом СССР и украинским партийно-государственным руководством. Госплан намеревался разделить Украину на две хозяйственные области: юго-западную (преимущественно сельскохозяйственную) с центром в Киеве и южную, горнопромышленную, с центром в Харькове[46]. Этот подход, в сущности, лишь воспроизводил старую систему, принятую в имперской России по отношению к украинской территории.

Ведущий российский эксперт, автор проекта Днепрогэса, профессор И. Александров, отстаивая раздел Украины в 1921 г. по экономическим критериям, так обосновывал свое мнение: «Наша позиция при создании автономных областей в настоящее время опирается на совершенно новый принцип целесообразного деления государства: на основе рационально-экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав»[47]. На деле же центральные плановые органы Советской России фактически пытались возродить целостность экономического региона «юга России», игнорируя тем самым принцип национального самоопределения для Украины.

Это вызвало сопротивление со стороны тогдашнего украинского руководства точно так же, как семью годами ранее оно сопротивлялось идеям и проектам, выдвигавшимся лидерами Донецко-Криворожской республики в 1918 г. Украинское правительство нашло поддержку со стороны В.И. Ленина, который по политическим соображениям согласился рассматривать Украину как единый экономический район. В данном случае национальный принцип одержал победу над экономическим. Правительство Украины, не допуская мысли о разделе республики, провело административную реформу вопреки желаниям Госплана[48].

Это обстоятельство, в свою очередь, повлекло за собой необходимость разделения экономического региона «Юг России». Часть его, отошедшая к России, институционализировалась в рамках т.н. Юго-Восточной области с центром в Ростове и присоединила к себе спорные территории Таганрога и соседних с ним земель. Со временем южный маркер вообще исчез из названия этого региона, ставшего частью Северо-Кавказского края. Невзирая на это, Харьков и Украина, по крайней мере ее левобережная, «малороссийская» со второй половины XVII в. часть, в советском центре по-прежнему ассоциировались с Югом России.

Такую диалектику географических символов хорошо понимали современники. Так, при обсуждении планов первой пятилетки, касающихся вы-

бора места для развития советского военно-индустриального комплекса, часть партийного руководства выступила против того, чтобы избрать для этого Украину, мотивируя свою позицию политическими причинами. Тогдашний председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский, оппонируя такому подходу, под смех аудитории заявил, что, дабы избежать обвинений в национальной ограниченности, промышленность, мол, надо развивать преимущественно на Юге[49]. Присутствующие хорошо поняли умышленную игру слов оратора: если «Украина» оставалась политически ненадежной, то в более привычном облике Юга России та же территория как бы теряла свой пограничный статус и не вызывала подозрений. Сочетание географических и национальных категорий в очередной раз демонстрировало свою диалектику на бывшей степной окраине Московского государства, чем на протяжении ее истории не без успеха пользовались представители местных элит.

Административно-территориальные преобразования УССР 1920-х гг. затронули и Харьковщину, неоднократно меняя площадь и конфигурацию региона. Так, в 1920 г. с образованием Донецкой губернии в ее состав перешли Старобельский, а также часть Изюмского и Купянского уездов. Новая административная реформа 1925 г. уменьшила территорию Харьковского округа – часть его вошла в состав Полтавского округа. Позднее, 27 февраля 1932 г., в связи с усилением централизованной системы управления была создана Харьковская область в составе 78 районов, непосредственно подчиненных областному центру. В 1939 г. они пережили стадию укрупнения, а их число уменьшилось до 33[50]. Впрочем, административные эксперименты первых лет Советской власти не вносили принципиальных изменений в символическую географию Харькова.

1920–1930-е гг. стали для столицы региона, превращенной в украинскую советскую столицу, временем достаточно бурного, динамичного развития. До начала 1920-х гг. территория города Харькова оставалась относительно небольшой; теперь же она стала быстро расширяться и, благодаря интенсивному строительству, уже в 1923 г. возросла до 119 кв. км[51]. Через год городская территория увеличилась до 140 кв. км, превысив прежнюю, дореволюционную, более чем в 4,5 раза и включив в себя значительную часть пригородных окраин. В 1939 г. она составляла почти 288 кв. км[52].

В 1920 г. в Харькове насчитывалось почти 270 тыс. чел.[53] В 1925 г. численность населения города возросла до 373 414 чел.[54] По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Харькове проживало 415 400 жителей[55] – почти на 25% больше по сравнению с 1923 г. При этом прирост численности харьковчан происходил преимущественно за счет приезжих, в первую очередь из Харьковской, а также соседних украинских и российских областей.

В дальнейшем этот процесс несколько замедлился, но лишь для того, чтобы совершить очередной скачок в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в

период форсированной индустриализации. В течение 1930–1932 гг. население Харькова увеличилось почти на 300 тыс. чел., а темпы его прироста возросли до 20% в год[56]. В результате Харьков с его 521 тыс. жителей выдвинулся на второе место в Украине по численности населения, ненамного уступив первую позицию Киеву. В дальнейшем темпы прироста населения города несколько снизились. Всесоюзная перепись 1937 г. зафиксировала в нем 759 тыс. чел.[57] По сравнению с началом 1920-х гг., тем не менее, число жителей города увеличилось приблизительно в три раза.

В этносоциальной структуре населения Харькова после гражданской войны не произошло принципиальных изменений: первое место по численности среди харьковчан по-прежнему занимали русские (136 466 чел., или 51% населения города), что более чем в пять раз превышало среднестатистические показатели по УССР[58]; этнических украинцев было почти в 2,5 раза меньше (57 366 чел., или 21% населения города) и приблизительно столько же в городе насчитывалось евреев (55 474 чел., или 20,5% жителей города)[59]. Заметное увеличение еврейского населения среди харьковчан было вызвано ликвидацией черты еврейской оседлости, перипетиями времен Первой мировой и гражданской войн, а также обретением Харьковом столичного статуса в Украинской Социалистической Советской Республике.

Это последнее обстоятельство, в свою очередь, способствовало увеличению численности украинцев и уменьшению числа русских в Харькове. Согласно переписи 1923 г., большинство в городе вновь составили этнические украинцы (119 407 чел., или 38,5% городского населения), оттеснившие русских на второе место (107 172 чел., или 34,5% жителей города), в то время как численность евреев увеличилась ненамного, до 64 533 чел., и составила теперь 20,8% жителей города. Общая численность населения Харькова за эти три года выросла на 40 340 чел., в то время как численность украинцев – на 42 041 чел.

Заметное увеличение численности украинского этноса и одновременное уменьшение количества русских (более чем на 21%) не были вызваны ни этническими чистками, ни демографической катастрофой... Современный украинский исследователь Р. Шарибжанов приходит к обоснованному выводу о том, что в данном случае речь идет о смене этнической идентификации многих из тех, кто в 1920 г. по старинке обозначал свою народность как русскую[60]. Это сделать было относительно легко, поскольку, осуществляя политику украинизации, партийные чиновники не рассматривали русское население города Харькова как национальное меньшинство[61]. Несомненно, свою лепту в этот процесс внесла и секуляризация культурной и общественно-политической жизни в стране, разорвавшая традиционное для имперской России тождество «русского» и «православного».

Процесс этнической украинизации Харькова продолжался и позднее, невзирая на крутые виражи внутриполитического курса коммунистического режима. Так, по данным Всесоюзной переписи 1926 г., украинцев в столице республики насчитывалось 160 138 чел. (38,6%), русских – 154 448 чел. (37,2%) и евреев – 81 130 чел. (19,5%)[62]. В 1939 г. численность украинцев уже составила 403 606 чел. (48,5%), в то время как общее число этнических русских (274 173 чел., или 32,9%) и евреев (130 250, или 15,6%) продолжало сокращаться.

Тем не менее это обстоятельство отнюдь не влияло на преимущественно русскоязычный характер города. Численность харьковчан, для которых русский язык оказывался родным, оставалась, невзирая на раздутые советской пропагандой и общественным мнением «достижения» (в первом случае) и «ужасы» (во втором случае) «украинизации», относительно стабильной. В 1926 г. русский язык назвали родным 64,2%, а в 1939 г. – 63,8% харьковчан[63]; соответствующие показатели для украинского языка выглядели так: 23,8% в 1926 г. и 31,5% – в 1939 г.[64]

В течение того времени, пока Харьков оставался столицей Украины, его культурное пространство и имидж претерпели кардинальные изменения. Из православно-купеческого, дворянского и университетского города он стал – правда, ненадолго – «столицей украинского пролетариата», воплощением социалистического утопизма индустриальной эры, с его конструктивистским архитектурным стилем и новым поколением украинской интеллигенции, которая попыталась соединить идеи украинского национализма с коммунистическими, придя – в известном памфлете М. Хвылевого – к новому изданию украинского модерного европеизма под лозунгом «Геть від Москви!». Это поколение, в большинстве своем уничтоженное в 1930-е гг., в свою очередь, стало символом поступательного развития украинского национального движения в XX в. и достижения им заключительной, зрелой фазы своего развития.

Новое культурное пространство Харькова стало вырисовываться уже в 1919 г., когда были осуществлены первые переименования центральных улиц и площадей Харькова; среди новых их названий появились имена Карла Либкнехта (прежнее название – ул. Сумская), Розы Люксембург (ранее – Павловская площадь), Н. Тевелева (ранее – Николаевская площадь), Я. Свердлова (бывшая Екатеринославская ул.), Г. Плеханова (бывшая Петинка)[65], а также других вождей мирового пролетариата и героев борьбы за его светлое будущее, в т.ч. местных по происхождению или роду деятельности. Среди последних вне конкуренции оказался лидер донецких коммунистов Ф.А. Сергеев – Артём, чье имя после его романтической гибели в начале 1920-х гг. было увековечено в памятнике в Харькове[66] и присвоено не только улице, Всеукраинскому социальному музею, Коммунистическому универси-

тету, библиотечному клубу, но и Святым горам на Донце... В 1920-е гг. к этим и другим именам прибавились имена французских революционеров времен Великой революции, советских полководцев, названия «красных» профессиональных корпораций, даты тех или иных событий в истории коммунистической партии и т.д.

Исторический центр Харькова, хоть и претерпел символические переименования своих улиц, не был разрушен. Вместо этого большевики обратили свою энергию на окраины города, закладывая тем самым основы городского планирования, которое в недалеком будущем станет универсальным для всего региона Восточно-Центральной Европы[67]. В соответствии с новыми образцами, в городском пространстве формировались своеобразные анклавы, созданные по идеологическим «лекалам», так называемые социалистические городки, олицетворявшие собой постулаты коллективизма, единства производства и быта, функциональности и т.п. В Харькове эта политика началась с конструирования нового, «пролетарского» центра, выстроенного в рекордные сроки в противовес старому, «купеческо-дворянскому», на севере столицы[68], и продолжилась с превращением окраин в промышленно-жилые кварталы, группировавшиеся вокруг заводов и фабрик[69].

Новый, советский центр Харькова должен был воплощать в себе признаки грядущей эпохи. Поэтому в основу его концепции легли идеи модернизации, прогресса, «светлого будущего всего человечества», но не украинизации, воспринимавшейся в качестве временной уступки «тяжелому прошлому». Новым центром Харькова стало гигантское открытое пространство, окруженное комплексом официальных и жилых зданий, которое известно под именем площади Дзержинского (современное название – Свободы). Площадь рекламировалась как самая большая в Европе. Именно здесь в 1926–1928 гг. было возведено здание Госпрома (дома государственной промышленности), ставшее символом советской модернизации, прославленное в качестве чуть ли не первого «советского небоскреба» и вызывавшее в воображении современников «американский» имидж Харькова[70].

Воплощением социалистической утопии в духе «солнечного города» можно считать возникавшие на юго-восточной окраине Харькова, рядом с крупными заводами, т.н. рабочие поселки, и даже громадный жилой массив т.н. социалистического городка, появившегося вокруг нового промышленного гиганта – Харьковского тракторного завода. Геометрически правильная структура новых жилых зданий, возведенных в авангардистском стиле, была подчинена идее практического использования и коллективного образа жизни. Дома-коммуны, здания из железа, стекла и бетона в конструктивистском стиле формировали новый облик Харькова, эклектически соединявшего в себе идеи классицизма, коммунизма, украинского национализма и модернизации.

Об украинском статусе столицы должен был напоминать монумент Т. Шевченко[71], возведенный, правда, не в новом центре города и не вместо памятника А. Пушкину, с которым боролись в начале XX в. украинские националисты, а в университетском парке на месте памятника В. Каразину, причем, по иронии, именно тогда, когда Харьков снова оказался разжалован из столицы в областной центр. В. Каразин, к счастью, при этом не пострадал, а имя Тараса Шевченко, увековеченное в памятнике, таки стало одним из наиболее узнаваемых маркеров украинского Харькова, словно завершив собой полемику о поэте, разгоревшуюся в местной прессе в начале 1860-х гг. В. Каразину, наоборот, не посчастливилось сразу же попасть в пантеон исторических деятелей, достойных воплощать собой если уж не советскость, то по крайней мере украинскость пролетарской столицы.

Судьба В. Каразина и после его смерти оставалась связанной с судьбой его детища. Харьковский университет, подобно всем остальным имперским университетам на территории Украины, оказался в том прошлом, которое было не нужно светлому будущему. В начале 1920-х гг. Харьковский университет перестал существовать, разделившись на целый ряд самостоятельных специализированных институтов или академий, включая Академию теоретических знаний, давшую имя Свободной академии бывшей улице Университетской[72]. Таким образом, из городского культурного ландшафта оказалось вычеркнутым и само имя университета.

Любопытно, что борьба со старым университетом объединила на некоторое время коммунистических идеологов и украинских интеллектуалов. Для первых университетская система была частью классовой полицейско-бюрократической самодержавной России и потому безнадежно устаревшей, отжившей свое век[73]; «храму науки» они противопоставили образ «производственного предприятия» с сугубо утилитарными функциями. Для вторых университеты выступали прежде всего в качестве центров и проводников политики имперской русификации, институтами культурной колонизации Украины[74]. Временное совпадение позиций коммунистов и националистов в отношении университетов, собственно, и привело к временной ликвидации университетской системы на территории советской Украины в 1920-х – начале 1930-х гг.

Другая судьба ожидала философа Г. Сковороду. В начале XIX в. он символизировал региональную культурную специфику Слобожанщины. В советский Харьков Г. Сковорода входил уже в ранге официально признанного «прогрессивным» представителя украинской национальной историко-культурной традиции. 200-летний юбилей «философа из народа» был отмечен в конце декабря 1922 г. торжественным заседанием в помещении Социального музея им. тов. Артёма. Имя Г. Сковороды было присвоено курсам грамотности, Музею Слободской Украины, а посвященная ему монография

Д.И. Багалея отмечена специальной научной премией и издана в 1926 г. за государственный счет.

Вместе с Г.С. Сковородой в советскую украинскую культуру вошли также Г.Ф. Квитка-Основьяненко, А.А. Потебня и С.И. Васильковский, символизировавшие украинский Харьков прежней эпохи: их именами были названы соответственно исторический, этнографический и художественный отделы Музея Слободской Украины им. Г. Сковороды. Тем самым продолжалось, теперь уже на новом, институциональном уровне и в новой, советской редакции, вписывание региона в украинский национальный дискурс. Трудно сказать в связи с этим, насколько такая задача могла быть решена при помощи старых общественных организаций – Харьковского историко-филологического общества или Харьковского общества грамотности, которые не сумели пережить гражданской войны...

Невзирая на постоянный приток и увеличение численности украинцев в Харькове, позволившие им снова, как это было при основании города, стать его большинством, и несмотря на официальную политику украинизации и расширение сферы употребления украинского языка, старшее поколение украинских интеллектуалов с трудом воспринимало Харьков в роли национальной столицы. К сожалению, раскол украинской общественности, условно говоря, на сторонников украинского Киева и советского украинского Харькова еще не изучен в качестве самостоятельной научной проблемы на том уровне, на котором говорится и пишется о культурном противостоянии Москвы и Санкт-Петербурга[75]. Поэтому для его характеристики в этой работе используются лишь отдельные наблюдения.

Так, С. Ефремов, известный украинский литературовед, академик Всеукраинской Академии наук, убежденный идеологический оппонент коммунизма, по возвращении из Харькова в Киев 4 августа 1925 г. оставил такую запись в своем дневнике: «Вернувся з Харкова... Місто брехунів і спекулянтів, дутих репутацій, пихи і невігластва, ледарів та язикобитів. Кожне місто має свою, мовляти б, душу, – тільки у Харкова її не видко. Поганенька копія з азіатської Москви, а претензій що й не міра. Три дні пробув і дуже радий, що вирвався з цього пекла»[76].

Младшее поколение украинских интеллектуалов, уже связанных с советским строем, частично унаследовало от своих предшественников нелюбовь к новой столице. Убийственной иронией пронизаны строки украинского национал-коммуниста М. Хвылевого: «…смердюче, промислове місто, велике, але не величне – забуло слобожанське народження, забуло слобожанські полки, не утворило американської казки: не йшли будинки в хмари – чудово, воно ховає сьогодні в своїх завулках криваві легенди на сотні віків»[77]. Его современник Павло Тычина восклицал: «Харків, Харків, де

твоє обличчя? / До кого твій клич? / Угруз ти в глейке многоріччя, / Темний, як ніч»[78].

Вместе с тем, это поколение уже двинулось, по словам Ю. Шевелева, на интеллектуальное «завоевание» Харькова[79], используя его для трансформации украинского антиурбанистического дискурса, и на вписывание города в обновленный национальный нарратив. М. Доленго, сравнивая Харьков с Киевом, подчеркивал, прежде всего, молодость новой столицы, ее «расхристанную» открытость к новациям, устремленность в будущее и модерный урбанизм по сравнению с киевской упорядоченностью, предсказуемостью и интеллигентской рафинированностью, отмеченной неизбывным «рустикальным клеймом»[80].

Молодой украинский писатель Григорий Костюк вступил в полемику с П. Тычиной, демонстрируя свою приверженность украинскому историческому мифу Харькова, который культивировался харьковской интеллигенцией в начале XX в.: «Насувалася думка: невже я їду до міста без обличчя? Невже таки "темний, як ніч"? Ні, тут якась багатозначна гіпербола Павла Григоровича. А Сковорода? А Каразін? А Харківський університет – перший університет в Україні? А Квітка-Основ'яненко – той, кому сам Шевченко звіряв свою душу: "Тяжко, батьку, жити з ворогами!". А Харківська школа романтиків і ще багато, багато "А"? Хіба це не Харків? Хіба це не його обличчя?»[81]

Символическая география украинского общества того времени нашла свое отражение и на уровне публичных презентаций – в частности, во время проводившихся почти одновременно масштабных юбилейных церемоний по поводу 60-летия со дня рождения одного из лидеров украинского национального движения, создателя украинской национальной историографии М.С. Грушевского, проживавшего в то время в Киеве, и 70-летнего юбилея крупнейшего историка Слобожанщины Д.И. Багалея, связанного большую часть своей жизни с Харьковом.

В восприятии одного из представителей молодого поколения украинской интеллигенции Г. Костюка это были два разных юбилея, один из которых, киевский, превратился в манифестацию национальной науки и культуры, а второй, харьковский, оказался ограниченным сугубо научными, академическими рамками и отличался формальным, официальным характером. В этой связи напрашиваются параллели с отзывом в украинской прессе о «двух юбилеях», отмеченных научной общественностью в Харькове в начале XX в. и посвященных соответственно Н. Сумцову и Д. Багалею, из которых лишь первый признавался украинским...[82]

Различия в оценках и восприятии двух корифеев тогдашней академической украинской историографии – М. Грушевского и Д. Багалея – были не случайными и находили свое подтверждение в сформулированных ими

подходах к оценке роли и значения Харьковщины-Слобожанщины в украинской истории. До 1917 г. между двумя историками намечалось идейное сближение, связанное с интеграцией регионального слободского исторического нарратива в украинский национальный и с признанием ведущей роли Харькова в украинском национальном процессе начала XIX в. После поражения украинской национально-демократической революции 1917–1920 гг. отношение к Слобожанщине в украинском национальном нарративе стало меняться.

М. Грушевский углубил и модифицировал в национальном духе преимущественно народнический тезис Д. Багалея о принципиальных отличиях в характере российской и украинской колонизации края. В этом случае М. Грушевский отдал преимущество, разумеется, украинскому колонизационному потоку и оценил его довольно оптимистично[83], сравнивая, подобно Г.П. Данилевскому, заселение юго-восточных степных территорий с освоением Нового Света. В то же время сам факт переселения украинцев к востоку, к российской степной границе, М.С. Грушевский осмысливал в категориях «государственнической» парадигмы и давал ему общую негативную оценку, считая, что украинская эмиграция на восток была более вредна, чем полезна для успешного продолжения войны и укрепления казацкого государства[84].

Трудно удержаться, чтобы не сравнить позицию М. Грушевского в этом вопросе с мнением одного из его идейных предшественников, автором «Истории русов», который в начале XIX в., опираясь на казацкую историко-политическую традицию, отстаивал историческое право Гетманата на территорию слободских полков и осуждал местных полковников, каждый из которых, по его словам, желал стать «маленьким самовластным гетманом»[85].

Двойственное отношение М. Грушевского к проблеме заселения Слобожанщины разделял и такой известный украинский писатель и общественный деятель, как Г. Хоткевич[86]. По его мнению, территория Слобожанщины до прихода сюда украинских колонистов не принадлежала никому и была равноудалена от московской и крымской столиц. Автор относился к украинским поселенцам в крае как политически пассивной массе, бросившей на произвол своих братьев, гибнувших в неравной борьбе с Польшей.

Тем не менее Г. Хоткевич подчеркивал, что Слобожанщина была завоевана украинцами, а Москва, оказавшись не в состоянии сама колонизовать степное порубежье, лишь воспользовалась результатами их трудов. При этом историк настаивал на том, что казацкое самоуправление и московский централизм оказались непримиримыми и несовместимыми формами общественно-политической жизни и что Слобожанщина вплоть до середины XVIII в. не была «органически» соединена с Россией.

Ученик М. Грушевского В. Юркевич, автор опубликованной в 1932 г. монографии, посвященной истории переселения украинцев на Слобожанщину во времена Б. Хмельницкого, в условиях политической кампании против своего научного руководителя попытался было затушевать его резкие высказывания по поводу российского и украинского колонизационных потоков и подчеркнуть, что М. Грушевский «не протиставляє українську "народну" російській "державній" (колонизации. – *К.В.*), а каже про зустріч української і великоруської народної (колонизации. – *К.В.*)...»[87], т.е. приписать историку формулу, использованную Д. Багалеем. В то же время С. Глушко, автор опубликованного отчета о защите В. Юркевичем диссертации по вышеназванной теме, писал прямо противоположное[88] и, судя по высказываниям самого М. Грушевского, находился ближе к истине.

Сам же Д. Багалей, готовя к печати новый вариант своей монографии о заселении Слободской Украины, открыто вступил в полемику со своим коллегой и идейным оппонентом М. Грушевским по поводу характера этого процесса, высказавшись в том духе, что, мол, основными мотивами, приведшими переселенцев на степное пограничье в середине XVII в., были социально-экономические, а не национальные. Разумеется, оценивать это высказывание Д. Багалея необходимо с учетом начинавшейся политической кампании против него самого и попыток ученого приспособиться к официальному советскому историографическому канону, выразителем которого все еще считался М. Покровский. Тем не менее в данном случае можно утверждать, что Д. Багалей, как ученый, высказывал свое собственное мнение, поскольку вместе с ним он воспроизвел и прежние, характерные для него народнические стереотипы, связанные с критикой казацкой старшины.

Научные споры о Слобожанщине между двумя лидерами украинской историографии имели не только персональный характер. Они находили свое продолжение в трудах ученых, входящих в созданные ими научные школы[89]. В этом отношении школа Д. Багалея стояла ближе к официальному украинскому советскому дискурсу, который находился в стадии формирования и превращения в научно-идеологический канон. Основным мотивом в научной деятельности Д. Багалея было стремление обеспечить преемственность между прежним, дореволюционным периодом историографии Слобожанщины и новым, советским, с его подчеркнутым акцентированием на экономике, утилитаризме и классовой борьбе. Это вовсе не исключало полемики, которую Д. Багалей вел с ведущим украинским историком-марксистом М. Яворским по истории Украины в целом и, в частности, по отношению к личности и трудам философа Г. Сковороды.

Любопытно сравнить дискуссии по поводу заселения Слобожанщины в украинской историографии с тем, как эта проблема выглядела в российском историческом нарративе 1920-х гг. Выводы крупнейших украинских исто-

риков – Д.И. Багалея и М.С. Грушевского, подготовивших по заказу украинского советского правительства исторические справки о заселении Слобожанщины, сразу же после своего обнародования вызвали возражения со стороны воронежского исследователя С.Н. Введенского, опубликовавшего в 1925 г. статью «Об украинском населении в пределах Воронежской губернии (по поводу исторических справок академиков Багалея и Грушевского)». Автор статьи отстаивал историческую принадлежность Воронежского края к Рязанскому княжеству и Московскому государству и утверждал, что территория Воронежского края с незапамятных времен «всецело входила в состав коренных областей, освоенных великорусским племенем, и никогда не представляла собой нейтральной, никому не принадлежавшей или спорной полосы между двумя какими-либо этнографическими единицами»[90].

Не меньшую бескомпромиссность проявил в этом вопросе другой русский исследователь, М.К. Любавский, посвятивший истории русской колонизации специальную монографию, подготовленную к печати в 1928 г.[91] В отличие от Д.И. Багалея, М.К. Любавский отводил главную роль в заселении края государству, отбрасывая таким образом основную парадигму дореволюционной народнической историографии. По его мнению, казаки селились на «государевой украйне» в то время, когда она уже становилась безопасной для жизни. Еще одной принципиальной особенностью работы М.К. Любавского можно считать тот факт, что ее автор категорически отказался учитывать украинскую национальную версию истории заселения Слобожанщины. Судя по употреблявшейся им терминологии, он сохранил верность традиционной концепции «славено-русского народа», состоящего из великорусской и малорусской народностей[92]. Соответственно, территория Слободской Украины в его книге определяется при помощи традиционного набора дефиниций: «московская украйна», «степная украйна», «южная украйна» и т.д.[93]

О том, что мнение названных выше русских историков по проблеме исторической принадлежности украинско-русского пограничья пользовалось популярностью, косвенно свидетельствует издание по экономической географии Украины, увидевшее свет в Москве в 1928 г. в серии «Экономическая география СССР»[94]. В нем акцентируется то, что вначале Слобожанщина заселялась «принудительно и исключительно великорусским элементом», в связи с чем отмечается «мощная волна великорусской колонизации» во второй трети XVIII в., говорится о «принадлежности Слобожанщины Московскому царству» и подчеркивается, что, принимая переселенцев, московское правительство тем самым готовило «почву для последующего присоединения всей украинской территории». С другой стороны, формула «воссоединения» резервируется исключительно для украинских земель; при этом признается, что Харьковщина-Слобожанщина относится к более

широкому, но однозначно украинскому региону Левобережья, именовавшемуся в прошлом Малороссией.

Вместе с тем, необходимо отметить, что часть русской советской интеллигенции в 1920-х гг. в целом доброжелательно воспринимала Харьков в роли украинской столицы. По крайней мере до тех пор, пока национальную политику советского режима снова не стал определять собой русский имперский национализм. Именно благодаря Харькову русская советская интеллигенция открывала для себя мир украинского языка и культуры, рассматривая его теперь уже в качестве союзника, а не коварного конкурента в борьбе за мировую гегемонию, порожденного не то в немецко-австрийских, не то в польских, не то в римско-католических кругах. Именно Харьков для приезжавших из России символизировал собой, как и сто с лишним лет назад, переход из собственно русского в украинское культурное пространство.

Мариэтта Шагинян так описывала свои впечатления от Харькова: «Прелесть украинской речи можно понять только на Украине… Я, грешный человек, впервые почувствовала мову, когда со стенной газеты огромного харьковского электромеханического завода – ХЭМЗ… мои собственные русские слова взглянули на меня по-украински»[95]. Стихи Николая Асеева продолжают этот мотив: «Пораскинулся город новый / Бывшим выговором крестьян – / Украинскою мягкою мовой / Раскрываясь и шелестя»[96].

Харьков в советской литературе 1920-х гг. чаще всего изображался и воспринимался как образцовый современный город, ассоциируясь с новой индустриальной эрой, устремленностью в будущее, культурной и деловой активностью. Сама «украинскость» и «столичность» Харькова становились частью модернизационного советского дискурса. Владимир Маяковский писал: «И вижу я – за столицей столица / Растет из безмерной силы Союза; / Где вороны вились, над падалью каркав, / В полотна железных дорог забинтованный / Столицей гудит украинский Харьков, / Живой, трудовой, железобетонный»[97].

В таком же направлении развивался в то время местный краеведческий нарратив, создавая новое символическое пространство города Харькова при помощи воспоминаниий народовольцев, участников революционного движения, гражданской войны, политических арестантов харьковских тюрем и ссыльных. В многочисленных путеводителях, популярных очерках истории города и его окрестностей, рекомендательных перечнях экскурсий по городу и даже учебных пособиях в краеведческом жанре Харьков изображался новым, неизвестным, открываемым городом[98], индустриальным гигантом, чьи руки – улицы, дыхание – фабричный дым и т.п.[99]

Трудно определить, какую роль в этом играл фактор близости Харькова к Донбассу, но то, что культурное и политическое влияние Донбасса в жизни столицы и всей Украины ощущалось достаточно явственно, осо-

бенно во время обострения внутриполитической ситуации в стране, не вызывает сомнений. В 1931 г., когда столичная партийная организация развернула очередную пропагандистскую кампанию против интеллектуалов, в ней активно использовалась неонародническая риторика «уплаты долга перед Донбассом», благодаря которой даже Украинская Академия наук вскоре была объявлена «культурным Донбассом»[100]. Собственно говоря, она во многом остается такой до сих пор...

Инновационный потенциал Харькова в первые годы Советской власти был заложен предшествующими десятилетиями, в период бурного развития южнороссийского экономического региона. Этого запаса прочности хватило лишь на короткое время. Политика коммунистического экспериментаторства очень скоро уступила место политике возвращения к традициям имперского этатизма и его культурному наследию, от которого, видимо, оказалось невозможно избавиться методами, принятыми на вооружение новым режимом.

Региональная столица: от модерна к традиции

В конце 1920-х – начале 1930-х гг., когда с коммунистическим экспериментом с рынком и национальной культурой было покончено, а Советский Союз – прообраз для всего мира – опять возвратился к Российской империи, столица Украины оставила Харьков и возвратилась в Киев, одновременно отгородившись колючей проволокой от захлебывающейся в волнах национализма Европы. Пути украинской национальной культуры и модернизации, соединившись на короткое время, опять разошлись. Так, с незначительными вариациями, повторилась ситуация столетней давности, когда Харьков, после открытия университета в Киеве, потерял свой статус «средоточия Малороссии»... В 1937 г., согласно постановлению Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, от Харьковской области отделилась Полтавщина, на базе которой была создана новая, Полтавская область. Таким образом, восстанавливалась административная граница между историческими регионами Слобожанщины и Малороссии-Гетманата.

Первое публичное заявление о решении перевести столицу Советской Украины из Харькова в Киев прозвучало 21 января 1934 г. на 9-й сессии XII съезда КП(б)У[101]. Сергей Екельчик полагает, что эта инициатива исходила непосредственно от И. Сталина и стала неожиданностью для многих ответственных партфункционеров в Украине. Официально выставленными мотивами для переноса столицы были выдвинуты следующие соображения: это ударит по планам фашистской и петлюровско-белогвардейской агентуры, в стратегии которой Киев занимал 1-е место; необходимо приблизить столицу к наибольшим сельскохозяйственным районам Правобережья с

целью их пролетаризации и индустриализации; необходимо ускорить национальное культурное строительство и большевистскую украинизацию на базе индустриализации и коллективизации и, наконец, Киев сам по себе является «природным географическим центром» Украины[102].

О чем не было сказано в официальной версии смены столицы, так это о том, что она переезжает из одного пограничья – российско-украинского – к другому – украинско-польскому. По мнению С. Екельчика, основная причина для переезда столицы лежала в политической сфере и была связана с международной обстановкой середины 1930-х гг., а также крахом политики украинского национал-коммунизма, отказом от украинизации и возрастающими масштабами чисток в украинском обществе[103]. Киев позиционировался как «неприступная фронтовая крепость»[104]. Харьков, расположенный на украинско-российской границе, на эту роль не годился, как успели доказать события 1917–1920 гг.

Другое дело, что, наряду с внешними, не меньшую роль в Советском Союзе играли внутренние границы. Их появление было связано с выделением т.н. закрытых территорий – от промышленных, военных объектов и концентрационных лагерей до номенклатурных распределителей, санаториев и т.п. Харьков успел к тому времени занять 3-е место, после Москвы и Ленинграда, в новой иерархии советских городов, построенной по степени ограничения прав и свобод рядовых граждан.

Посредине этой системы, напоминавшей, при взгляде на карту, концентрические кольца, расширявшиеся от центра к периферии, находились города, в которых труднее всего было получить право на постоянное жилье и работу. Их список до начала Второй мировой войны возглавляли Москва, Ленинград и Харьков. Именно этих городов в первую очередь касалась введенная постановлением советского правительства от 31 декабря 1932 г. паспортная система. Эта же тройка возглавляла список т.н. запретных советских городов, в которых нельзя было получить прописку «нежелательным» советским гражданам. По крайней мере в этом отношении Харьков оказался в «коренном» пространстве Советского Союза подобно тому, как до Октябрьской революции 1917 г. он принадлежал к православному ядру Российской империи.

В 1930-е гг. Харьков выступал в роли украинской «столицы» политического государственного террора, арены для показательных политических процессов над советской научной и партийной верхушкой, наконец, места применения нового оружия массового уничтожения – голода, охватившего советскую часть Украины в 1932–1933 гг., – короче говоря, местом уничтожения лишнего для «светлого будущего» человеческого «материала, доставшегося от прежней эпохи». Через тюрьмы и следственные изоляторы города прошли десятки тысяч советских, и не только советских, граждан.

Равно как и печально известная Катынь, Харьков стал местом массового уничтожения польских военнослужащих, захваченных в плен во время агрессии сталинского СССР, вместе с фашистской Германией, против Польши в 1939 г.[105] В Харькове, в районе современного Лесопарка, накануне вторжения недавних союзников на территорию СССР проводились расстрелы польских офицеров. Позже на месте массовых казней будет построен пансионат для работников КГБ. Но этот мрачный образ репрессивного города оставался либо неизвестным широкой общественности, либо вытесненным из сферы коллективной исторической памяти советских людей, проявившись, хоть и ненадолго, лишь во время развала Советского Союза.

Парадный облик советского Харькова формировали, как и до Октябрьской революции 1917 г., промышленные предприятия, образование и наука. По крайней мере в этих областях коммунисты постарались сохранить преемственность с предшествующей эпохой. Промышленный потенциал Харькова стал по величине третьим в СССР, после московского и ленинградского, – главным образом за счет стремительно формировавшегося военно-индустриального комплекса. В 1930-е гг. здесь появились новые мощные машиностроительные предприятия, в частности Харьковский тракторный завод, считавшийся одним из крупнейших в мире, Харьковский станкостроительный завод, Харьковский турбогенераторный завод (по отзывам современников, самый большой в Европе) и некоторые другие. Одновременно Харьков становился центром современной фундаментальной науки, обслуживавшей оборонную промышленность и представленной именами физиков Л. Ландау, А. Ахиезера, А. Иоффе, А. Вальтера, конструктора танков А. Морозова и ряда других ученых.

Предприятия т.н. союзного подчинения, непосредственно связанные с Москвой, а не с Киевом, с момента своего возникновения выглядели стандартизированными деталями механизма советского, а не украинского пространства[106]. Именно они выступали наиболее мощными организующими анклавами советско-русской однородности, соответствующей стратегической цели создания нового советского человека. Не случайно русские и русскоязычные рабочие и служащие крупных промышленных предприятий Харькова практически не были затронуты политикой официальной украинизации. Число людей, «освобождавшихся» от обязательного изучения украинского языка в учебных заведениях Советской Украины, постоянно расширялось.

«Большой скачок» в советской экономической политике сопровождался «Великим отступлением» в советской идеологии, возвращавшейся от авангардистско-экспериментальных к более традиционным имперско-национальным ценностям. «Советскость» все больше воплощалась в «русскости», а эта последняя достаточно близко подходила к тому варианту кон-

цепции «русского народа», которая вырабатывалась в Российской империи приблизительно с 1830–1840-х гг. и определялась формулой «Православие, самодержавие, народность».

Православие при этом временно уступило место другой, столь же всеобъемлющей, гражданской религии – коммунизму, самодержавие, скорее всего, никогда не исчезало из русской политической практики, а «народность», начиная с середины 1930-х гг., была модифицирована в виде доктрины «дружбы народов», сменившей политику «коренизации» и отводившей приоритетную роль русской культуре в многонациональной «семье советских народов»[107].

Новый курс советского руководства нашел свое зримое воплощение в возрождении такого яркого символа досоветского Харькова, как университет[108]. Это произошло почти одновременно с утратой городом своего столичного статуса. Публикации по истории Харьковского университета, появившиеся в украинской советской печати в связи с его отнюдь не «круглым» – 130-летним – юбилеем в 1935 г., характеризуются прежде всего стремлением к восстановлению исторического континуитета. Не случайно в названии первой советской синтетической публикации на эту тему отсутствует даже намек на то, что в 1920-х – начале 1930-х гг. Харьковский университет фактически не существовал[109]. Еще один мотив, встречающийся в советской исторической литературе этого времени, – противопоставление Левобережной Украины, вкушавшей плоды пребывания в составе «братского» Российского государства, – регионам Правобережья и Западной Украины, прозябавшим под гнетом «панской» Польши…

Случайно или нет, но именно после присоединения Западной Украины вместе со Львовом и его университетом (чья история, даже если начинать ее с 1784 г., оказывается все же старше истории Харьковского университета) к УССР в 1940 г., к Харьковскому университету стало применяться понятие «старейшего на Украине»[110]. При этом практически все посвященные «некруглым юбилеям» (130-летию и 140-летию) Харьковского университета официальные публикации помещали его в украинском национальном символическом пространстве[111]. После Второй мировой войны в трактовке истории университета произойдут существенные изменения, о чем пойдет речь ниже.

Культурный ландшафт Харькова в эпоху сталинизма также изменился. В 1936 г. более 480 харьковских улиц и переулков получили новые названия, согласно правительственному распоряжению. Около трети этих названий, отражавших процессы индустриализации, милитаризации и идеологизации общественной и культурной жизни советской страны, сохранились до наших дней[112]. В 1937–1938 гг. Вокзальная площадь получила имя Л. Кагановича, как и район Журавлёвки (ныне Московский район г. Харькова),

ул. Рыбная – имя Л. Берии, ул. Достоевского – Н. Ежова, а нынешняя ул. Кузнечная – С. Будённого. Московский проспект был удостоен имени самого Сталина, громадный памятник которому возник на входе на площадь Дзержинского в самом центре города...

В годы Второй мировой войны Харьков снова оказался в роли пограничного города. Советский поэт Абрам Кацнельсон, описывая отступление советских войск в 1941 г., говорит о Харькове как «рубеже последнем Украины»[113]. После оккупации города фашистскими войсками 25 октября 1941 г. он оказался в прифронтовой зоне[114]. Харьков переходил из рук в руки в ходе постоянно меняющейся линии фронта, пока не был освобожден от оккупантов окончательно 23 августа 1943 г. советскими войсками Степного фронта.

В этой связи обращает на себя внимание попытка официального «присвоения» Харькову звания «второй столицы» – термина, впервые употребленного, кажется, в приказе Верховного главнокомандующего И.В. Сталина в связи с освобождением города в августе 1943 г.[115] В советской художественной литературе сразу же появилось словосочетание «город второго салюта»[116] (первенство в этом отношении осталось за соседним Белгородом). Впрочем, ни одно из этих определений в бывшей «первой столице» так и не прижилось и не закрепилось в сознании самих харьковчан. Вероятнее всего, по той причине, что амбиции Харькова и его удельный вес в экономике СССР не позволяли ему довольствоваться второй ролью, тем более рядом с провинциальным Белгородом.

Харьков не стал и официально признанным городом-героем, подобно Киеву и Одессе. После крупных неудач Красной Армии под Харьковом, замалчивавшихся советской пропагандой, на это уже не оставалось надежды. Репутацию города времен Второй мировой войны лишь частично поднимали символические акции, связанные с освобождением города советскими войсками в августе 1943 г. Так, Харьков стал местом проведения первого в истории публичного процесса над фашизмом в 1943 г.[117] Здесь была опубликована подготовленная высокопоставленным украинским писателем А. Корнейчуком программная статья с лозунгом «воссоединения» всех этнических украинских земель[118]. Но всего этого было недостаточно, чтобы сравниться с другими городами-героями.

Конец 1940-х – начало 1950-х гг. в культурной политике советского руководства отмечены, как известно, усилением ксенофобии, антисемитизма, великодержавных и националистических настроений[119]. Нет оснований не видеть в этом духовной инерции военной эпохи, когда для мобилизации населения власть использовала не столько советские, сколько религиозные, националистические символы Российской империи. Источники «духовности» подобного рода относительно легко найти в официальном культурном дискурсе времен Николая I.

Не мудрено, что и на местном уровне наблюдалась практика возвращения к русско-имперским «истокам». В Харькове, в частности, она отразилась в очередной топонимической «смене вех», когда «интернационализм» начального периода Советской власти неожиданно стал выглядеть «космополитизмом» в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Это время отмечено «обратными» переименованиями городских улиц и площадей: в конце 1945 г. были возвращены прежние названия улицам Сумской (бывшей Карла Либкнехта), Рымарской (бывшей Клары Цеткин) и Университетской (бывшей Свободной Академии), а также переулку Подольскому (бывшему Жана Марата) и некоторым другим[120].

Гораздо труднее оказалось соединить принципы коммунистического интернационализма с возраставшим идейным влиянием русского национализма на советскую номенклатуру послевоенного времени[121]. После смерти И.В. Сталина в политике советского руководства стали более явственно проявляться расхождения между, условно говоря, «ленинистами» и «сталинистами»: первые продолжали ориентироваться на модернизационные компоненты советской идеологии, вторые – на их националистические (русские имперские) составляющие[122]. Первые оставались советскими «западниками» и реформаторами, вторые тяготели к «славянофилам» и традиционализму.

Постоянные «колебания линии партии», уже не столь уверенно глядящей в коммунистическое будущее, актуализировали проблему исторического континуитета; споры о будущем постепенно превращались в споры о прошлом. Украинский национализм не имел перспектив в советской империи, независимо от того, какое из вышеназванных идейных направлений возобладало бы в политике советского руководства. Официальной альтернативой «новой исторической общности людей – советскому народу» могла быть только «традиционная историческая общность людей – русский народ».

Новая/старая традиция

Отказ от сталинских методов строительства коммунизма в СССР вызывал все более возрастающую потребность в легитимизации политического режима, установленного новым поколением советской номенклатуры во второй половине XX ст. Основная роль в этом процессе отводилась двум основным историческим мифам советского времени: «Великой Октябрьской социалистической революции» и «Великой Отечественной войне». Оба они достаточно глубоко врезались в культурно-символическое пространство Харькова, оставаясь в нем и по сей день.

Частичная десталинизация, начавшаяся в Советском Союзе с приходом к власти Н.С. Хрущева, проявилась в Харькове прежде всего в освобожде-

нии городского ландшафта от сталинской символики: многочисленных памятников, бюстов, портретов, имен Вождя и его недострелянных соратников. После смены сталинского руководства хрущевским проспект Сталина вновь стал называться Московским, площадь Л.М. Кагановича – Привокзальной, улица Л. Берии – Кооперативной, и т.д. Гигантский памятник Сталину, стоявший на площади Дзержинского со стороны Сумской улицы, вскоре был убран. Но, поскольку «свято место пусто не бывает», сталинские «места памяти» начали быстро заполняться столь же вездесущими, всепроникающими и обязательными «ленинскими». Награждение Харьковской области в 1958 г. орденом Ленина за успехи в развитии сельского хозяйства также должно было поспособствовать «ленинизации» ее социального пространства, включая и областной центр.

Возведение в 1963 г. в новом центре Харькова, на площади Дзержинского, гигантского памятника В.И. Ленину официально было приурочено к 46-й годовщине Октябрьской революции – дате, явно не «круглой». Более соответствовал практике официального празднования советского календаря другой памятник Ленину, установленный на территории Харьковского ордена Ленина политехнического института им. Ленина в 1967 г. Троекратно повторенное в этой связи имя Вождя громогласно подчеркивало его сакральный для каждого советского гражданина характер. Общее число памятников В.И. Ленину, возведенных на территории Харьковщины за годы Советской власти, вскоре достигло 118[123]; количество же посвященных ему бюстов, портретов и других изображений, не говоря уже о связанных с ними ритуалах, очень скоро перестало поддаваться учету и рациональному восприятию.

Политику возвращения к «ленинским истокам» в противовес «исказившему» их И.В. Сталину наглядно иллюстрировали многочисленные памятники «ленинцам», густо усеявшие публичное пространство Харькова: Г.К. Орджоникидзе (1956), С.М. Кирову (1957), Я.М. Свердлову (1958), С.В. Косиору (1966). После падения Н.С. Хрущева эта практика продолжалась – пальма первенства перешла к Ф.Э. Дзержинскому, главному патрону советских «органов», удостоенному сразу двух памятников (1970, 1975) и нескольких десятков мемориальных досок[124], в том числе на самом близком его памяти учреждении (1977). Впрочем, и погибший в недрах того же ведомства П.П. Постышев также не был обойден вниманием и в 1977 г. заслужил памятник, словно олицетворявший собой диалектику политики партии.

В то время как новый центр Харькова был удостоен памятника Вождю, старому центру пришлось взять на себя основное бремя Революции. Установленный здесь в 1957 г. памятник борцам Октябрьской революции с Вечным огнем перед ним выглядел достаточно скромно и, благодаря своему удачному расположению в сквере, на краю возвышенности старого города,

был избран местом паломничества молодоженов. В 1975 г., однако, в ансамбль бывшей главной площади Харькова вклинился помпезный монумент, олицетворявший собой провозглашение Советской власти на Украине. В связи с этим и сама площадь, носившая до того имя местного большевика Н. Тевелева, приобрела звучное, но неудобное для обыденной речи имя Советской Украины.

Историческая мифология Великой Отечественной войны, особенно после прихода к власти Л.И. Брежнева, очень скоро догнала и перегнала по своему размаху мифологию Великого Октября[125]. Ее создавали десятки тысяч авторов, чьи растиражированные произведения превысили миллиард экземпляров; военная тема заняла первые места в репертуаре кино и театра; ее сопровождали ежегодные массовые ритуалы и празднества; более того – она пользовалась поддержкой не только партийного государства, но и самого общества. По справедливому замечанию В. Гриневича, на фоне масштабных злодеяний режима при И. Сталине и – добавим – распространявшейся коррупции при Л. Брежневе, мифология Великой победы выглядела едва ли не единственным аргументом в пользу советской системы[126].

Тема Великой Отечественной войны с момента своего возникновения приобрела сакральный, квазирелигиозный характер, став, подобно «Октябрьской» тематике, важным компонентом советской гражданской религии. Могилы павших советских воинов были превращены в ритуальные места поклонения. Памятники героям и жертвам войны располагались, как правило, на тех же местах, где раньше стояли православные церкви или часовни[127]. Религиозный характер культовых мест, хранивших память о недавней войне, подчеркивала связанная с ними официальная риторика, отчетливо звучавшая в сообщениях о вновь возводимых памятниках: «Земля, ставшая святыней», «Нетленная память», «Священное место», «Трижды святы имена» и т.п.[128]

На территории Харьковской области возникло в общей сложности около 1200 мемориалов, памятников, памятных знаков и специализированных музеев, посвященным событиям военного времени[129]. В областном центре их интенсивное строительство началось, видимо, со второй половины 1950-х гг. Харьков, как уже упоминалось ранее, не заслужил в официальной советской мифологии тех же лавров, которыми были удостоены Киев, Москва, Одесса и другие города-герои. Поэтому в монументальной пропаганде и топонимике, связанных с военным периодом его истории, на первый план вышла не героическая оборона города, а дискурсы Сопротивления и Освобождения.

Миф о массовом подпольном и партизанском движении на украинской территории стал ускоренно создаваться при непосредственной поддержке Н.С. Хрущева[130]. В самом Харькове на первый план были выдвинуты участ-

ники харьковского подполья во главе с И.И. Бакулиным, посмертно удостоенные звания Героя Советского Союза в середине 1960-х гг. В их честь были возведены памятники и установлены мемориальные доски. При этом особый акцент на комсомольское подполье был, очевидно, данью мифологии «Молодой гвардии», созданной А. Фадеевым: в 1958 г. в центре Харькова появилась аллея героев-комсомольцев, позднее рядом со средней школой № 116 – аллея героев-молодогвардейцев. В 1978 г. в городе был установлен памятник партизанам и подпольщикам Харьковщины.

Впрочем, тематика Освобождения, выдвинутая в годы «застоя» на первый план в культурной политике центральных властей, намного превзошла по своей популярности «партизанско-подпольную». В культурном ландшафте города – названиях улиц и станций метро, в памятниках и мемориальных досках, в названиях пионерских и комсомольских отрядов – отразились многочисленные имена советских военачальников, воинских частей и соединений, солдат и офицеров Советской Армии, участвовавших в боях за освобождение города в августе 1943 г. Наиболее наглядными символами советской исторической мифологии Великой Отечественной войны в Харькове стали громадный мемориальный комплекс Славы на окраине города, в Лесопарке (1977), и помпезный памятник Солдату-освободителю, установленный в 1981 г. на улице 23 Августа.

Важной составной частью политики десталинизации, инициированной советским руководством во второй половине 1950-х гг., стала также частичная реабилитация советской национальной и культурной политики и практики 1920-х гг., в первую очередь – т.н. украинизации и краеведческого движения. Это время стало «золотым веком» для нового поколения советской интеллигенции – т.н. «шестидесятников» – последних романтиков коммунистической доктрины, непонятых и отброшенных партийным руководством и повторивших в общих чертах судьбу своих идейных предшественников 1920-х гг.

В конце 1950-х гг. в советской историографии началась официальная реабилитация Д.И. Багалея, а его труды, посвященные местной истории, стали постепенно возвращаться в научный оборот. Вместе с ними возвращались и заложенные в его текстах проблемы, идеи и символы. Главным среди них можно признать возвращение в публичное пространство традиционного, с конца XVIII в., названия территории края, не совпадавшего с его административными границами, – Слободской Украины.

История заселения, исторической географии и социально-экономической истории Слобожанщины, жизни и деятельности В.Н. Каразина, история Харьковского университета и г. Харькова стали предметом изучения харьковских авторов, прежде всего А.Г. Слюсарского. Новый советский исторический нарратив слободского региона и, в частности, города

Харькова создавался при активном участии как местных, так и киевских исследователей, принявших участие в масштабном проекте написания многотомной истории городов и сел Украинской ССР в 1960-х гг.

Вместе с комплексом полузабытых текстов в советское научное пространство постепенно возвращались и дискуссии историков второй половины XIX – начала XX в. о соотношении русской и украинской колонизации края – проблемы, которая, в условиях советской цензуры, не могла, конечно же, обсуждаться открыто, но, тем не менее, присутствовала в сознании современников. Особый интерес в этой связи вызывают высказывания русских советских историков, для которых Слобожанщина оставалась, с одной стороны, степной окраиной на пути продвижения российского государства на юг, а с другой – свидетельством успеха русской народной колонизации.

М. Тихомиров, например, упрекая Д. Багалея в преувеличении роли царской администрации XVI–XVII вв. в процессе заселения края, полагал, что в его книгах «для народа... не остается ничего»[131]. При этом советский историк, декларируя приверженность марксистской методологии, как будто не замечал, что основную роль в заселении и освоении края Д. Багалей отводил-таки народу, но – не русскому, а украинскому.

Другой советский исследователь В. Загоровский, изучая историю сооружения оборонительных крепостных линий на степной границе России в XVII в., еще более конкретизировал претензии русских историков к Д. Багалею, заявив, что тот недооценил роль «русских людей» в строительстве крепостей на границе и тем самым «принизил творческие силы и способности русского народа»[132].

Украинский советский историк А. Слюсарский признавал, что «в освоении южных окраин ведущую, организующую роль сыграло Русское государство»[133], но при этом полагал возможным повторить известный тезис Д. Багалея о том, что «украинский народ... сам переселялся на Слобожанщину. Добровольное же расселение здесь русских было небольшим»[134]. Видимо, не стоит доказывать, что для украинского автора Слобожанщина – регион, принадлежащий к украинской национальной территории, осмысленный в классовых и народнических категориях официальной историографии.

Проблема исторической идентичности Слобожанщины со второй половины XVIII в. решалась, как известно, при помощи позиционирования региона в пространстве древнерусской истории. Об этом, патриотическом, направлении работы местных историков свидетельствует монография М. Гетманца, автор которой поставил целью доказать, что именно Харьковщина стала территорией, на которой разворачивались события, описанные в «Слове о полку Игореве»[135]. Разумеется, никаких сомнений в аутентичности самого «Слова...», выступающего в процессе поисков русской нацио-

нальной идентичности своеобразным аналогом пресловутого «Тмутараканского камня», автор монографии не высказывал.

В посвященной Харькову и региону русской литературе послевоенного времени, например в поэтических строках К. Кузьминского, также появляются знакомые символы, воссоздающие метафоры и образы «Дикой степи», кочевников-половцев, древнего пограничья: «…И мелеет речка Харьков / Смело в воду лезет хорь, / В Диком Поле догорают / Салтыки хозарских зорь»; «Хан Асана иль Осеня / Строил город Шарукань / А потом он стал Чешуевым / После смерти Шарука»[136].

Культурная традиция Харькова досоветского времени начала возвращаться в советское публичное пространство сразу же после окончания Великой Отечественной войны, в связи с разгулом официального государственного национализма в СССР. Знаковой фигурой для этого времени стал выдающийся харьковский просветитель, инициатор создания Харьковского университета В. Каразин, получивший на этот раз пропуск в число «прогрессивных», приемлемых для советского человека общественных деятелей и выдающихся ученых. Разумеется, тем самым В. Каразин автоматически переходил в число оппозиционных царскому режиму деятелей, выступавших в пользу грядущих буржуазных реформ, и не оцененных при жизни талантливых ученых-новаторов вроде И. Мичурина и К. Циолковского.

Востребованными в советской послевоенной культуре оказались не только просветительские, но и консервативные, антизападные и имперские, мессианистские черты мировоззрения В. Каразина, вернувшие ему в условиях борьбы с «безродными космополитами» и «низкопоклонничества» перед Западом титул «украинского Ломоносова», созвучный официальному культу М. Ломоносова в советской литературе. Как известно, подобные параллели были проведены еще в середине XIX в. уроженцем Харьковщины известным писателем, историком и общественным деятелем Г. Данилевским.

Брошюра харьковского историка А. Слюсарского о В. Каразине, опубликованная в 1952 г.[137], содержит в себе стандартный набор тех клише, которые обеспечивали не только «реабилитацию», но и мифологизацию В. Каразина в советском официальном дискурсе. В. Каразин изображался «самоотверженным борцом на поприще просвещения, талантливым представителем передовой дворянской общественности», «самоотверженным тружеником и радетелем на ниве народного просвещения»[138], борцом с деспотизмом и крепостничеством и т.п. С некоторыми стилистическими поправками, подобная риторика до сих пор во многом определяет характер посвященной В. Каразину не только популярной или художественной, но и научной литературы.

Обращает на себя внимание, что подобные высказывания принадлежали в основном украинским советским авторам[139] и несколько уравновешивались другой, критической по отношению к В. Каразину, точкой зрения, которая была связана с либеральной традицией изучения истории декабристов и А. Пушкина и культивировалась в российских советских столицах. В исследованиях В. Базанова, в частности, В. Каразин выглядел доносчиком на декабристов и А. Пушкина, реакционером и крепостником, близким по своим воззрениям к официальным кругам Российской империи[140]. Подобная трактовка личности и взглядов В. Каразина не могла, разумеется, соперничать в популярности с вышеприведенной. Тем не менее она вполне, если так можно выразиться, официально существовала в советской гуманитаристике, хотя и подверглась впоследствии некоторой корректировке и стала более сбалансированной при помощи метафоры «противоречивости» личности В. Каразина.

После Второй мировой войны произошли существенные изменения и в трактовке истории Харьковского университета. В 1930-е гг. он, как известно, не столько возрождался, сколько создавался заново, в ином, по сравнению с досоветским, семиотическом и культурном пространстве, под жестким прессом пропаганды идеи построения социализма, индустриализации и милитаризации. Новый образ Харьковского университета под прежним названием поначалу определялся фразеологией 1920-х гг. с ее производственным утилитаризмом, уподоблявшим университет промышленному предприятию, фабрике или комбинату по массовому производству кадров для народного хозяйства[141]. Ближе к войне и сразу же после ее окончания, под влиянием милитаризации культурной и социальной жизни, университет все чаще принимал образ «цитадели» или «крепости»[142].

В послевоенные годы, однако, и с университетским нарративом стали происходить странные, на первый взгляд, метаморфозы: в нем, наряду с «кузницей»[143], недалеко ушедшей от «фабрики», или с «флагманом»[144], оставшимся, видимо, на приколе у «цитадели», и прочими столь же узнаваемыми метафорами, стали появляться словосочетания в виде «храма науки»[145], а впоследствии – вероятно, под влиянием темы космоса – солярные символы вроде «солнечного храма»[146], «солнечного дворца»[147] и «солнечного дома»[148]. Таким образом, в университетском нарративе, отражавшем изменения в политическом курсе, по мере «приближения к коммунизму» оказалось возможным примирить не только ленинские «дворцы и хижины», но и базаровские «храм и мастерскую».

В то же время компромисс советской традиции с украинской национальной в университетском историческом нарративе оказался недолговечным. Уже к первому с досоветского времени «круглому» (150-летнему) юбилею в 1955 г. «украинскость» Харьковского университета как-то незаметно стала

уступать место другим, территориальным и производственным, маркерам. Достаточно сравнить две юбилейные статьи ректора Харьковского университета, профессора И.М. Буланкина, опубликованные соответственно в 1945 и 1955 г.: заголовок первой из них – «Харьковский университет – очаг украинской науки и культуры»[149], название второй уже иное – «Старейший на Украине университет»[150]. Эта тенденция станет еще более наглядной во время празднования 175-летия Харьковского университета в 1980 г., когда он будет награжден орденом Дружбы народов, а эпитет «украинский» по отношению к университету окончательно исчезнет из заголовков публикаций, посвященных этому событию.

Послевоенная история Харькова не внесла принципиальных изменений в его уже сформированный в целом имидж украинской пролетарской столицы, центра науки и образования, тяжелой промышленности, транспортного узла, города-труженика, города ученых, пролетариев и студентов[151]. Дополнением к засекреченной славе первого в СССР центра по расщеплению атома и второго в стране центра танкостроения стала разве что известность «Хартрона» – научно-производственного центра по производству систем наведения для космических и боевых ракет. Научные центры и промышленные предприятия Харькова, связанные с «оборонкой», в административном отношении подчинялись непосредственно Москве и имели мало общего со столицей республики – Киевом[152].

Неформальный, теневой имидж послевоенного Харькова также определялся его включенностью в общее советское интеллектуальное пространство, формировавшееся преимущественно Москвой, художественными и литературными вкусами ее интеллигенции, нонконформистской культурой нового поколения, диссидентским движением, подпольной коммерческой активностью, «черным» рынком, процветавшим благодаря транспортным возможностям Харькова и постоянному присутствию в вузах города большого числа студентов из многих стран мира. Впрочем, эта страница истории города еще не написана. Пожалуй, торговля, промышленность, научно-технический прогресс и интеллектуальный урбанизм были основными чертами, придававшими Харькову некое своеобразие по сравнению с другими крупными городами советской Украины.

По отношению к столице советской Украины – Киеву Харьков всегда сохранял определенную культурную дистанцию, памятуя свое недавнее столичное прошлое и традиционно моделируя себя по образу и подобию Москвы и Ленинграда. Ни о какой условной оси Харьков – Киев, подобно оси Львов – Киев, возникшей, по мнению Р. Шпорлюка, после Второй мировой войны[153], в данном случае говорить не приходится. Взаимные отношения и удельный вес двух крупнейших городов Советской Украины позволили, например, Д. Хусону (Hooson David J.M.) сравнить их с двумя итальянскими

метрополиями, Миланом и Римом соответственно[154]. Тем не менее символического потенциала Харькова в это время уже не хватало для того, чтобы составить реальную конкуренцию Киеву в роли столицы Украины.

Украинцы в Харькове по-прежнему оставались в меньшинстве, составляя в 1959 г. около 47% городского населения, в то время как их численность во Львове и Киеве достигла 60%[155]. Кроме того, потеря столичного статуса не прошла для Харькова бесследно. Архитектурный облик города утратил свою главную особенность – дух новаторства и эксперимента. В новом городском строительстве, в отличие от 1920-х – начала 1930-х гг., доминировала типичность, усредненность и массовость. «Типовое тридцатилетие» в истории Харькова уныло воплотилось в т.н. спальных районах Павлова Поля, Новых Домов, Салтовки с их тотальной типизацией и экономичным аскетизмом[156]. Разгром поколения «шестидесятников» довершил упадок советской украинской культуры, погружавшейся в болото провинциализма и казенного оптимизма. Харьков все менее оставался инновационным центром для Украины и все чаще выступал в роли интеллектуального донора советских столиц.

В то же время, если говорить о символической географии, то в послевоенные десятилетия Харьков продолжал оставаться на пересечении двух конкурирующих дискурсов: южного, связанного с централизаторскими тенденциями в политике союзного центра, и национального украинского, отражавшего официально дозволенную национальную составляющую советской действительности. Оба дискурса благополучно существовали на протяжении всей советской истории, выходя на поверхность социальной реальности лишь в периоды обострения политической ситуации в стране.

Постоянным напоминанием о южной «прописке» Харькова оставалась проходящая через город Южная железная дорога вместе с Южным – главным – вокзалом города. О связи Харькова с Донбассом напоминали не только располагавшиеся здесь предприятия, продолжавшие работать на горнодобывающую промышленность (завод «Свет шахтера», высшее учебное заведение – Горный институт), но и научный Государственный институт проектирования шахт и обогатительных фабрик – «Южгипрошахт». Великая Отечественная война прибавила к числу южных маркеров города завод «Южкабель», обслуживавший потребности южных фронтов.

Напоминанием о том, что «Юг» никуда, собственно, не исчезал из практики центральных планирующих органов СССР, может служить постановление бюро Харьковского областного комитета ВКП(б), принятое 10 августа 1945 г. Согласно этому документу, бюро, выполняя указания Госплана СССР, определило, в частности, что «основным направлением развития промышленности Харьковщины должно быть увеличение производства... оборудования для угольной промышленности Донбасса и металлургии Юга...»[157].

Предварительный и не претендующий на полноту выборочный анализ названий и тематики научной исторической литературы, посвященной региону Юга России и увидевшей свет в центральных издательствах СССР, позволяет предположить, что сам по себе этот регион продолжал сохранять в официальном дискурсе свою территориальную неопределенность и непоследовательность применявшейся по отношению к нему географической терминологии. В названиях соответствующих изданий разных лет, в том числе и тех, которые увидели свет после включения Крыма в состав УССР в 1954 г., по отношению к одной и той же территории встречаются, например, названия «Юг России», «Новороссия», «Северное Причерноморье» и «Южная Украина»[158].

Не менее любопытно, что западные специалисты, не связанные условностями советской цензуры или унифицированной нормативной терминологии, по-прежнему считали возможным говорить, например, о некоем целостном экономическом регионе в радиусе около 600 миль вокруг Харькова, приблизительно совпадающем с территорией Южной России досоветского времени: уже упоминавшийся выше Д. Хусон писал об общих экономических интересах жителей этого условного региона и их растущем неудовлетворении политикой центра, а Р.Б. Адамс вообще разделял украинскую территорию на два региона: один с центром в Харькове, другой – с центром в Киеве, что, по сути, вопроизводило категории Южной России и Юго-Западного края имперской России[159].

Тем не менее Харьков не остался в символическом географическом пространстве Юга России. Он «переместился» на «северо-восток», что означало размещение города в национальном пространстве Украины. В советских географических и краеведческих изданиях второй половины XX в. Харьков изображается «главным экономическим и культурным центром Северо-Востока (Украины. – *К.В.*), с населением около 1,2 млн, уступающий по числу жителей только Киеву»[160]. Созданный в Харькове региональный центр Академии наук УССР получил название Северо-Восточного (его название остается таким и сегодня). В этой связи будет уместным напомнить, что подобную эволюцию в свое время пережил и русский Ростов, ставший в 1924 г. центром Юго-Восточной области, но вскоре «переместившийся» на территорию Северо-Кавказского края. Сегодня Ростов, кажется, претендует на роль столицы Юга России в новой конфигурации этого региона[161].

Таким образом, в советское время Харьков формально закрепился в украинском национальном и административно-политическом пространстве. Вернее, он, как оказалось, никогда не уходил оттуда. Не кто иной, как советский русский поэт С.Я. Маршак после Второй мировой войны подтвердил существование этнокультурной границы между Украиной и Россией, проходившей приблизительно там же, где ее отмечали русские и иностран-

ные путешественники начала XIX в.: «Какого он рода и края, / По речи его не поймешь. / То скажет “ищу”, то “шукаю” /, То скажет “люблю”, то “кохаю”, / То “жито” промолвит, то “рожь”. / Пожалуй, меж областью Курской / И Харьковской так говорят»[162].

Неожиданное подтверждение этому поэтическому наблюдению появилось уже в годы советской перестройки в книге советской исследовательницы Л.А. Чижиковой, посвященной этническому русско-украинскому пограничью[163]. В этой работе впервые за время проведения в жизнь политики советского интернационализма и «дружбы народов» подтверждался факт незначительной ассимиляции русских и украинцев, проживавших бок о бок в течение нескольких столетий на территории Харьковщины, а также существование этнокультурной границы между народами, стоявшими первыми в очереди на превращение в «единую историческую общность людей»...

Харьков в условиях эволюции национальной политики советского руководства по-прежнему оставался частью русско-украинского культурного пограничья, отражавшего и эклектически соединявшего основные тенденции противоречивой политики центра. Культурная русификация, тем не менее, оставалась в ней постоянным компонентом. Пожалуй, никогда ранее город и регион не испытывали со стороны центра такого давления, направленного на их включение в русское культурно-языковое «ядро». Результатом такой политики стало неуклонное снижение пропорции этнических украинцев в Харьковской области – с 82,2% в 1959 г. до 63,1% в 1989 г.[164] В то же время численность русских в Харькове возросла соответственно с 17,2% до 33,4%; при этом количество учащихся украинских школ снизилось с 71,8% в 1951/52 учебном году до 27,9% в 1985/86 учебном году[165].

В целом «короткий» XX в. продемонстрировал, что, несмотря на драматические изменения в политической и культурной жизни народов Восточной Европы, геополитические координаты, в которых развивалась история региона и его центра – Харькова, практически не изменились: они локализовали город между собственно Украиной и собственно Россией. Пожалуй, наиболее заметным подтверждением этого тезиса можно считать периодическую потерю и обретение Харьковом столичного, надрегионального статуса и, в связи с этим, периодическое возвращение города к пограничному состоянию.

Символические маркеры региона, начиная с его имени, обнаруживают удивительную стойкость и сопротивляемость политическим переменам. Традиционные символы местной культурной специфики – Г. Сковорода, Харьковский университет, В. Каразин, украинское интеллектуальное наследие XIX – начала XX в. – не вытеснялись, а дополнялись новыми: Госпромом, «социалистическим городом» 1920-х – начала 1930-х гг., символикой украинского «расстрелянного Возрождения», научными школами и т.д. Со

временем, однако, признаки официальной украинскости в Харькове – несколько украиноязычных газет, школ, университетских кафедр, драматический театр – все больше приобретали характер декораций, а память об украинском национал-коммунизме 1920-х гг. маргинализировалась.

В то же время советская историческая мифология, русификация, но самое главное – тотальный характер советской пропаганды, воспитавшей-таки несколько поколений советских людей, – активно вовлекали город и регион в общее советское культурно-языковое пространство. Пожалуй, основную роль в этом процессе играл модернизационный компонент советской политики. Харьков ориентировался на столицы – Москву и Ленинград. В социокультурной среде его многочисленной русскоязычной научно-технической интеллигенции культивировались ценности среднего класса. Западные идеи и культурные ценности проникали сюда почти исключительно в русской редакции. Все это не могло не сказаться на постсоветской, новейшей истории Харькова, о которой пойдет речь в заключительной, следующей главе.

Примечания

1 Гутовский А.В. *Жилищный вопрос в Харькове.* Харьков, 1918. С. 12.

2 *Данные предварительного подсчета однодневной переписи г. Харькова и его пригородов 31 декабря 1917 года.* Б/м, б/д. С. 9.

3 *Известия Харьковской городской думы.* 1917. № 4–5. С. XX.

4 Спирин Л.М. *Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий.* М., 1987. С. 319.

5 Добрунова Л.Е. *Зростання інтересу до українознавства у Харкові в 1917 році* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 264–266; Добрунова Л.Е. *Український національний рух в Харкові: становлення керівних органів (берез. – трав. 1917 р.)* // Зб. наук. пр.: Іст. науки. 1999. Вип. 2. С. 108–113.

6 Melentyeva M. *An Impact of Local Newspapers on Shaping of National Identity Russia, March – August 1917 Kharkov Province as a Case Study* // Expanding Borders: Communities and Identities = Robežu Paplašināšana: Identitātes un Kopienas: Proceedings of International Conf. Riga, November 9–12, 2005. Rīga, 2005. S. 376–387.

7 Наумов С.О. *Виникнення і діяльність Харківської Губернської Української Ради* // История и археология Слобож. Украины: Тез. докл. и сообщений Всеукр. конф., посв. 90-летию XII археол. съезда. Харьков, 1992. С. 61.

8 Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. *Українські проекти в Російській імперії* (Україна і Росія в іст. ретроспективі. Нариси). В 3 т. Т. 1. Київ, 2004. С. 420.

9 Полонська-Василенко Н.Д. *Історія України.* В 2 т. Мюнхен, 1976. С. 479. Характерно, что большевики в названиях своих воинских формирований использовали в основном «харьковскую» символику (1-й Харьковский пролетарский полк, Харьковский пролетарский отряд, 1-й Харьковский рабоче-крестьянский полк, 1-й Харьковский пулеметный полк – см.: Крас. знамя. 1988. 23 февр.).

[10] *Природа и население Слободской Украйны. Харьковская губерния. Пособие по родиноведению* / Ред. В.Н. Талиев. Харьков, 1918. С. 3.

[11] Tolz V. *Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia* // The Historical Journal. 2005. Vol. 48. No. 1. P. 137–138.

[12] *Природа и население…* С. 335.

[13] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. *Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан.* Київ, 1994. С. 13–16. См. также: Соколова М.В. *Великодержавность против национализма: Временное правительство и Украинская Центральная Рада (февраль – октябрь 1917)* // Исследования по истории Украины и Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 117–129.

[14] Верстюк В.Ф., Горобець В.М., Толочко О.П. Вказ. праця. С. 428–439.

[15] Там само. С. 442–443.

[16] Там само. С. 443.

[17] Євсєєва Т. *Вище церковне управління і українська держава 1917–1918 рр.: Конфлікт «націоналізмів» у православному полі* // Проблеми іст. Укр.: факти, судж., пошуки. 2003. № 9. С. 43–51.

[18] Юж. край. 1917. 3 дек.

[19] Кадєєв В.І. *Харківський університет у 1919–1920 роках* // Кадєєв В.І., Наумов С.О. Університети. Universitates. Харків, 2003. № 1. С. 281; Савва В. *Харьковский университет на службе народа* // Жизнь России. 1918. 17 янв.

[20] Wade R.A. *Ukrainian Nationalism and 'Soviet Power': Kharkiv, 1917* // Ukrainian Past, Ukrainian Present. Sel. Papers from the 4th World Congr. for Soviet and East European Studies, Harrogate, 1990 / Ed. B. Krawchenko. St.Martin Press, 1992. P. 70–83.

[21] *Очерки истории Харьковской областной партийной организации.* Харьков, 1980. С. 118.

[22] Современный обзор исторической литературы, посвященной Донецко-Криворожской Республике, см. в: Удод О. *Історіографія Донецько-Криворізької радянської республіки* // Регіон. історія України. Зб. наук. ст. Вип. 1. 2007. С. 221–228.

[23] Корнилов Д. *Образование Донецко-Криворожской Республики* // Донецкий кряж. 1998. 19 фев. [http://www.lookdon.by.ru/about/don_republic.htm (сохранена 06.11.2004)].

[24] Солдатенко В. *Донецко-Криворожская Республика: иллюзии и практика национального нигилизма* // Зеркало недели. 2004. № 49 (524). 4–10 дек.

[25] Там же.

[26] Пасько І., Пасько Я., Коржов Г. *Плавильний басейн донецької ідентичності* // Критика. 2006. № 9.

[27] Солдатенко В. Указ. соч.

[28] Об украинско-российских отношениях этого времени см.: Борисенко С.А. *Українсько-російські відносини: квітень – грудень 1918 року*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2003.

[29] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Вказ. праця. С. 30–31.

[30] Там же. С. 22–25.

[31] Ioshiro I. *The Reintegration of the Russian Empire and the Bolshevik Views of «Russia»: The Case of the Moscow Party Organization* // Acta Slavica Iaponica. 2005. T. 22. P. 134.

[32] Цит. по: *Харьков в зеркале мировой литературы*. Харьков, 2007. С. 308.

[33] Цит. по: Волин С. *Деникинщина* // 1917 год в Харькове. Харьков, 1927.

[34] Сообщение А.В. Шмалько.

[35] *Труды 1-го областного кооперативного съезда 19–21 мая 1919 г. в г. Харькове.* Харьков, 1919. С. 92–93.
[36] Организационной работой по подготовке этой операции в Харькове занимался, в частности, Д.И. Ульянов, брат В.И. Ленина.
[37] Тиц А.А., Шпара П.Е. *Харьков: архитектурно-исторический очерк.* Киев, 1983.
[38] Ср.: Кульчицький С. *Пошуки столиці радянської України* // Розбудова держави. 1997. № 4. С. 50–54.
[39] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Вказ. праця. С. 50–61; Борисенок Е.Ю. *Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы* // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 205–237.
[40] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Вказ. праця. С. 54.
[41] Там же. С. 55.
[42] Об употреблении термина «хохол» в качестве самоназвания этнического украинского населения с российской стороны украинско-российского порубежья в годы Второй мировой войны свидетельствует украинский советский режиссер и писатель О. Довженко со слов местной жительницы: «Украинцы там, в Харьковской и Полтавской областях, а у нас не украинцы. Это хохлы» (Гриневич В.А., Даниленко В.М., Кульчицький С.В., Лисенко О.Є. *Радянський проект для України: Україна і Росія в історичній ретроспективі.* Нариси в 3 т. Київ, 2004. Т. 2. С. 382, прим. 612). Совершенно очевидно, что термин «хохол» в данном случае обозначает «ненастоящих» украинцев, для которых Харьковщина – «настоящая» Украина. Весьма вероятно, что в Харьковской области режиссер мог бы услышать то же самое со ссылкой на некую иную «настоящую» Украину, находящуюся за пределами Харьковщины, ближе к Полтаве. Такова особенность культурного пограничья.
[43] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Вказ. праця. С. 52; Верменич Я.В. *Теоретико-методологічні проблеми історичної регіоналістики в Україні.* Київ, 2003. С. 328.
[44] Борисёнок Е.Ю. Указ. соч. С. 216–217.
[45] Боєчко В., Ганжа О., Захарчук Б. Вказ. праця. С. 55.
[46] Hirsch F. *State and Evolution: Ethnographic Knowledge, Economic Expediency, and the Making of the USSR, 1917–1924* // Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930 / Ed. J. Burbank, M. Hagen, A. Remnev. Indiana University Press, 2007. P. 139–168.
[47] Цит. в обратном переводе с украинского по: Гриневич В.А., Даниленко В.М., Кульчицький С.В., Лисенко О.Є. Вказ. праця. С. 44.
[48] *СССР по районам. Украина* / Сост. В.С. Клупт. М.; Л., 1928. С. 24–25.
[49] Гриневич В.А., Даниленко В.М., Кульчицький С.В., Лисенко О.Є. Вказ. праця. С. 52–53.
[50] *История городов и сел Украинской ССР*: В 26 т. Харьковская область. Киев, 1976. С. 48.
[51] *Справочник. Путеводитель по Харькову.* Харьков, 1927. С. 17.
[52] Курман М.В., Лебединский И.В. *Население большого социалистического города.* М., 1968. С. 86.
[53] *Статистика Украины.* № 16. Сер. I. Демография. Т. 1. Вып. 5. Харьков, 1922. С. 12.
[54] Шарібжанов Р.В. *Національні меншини Харкова в 20–30-ті рр. XX ст.* Дис. ... канд. іст. наук. Харків, 2007. С. 51.
[55] *Всесоюзний перепис людності 1926 р.* Т. XII. М., 1929. С. 311.
[56] Курман М.В., Лебединский И.В. Указ. соч. С. 23, 63.
[57] *Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги.* М., 1991. С. 66.
[58] Magocsi P.R. *A History of Ukraine.* University of Washington Press, 1996. P. 573.

59 Шарібжанов Р. Вказ. праця. С. 54–55.
60 Там само. С. 56.
61 Там само. С. 95.
62 Там само. С. 57.
63 Там само. С. 63.
64 Там само. С. 59, 63–64.
65 Хорошковатый А. *Имена на карте города* // Слобода. 1998. 20 янв.
66 Варварицький Ю.А. *Становлення української радянської скульптури.* Київ, 1972. С. 38.
67 См. подробнее: *The Post-Socialist City. Urban Form and Space Transformations in Central and Eastern Europe after Socialism* (The GeoJournal Library. Vol. 92) / Ed. K. Stanilov. 2007.
68 Касьянов О. *Реконструкция центра Харькова* // Архитектура СССР. 1934. № 2. С. 52–59; Шарлай О. *Соціалістичне місто «Новий Харків» як втілення ідей радянського авангарду в архітектурі 1920–30-х років* // Наукова конф. «Художнє життя Харкова першої третини ХХ століття»: Тези доп. і повід., 19–21 груд. 1995 р. (Харк. худ.-пром. ін-т). Харків, 1995. С. 76–78.
69 Борщевський А. *Замість хібарок – житлові велетні*: [Житл. буд.-во у Харкові] // Рад. активіст. 1933. № 3. С. 3; Эйнгорн А.Л. *Лицо социалистического города*: [Изменения в облике Харькова. Возникновение новых районов города] // Харьк. рабочий. 1935. 6 авг.; Он же. *Схема перепланировки Харькова* // Архитектура СССР. 1933. № 6. С. 12–14; Он же. *Перепланировка и архитектурная реконструкция Харькова* // Архитектура СССР. 1934. № 2. С. 38–51; Он же. *Социалистическая реконструкция Харькова*: [Генер. план] // Социалист. город. 1935. № 10–11. С. 10–17; Касьянов О. *Реконструкция центра Харькова* // Архитектура СССР. 1934. № 2. С. 52–59; Яновицький Г., Санович А. *Про Харків старий і новий*: [Стан і перспективи забудови міста] // Архітектура Рад. України. 1938. № 10–11. С. 18–21.
70 Не кто иной, как американский писатель Теодор Драйзер отозвался о Госпроме как о кусочке Нью-Йорка и высказал пророчество о том, что «In ten years, it is easy to believe that there will be a Ukrainian Chicago in Kharkov» (*Dreiser's Russian Diary* / Ed. T.P. Riggio, J.L.W. West III. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1996. P. 220).
71 Півненко А.С. *Історія спорудження пам'ятника Т.Г. Шевченку в Харкові* // Народна творчість та етнографія. 1989. № 2. С. 10.
72 *Харківський національний університет.* С. 304–305; Парфіненко А.Ю. *У пошуках причин «ліквідації» університетів України.* Харків, 2008.
73 Посохов С.І. *Образи університетів Російської імперії другої половини XIX – початку XX ст. в публіцистиці та історіографії.* Харків, 2006. С. 118.
74 Там же. С. 121.
75 В связи с этим можно вспомнить о статье: Доленго М. *Київ та Харків – літературні взаємовідношення* // Червоний шлях. 1923. № 6–7. С. 151–157.
76 Єфремов С. *Щоденники. 1923–1929.* Київ, 1997. С. 262.
77 Цит. по: Шерех Ю. *Четвертий Харків* // Шерех Ю. Пороги і Запоріжжя: Література. Мистецтво. Ідеології. Т. 1. Харків, 1998. С. 479.
78 Там само. С. 480.
79 Там само.
80 Доленго М. Вказ. праця.
81 Костюк Г. *Зустрічі і прощання.* Київ; Нью-Йорк, 1997. С. XX.

82 Кравченко В.В. *Д.І.Багалій в світлі й тіні своєї «Автобіографії»* // Багалій Д.І. Вибрані твори: У 6 т. Т. 1. Автобіографія. Ювілейні матеріали. Бібліографія. Харків, 1999. С. 9–56.

83 «Народна українська стихія... витісняє і покриває завязки великоруської колонізації, насаджувані правительством...» (Грушевський М.С. *Історія України-Руси.* Т. VIII. Ч. II. 2-е вид. Київ, 1922. С. 42); «...голий, обрабований український демос упередив державну великоруську народність, в часи найбільших лихоліть своїх опанувавши простори московської України – перехопив у великоруської народності ці території, географічними і політичними обставинами властиво їй призначені до сколонізовання» (там же. С. 58).

84 «Справа самостійності України була вбита – за ціну її територіального розширення» (там же. С. 78).

85 *Исторія русовъ или Малой Россіи.* М., 1846. С. 108.

86 Хоткевич Г. *До історії Слобожанщини (процес салтівців з Пассеками)* // Наукові зап. наук.-дослідної кат. історії укр. культури. 1926. № 6. С. 77–91.

87 Юркевич В. *Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Б. Хмельницького.* Київ, 1932. С. X.

88 Глушко С. *Прилюдна оборона праці В.Д. Юркевича «Заселення Слобідської України за часів Хмельниччини»* // Україна. 1930. Січ. – лют. С. 222–226, здесь – с. 225.

89 О научных школах М.С. Грушевского и Д.И. Багалея в 1920-х гг. см.: Богдашина О.М. *Діяльність Харківської науково-дослідної каф. історії україн. культури ім. акад. Д.І. Багалія (1921–1934).* Харків, 1994; Юркова О. *Діяльність науково-дослідної каф. історії України М. Грушевського (1924–1930 рр.).* Київ, 1999.

90 Борисенок Е.Ю. Указ. соч. С. 219.

91 Любавский М.К. *Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века.* М., 1996.

92 Там же. С. 552.

93 Там же. С. 290, 297.

94 *СССР по районам. Украина* / Сост. В.С. Клупт. М.; Л., 1928. С. 10, 17–18, 21, 162.

95 Цит. по: Шагинян М.С. *Собр. соч. в 6 томах.* Т. 3. М., 1956. С. 383.

96 Харків'яни. *Поема про місто в цитатах...* Х., 2007. С. 65.

97 *Харьков в зеркале мировой литературы.* Харьков, 2004. С. LX.

98 Платонов К. *По околицях Харкова.* ДВУ, 1929; Котов. *Весняний провідник в околицях Харкова.* 1925; Іволгін В. *Старий Харків: Нариси.* Харків, 1929; Ковалівський А. *Харків (Культ.-іст. нарис).* Харків, 1930; *Слобожанщина в екскурсіях* / Під ред. О. Ветухова, Г. Відкуп. Харків, 1928.

99 Надольський С.А. *Наша столиця Харків.* ДВУ, 1928. С. 5.

100 Полонська-Василенко Н.Д. *Українська Академія наук. Нарис історії.* Київ, 1993. С. 12, 137.

101 Yekelchyk S. *The Making of «Proletarian Capital»: Patterns of Stalinist Social Policy in Kiev in the mid-1930s* // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50. No. 7. P. 1233.

102 Соц. Харківщина. 1934. 23 черв.

103 Yekelchyk S. Op. cit. P. 1229.

104 Ibid. P. 1231.

105 Заворотнов С.М. *Харьковская Катынь.* 2-е изд., стереотип. Харьков, 2004.

106 Каганский В. *Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство.* Сб. ст. М., 2001. С. 349.

[107] Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* Cornwell University Press, 2001. P. 432.

[108] Нехворосний О.І. *До стотридцятиріччя [ХДУ]* // Учені зап. Харк. ун-ту. 1935. Кн. 2–3. С. 7–18; *Короткі нариси з історії Харківського держуніверситету імені О.М. Горького. Ювілейне видання. 1805–1940.* Харків, 1940.

[109] *Короткі нариси з історії Харківського держуніверситету...*

[110] Дашкевич В. *Найстаріший український університет* // Літ. газ. 1940. 4 лип.; Бойко І.Д. *Короткий нарис історії Харківського державного університету ім. О.М. Горького (1805–1916 рр.)* // *Короткі нариси з історії Харківського держуніверситету…* С. 3; Барабашов Н.П. *Старейший университет Украины* // Правда Украины. 1945. 27 янв.; Буланкін І.М. *Найстаріший на Україні університет* // Соц. Харківщина. 1955. 29 січ.; Гущин М.П. *Старейший университет Украины* // Комсом. правда. 1955. 29 янв.; Слюсарський А.Г. *Перший університет на Україні* // Книга для читання з історії УРСР з найдавніших часів до кінця 50-х рр. XIX ст. Київ, 1960. С. 250–257.

[111] Корнієнко Д.А. *Огнище української радянської науки* // Соц. Харківщина. 1945. 16 груд.; Буланкін І.М. *Харківський університет – вогнище української науки і культури* // Соц. Харківщина. 1945. 3 жовт.

[112] Тараненко Ю. *«Что, город, в имени твоем?»* // Город. газ. 1997. № 26.

[113] *Харків'яни. Поема про місто в цитатах поетичних творів* / Авт.-упор. В.П. Копичко і Ю.Г. Копичко. Харків, 2007. С. 84.

[114] *Харьковщина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.*: Библиогр. указ. Харьков, 1986; Glantz D.M. *Kharkov 1942: anatomy of a military disaster*. Rockville Centre, NY: Sarpedon, 1998; Скоробогатов А.В. *Харків у часи німецької окупації (1941–1943)*. Харків, 2004; Меляков А. В. *Масові джерела з історії депортації цивільного населення Харківщини до Німеччини в період 1941–1943 рр.*: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Дніпропетровськ, 2003; *Харьковщина в годы Великой Отечественной войны: Хроника событий.* Харьков, 1995.

[115] Окладной Г. *Харьков – вторая столица Советской Украины* // Крас. знамя. 1949. 20 авг.; Сачко П. *Быстрее восстановим вторую столицу Украины* // Крас. знамя. 1949. 14 авг.

[116] *Харків'яни. Поема про місто...* С. 106.

[117] *Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории г. Харькова и Харьковской обл. в период их временной оккупации.* М., 1943.

[118] Гриневич В.А., Даниленко В.М., Кульчицький С.В., Лисенко О.Є. Вказ. праця. С. 261.

[119] Platt K.M.F. , Brandenberger D. (eds.). *Russian History and Literature as Stalinist Propaganda.* The University of Wisconsin Press, 2006.

[120] Хорошковатый А. Указ. соч.

[121] См. подробнее: Brudny Y.M. *Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991;* Митрохин Н. *Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 гг.* М., 2002.

[122] Cosgrove S. *Russian Nationalism and the Politics of Soviet Literature. The Case of «Nash sovremennik» 1981–91.* Palgrave Macmillan, 2004. P. 9–16.

[123] Корнілова В.О., Степаненко Т.Л., Федоренко Л.В. *Меморіальні дошки – культурно-історична пам'ять Харкова* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. ІІ. Київ; Харків, 1997. С. 293.

[124] Там само. С. 293.

[125] Гриневич В. *Міт війни та війна мітів* // Критика. 2005. № 5.

[126] Там само.

[127] Конрадова Н., Рылева А. *Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной.* [http://www.nz-online.ru/print.phtml?aid=30011389]

[128] *Памятники истории и культуры Харьковской области* (Библиогр. указ.). Харьков, 1985. С. 63–64, 87, 115.

[129] Смирнов А. *Памятники и память* // Красн. знамя. 1987. 1 окт.

[130] Гриневич В. Вказ. праця.

[131] Тихомиров М.Н. *Россия в XVI столетии.* М., 1962. С. 419–420. Приведя обширную цитату из монографии Д.И. Багалея «Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (1887), советский историк комментирует ее как «настоящий гимн в честь царской администрации XVI–XVII вв.» (там же. С. 420).

[132] Загоровский В.П. *Белгородская черта.* Воронеж, 1969. С. 22; Он же. *Изюмская черта.* Воронеж, 1980. С. 9, 11. См. также: Козлова Н.В. *Побеги крестьян из России в первой трети XVIII века (из истории социально-экономической жизни страны).* М., 1983. С. 5–6.

[133] Слюсарський А.Г. *Заселення Слобідської України в зв'язку з боротьбою українського народу проти іноземної неволі* // Зб. наук. робіт, присвячених 300-річчю возз'єднання України з Росією. Харків, 1954. С. 74.

[134] Слюсарський А.Г. *Слобідська Україна: історичний нарис XVII–XVIII ст.* Харків, 1954. С. 52.

[135] Гетманец М.Ф. *Тайна реки Каялы: «Слово о полку Игореве».* 2-е изд., перераб. и доп. Харьков, 1989.

[136] Кузьминский К.К., Ковалев Г.Л. *Антология новейшей русской поэзии у Голубой лагуны.* В 5 т. 1980. Т. 3-а [http://b-bbib.narod.ru/tom3a/cont_3a.htm].

[137] Слюсарский А.Г. *Василий Назарович Каразин: Ученый и обществ. деятель, 1773–1842* / Под ред. Д.Ф. Острянина. Харьков, 1952.

[138] Там же. С. 28, 31.

[139] Данилевский В.В. *Русская техника.* Л., 1947. С. 308.

[140] Базанов В.Г. *Вольное общество любителей российской словесности.* Петрозаводск, 1949; Он же. *Ученая республика.* М.; Л., 1964; Предтеченский А.В. *Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в.* М.; Л., 1957.

[141] Комсом. правда. 1935. 12 окт. См. также: Посохов С.І. Указ. соч. С. 120.

[142] Комуніст. 1940. 26 черв.; Гельфандбейн Г.М. *Фортеця культури: Напередодні 140-річчя Харківського університету* // Соц. Харківщина. 1945. 11 січ.

[143] Гущин М.П. *Кузница научных кадров* // Крас. знамя. 1955. 19 апр.; Лаврушин В.Ф. *Кузня кадрів* (До відкриття нового приміщення Харк. держ. ун-ту) // Червоний прапор. 1963. 7 верес.

[144] Пугач Є.П. *Флагман науки* // Вечірн. Харків. 1974. 19 жовт.

[145] Леонідов С. *Храм науки* (До 150-річчя Харк. ун-ту ім. О.М. Горького). Харків, 1955. Кн. 7. С. 218–221.

[146] Боянович В., Муромцев І. *Сонячний храм науки* // Лен. зміна. 1965. 23 квіт.

[147] Астахов В. *Сонячний палац науки*: Споруджено новий будинок Харк. ун-ту // Рад. Україна. 1963. 6 верес.

[148] Брюгген В. *Сонячний будинок над містом* // Лен. зміна. 1980. 29 січ.

[149] Буланкін І.М. *Харківський університет…*

[150] Буланкін І.М. *Найстаріший на Україні…*; ср.: Гущин М.П. *Старейший университет…*; Зеленська К. *Перший на Україні* // Україна. 1975. № 4. С. 9–11.

[151] Власенко Г. *Живой, трудовой, железобетонный.* Харьков, 1964; Гуровий Ю.А. *Живий, трудовий, залізобетонний* // Прапор. 1973. № 8. С. 39–44 и др. в том же духе.

[152] Lieven A. *Ukraine&Russia: A Fraternal Rivalry.* Washington, 1999. P. 100.

[153] Szporluk R. *Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union*. Stanford: Hoover Institution Press, 2000. P. 158.

[154] Ibid. P. 95, 157.

[155] Ibid. P. 149.

[156] *350 лет харьковской архитектуры* // Архитекторы Харькова / Под ред. С. Чечельницкого. Харьков, 2008. С. 19–20.

[157] *Очерки истории Харьковской...* С. 359.

[158] Бакулев Г.Д.*Черная металлургия Юга России.* М., 1953; Шполянский Д.И. *Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века.* М., 1953; Жебелев С.А. *Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Причерноморья античной эпохи*. М., 1953; Кабузан В.М., Бескровный Л.Г. *Заселение Новороссии: Екатеринославской и Херсонской губерний в XVIII – первой половине XIX века.* М., 1976; Дружинина Е.И. *Южная Украина в период кризиса феодализма: 1825–1860 гг.* М., 1981.

[159] Szporluk R. Op. cit. P. 96, 157.

[160] *Советский Союз: Географическое описание в 22 томах. Украина. Районы.* М., 1969. С. 21.

[161] Игнатов В.Г., Бутов В.И. *Южная Россия: история и современность.* Ростов н/Д, 2002; Вендина О.И., Колосов В.А. *Где находится столица Юга России* // Полития. 2004. № 1. С. 7–15.

[162] *Харьков в зеркале мировой литературы...* С. 249.

[163] Чижикова Л.Н. *Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века).* М., 1988. О различных способах прочтения этой книги украинскими историками см.: Грицак Я. *Страсті за націоналізмом. Історичні есеї.* Київ, 2004. С. 44.

[164] Rogers P.W. *A Study of Identity Change in the Eastern Borderlands of Ukraine.* A thesises submitted to the Fac. of Social Sciences of the Univ. of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. 2005. (Unpubl.). P. 95.

[165] Ibid.

ГЛАВА 6. НОВОЕ ПОГРАНИЧЬЕ

Собственно говоря, эта глава должна была стать самой короткой. И не потому, что автору нечего сказать из-за отсутствия фактов. Скорее наоборот – можно говорить о затруднениях от их избытка и отсутствия надлежащей исторической дистанции по отношению к описываемым событиям. «Вовлеченному наблюдателю» не всегда удается отличить процессы деградации старого советского уклада и образа жизни от попыток их консервации, реформирования или создания из их обломков чего-то нового. С. Коткин имел все основания рассматривать период конца XX – начала XXI в. в качестве единого целого, не разделенного политическими событиями 1991 г.[1] Его представление о современном постсоветском периоде как о «затянувшейся смертельной агонии всей системы, состоящей из нерыночной экономики и антилиберальных институтов»[2] находит немало подтверждений в реалиях сегодняшнего дня, по крайней мере для Украины.

В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что после развала СССР реальная власть в Украине «упала» в руки тех людей, которые оказались в состоянии ее удержать. К таковым принадлежали, прежде всего, представители советской партийно-хозяйственной номенклатуры, а также различного рода деятели криминального мира, сблизившиеся с деградировавшей бюрократией[3]. И те, и другие оказались, с одной стороны, продуктами разложения советского строя, а с другой – носителями его наиболее укорененных стереотипов. Этот брак по необходимости и привел к созданию в постсоветской Украине общественной системы, которую все чаще сравнивают с феодальной[4].

Население Украины за годы независимости успело приобрести репутацию одного из наиболее пассивных и разобщенных (атомизированных) в современной Европе. Отсутствие или эмбриональный уровень развития в его среде институтов и структур гражданского общества, корпоративной этики, навыков социальной активности и использования легальных средств контроля над властью, податливость популизму и мифологическому восприятию реальности – качества, позволившие постсоветским элитам осуществить одно из крупнейших в истории массовых ограблений населения и продолжать паразитировать на откровенном популизме.

Сегодня становится очевидным, что при таких условиях не могло быть ни радикального разрыва с недавним прошлым, ни ожидаемого «прорыва» в будущее. Базовые структуры, кадровый и интеллектуальный потенциал, сама философия и образ жизни населения бывшей УССР могли сформировать лишь то государство, которое сейчас имеется. Слабое государство и слабое общество не позволяют каждому из них разрешить фундаментальные проблемы собственной идентичности, а мифологизация общественного сознания постоянно перемещает основную борьбу, которую ведут между собой сторонники разных, порой диаметрально противоположных, проектов прошлого и будущего Украины, в сферу символической, а не социальной реальности.

В поисках идентичности сегодняшней Украины региональный фактор играет не меньшую роль, чем проблемы, связанные с национальной идентичностью, экономикой, безопасностью и внешней политикой. За последние годы опубликовано немало исследований, посвященных изучению феномена украинского регионализма. Харьковщина в этой связи чаще всего привлекала внимание исследователей, изучающих проблемы локальной и национальной идентичности[5], границы[6], политики[7], языковой ситуации[8] и других аспектов социально-политической и культурной ситуации в современной Украине. Тем не менее, обобщения постсоветской истории Харькова и региона, невзирая на поток историко-краеведческой литературы, о которой пойдет речь далее, – пока еще редкое явление.

В данной главе я сосредоточусь преимущественно на анализе политики истории и идентичности, осуществляемой в Харькове центральным правительством, местными властями и общественностью и отражающейся в конкурирующих исторических нарративах и культурном ландшафте города. Вероятно, лучше всего это сделать в хронологической последовательности, следуя за изменениями в политике центра и региональных элит в годы советской перестройки, президентства Л. Кравчука (1991–1994), Л. Кучмы (1994–2004) и В. Ющенко (2004–2010). Разумеется, это всего лишь предварительные наблюдения и обобщения, которые могут быть, а могут и не быть, материалом для будущих исследователей.

Кризис или Возрождение?

Линии политических разломов, по которым в конце 1980-х – начале 1990-х гг. начал распадаться Советский Союз, совпали с границами советских республик, построенных по национальному принципу, и одновременно обнаружили слабость легитимизирующих функций этих границ. Крах коммунистической идеологии, сопряженный с кризисом советской идентичности, внес в процесс напряженных поисков альтернативных идеологий и идентичностей отчетливое историческое измерение, вскрывшее под покровом советской унификации причудливые наслоения прежних, альтернативных, но не реализованных проектов общественного развития. Хотя административно-политические границы советских республик, превратившись в государственные, остались нерушимыми, они во многом не совпадали с границами прежних и вновь обретенных национальных территорий и идентичностей, из которых украинская оказывалась далеко не единственной.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в культурно-символическое пространство Харьковщины стала возвращаться «слободско-украинская» терминология. В это время она была представлена преимущественно в своем украинском национальном варианте, сформулированном в «Истории Слободской Украины» Д. Багалея. Эта книга выдержала несколько переизданий, начиная с 1989 г. Вплоть до начала 1990-х гг. она служила веским аргументом для подтверждения «украинскости» Харьковщины, а ее использование подчинялось дискурсу украинского национального возрождения. Слободской «брэнд» сразу же приобрел широкую популярность, распространившись во всех сегментах общественной жизни города и региона: от официального знака отличия, названий ежедневной областной («Слобідський край») и новой городской («Слобода»)[9] газет до названия украинского культурного центра («Слобожанщина»), элитного жилого комплекса, марки популярного пива и дорогого ресторана. Этот список можно продолжить.

Символическое пространство Харькова, как и всех других крупных городов европейской части СССР, в конце 1980-х – начале 1990-х гг. изменялось в основном под влиянием демократических идей, с характерными для того времени мотивами восстановления исторической правды, заполнения «белых пятен» прошлого и разоблачения преступлений коммунистического режима[10]. Эта волна привела к первым переименованиям улиц и площадей города, которые открыла центральная площадь Харькова, носившая имя Ф.Э. Дзержинского и получившая взамен название Свободы. Такая же участь постигла и улицу Дзержинского, для переименования которой был избран символ уже из другой эпохи: улица снова стала называться Мироносицкой, как во времена Российской империи. В то же время память об

основателе советских секретных служб осталась в названии центрального района города.

На изменения городской топонимики уже в то время оказывала существенное влияние локальная составляющая. Так, набережная, носившая имя сталинского идеолога послевоенного времени Ю. Жданова, приобрела название Харьковской; улица 8-го съезда Советов стала именоваться в честь харьковского поэта Бориса Чичибабина, имевшего репутацию диссидента. Может показаться странным, но судьбу одиозных советских символов разделил и канонизированный советской пропагандой русский «революционный демократ» А. Герцен: улица, названная в его честь, отныне стала носить имя Бондаренко – харьковчанина, погибшего при испытаниях полета в космос[11].

После провозглашения украинской независимости в 1991 г. Харьков снова, как это уже бывало неоднократно в его истории, превратился в пограничный город. Государственная граница между Украиной и Россией прошла всего в 40 с лишним километрах к северу от Харькова. С самого начала своего существования она стала наполняться разными, иногда противоположными, политическими и культурными смыслами, отражавшими расстановку сил на политической карте нового государства.

Делимитация украинско-российской границы на участке Белгородской и Харьковской областей, насколько мне известно, не сопровождалась, как это было в начале XX в., взаимными спорами, угрозами и тем более конфликтами на международном уровне, характерными, к примеру, для процесса делимитации морских акваторий Азовского и Черного морей между Украиной и Россией[12]. Харьковская часть украинско-российской границы не имела конфликтогенного потенциала, невзирая на активность политиков со скандальной репутацией по обе стороны этой границы[13]. Борьба за символическое значение государственной границы развернулась немного позже.

Перед украинским политическим центром встала задача «национализации» пограничья в контексте государственного и национального строительства, его инкорпорации в состав национальной территории, наделения новой границы символическим смыслом; российская сторона, наоборот, делала основной акцент на установлении или восстановлении социально-экономических и культурных связей между жителями соседних пограничных регионов, стремясь минимизировать разделяющую функцию границы, сделать ее по возможности незаметной или «прозрачной»[14].

Политическая подоплека позиции российской стороны стала понятной в контексте дальнейших событий. Не прошло и двух дней с момента провозглашения независимого украинского государства, как российское, в то время еще демократическое, правительство выступило с обоснованием территориальных претензий к своему соседу, обвинив украинскую власть в

«сепаратизме»[15]. Объектом претензий России к Украине стали, в частности, Крым, Донбасс, Одесская область и вся так называемая Новороссия – наиболее важный в экономическом отношении регион Украины. Повторялась история взаимоотношений российского Временного правительства с украинской Центральной Радой 1917 г., тем более что в споре Киева и Москвы с украинской стороны приняла активное участие третья сила – политический регионализм, к тому времени успевший заявить о себе со времени советской перестройки[16].

Региональные проекты, возникшие в разных частях бывшей УССР, представляли собой достаточно пестрый политический спектр, разделившийся в своем отношении к украинскому государственно-национальному центру, Советскому Союзу и Российской империи. В современный мир стали возвращаться исторические призраки: советской Донецко-Криворожской республики (Донбасс); российской имперской Новороссии (Одесса); габсбургской Восточной Галичины (Львов); наконец – русинской Карпатской Руси (Ужгород); в последнем случае движение за региональную автономию приобрело более отчетливый этнокультурный характер, нашедший обоснование в русинской идеологии.

Харькову, на первый взгляд, не нашлось места в подобной компании. Мифологизированный образ исторической Слобожанщины, казалось, не оставлял региону другого выбора, кроме Украины. Тем не менее Харьков также не избежал регионального искуса, хотя и в своеобразной форме интеллектуального курьеза, оставшегося малозаметным на фоне бурных политических дебатов и углублявшегося экономического кризиса начала 1990-х гг.

Речь идет о первой со времен Г. Квитки попытке сформулировать программу местного этнокультурного регионализма, предпринятую в 1992 г. Г. Згурским, в то время преподавателем Харьковского государственного института культуры. Поскольку текст его статьи под названием «Малороссы, украинцы – или...?», напечатанной в малодоступном и кратковременном издании, вряд ли привлек внимание широкой общественности, позволю себе остановиться на нем несколько подробнее.

Автор статьи сформулировал свое представление о перспективах развития слободской региональной культуры в таких словах: «Думается, слобожанам следует попытаться осмыслить себя как целое, не тождественное иному целому – русскому или украинскому, осознать свою этнокультурную неповторимость. Нам следует четче представить границы своего региона, не совпадающие с административными или экономико-географическими границами»[17]. Г. Згурский при этом разграничивал исторические регионы Левобережья и Слобожанщины, исключая к тому же из состава последней территорию Донбасса.

Автор попытался обосновать необходимость и возможность придать слободскому украинскому диалекту нормативный характер, сформулировать грамматические закономерности местной «говірки» слобожан, унифицировать ее фонетические особенности и ввести ее в широкий литературный и социальный контекст. Возможно, размышлял Г. Згурский, следует открыть классы начальной школы с преподаванием на «местном языке» и осуществить переводы художественной литературы «говіркою». Показательно, что в поисках образцов подобного рода занятий автор обращался к опыту закарпатских русинов.

Анализируя этот текст, можно предположить, что его автор с самого начала ограничивался рамками сугубо интеллектуальной, а не политической провокации. В пользу такого предположения говорит не только тот факт, что сам Г. Згурский счел необходимым публично отмежеваться от политических параллелей, но и то, что программу этнокультурной институционализации слободского регионализма ни в начале 1990-х гг., ни позже не рассматривала всерьез ни одна из политических сил, борющихся за власть в регионе. Региональные предпочтения местной элиты нашли свое проявление в несколько другом виде, чем это представлялось Г. Згурскому.

На политической карте Украины Харьковщина, наряду с Донецкой, Луганской, Днепропетровской, Запорожской и некоторыми другими областями юга и отчасти центра Украины, расположилась в условном «восточном» регионе, отличавшемся высоким уровнем урбанизации, промышленного развития, концентрации русского и русскоязычного населения, а также степенью вовлеченности последнего в советский проект создания «советского народа». По своей конфигурации этот регион отдаленно напоминал Юг России начала XX в., но без тех ее городов и регионов, которые отошли в свое время к российской советской федерации.

В самом Харькове, как и во всех других крупных городах и регионах Украины, власть осталась в руках советской партийно-хозяйственной номенклатуры. На областном уровне ее представлял А.С. Масельский (1936–1996), возглавлявший Харьковскую область с 1985 г., в то время как в самом Харькове исполнительная власть оказалась в руках Е.П. Кушнарёва, выходца из т.н. Демократической платформы в КПСС[18]. Противоречия между областной и городской властями, возникшие в связи с перераспределением сфер влияния между ними, оказались, как и следовало по теории научного коммунизма, неантагонистическими. Очень скоро они сгладились в совместном труде по приватизации «бесхозного» – и, надо признать, немалого – государственного, партийного и профсоюзного имущества. Инициативу в формировании и осуществлении культурной политики местная власть поначалу отдала центру.

Культурная политика нового/старого украинского центра в харьковском регионе была направлена на его подключение к украинскому национальному пространству. При этом чаще всего использовались имена и символы, взятые из арсенала украинской советской культуры, а также, как и в остальных регионах Украины, наиболее узнаваемые для публики маркеры украинскости – казацкие[19]. Так, на территории области были возведены памятники: в городе Барвенково – основателю города казаку Барвинку (1992)[20], а в Мерефе – легендарному кошевому атаману Запорожской Сечи И. Сирку (1993), имевшему здесь земельную собственность[21].

Любопытно, что городское пространство Харькова украинская казацкая символика практически не затронула. Правда, в начале 1990-х гг. неподалеку от Харьковского академического театра оперы и балета им. М.В. Лысенко возникла гранитная стелла, отдаленно напоминавшая фигуру казака верхом на коне, что, видимо, должно было вызывать ассоциации с героическим прошлым степного пограничного региона, борьбой слободских поселенцев с татарами и т.п., но через какое-то время стелла незаметно исчезла, уступив свое место изображению архангела Михаила, также вполне укладывавшегося в размеры «малых архитектурных форм»...

Для маркировки харьковского городского ландшафта гораздо чаще использовались знаковые для Харьковщины имена украинских интеллектуалов разных эпох, адаптированных в разное время в советском историческом нарративе и по этой причине более приемлемых для местных политических и культурных элит. Таким образом, в начале 1990-х гг. на культурной карте города и региона были символически отмечены: поэт П. Грабовский (1990), философ Г. Сковорода (1992), писатель Г. Квитка (1993), режиссер Л. Курбас (1993), поэт В. Эллан-Блакитный (1994) и писатель и публицист М. Хвылевой (1995)[22].

Трансформация социалистической экономики в рыночную также наложила заметный отпечаток на социокультурный ландшафт города. Прежде всего, нельзя не отметить процессы деурбанизации Харькова, характерные для начала 1990-х гг. Пожалуй, наиболее ярким их воплощением стали многочисленные стихийные базары и торговые ряды, возникавшие прямо на тротуарах; в эту картину вписывались и прохожие, волочащие на самодельных тележках громадные клетчатые сумки с каким-то скарбом, и домашние животные – козы и даже коровы, пасущиеся в каких-то 15 минутах ходьбы от центра города, и стаи дружелюбных собак. Харьковская архитектура этого времени ограничивалась т.н. малыми формами, приспосабливая здания советского времени под потребности небольших предприятий и организаций «малого бизнеса». Лишь к концу XX в. в городе появились инвесторы, обладавшие возможностями для застройки города новыми сооружениями[23].

Глубокий экономический кризис, которым сопровождался распад СССР, привел к заметному ослаблению экономического и, как следствие, политического влияния Харькова, прежде всего в связи с упадком гигантского военно-промышленного комплекса, машиностроительной отрасли, фундаментальной науки и возможностей города в качестве транзитного транспортного узла. Возникший вследствие развала системы прежних политических отношений между центром и провинциями психологический комплекс некой ущербности, распространенные нарекания на провинциализацию Харькова, его прогрессирующий упадок, недооценку или откровенное пренебрежение со стороны нового политического центра и тому подобные настроения были характерны не только для Харькова, но и для других крупных городов Украины[24].

Ответом «электората» на новые экономические, политические и культурные реалии стало усиление в обществе ностальгии по советским временам и рост влияния партий и движений, синтезировавших в своих лозунгах коммунистическую риторику с религиозной эсхатологией, более характерных по своей стилистике для начала, чем конца XX в.[25] Не меньшую роль в политических настроениях украинских избирателей сыграли пророссийские симпатии, усиленно подогревавшиеся российскими средствами массовой информации. В результате на Харьковщине кратковременный всплеск демократических настроений эпохи перестройки быстро сменился волной ностальгии по советским временам.

Во время президентских выборов 1994 г. большинство голосов на Харьковщине получил представитель днепропетровской партийно-хозяйственной номенклатуры Л.Д. Кучма. На выборах в Верховную Раду в 1994 г. от Харьковской области попали 25 человек, среди которых чуть больше трети (9 депутатов) представляли коммунистов, социалистов и пророссийские силы[26]. Впрочем, большинство депутатов от города и области стремились выглядеть «прагматиками», подобными новому украинскому президенту, сосредоточившими в своих руках материальные и политические ресурсы региона. Призрак коммунизма мог напугать этих людей не более, чем призрак национализма, успевший к тому времени обнаружить свою нематериальную субстанцию.

Стабилизация или стагнация?

Смена политического режима в Украине в 1994 г. означала и существенные изменения в культурной политике центра в регионах. Пожалуй, ее основными чертами стала, с одной стороны, т.н. многовекторность, выражавшаяся в эклектическом сочетании национальных украинских, европейских, имперских российских, православных и советских символов, а с дру-

гой – резкий крен в сторону регионализации и усиления влияния местных элит[27].

Установившийся в Украине политический режим все чаще провоцировал зарубежных аналитиков на сравнения его с архаичными социально-политическими системами. Так, К. Мацузато видел в нем черты т.н. касикизма, предполагающего сохранение широких полномочий за местными вождями-«касиками» взамен за их политическую лояльность по отношению к центру[28]; Х. ван Зон писал об авторитарно-патерналистском (неопатримониальном) типе политической культуры, унаследованной от советского прошлого[29]; к подобным же выводам приходят и некоторые украинские авторы[30].

Харьков и область в этом отношении ничем не отличались от других крупных городов и регионов Украины. Отчетливые признаки патриархально-патримониальной модели взаимоотношений в среде местной элиты можно найти, например, в сложившемся здесь культе А.С. Масельского – многолетнего советского руководителя Харьковской области, возглавлявшего ее вплоть до своей кончины в 1996 г. и обеспечившего условия для плавного перехода многих своих соратников, родных и близких, в пространство феодально-олигархического капитализма[31].

В Харькове были изданы апологетическая биография А. Масельского, написанная его бывшим соратником по партийной и советской работе, а также сборник воспоминаний представителей «ближнего круга», сравнивавших бывшего главу Харьковской области с императором Петром I и наперебой именовавших его «отцом», «хозяином», «народным губернатором» и «сыном Слобожанщины»[32]. В интерпретации политического воспитанника А. Масельского, также занимавшего пост главы Харьковского областного Совета, Василия Салыгина получалось, что местный патриотизм его босса был первичным по отношению к его государственной деятельности в независимой Украине[33].

По значимости и масштабам культ А. Масельского можно сравнить разве что с культом представителя младшего поколения советской номенклатуры эпохи перестройки, бывшего руководителя администрации президента Л. Кучмы, мэра Харькова и преемника А. Масельского на посту главы Харьковской областной государственной администрации Е. Кушнарёва, погибшего при загадочных обстоятельствах во время охоты в Харьковской области в 2007 г. Этот культ уже успел заявить о себе покушениями на переименование в честь Е. Кушнарёва центральной улицы Харькова – Сумской, пережившей даже советские эксперименты и считающейся историческим символом города не в меньшей степени, чем Дерибасовская улица в Одессе или Крещатик в Киеве.

Характерно, что имена А. Масельского и Е. Кушнарёва уже успели найти почетное место и в региональном историческом нарративе, оперативно подготовленном историками Харьковского национального педагогического университета им. Г. Сковороды. Соответствующий пассаж «учебника по народоведению» под названием «Харьков – моя малая родина» представляет собой не лишенное драматизма повествование о том, как «талантливое руководство» А. Масельского и Е. Кушнарёва помогло «спасти Слобожанщину от развала и упадка» в то время, когда «ельцинская» Россия пыталась поставить Украину «на колени» путем экономического давления[34]. Впрочем, анализ криптосоветских стереотипов мышления, надежно оберегающих подсознание авторов подобного текста, не входит в задачу автора этой книги.

На этом фоне вполне логично выглядела политика восстановления исторической преемственности с недавней советской эпохой, начавшая воплощаться в жизнь региональной элитой после избрания в 1994 г. президентом Украины Л. Кучмы. Символично, что Харьковская область, торжественно отметившая на официальном уровне 70-летний юбилей, соединила в своем гербе элементы имперской и советской эпох, приставив к рогу изобилия изображения заводской шестеренки и «мирного» атома вместе с книгой – «источником знаний» – и пучком колосьев[35].

Время президентства Л. Кучмы (1994–2004) ознаменовано настоящим взрывом в символическом публичном пространстве Харькова и области, которое стали активно заполнять имена бывших советских партийных, комсомольских и профсоюзных деятелей, представителей хозяйственной номенклатуры разного уровня, военачальников, спортсменов, деятелей науки и культуры... Всех их объединяло местное региональное происхождение или место деятельности.

Политика «примирения» с советским прошлым на местном уровне нашла отражение, например, в церемониях открытия на Харьковщине мемориальных досок в память первых секретарей ЦК Компартии Украины П. Шелеста (1996) и В. Ивашко (2002). Наряду с ними, увековечивались имена советских конструкторов А. Ивченко, М. Кошкина, ученых Н. Барабашова, Д. Волкова, Л. Палатника, художника С. Беседина, скульптора Д. Клебанова, строителя В. Ляпина, профсоюзного руководителя О. Катеринчука, транспортного начальника В. Ведерникова, директора завода им. Малышева О. Соича, хирурга В. Зайцева, анатома В. Воробьёва, искусствоведа В. Айзенштадта, поэта Р. Третьякова и т.д.

Советский компонент в современном региональном дискурсе постоянно подпитывался исторической мифологией Великой Отечественной войны, занявшей особое место в культурной политике Киева времен Л. Кучмы и нашедшей полную поддержку на местном уровне. Символическим отражением советской памяти о войне можно считать мемориальный

комплекс, возведенный в честь Гвардейцев-Широнинцев (1995) в с. Тарановка Змиёвского района Харьковской области, памятник Ивану Кожедубу в Харькове (1995), памятники и мемориальные доски солдатам и офицерам, погибшим во время Барвенковско-Харьковской операции 1942 г. (1997), а также героям-студбатовцам, участникам харьковского подполья, героям-танкистам, судебному процессу над фашистами 1943 г.

Традиционный набор национальной исторической символики, демонстрировавшей принадлежность региона и города к украинскому национальному пространству, также не был забыт местным руководством. По инициативе последнего в разное время были возведены памятники: Богдану Хмельницкому (на территории области в 1995 г.), Тарасу Шевченко (также на территории области в 2001 г.), историку запорожского казачества Д. Яворницкому (на территории Харьковского района в 1998 г.), репрессированным в годы сталинизма украинским кобзарям и лирникам (в центре Харькова в 1997 г.); кроме того, была установлена мемориальная доска в честь идеолога украинского национализма начала XX в. М. Михновского (в историческом центре Харькова).

С изменением политического режима в Украине «слободская» терминология начала приобретать несколько иное, по сравнению с периодом советской перестройки, значение. Если раньше она использовалась в основном для подчеркивания украинской национальной идентичности Харьковщины, то теперь понятие «Слобожанщина» все чаще стало применяться для обоснования политики сближения Украины с Россией, подчеркивания традиционных трансграничных русско-украинских связей [36].

В «Региональной комплексной программе социально-экономического развития Харьковской области до 2010 г.», разработанной по инициативе тогдашнего главы местной областной государственной администрации О.А. Дёмина, Харьковщина позиционируется в виде основной части «широкого историко-культурного и географического региона Слободской Украины», состоящего из сопредельных областей России и Украины, причем Харьковщина изображается посредником между ними[37].

Образ Харькова как посредника между Украиной и Россией, пространства интенсивных украинско-русских контактов и в то же время – места «встречи разных народов и культур», этакого образца межнациональной толерантности и диалога – активно воспроизводится в региональном и национальном публичном пространстве с конца 1990-х гг. Во время парламентских 2002 г. и президентских выборов 2004 г. Харьков даже примерял на себя имидж «столицы украинско-российского сотрудничества», превращаясь в место периодических встреч лидеров и представителей общественности двух соседних государств[38].

В целом этот образ связующего звена между Украиной и Россией, призванного стать своеобразной альтернативой политической напряженности между ними, образ пространства для диалога и в то же время самодостаточного по своему экономическому и культурному потенциалу региона вполне отвечал интересам тогдашней региональной элиты, сконсолидировавшейся в годы пребывания у власти президента Л. Кучмы и по-прежнему ориентировавшейся преимущественно на Россию. Разрабатывавшиеся местной властью различные проекты сотрудничества с соседними российскими регионами принципиально не расходились с политикой центра.

27 января 1995 г. было подписано соглашение между правительствами Украины и России о сотрудничестве приграничных областей, конкретизированное соглашениями о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, совместном использовании и охране водных объектов, защите окружающей среды и некоторыми другими[39]. В феврале 2001 г. была принята совместная Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Украиной и Россией на 2001–2007 гг., в которой выражена поддержка идее т.н. еврорегионов. Руководство Харьковской и Белгородской областей проявило особую активность в этом направлении, инициировав разработку проекта еврорегиона «Слобожанщина»[40].

Для обоснования этого проекта была использована концепция Слобожанщины как исторически сложившегося региона, территория которого не совпадает с новыми государственными границами между Украиной и Россией. В определенной степени появление этого проекта может рассматриваться в качестве негативной реакции местных элит на превращение украинско-российской границы в государственную[41]. Любопытно, что авторы документа в процессе его подготовки опирались на историческую справку об украинско-русской границе, написанную Д. Багалеем в 1920-х гг. по заказу украинского советского правительства[42] с прямо противоположной целью – разграничить территорию Украины и России по этнокультурному принципу.

Харьковская администрация в своей трактовке еврорегиона «Слобожанщина» апеллировала преимущественно к европейскому опыту и подчеркивала экономические и экологические перспективы пограничного сотрудничества, исходя, в то же время, из того, что Украина в ближайшие десятилетия будет оставаться в «зоне политического влияния России»[43]. Эту же особенность проекта акцентировали и его национально-культурные и гуманитарные аспекты, сформулированные при помощи риторики «общего культурного и информационного пространства» и «единого процесса исторического развития»[44]. Насколько можно судить по статье представителя харьковской областной администрации Алексея Кирюхина, авторы проекта с украинской стороны исходили из перспективы «превращения (государ-

ственной. – *К.В.*) границы в "серую", фронтальную зону»[45], т.е. ориентировались на минимизацию ее влияния в регионе.

В конечном счете, к тому же стремятся и российские участники проекта, хотя и используют при этом несколько иную риторику. В ее основе лежат не столько исторические и прагматические соображения и тем более не европейские аналоги, сколько категории русского неоимперского национализма, возвратившегося к своим идейным истокам – концепции «славено-русского народа», о которой шла речь в предыдущих разделах книги. Некое представление о современном православно-славянском дискурсе, активно использующемся российской стороной для обоснования идеи трансграничного сотрудничества, дает официальная справка под названием «О деятельности учреждений культуры Брянской области в создании единого культурного пространства приграничных районов России, Украины, Беларуси», подготовленная в Брянском областном управлении культуры. Красной нитью в ней проходит идея «нерасторжимого единства культуры славянских народов, традиций, образа жизни, характера, мышления и взаимного тяготения современных культур наших народов»[46]. В сущности, такой же стиль мышления присущ и авторам концепций «экономического славяноведения», обосновывающих свои идеи при помощи «интеграционной» риторики нынешнего российского премьера В.В. Путина[47].

Т. Журженко обратила внимание на то, что одна из встреч глав правительств России, Украины и Беларуси с руководителями областных государственных администраций и бизнес-элитами пограничных областей в октябре 2002 г. получила название Собора славянских народов, а газета Совета пограничных областей, выходящая почему-то в Курске, стала называться «Славянка»[48]. В рамках гуманитарного трансграничного сотрудничества была учреждена и специальная премия «Боян», присуждаемая за «сохранение духовного пространства народов славянского мира». Входят ли в это пространство, например, поляки, чехи или хорваты, можно только догадываться...

Не менее знаковый характер приобрела инициатива руководства Белгородской области создать на базе мемориального центра Прохоровка, где в годы Второй мировой войны произошла одна из крупнейших танковых битв, духовную православную академию, которая готовила бы военных капелланов для армий двух стран и тем самым обеспечивала духовный фундамент их «славянского единства» вместо бывших политруков-коммунистов, которые в принципе занимались тем же самым в годы Советской власти. Все эти примеры подтверждают вывод Александра Либмана о русоцентричности абсолютного большинства интеграционных проектов, возникших и продолжающих возникать на постсоветском пространстве[49].

Разумеется, не стоит закрывать глаза на разницу подходов украинской и российской сторон в понимании проекта еврорегиона «Слобожанщина». Эта разница порождена не только конкретными политическими соображениями и доктринами, реализуемыми руководством каждой из стран – участниц проекта. Гораздо более существенным препятствием на пути реализации проекта выглядит тот факт, что у его участников нет единства в понимании содержания и характера сотрудничества, а идеологические приоритеты вряд ли способны стать адекватной заменой для экономической мотивации малого и среднего бизнеса по обе стороны границы[50]. О том, в какой степени участники проекта еврорегиона «Слобожанщина» намерены придерживаться европейских стандартов и ценностей в своей конкретной работе, сегодня говорить трудно.

Исторический нарратив

Параллельно и в связи с формированием нового культурного пространства города и региона, активно создавался новый региональный исторический нарратив. С конца прошлого столетия в Харькове и регионе можно наблюдать настоящий бум в области исторического краеведения, охвативший не только академическую среду, но и широкие слои общества. Десятки, если не сотни, новых публикаций отражают растущий интерес к местному прошлому со стороны различного рода энтузиастов, писателей, журналистов, руководителей крупных ведомств и предприятий, общественных организаций и т.д.[51] История края пользуется особым вниманием местных политиков, которые и сами активно участвуют в создании нового регионального исторического нарратива[52]. В течение последних лет историческое краеведение стало предметом преподавания в школах и высших учебных заведениях, в связи с чем появились учебники, программы и пособия соответствующего содержания[53].

Активизация историко-краеведческих исследований в этой области во многом оказалась связана с возвращением к широким читательским кругам творческого наследия исследователей региона, Д.И. Багалея и Н.Ф. Сумцова. Переиздание их работ в конце 1980-х – начале 1990-х гг. знаменовало собой возвращение к украинской национальной парадигме в интерпретации истории Харьковщины. Но очень скоро в литературе по истории края борьба дискурсов стала не менее очевидной, чем в различных культурных стратегиях, осуществляемых представителями борющихся между собой политических сил[54].

Региональный исторический нарратив развивался под влиянием официального нормативного дискурса, формируемого академической украинской историографией. Его представители стремились вписать местную

тематику в новую версию истории Украины, создававшуюся в рамках национально-государственнической интеллектуальной традиции. Принадлежность Слобожанщины к Украине чаще всего обосновывалась, в духе Д. Багалея, ссылками на исторический дисконтинуитет в жизни «автохтонного» украинского населения края[55], а также приоритет украинцев в процессе его колонизации в новое время[56].

Комбинация двух приведенных аргументов о «преимущественном» историческом праве этнических украинцев на Слобожанщину нашла отражение в учебниках по истории Харькова и Харьковщины, подготовленных историками местного педагогического университета[57]. Основными маркерами «украинскости» региона в них выступают: казачество, университет и статус советской столицы Украины, персонифицированные соответственно И. Сирком, Г. Сковородой, В. Каразиным и Г. Квиткой, а также А. Потебней, Д. Багалеем, Н. Сумцовым, М. Михновским, наконец – поколением интеллектуалов 1920-х гг., которое получило в национальной традиции название «расстрелянное Возрождение», – М. Хвылевым, Л. Курбасом и другими их современниками. В связи с этим по отношению к Харькову чаще всего используется метафора «духовной» или «культурной» столицы украинского национального возрождения, хотя в украинском национальном историческом дискурсе для Харькова резервируется статус все же не первой, а второй столицы Украины[58].

Местные историки стремятся не просто возобновить прерванную на какое-то время историографическую традицию, но и обосновать право «своего» региона на более престижное место в новом украинском историческом нарративе, выражая неудовлетворение нормативным академическим каноном, создаваемым без их участия. Филологи, например, акцентируют внимание на существовании особого слободского периода в развитии украинского литературного языка[59]. Историки стремятся «удревнить» прошлое города[60] или тематически разнообразить новое прочтение его истории.

В 1996 г. в академической среде прозвучала идея создания регионального музея и написания новой версии истории края. При этом едва ли не основное внимание обращалось на недооценку «восточного» региона по сравнению с западным, право- и левобережным. Любопытно, что едва ли не впервые в местной историографической традиции претензии Харькова на роль регионального лидера обосновывались при помощи «восточной», а не только «слободской» и уж тем более не «южной», как это было раньше, символики[61].

Менее повезло концептуальному обоснованию нового регионального проекта: из числа проблем, названных приоритетными (вопросы колонизации края, в частности ее украинско-российских аспектов, военная история времен империи, история военных формирований на территории края

времен гражданской войны, причем как украинских, так и русских, замалчивавшиеся ранее вопросы истории Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.), пожалуй, лишь упоминание о генезисе загадочного «слободского менталитета»[62] давало представление о том, в чем же конкретно могла заключаться специфика региональной версии истории края по сравнению с национальной украинской или неоимперской российской.

Характерно, что советское прошлое никак не фигурировало в ряду приоритетов авторов идеи нового регионального музея: в проекте не сказано ни слова о преступлениях советского режима, хотя на рубеже 1980–1990-х гг. эта тема звучала довольно явственно в местных исторических публикациях. Подобная фигура умолчания в целом отвечала политике «примирения» с советским наследием, проводившейся как местным, так и центральным политическим руководством Украины.

Концептуальная ограниченность, с одной стороны, и кадровый состав – с другой, стали основными причинами неудачи издательского проекта новой версии истории Слобожанщины[63], предпринятого при поддержке Харьковской областной государственной администрации. Политически корректный принцип равного представительства харьковских и белгородских историков в авторском коллективе издания сам по себе, как оказалось, не смог придать проекту академическую респектабельность или хотя бы уберечь его текст от откровенных компиляций[64].

Город как текст

С начала 1990-х гг. Харьков, под руководством Е.П. Кушнарёва, превратился в один из главных центров движения городских элит, направленного на придание городам особого статуса в системе их отношений с центром и областными структурами власти[65]. В середине 1990-х – начале 2000-х гг. происходило институциональное и символическое оформление городского пространства Харькова. В 1995 г. городу был возвращен старый российский герб в виде рога изобилия и кадуцея[66]. XXIII сессия Харьковского городского Совета утвердила Устав территориальной громады областного центра, приняла положение о городском флаге, наградах, официальных городских праздниках.

Консолидация городского пространства нашла отражение и в новой общественной организации – землячестве харьковчан, теоретически объединившем всех тех, кто имел отношение к Харькову и сохранил чувство принадлежности к нему, независимо от национальности, а практически – организовавшем группу из политиков, чиновников и бизнесменов для лоббирования местных интересов в столице.

К 350-летнему юбилею Харькова было издано немало новых работ, посвященных различным аспектам истории города[67]. Местные власти оказали поддержку некоторым научным проектам по истории города, инициировав переиздание капитальной работы Д. Багалея и Д. Миллера, а также написание синтетической коллективной монографии по истории Харькова в XX в.[68] Современная версия истории Харькова отличается от той, которая разрабатывалась в начале XX в., в такой же степени, в какой нынешнее городское самоуправление отличается от старого, досоветского. Д. Багалей и Д. Миллер стремились показать возможности и эффективность гражданского общества по сравнению с государственной бюрократией. В наши дни, похоже, авторы трудов соответствующей тематики озабочены прежде всего проблемами национально-культурной и политической идентичности.

Уже упоминавшийся Е. Кушнарёв, организовавший в 1993 г. репринтное переиздание книги Д. Багалея и Д. Миллера, снабдил ее собственным предисловием, в котором явственно постулировался приоритет локальной идентичности над национальной: автор доказывал необходимость «особого» правового статуса Харькова, а его эмоционально окрашенное объяснение в любви к городу («родной, замечательный город, достойный вечной любви») отчетливо контрастировало с беглым упоминанием о «молодом», но даже не названным по имени государстве[69].

За последнее десятилетие появилось немало новых трудов, в том числе монографий, посвященных различным аспектам истории Харьковского университета, в 2005 г. отметившего свой 200-летний юбилей. Символическим следует признать присвоение Харьковскому университету имени инициатора его основания, В. Каразина, в связи с чем памятник просветителю также был перенесен к главному входу в университет. Тем самым подчеркивалась связь университета прежде всего с местной историко-культурной традицией. С другой стороны, личность самого В. Каразина сегодня, как и прежде, трактуется неоднозначно, провоцируя не только дискуссии ученых, но даже скандалы в обществе, подобные тем, которые сопровождали возведение памятника В. Каразину в начале XX в.[70] Любопытнее всего то, что зачинщиком одного из таких скандалов стал харьковский журналист, представлявший видеоканал «Первая столица», претендующий, в свою очередь, на создание нового варианта регионального исторического нарратива, о котором пойдет речь ниже.

«Первая столица» – проект, руководимый харьковским журналистом К. Кеворкяном, имеет, безусловно, не только коммерческое, но и определенное политическое и национально-культурное измерение. Дискурс «Первой столицы» во многом обусловлен реакцией русскоязычной части общественности Харькова, демократической во времена перестройки, на украинский национально-государственный проект, реализуемый в их представлении

«бывшими коммунистами и националистами». Это, с одной стороны, реакция на трудности с адаптацией в ином, по сравнению с советским, политическом и социокультурном пространстве, а с другой – попытка найти для него новую, локальную либо региональную альтернативу. Возможно, именно это обстоятельство придало популярность проекту, успевшему обзавестись собственной торговой маркой, телеканалом и серией изданий на темы истории Харькова.

Вероятно, центральное место среди изданий подобного рода занимает сборник публицистических статей руководителя проекта К. Кеворкяна, изданный в 1995 г. под названием «Первая столица»[71]. Оговорюсь, что тексты, помещенные в этом издании, не выдерживают академической критики, невзирая на то, что сборник носит гриф «Учебно-методическое пособие». Но забавные пробелы в историческом образовании автора в данном случае представляют интерес с точки зрения дискурсивного анализа, особенно если принять во внимание то, что книга К. Кеворкяна, как и торговая марка «Первая столица», рассчитана все же на массовую аудиторию[72].

«Первая столица» выглядит своеобразным путеводителем по Харькову – его улицам, площадям и районам посвящены отдельные историко-литературные очерки. Новый исторический образ города вырисовывается в процессе «открытия» читателю «неизвестных» страниц его прошлого, составленного из различных компонентов региональной, российской имперской и советской историографии. Если в 1920-е гг. основной идеей, вдохновлявшей харьковских авторов подобного рода произведений, была искренняя вера в просвещение, прогресс и светлое будущее впереди, то в начале XXI в., наоборот, подобные настроения уступили место скепсису и ностальгии по прошлому.

Основным мотивом очерков К. Кеворкяна можно считать стремление воссоздать «золотой век» в истории Харькова, который, по мнению автора, ограничивается периодом Российской империи и, до некоторой степени, советским, преимущественно довоенным, прошлым, когда город еще оставался столицей Советской Украины. Автор стремится подчеркнуть приоритет Харькова во многих областях науки и культуры не только Украины, России, СССР, но и, разумеется, «всего человечества», создать исторический пантеон выдающихся земляков и т.д. Для этого вполне пригодными оказались уже известные читателю этой книги стереотипы: образ города, стремительно идущего по пути прогресса (В. Каразин, Г. Квитка, советские авторы), а также созданная в советское время метафора «дружбы народов», придающая Харькову «многонациональный и интернациональный» характер.

Региональный исторический нарратив создается К. Кеворкяном в противостоянии с украинским национальным нарративом. В борьбе с последним автор (осознанно или неосознанно – другой вопрос) использует

не только архетип «верной» слободской элиты, противостоящей «изменникам» – гетманам и запорожцам, но и созданные имперской, а впоследствии отредактированные советской пропагандой образы «врагов»: И. Мазепы и С.Петлюры. При этом К. Кеворкян не делает различия между разными направлениями и политическими режимами, создававшимися в процессе развития украинского национального движения. Для него все они «одним миром мазаны».

Например, читатель может узнать, что с приходом к власти гетмана П. Скоропадского и началом немецкой оккупации города в Харькове начался «настоящий террор», организованный не кем иным, как «петлюровцами»[73], запятнавшими себя «беспределом погромов и расстрелов»[74]. Автор, вероятно, слышал о том, что П. Скоропадский и С. Петлюра на самом деле были политическими антагонистами, но советский стереотип «петлюровца» оказался сильнее. С этим, вероятно, связано и навязчивое противопоставление Харькова одновременно Киеву и Львову. Достается, конечно же, и местным украинским националистам, которых автор, в духе советской пропаганды, изо всех сил стремится отождествить с нацистами[75].

В отличие от украинского национального, советское прошлое интерпретируется К. Кеворкяном избирательно. В этом случае, например, осуждаются преступления советского режима времен гражданской войны и сталинских репрессий, но всячески превозносится столичный статус Харькова, независимо от того, идет ли речь о Донецко-Криворожской республике или Советской Украине. По сути, К. Кеворкян пытается создать новую региональную «редакцию» исторической мифологии Харькова, возникшей на основе провозглашения города советской столицей в 1917 г.

«Вмонтирование» советского дискурса «первой столицы» в современный региональный дискурс частично облегчается тем обстоятельством, что сам К. Кеворкян, похоже, принадлежит к поколению, сформированному советской авантюрной классикой 1920-х гг. – романами И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» и «Золотой теленок». Насколько мне известно, именно по инициативе К. Кеворкяна городское символическое пространство Харькова в недавнее время вобрало в себя бронзовые «киношные» изображения персонажей романа «12 стульев» – отца Фёдора на Южном вокзале, а также Остапа Бендера и Эллочки Людоедки в центральной части города.

Используя советскую мифологию «первой столицы» и присущий ей пафос модернизации, К. Кеворкян в то же время не принимает советскую политику украинизации, изображая ее при помощи метафор, более характерных при изображении сталинских репрессий («безжалостные чистки», борьба с «политически неблагонадежными», обвинения в адрес организатора украинизации М. Скрыпника, фигурирующего здесь в роли бывшего «начальника кровавой украинской ЧК», и т.п.). Нетрудно заметить, что

«ужасы» украинизации в данном случае – не более чем отражение современных фобий автора, воспроизводящего устную традицию исторической памяти русскоязычной харьковской интеллектуальной элиты 1920-х гг.

Возникает вопрос – кому принадлежат симпатии харьковского журналиста, недовольного ни украинским национальным, ни советским вариантом прошлого и будущего своего города? Ответ можно было бы поискать в набросанной теплыми красками картинке непродолжительного периода пребывания деникинской армии в Харькове, который так и назван – «идиллия»[76]. Но, справедливости ради, отметим, что автор не вычеркивает, подобно деникинцам, украинские символы истории Харькова из своего текста – по крайней мере, это касается канонизированных в советское время Т. Шевченко, Г. Квитки, Б. Гринченко, Л. Украинки и даже – влияние «перестройки» – М. Хвылевого. Заявляя претензии на лидерство Харькова в качестве «теневой (? – *К.В.*) столицы» «всей русскоязычной Украины», К. Кеворкян видит будущее города все же в украинском государстве[77].

Впрочем, второе издание «Первой столицы», увидевшее свет в 1999 г., свидетельствует об определенной эволюции взглядов ее автора. Если в первой редакции сборника символическая война с украинским национальным дискурсом во многом определялась демократическими традициями эпохи перестройки, иногда даже с критическими выпадами по адресу анонимных русских шовинистов, то во втором издании она уже начала приобретать отчетливый привкус российского неоимперского национализма в его евразийском варианте. К примеру, статья под названием «Судьба города», написанная в 1995 г., щедро пересыпана псевдонаучными откровениями в духе Л. Гумилёва о проживающих в Украине «двух суперэтносах» – западном и восточном, рассуждениями о вреде униатства и о традициях борьбы с ним на Слобожанщине[78], о Малороссии и малороссах, наконец, о славянском единстве Украины и России и тому подобными узнаваемыми приметами новой/старой традиции, все более втягивающей в себя российскую и русскоязычную интеллигенцию.

Для того чтобы характеристика феномена «Первой столицы» была по возможности полнее, остается заметить, что критика советской партноменклатуры, вызывающей справедливую неприязнь К. Кеворкяна, ограничивается столицей Украины, но никак не распространяется на местную элиту, обладающую той же самой генеалогией. Объяснить это досадное упущение, разумеется, можно, но только на уровне здравого смысла, предположив, что именно на местную власть рассчитывает автор, призывая к созданию региональных программ преодоления кризиса и возвращения Харькову его былой славы. В этом случае популяризатор лозунга «первой столицы» следует той же логике, что и нелюбезные его сердцу украинские националисты, поддержавшие в свое время республиканскую партийную номенклатуру во

имя проекта «Украина»... Впрочем, типологическое сходство регионализма с национализмом не надо доказывать.

Идейная связь авторов многих современных трудов по истории Харькова с советской историографией становится еще более наглядной в тех случаях, когда ими затрагивается тема межнациональных, прежде всего украинско-русских, отношений. Украинскому национальному дискурсу в этих случаях противостоит, по мнению П. Роджерса и Т. Журженко, не русский национальный, а многонациональный дискурс, имеющий много общего с советской доктриной «дружбы народов». С этим мнением можно согласиться, оговорившись, что в советском национальном дискурсе начиная с 1930-х гг. основной «несущей конструкцией» стала все же русская в ее различных вариациях – от языково-культурной до имперско-православной.

Определенное влияние позднесоветской доктрины «дружбы народов» можно видеть, например, в подготовленном при поддержке харьковской областной и городской администрации издании под названием «Харьков многонациональный», в котором описываются местные общественные, культурные организации т.н. национальных меньшинств, входящие в Ассоциацию национально-культурных обществ Украины, акцентируется их «вклад» в культурную жизнь Харькова, но ни словом не упоминаются ни украинцы, ни русские, формирующие большинство населения города[79].

Представления об особом характере украинско-русских отношений (в советской или российской имперской «редакциях») наложили свой отпечаток на многие другие издания и проекты, посвященные истории города. Для И.Е. Саратова, например, харьковское прошлое определяется метафорой «украинско-русской дружбы» и совместного противостояния двух «братских народов» традиционно «чужим» – татарам и полякам[80]. Вероятно, такого рода представления вдохновляли и авторов оперы «Да будет град», написанной к 350-летнему юбилею Харькова в 2004 г.: в финальной части спектакля русские и украинские поселенцы вместе должны были петь на двух языках гимн городу Харькову[81].

350-летие Харькова

Постсоветская эклектика, сочетающая избранные элементы советского, российского имперского и украинского национального дискурсов, нашла свое отражение в публичных репрезентациях исторического прошлого Харькова. Наиболее заметным событием в этом ряду стало торжественное празднование 350-летия со дня основания Харькова в 2004 г. В процессе его подготовки использовались различные метафоры, порожденные различными дискурсами в разное время: здесь можно было найти и «первую столицу», и «слобожанские Афины», и советский образ «города-труженика». Но

в целом юбилейные торжества в Харькове в 2004 г. отразили возрастающее влияние пророссийских тенденций в общественно-политической жизни города. 350-летие Харькова проходило под знаком «укрепления украинско-русской дружбы».

К юбилею города местные власти установили на одной из его центральных улиц памятник мифическому основателю Харькова, казаку Харьку, выполненный российским скульптором А. Церетели. Хотя это первая конная статуя в городе за всю его историю, особого восторга харьковчан она, кажется, не вызвала, зато успела обратить на себя нездоровое внимание публики теми тщательно проработанными подробностями в анатомии благородного животного, которые обычно прикрыты фиговыми листьями на античных статуях... Казак Харько направляется в сторону площади Свободы со стороны России, а за его спиной, в самом конце проспекта Ленина, сияет куполами новопостроенный храм Русской православной церкви Московского патриархата[82].

Не менее красноречивым свидетельством идейной эклектики юбилейных торжеств по поводу 350-летия города стала установка в новом историческом центре Харькова бюста первому имперскому наместнику Слобожанщины Е.И. Щербинину, считающемуся в украинском национальном историческом нарративе «могильщиком» автономии слободских украинских казацких полков. Одновременно с ним в Харькове был возведен памятник святому князю Александру Невскому, для которого, однако, не нашлось лучшего места, чем известная далеко за пределами области психиатрическая клиника...

Украинская национальная историческая парадигма в харьковской редакции приобрела иное, чем в центре, звучание задолго до юбилейных торжеств 2004 г. Она переформулировалась в контексте «органического» континуитета с советским прошлым, а не в виде традиции «тысячелетней украинской государственности». Так, для монументального архитектурного проекта – создания в историческом центре города новой площади вместе с памятником в честь 10-летия провозглашения украинской независимости в 2001 г. был избран символ десятилетней девочки, вполне отвечавший представлениям местной элиты об истории и происхождении украинского независимого государства.

Впрочем, площадь Независимости, лишенная людей и со всех сторон отгороженная от тротуаров потоками транспорта, с самого начала приобрела удручающий вид «мертвого» места коллективной памяти, изолированного в своем собственном пространстве и невостребованного общественностью. Поэтому, например, активисты украинских национальных организаций предпочитают использовать для своих акций пространство вокруг памят-

ника Тарасу Шевченко, возведенного в советское время и воплощающего переставшую быть актуальной доктрину национал-коммунизма.

Другая центральная площадь города, носившая с 1977 г. название Советской, получила к 10-летию украинской независимости новое имя – Конституции, отсылая современников к вымученному украинской Верховной Радой в 1996 г. основному документу государства. Название «Советская», однако, осталось за станцией метро, расположенной под площадью Конституции и, таким образом, перемещенной в подполье... Памятник борцам за Советскую власть также остался на своем месте, хотя позади него еще в годы перестройки невесть откуда возникли два танка – один времен Первой, другой – времен Второй мировой войны.

Наконец, площадь Свободы, остающаяся главным барометром политической и культурной жизни города по сей день, приобрела довольно своеобразный вид, объединив в своем пространстве идеи коммунистического авангарда 1920-х гг., воплощенные в архитектурном ансамбле Госпрома, неоклассицизма – в памятнике В. Каразину, установленному рядом со зданием времен сталинского ампира, неподалеку от памятника В. Ленину, указывающему рукой то ли на на бюст Е. Щербинина, то ли на здание областной государственной администрации (бывший обком партии)...

Центральная площадь Харькова осталась практически не затронутой украинской национальной символикой, если не считать сиротливого гранитного камня с надписью, извещающей о том, что на его месте будет установлен памятник в честь возрождения украинской государственности. Громадное пространство площади Свободы время от времени заполняется базарными лотками, игровыми аттракционами, песочными скульптурами, группами митингующих – в зависимости от сезона и политической конъюнктуры.

Гигантская статуя Ленина, возвышающаяся над площадью Свободы, в свое время вызвала у К. Уоннер мрачные ассоциации с площадью Тяньаньмэнь в Пекине, вошедшей в новейшую историю жестоким подавлением китайским руководством студенческих выступлений. По мнению К. Уоннер, ленинские статуи в Украине – традиционное место сбора антиреформистских, антиукраинских, просоветских политических агитаторов[83]; недаром сам вид этого монумента заставил автора вспомнить изречение У. Фолкнера: «Прошлое не умерло; это даже не прошлое».

Впрочем, спустя десятилетие исследовательница, вероятнее всего, обратилась бы в поисках ближайших аналогий харьковскому Ленину не к У. Фолкнеру, а к Л. Троцкому, неистовому глашатаю мировой революции. В 2004 г. вокруг статуи вождя мирового пролетариата собирались как раз реформистски настроенные демократические силы «оранжистов», в то время как

их просоветские и пророссийские «бело-голубые» оппоненты располагались ближе к зданию бывшего обкома КПСС...

«Оранжевая революция» 2004 г.

Реакция партийных, хозяйственных и культурных элит Харькова на украинский национально-государственный проект во многом смягчается политической слабостью и неуверенностью украинского политического центра, с одной стороны, и отсутствием гражданского общества – с другой. Попытки центра изменить баланс сил в свою пользу или хотя бы угроза подобного развития событий способны мобилизовать региональные элиты, усилить центробежные или даже сепаратистские настроения. Примером такого развития событий стала «Оранжевая революция» 2004 г.

Харькову отводилась особая роль в осуществлении проекта так называемой Юго-Восточной автономии, в которую, по замыслу ее идеологов, должны были войти наиболее развитые в промышленном отношении русскоязычные области, включая Крым, Причерноморье и Донбасс. По существу, это была попытка политической институционализации региона, известного под именем Юга России и пережившего не только развал Российской империи, перипетии гражданской войны, о которых упоминалось в предыдущей главе, но и советскую эпоху.

Вторая после Донецко-Криворожской республики 1918 г. попытка создания, в противовес украинской национальной государственности, политической региональной автономии – на этот раз со столицей в Донецке – снова потерпела неудачу. Возможно, в этом сыграло свою роль несовпадение интересов наиболее развитых в культурном отношении центров проектируемого административного региона. Возможно, оказала свое влияние активная позиция части харьковской общественности, голосовавшей за либеральные демократические реформы в стране и связывавшей надежду на их реализацию с В. Ющенко. Нельзя при этом сбрасывать со счетов и элементарный здравый смысл, который оттолкнул избирателей от агрессивной риторики региональных политиков.

Украинский политический центр, по всей видимости, не имеет адекватного представления о глубоких исторических традициях, связывающих промышленные города и регионы юга и востока Украины. Со своей стороны, местные политики иногда склонны преувеличивать влияние этих традиций. В этой связи обращают на себя внимание различия в региональных исторических дискурсах Харькова, Донецка и Белгорода, сформировавшихся за последние годы. Для их сравнения мною использованы, в основном, материалы, опубликованные в средствах массовой информации – харьковской областной газете «Слобідський край», издающейся в Донецке газете «До-

нецкий кряж»[84] – а также на некоторых белгородских информационно-аналитических сайтах.

В харьковском издании материалы по истории Украины выдержаны преимущественно в духе советской парадигмы «дружбы народов», с традиционной для нее риторикой, призванной подчеркнуть, с одной стороны, особый, «братский» характер украинско-русских отношений[85], «священный» характер Великой Отечественной войны, а с другой – близкий к современному официозу взгляд на украинское казачество, Голодомор и украинский традиционный фольклор. При этом региональный дискурс чаще всего находит свое выражение в риторике «первой столицы».

В газете «Донецкий кряж» отношение к украинской истории, прежде всего к ее национально-государственнической парадигме, гораздо более агрессивное, близкое к современной российской пропаганде, широко использующей антизападническую, панславистскую, православную риторику в борьбе с украинским национализмом. Региональная идентичность вписывается авторами газеты в «общерусскую» историографическую парадигму; при этом курьезные попытки придать Донбассу статус русского heartland'а путем «экспроприации» Хазарского («русского») каганата[86] сопровождаются реабилитацией Донецко-Криворожской республики, негативно оценивавшейся в советское время[87]. Историческая память о Донецко-Криворожской республике опирается на определенную символику и ритуалы, включающие в себя церемонию ежегодного чествования красно-сине-черного флага, принятого в качестве флага Донбасса, у памятника лидеру местных коммунистов Артёму[88].

Исторический дискурс соседнего приграничного Белгорода в большей степени, чем харьковский и тем более донецкий, подчинен официальному. Так, современная символика Белгорода непосредственно восходит к Полтавской битве, в которой особо отличился Белгородский пехотный полк, за что он получил в 1712 г. знамя с изображением бегущего льва – символа Швеции – и парящего орла – символа победоносной России. Современный герб Белгорода, утвержденный в 1999 г., воспроизводит наиболее раннюю версию боевого знамени Белгородского пехотного полка, но не содержит в себе элементов советского герба города: дубовых ветвей, колосьев пшеницы и половинок зубчатых колес[89].

С приходом к власти в России В.В. Путина и нового руководства города в местной исторической политике был сделан более решительный поворот к отказу от советской традиции в пользу имперско-православной. В 2004 г. сразу несколько улиц и площадей Белгорода, в том числе центральных, охватила волна переименований. В результате улица Коммунистическая стала называться Преображенской, площадь Революции – Соборной, улица Во-

ровского получила имя князя Трубецкого, улица Кирова – название Белгородского полка, а проспект В.И. Ленина стал Гражданским[90].

Политика и риторика Русской православной церкви на территории Белгорода и области также выглядит гораздо более агрессивной, чем в Харькове. Руководство Белгородской и Старооскольской епархии РПЦ упорно отстаивает мнение о глубокой древности последней, возводя ее к эпохе Киевской Руси[91] и обосновывая необходимость активной миссионерской деятельности на вновь возникшей южной степной окраине России при помощи традиционной уже риторики «пограничья».

Не случайно в 1998 г. на Харьковской горе был возведен 20-метровый памятник Св.князю Владимиру – крестителю Руси, а приезжающих в Белгород по Харьковской трассе встречает православная часовня на территории нового университетского комплекса. Православная символика и риторика в последнее время все более ощутимо трансформируют образовательное и культурное пространство Белгородчины[92]. Все это, на мой взгляд, свидетельствует о том, что Белгород гораздо дальше отошел от советской мифологии «города первого салюта», чем Харьков – от образа «города-труженика» или Донецк – от имиджа города «шахтерской славы».

Возвращаясь к политическим событиям 2004 г. в Харькове, следует подчеркнуть, что условия ожесточенной информационной войны не смогли пошатнуть приверженности харьковских избирателей к поискам «золотой середины», в данном случае – между крайностями «славено-русского» и советского дискурсов. По результатам президентских выборов 2004 г. Харьковщина оказалась посредине между, с одной стороны, Сумской, Полтавской и Кировоградской областями Левобережной Украины, в которых победил В. Ющенко, и, с другой – Донбассом и Крымом, в которых была безусловной поддержка В. Януковича (81–94%). По этому показателю Харьковская область, отдавшая В. Януковичу 68,1% голосов избирателей, расположилась ближе всего к Запорожской (70,1%), Николаевской (67,1%), Одесской (66,6%) областям[93], подтверждая тем самым выводы современных наблюдателей о существенных различиях в региональной идентичности жителей Харьковщины и Донбасса[94].

Утраченные иллюзии

В результате «Оранжевой революции» 2004 г. в Украине на местном уровне произошла смена политических элит. Место представителей партийно-хозяйственной номенклатуры советского времени заняли представители бизнеса, начинавшие свое восхождение к вершинам власти в годы «перестройки» и первоначального накопления капитала. Главой Харьковской области по назначению нового президента стал крупный предпри-

ниматель А. Аваков, связанный с родовым кланом В. Ющенко в Харькове политическими и, вероятно, деловыми интересами.

Последующие события не внесли принципиальных изменений в расстановку политических сил на востоке Украины. В результате выборов в Верховную Раду Украины 2006 г. безусловную победу одержала Партия регионов, набравшая в Харьковской области 51,7% голосов, в то время как блок Юлии Тимошенко, ставший здесь вторым, довольствовался всего 12,7%, а пропрезидентский блок «Наша Украина» – 5,9%[95]. На выборах в местные органы власти также победила Партия регионов, завоевав в 2006 г. 54 места (39,97%) в городском совете и 83 мандата (38,85%) в областном совете[96]. Мэром города Харькова стал представитель Партии регионов, местный бизнесмен М. Добкин, а областной совет возглавил его однопартиец В. Салыгин, «птенец гнезда Масельского», вскоре замененный на своем посту менее одиозным соратником.

В результате город и область возглавили представители нового поколения постсоветской элиты, для которой власть и бизнес выглядят двумя сторонами одной медали. Тем не менее, между городскими властями и областной администрацией сразу же вспыхнул ожесточенный конфликт, вызванный не только очередным переделом собственности, но и политическим и даже идеологическим противостоянием. Характерно, что если в начале 1990-х гг., как и сто лет назад, городские власти выглядели более прогрессивными и более демократическими, чем губернские, то после 2004 г. ситуация изменилась с точностью до наоборот.

Вероятно, в истории Харькова еще не было городского руководства, которое всего за два с лишним года пребывания у власти успело породить такое количество скандалов, что сделалось известным далеко за пределами Украины, прежде всего благодаря «всемирной паутине»[97]. Тем не менее попытки конкурирующих бизнес-политических элит отстранить это руководство от власти путем досрочных выборов или судебных исков ни к чему не привели. Они разбились о пассивность избирателей, в первую очередь тех, кто активно поддерживал оппозицию во время «Оранжевой революции» 2004 г. и почувствовал себя глубоко обманутым после прихода к власти В. Ющенко и Ю. Тимошенко. Еще одна составляющая запаса прочности нынешнего городского руководства – не только и не столько прославленная во всем мире пассивность украинского населения, сколько дальнейшее снижение уровня его политической и социальной культуры – фактор, постоянно ускользающий из социологических опросов.

Дискредитация в глазах широкой общественности практически всех государственных институтов не могла не повлиять на отношение избирателей к местной власти. Так, в результате социологического опроса, проводившегося 20 марта 2008 г., полное доверие мэру Харькова Михаилу Добкину вы-

разили 7,6% опрошенных, «в чем-то доверяют, в чем-то нет» 16,4% и полностью не доверяют мэру 39,6% опрошенных; главе областной администрации Арсену Авакову «полностью доверяют» 8,7%, «скорее доверяют» – 15,6%, 26,8% опрошенных харьковчан «в чем-то доверяют, а в чем-то нет», а 18,3% респондентов совершенно не доверяют губернатору[98]. Впрочем, это обстоятельство вряд ли способно повлиять на политическую жизнь в городе и области.

«Оранжевая революция» 2004 г. поляризовала украинское общество. Инерция политического противостояния по линии Восток – Запад, пронизавшая президентские выборы, нашла свое продолжение в культурной политике местных политических элит. Если руководитель областной администрации руководствовался в ней официальным курсом, направленным на реализацию украинского национально-государственного проекта и, до некоторой степени, демократическими традициями времен советской «перестройки», то политика харьковского городского руководства определялась противостоянием с Киевом, демонстративной поддержкой неоимперской внешней политики Кремля и дальнейшей утилизацией советского прошлого в новых условиях.

Идейной, если так можно выразиться, основой политики подобного рода выступало уже не творческое наследие Д. Багалея, а новоявленный дискурс «Первой столицы». В предисловии к книге, составленной из сценариев журналистов видеоканала «Первая столица» и изданной под общим названием «Неизвестный Харьков», не кто иной, как нынешний мэр города Харькова, представитель Партии регионов М. Добкин, ставший основным спонсором издания, поставил свою подпись под словами о том, что Харьков многие годы подвергался «систематическому унижению» и «систематически лишался права на творческую инициативу» вследствие «государственной политики подавления регионов»[99].

Впрочем, региональный компонент, в свою очередь, не играет самостоятельной роли в культурной политике руководства современного Харькова. Эта политика в значительной степени выглядит отражением неоимперской доктрины российского политического режима, имеющей немало сторонников на территории Украины в целом и Харьковщины в частности. Идеологию русского национализма активно используют, например, блок Наталии Витренко, Русский блок и Евразийский союз молодежи. Но их влияние не сопоставимо с деятельностью Русской православной церкви, возродившей практику отождествления понятий «русский» и «православный» и рассматривающей Харьковщину в качестве органической части единого «русского» историко-культурного пространства. О том, что это символическое пространство имеет вполне определенный политический характер, напомнило активное участие священников РПЦ в политической борьбе во время

президентских выборов в Украине 2004 г. на стороне провластного и пророссийского кандидата.

В культурной политике российского руководства, как известно, особое место занимает историческая мифология Великой Отечественной войны, в настоящее время приобретающая под патронатом РПЦ сакральный характер. Иллюстрацию этой политики на Харьковщине можно видеть, например, в мемориальном комплексе «Высота Конева», возведенном в честь советского маршала, командовавшего войсками, освободившими Харьков в августе 1943 г.: в 2003 г. рядом с памятником советскому военачальнику появилась православная часовня[100]. Еще одним примером подобного рода стал проект строительства православной часовни посреди аллеи советских героев-подпольщиков в историческом центре Харькова. В этот логический ряд вписывается и построенная в одном из центральных районов города часовня, посвященная святому Евгению – солдату российской армии, погибшему в последнюю российско-чеченскую войну.

Харьковские городские власти выразили демонстративную поддержку российскому правительству в конфликте, разгоревшемся в 2007 г. вокруг памятника советскому солдату-освободителю в Таллинне. Мэр Харькова М. Добкин официально обратился тогда к эстонским властям с предложением забрать памятник советскому воину-освободителю и установить его в Харькове[101]. Эта инициатива, в свою очередь, получила непосредственное продолжение в политической поддержке России в недавней российско-грузинской войне 2008 г.

Еще одним примером духовной солидарности харьковский политической элиты с современной российской служит распространившаяся практика ношения т.н. георгиевской ленточки – нового символа Великой Отечественной войны, появившегося в России и привитого в Харькове руководством одного из частных высших учебных заведений города в 2006 г. Того, что акция «Георгиевская ленточка» имеет определенную политическую подоплеку, не скрывает мэр Харькова М. Добкин, заявивший накануне празднования Дня Победы в 2009 г.: «Лично для меня "Георгиевская ленточка" является ответом, в том числе и тем, кто сегодня пытается переписать нашу историю и восхваляет негодяев, воевавших на стороне фашистов»[102].

По сравнению с советской и российской постсоветской версиями коллективной памяти о Великой Отечественной войне, все остальные выглядят маргинализированными в культурном пространстве Харькова. К ним можно отнести память о Холокосте[103], увековеченную в мемориальном комплексе «Дробицкий Яр», память о «харьковской Катыни» – польских офицерах, уничтоженных советским режимом после очередного раздела Польши в 1939 г., которым посвящен мемориальный комплекс в районе Лесопарка[104], да и саму концепцию Второй мировой войны, которая в харьковском ре-

гиональном нарративе почти полностью вытеснена парадигмой Великой Отечественной войны.

Политика памяти, проводимая нынешним руководством Харькова, противостоит официальной политике современного украинского руководства, акцентирующего внимание теперь уже не на казацком, как это было в начале 1990-х гг., а на относительно недавнем прошлом. Основная роль в политике подключения регионов к украинскому национальному пространству в последнее время перешла к символике Голодомора 1932–1933 гг., признанного Верховной Радой Украины геноцидом против украинского народа. В современном украинском национальном историческом нарративе Харьковщина трактуется как «особый регион, так же, как и Донеччина и Луганщина, где больше всего людей выморено Голодомором, больше всего завезено переселенцев из России на место вымерших украинских крестьян»[105].

Перемещение политического противостояния в сферу недавней советской истории привело к очередному витку «борьбы памятников» и других исторических символов в Харькове. Городские и областные власти разошлись, в частности, в вопросе об увековечении памяти жертв Голодомора 1932–1933 гг. В то время как «оранжевые» в областном руководстве настаивали на возведении памятника жертвам этой трагедии в центре города, в Молодежном парке, где во время советской перестройки в память об этой странице истории силами общественности уже был установлен деревянный крест, «бело-голубые» полагают необходимым отвести место под памятник на территории области, за пределами города – на том основании, что «там погибло больше людей». В конце концов мемориальный комплекс, посвященный жертвам Голодомора, было решено возвести на окружной дороге, ведущей в сторону российского Белгорода[106].

Трактовка Голодомора как геноцида против украинцев, принятая на официальном уровне, вызывает открытое неприятие харьковских городских властей. Руководители города, после ожесточенных дебатов, дали согласие возвести мемориал памяти жертв сталинизма в Харькове лишь при условии, что в его названии слово «геноцид» будет заменено на «жертвы тоталитаризма», а сам памятник займет место не в центре, а на окраине города, в Комсомольском парке. Поскольку, однако, даже такое компромиссное решение (не поддержанное областной властью, кстати говоря) породило новую коллизию названий, депутаты горсовета решили вначале переименовать Комсомольский парк, назвав его парком Памяти.

По этому поводу новый мэр города Харькова Михаил Добкин заявил следующее: «Если это памятник против той части истории, которая связана с Советским Союзом, – это один вариант. Если это памятник жертвам тоталитаризма и Голодомора – это другой вариант. Я уважаю память о всех тех людях, которые погибли во время тех страшный событий в Украине. Но

я категорически против той подачи, которую некоторые маргинальные политические силы пытаются представить, перечеркнув все то хорошее, что было в жизни нашего государства, связанное с Советским Союзом»[107].

Еще большее противостояние в городе вызвало декларативное стремление президента Украины В. Ющенко реабилитировать УПА – Украинскую повстанческую армию, которая в годы Второй мировой войны вела партизанскую войну против фашистского рейха, коммунистического СССР и польских националистических вооруженных формирований. Харьковской областной совет, большинство в котором составляют представители «регионалов», принял решение демонтировать на территории города и области все памятные знаки, посвященные УПА, а также переписать все учебники украинской истории, в которых воинов УПА называют героями[108]. Основанием для такого решения стало то, что, по словам одного из депутатов, «УПА никакого отношения к Харькову не имеет»[109]. Никто из депутатов Харьковского областного совета – политических оппонентов Партии регионов – не рискнул открыто оспорить эту акцию. Одним из косвенных результатов подобной политики стало осквернение в декабре 2006 г. памятного знака УПА, установленного в Молодежном парке Харькова, группой членов Евразийского союза молодежи – российской экстремистской организации, отрицающей украинскую государственность.

Как российский, так и украинский националистические дискурсы имеют своих представителей и адептов в общественной среде Харькова. Оба они, в сущности, зеркальное отражение друг друга в том отношении, что базируются на антиинтеллектуальной, монологичной по своему характеру культуре, враждебной ценностям гражданского общества и далекой от традиций западной политической культуры, демократии и толерантности.

Харьков в местном российском националистическом (неоимперском) дискурсе фигурирует в качестве пограничного города, воспринимаемого, условно говоря, с российской стороны бывшей Белгородской линии. Собственно, это даже не город, а крепость на враждебной границе, в Дикой степи, отрезанная от братской России, героический гарнизон которой задыхается в душном чужом пространстве украинского национализма, но не сдается и продолжает неравный бой с неутомимым и коварным противником, за которым стоит лицемерный и враждебный Запад...

В качестве примера творческой фантазии подобного рода можно привести некоторые публикации харьковского автора С. Минакова[110], в которых воспроизводятся основные параметры традиционного российского имперского дискурса, противостоящего национальному украинскому[111]. Созданный при его участии поэтический сборник «Дикое Поле», объединивший «русских поэтов Украины» и почему-то Москвы, оказывается «приветом, посланным русскому читателю из украинского русского Харькова, с русской

Украйны». Под «Новой походной песней слободских полков», написанной С. Минаковым, вероятно, в горячке политического противостояния 2004 г., могли бы подписаться наиболее фанатичные адепты Союза Русского народа[112].

Украинский националистический дискурс в Харькове по своему социальному статусу и характеру во многом сходен с русским. Он культивируется преимущественно в интеллектуальной среде. Харьков в украинском национальном нарративе нередко принимает мрачный, зловещий или трагический образ жертвы политики русификации, очага коммунистических репрессий, «столицы отчаяния»... Русский язык и культура, советское прошлое изображаются при этом сугубо внешними, навязанными Россией, «неорганическими» компонентами в истории и современной жизни города и региона, которые выглядят угрожаемыми пограничными территориями, но уже с другой, украинской перспективы[113]. Иногда к этим стереотипным представлениям примешиваются ксенофобские, славянофильские, антизападнические нотки.

Впрочем, в интеллектуальных битвах за историю региональный исторический дискурс способен все же играть роль некоего стабилизирующего фактора, своеобразной альтернативы, противостоящей крайностям взаимоисключающих националистических парадигм. В качестве одного из недавних примеров подобного рода можно привести проект «Главные харьковчане – звезды Слобожанщины», инициированный в конце 2007 г. интернет-газетой «Главное», близкой к харьковскому областному руководству.

Руководители проекта попытались определить, опираясь на мнение общественности, имена выдающихся «личностей, которые внесли неоценимый вклад в развитие города и принесли ему всемирную славу». По результатам интернет-опроса, охватившего более 16 тыс. жителей города, к лету 2009 г. вырисовалась десятка знаменитых харьковчан, в которую вошли, в частности, Г. Сковорода, И. Мазепа, Д. Багалей, И. Репин, И. Мечников, П. Гулак-Артемовский, В. Вернадский, а также С. Бабкин, Л. Быков, А. Бекетов[114]. При всем, мягко говоря, своеобразии подобной системы определения выдающихся личностей города, из которых, по-моему, кроме А. Бекетова и С. Бабкина, никто не был уроженцем Харькова, приведенный список все же отражает какие-то нюансы коллективной исторической памяти современных харьковчан.

В целом результаты опроса достаточно полно отразили представление участников проекта о Харькове как городе ученых и творческих деятелей, «культурной столицы». Намерения организаторов проекта включают в себя, в частности, создание Аллеи знаменитых харьковчан в центре города, разработку новых учебно-образовательных и издательских программ, на-

правленных на создание нового интеллектуального дискурса или, по словам В. Чистилина, «парадигмы Харькова, со своей стилистикой, со своей архитектурой, со своими памятниками», с собственной мифологией[115]. Если эти намерения станут реальностью, региональный дискурс приобретет более современный вид.

Обращает на себя внимание то, что организаторы проекта ориентируются преимущественно на модернизационную составляющую харьковской исторической идентичности, находя ее духовные истоки не только в «столичном» периоде истории города 1920-х – начала 1930-х гг., но и в демократических традициях эпохи перестройки[116], замалчиваемых нынешним российским руководством. При этом риторика участников проекта включает в себя «слободскую» составляющую, объединяющую в данном случае город и регион в рамках единого украинского культурного пространства. Впрочем, судя по материалам «круглых столов», проведенных в рамках проекта, пока еще рано говорить о его характере и дальнейшем развитии, примирении с прошлым и, тем более, выработке общественного консенсуса на региональном уровне.

Какой язык до Киева доведет?..

В процессе регионализации украинского политического и культурного пространства особая роль принадлежит языку. На украинско-российском пограничье язык – не только средство коммуникации, но и влиятельный символ, связанный с национально-культурной и даже политической идентичностью. Разумеется, этот символ – не всеобъемлющий. Современные исследователи обоснованно настаивают на разграничении сфер повседневной практики и символического значения языка: использование одного языка в разговорной практике вовсе не означает отбрасывания другого в качестве символического маркера национальной идентификации[117]. Можно всю жизнь говорить по-русски, но в необходимые моменты прибегать к украинскому языку или его элементам для подчеркивания собственной принадлежности к украинской нации или этносу. Разумеется, сказанное относится и к украинскому языку. Именно по этой причине для идентификации жителей современной Украины оказалось недостаточно простого разграничения на русо- и украинофонов: не менее влиятельной оказалась категория русскоязычных украинцев, приобретающая особое значение в качестве ресурса политической мобилизации в пограничных с Россией регионах Украины.

Харьков – преимущественно русскоязычный город, если судить об этом по степени распространенности русского языка во всех сферах общественной жизни. В информационном пространстве Харькова также доминируют русский язык и современная российская массовая культура. Украинский

язык, получивший статус единственного государственного языка, до недавнего времени использовался преимущественно в качестве средства национальной идентификации. Начиная с 1991 г. сфера его практического применения расширяется, если судить по количеству учащихся украиноязычных школ, официальной документации, радио и телевидению, рекламе и т.п. По мнению П. Роджерса, все это свидетельствует о том, что проект государственной языковой украинизации в Харькове воспринимается более спокойно, чем в соседнем Донбассе[118].

Тем не менее проблема языка в Харькове остается политически и идеологически острой. Можно утверждать, что борьба между политиками, отстаивающими интересы соответственно русо- и украинофонов, не прекращалась ни на мгновение с конца 1980-х – начала 1990-х гг. и продолжает носить бескомпромиссный характер. Каждая из сторон выражает при этом недовольство государственной политикой в данном вопросе. В публичных дебатах о языке русофоны, апеллируя к европейским нормам и стандартам, безусловно доминируют над украинофонами[119]. Последние, в свою очередь, чаще призывают к государственному вмешательству в духе политики «affirmative action».

В 1996 г. Харьковский городской совет принял решение придать русскому языку статус второго государственного на территории города. Хотя это решение было опротестовано судебными инстанциями, вплоть до Верховного Суда, городские власти в марте 2002 г. организовали референдум по данному вопросу, добившись поддержки около 83% избирателей. Обращает на себя внимание то, что вопрос о русском языке оказался непосредственно связан с приданием Харькову особого юридического статуса в государстве. В 2006 г., опираясь на официальные документы Европейского Союза, городской совет придал-таки русскому языку статус официального, а через некоторое время принял специальную программу поддержки русского языка и культуры[120]. При этом вопрос о роли и месте украинского языка в Харькове специально не обсуждался[121].

Совершенно очевидно, что борьба за статус языка носит не столько практический, сколько символический характер. Украинский язык, уступающий русскому в коммуникативной сфере, продолжает оставаться основным средством украинской национальной идентификации. Русский язык, выполняющий роль lingua franca на постсоветском пространстве, объединяет носителей не одной, а нескольких типов идентичности, включая собственно русскую, советскую, локальную, украинскую национальную и некоторые другие. Каждая из них может играть разную роль в процессе украинского национально-государственного строительства.

До настоящего времени мобилизационный потенциал языковой проблемы с неизменным успехом используется коммунистами и пророссий-

скими партиями. Знамя защиты русского языка позволяет относительно легко прикрыть идеологическое рубище на тучных телесах политических элит, доминирующих в городе и регионе. Центр, со своей стороны, не видит и не ищет возможностей для использования культурного потенциала русского языка в своих интересах. Тем не менее, как показывают события осени 2004 г., лозунг защиты русского языка сам по себе не может объединить избирателей, имеющих различные политические ориентации. В свою очередь, призывы к борьбе за права украинского языка обладают еще меньшим мобилизационным потенциалом.

На практике языковой вопрос в Харькове не имеет той остроты, которую стремятся придать ему конкурирующие между собой политики. Здесь стихийно сложилась характерная для культурного пограничья ситуация фактического билингвизма. Единственной теоретической альтернативой противостоянию украино- и русофонов могла бы стать легитимизация т.н. суржика – разговорного языка слободских украинцев, представляющего собой смесь русского и украинского языков[122]. Подобные предложения время от времени звучат в среде харьковских политиков[123], а митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим, кажется, использует суржик в своей общественной и литературной практике.

Тем не менее, суржик вряд ли способен играть какую-либо иную роль, помимо символической, хотя количество его носителей по восточным областям в целом превышает число украинофонов[124]. Он может выступать в роли маркера региональной идентичности, но в системе культурной иерархии общественного мнения занимает одно из последних мест, оставаясь символом низкопробности, второсортности и маргинальности, хотя и узнаваемой, близкой к реальной повседневной жизни. По этой причине создание на основе суржика «высокой» культуры даже теоретически вряд ли возможно, по крайней мере в обозримом будущем. Суржик остается символом амбивалентности региональной контактной культурной зоны и в этом отношении располагается ближе к русскому разговорному языку с «харьковским» акцентом, чем к украинскому литературному.

Символические ориентации

Разумеется, сказанное выше не исчерпывает всего спектра политической и культурной жизни постсоветского мегаполиса. В социальном пространстве между бюрократией, олигархией и пассивным «электоратом» успели появиться элементы гражданского общества, включающие в себя, например, Харьковскую правозащитную группу, Комитет избирателей, отдельные научные, художественные, культурные, гуманитарные организации и даже средства массовой информации. К сожалению, их влияние на

общественную, а тем более политическую жизнь города и региона мало заметно, а источники финансирования деятельности подобных организаций чаще всего находятся за пределами Украины.

Культурное пространство города также не политизировано окончательно. В нем немало и нейтральных символов, не несущих на себе какой-либо политико-идеологической нагрузки. К таковым можно отнести ставшую известной фигуру скрипача на крыше одного из зданий в центре города, провокативный по стилю памятник влюбленным по ул. Бекетова; громадный футбольный мяч, установленный на площадке в Центральном городском парке им. Т. Шевченко – своеобразном гайд-парке советского времени, где велись нескончаемые дискуссии о футболе; проект символического обозначения 50-й параллели, проходящей, как *выяснилось совсем недавно*, через Харьков...

Как и в других крупных городах Украины, в частности в Киеве и Одессе, в Харькове немало людей, для которых национальная или локальная идентичность не противоречит европейской. Следы проявления в городе современного транснационального дискурса можно найти не только в аляповатой рекламе некоего «европейского» качества услуг и товаров, названиях разного рода заведений, но и в присутствии возрастающего числа мигрантов из разных областей и стран мира. Вопрос о том, насколько «капитал разнообразия»[125] сознается и используется представителями городской громады, в какой степени ментальные и повседневные структуры жизни граждан постсоветского пространства готовы к изменениям и восприятиям новых реалий, – остается открытым.

В последние годы Харьков и регион постепенно приобретают более современную культурную и пространственную идентификацию, чем та, которая возникла в советское время. Метафора «дружбы народов» все чаще заменяет метафора «перекрестка», использованная, в частности, историком Слобожанщины В. Маслийчуком[126], а также безымянным автором очерка истории харьковской архитектуры, написавшим следующие строки: «...Харьков – это великий европейский перекресток. Цивилизации и народы, веры и философии встречаются здесь, сталкиваются, обогащая друг друга, – расчетливый деловитый Север с горячим эмоциональным Югом, эгоцентричный Запад с уверовавшим в бренность всего сущего Востоком. Кого только не было и нет сегодня в Харькове: украинцы и россияне, евреи и немцы, караимы и поляки, греки и армяне, азербайджанцы и татары...»[127]

Нельзя не отметить, что в приведенной цитате перечислены не только этнические нации, о которых идет речь в книге «Харьков многонациональный», но и отсутствующие в этой последней украинцы и «россияне» в качестве политической нации. Во всяком случае, метафора «перекрестка» в отношении к местной истории, в свое время употребленная В. Каразиным,

существенно раздвигает рамки города и региона и помещает их в более широком, чем прежде, социокультурном пространстве глобализирующегося мира.

Символическая география Харькова в постсоветскую эпоху претерпела определенные изменения, но в целом осталась довольно-таки запутанной. Харьковские авторы Р. Мельников и Ю. Цаплин остроумно обыграли трудности с пространственной идентификацией региона, назвав свою статью о современном литературном Харькове «северо-востоком юго-запада»[128]. После обретения Украиной государственного статуса Харьков, действительно, успел сменить свою «северо-восточную» символическую прописку советских времен на менее определенную «восточную», отказавшись – по крайней мере в настоящее время – от «юго-восточной» и уж почти наверняка – от прежних «южной» и «малороссийской».

Тем не менее, невзирая на провал политического проекта Юго-Восточной автономии, на Харьковщине сохраняется чувство общности интересов региона с другими восточными и южными областями Украины, обусловленное, прежде всего, их промышленным, экономическим потенциалом и русификацией городской жизни. Это чувство во многом поддерживается неудачной культурной политикой украинского политического центра в регионе, вернее сказать, отсутствием такой политики, в результате чего культурно-инновационный потенциал города остается невостребованным. Объяснять сегодня специфику юго-восточного пространства Украины, к которому тяготеет и Харьков, в категориях историко-цивилизационного или географического детерминизма, видимо, будет неуместным.

Символическая ориентация Харькова на столицу Российской империи – Санкт-Петербург – по-прежнему заметна в местной интеллектуальной среде. Ее можно обнаружить, например, во многих литературных произведениях, сотворенных харьковскими русскоязычными авторами («украинский Ленинград», «украинский Петербург», река Лопань – «харьковская Нева» и т.д.)[129]. Привычное эхо Харькова/Петербурга в сознании современных харьковчан отозвалось, например, в названии литературно-художественной выставки «Первые столицы: два города – две судьбы», посвященной 350-летию Харькова и 300-летию Петербурга.

«Столичный комплекс» по-прежнему оказывает существенное влияние на имидж Харькова. Французский фотограф Жюльен Гольдштайн, посетивший город в 2006 г., признался, что его, мол, предупреждали о том, что Харьков дорожит своей столичной репутацией и сохраняет присущую ей «горделивость», якобы отличающую город от других крупных городов Украины, в которых побывал фотограф[130]. Его впечатления от поездки были эффектно сформулированы харьковскими журналистами в репортаже под названием «Скептик Харьков, националист Львов, прагматик Одесса и де-

мократ Киев (французский взгляд на Украину»)[131]. Хотя из репортажа об этом событии непонятно, кому принадлежат подобные метафоры, они, на мой взгляд, удачно отражают перспективу, с которой смотрят на свой город сами харьковчане. Для авторов заметки все названные четыре города – это «четыре ключа, чтобы открыть и понять Украину»[132]. Появление Львова в списке городов, с которыми символически сравнивается Харьков, весьма показательно: до этого времени в нем традиционно фигурировали Киев и Одесса, с одной стороны, и Москва и Петербург/Ленинград – с другой.

О возрастающей «украиноцентричности» Харькова косвенно свидетельствует и то, что пиетет перед Ленинградом/Петербургом, присущий представителям старшего поколения харьковской интеллигенции, можно считать утраченным у молодежи. По крайней мере, социологический опрос студентов харьковских вузов, проводившийся в течение нескольких лет сотрудниками кафедры украиноведения Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина совместно с Восточным институтом украиноведения им. Ковальских, показал, что, после Харькова наиболее значимым городским символом для молодых харьковчан стал Киев. За ним следуют Полтава и Донецк, в то время как российские столицы, включая Москву и Петербург, располагаются в конце списка географических предпочтений, соседствуя со Львовом[133]...

Близость пограничья – еще один символический атрибут геокультурного состояния постсоветского Харькова, связывающий его с Украиной. Его отражения можно видеть, например, в возвращении популярности таких маркеров пограничья, как «Дикое поле», «Муравский шлях», «Степь». В романе известных харьковских писателей-фантастов Олди и А. Валентинова некий Рубеж между мирами проходит между Харьковом и Валками, приблизительно там, где профессор Харьковского университета Д. Каченовский в середине XIX в. видел границу между Слобожанщиной и «настоящей» Малороссией...

Впрочем, в идентификации харьковчан сегодня можно найти непосредственную связь и с мотивами модерности, вдохновлявшей в свое время Г. Квитку, В. Каразина и Г. Данилевского. Ее социальной основой выступают чаще всего представители нарождающегося «среднего класса». По такому показателю, как доля предприятий малого бизнеса в промышленном производстве области, Харьковщина со своими 10% более чем вдвое опережает Донецкую (около 4%) и Запорожскую (около 5%) области[134]. Видимо, в этой среде как раз и культивируются представления о некой особой предприимчивости и прагматизме харьковчан, их постоянном стремлении к экономической свободе и особой склонности к занятиям торговлей[135]. Симпатии харьковчан к авантюрному предпринимательству уже успели заявить о себе в городском ландшафте скульптурным изображением едва ли не самого

популярного советского авантюриста – Остапа Бендера, а также его предшественника – Павла Ивановича Чичикова, в честь коего назван комфортабельный частный отель в историческом центре города.

Образ Харькова – города удачливых предпринимателей, купцов и цеховиков, новаторов и высоких технологий, столицы малого бизнеса – при этом носит в некотором отношении компенсаторный характер. Экономически и политически ослабленная Харьковщина существенно уступает Донбассу по запасам сырья и концентрации капитала в руках местных олигархов[136], а также объему промышленной продукции и доли в экспорте страны, располагаясь в этом отношении ближе к Запорожской области[137]. К тому же, социальная идентичность, базирующаяся на категориях «экономического оптимизма», существенно ослабляется последствиями глобального экономического кризиса и непосредственной связью, которую рыночные ориентации в сознании жителей региона сохраняют с национально-культурными идентификациями[138].

В последние 10–12 лет на городской ландшафт Харькова оказывает все большее влияние коммерциализация. Наиболее вопиющие признаки социально-экономической деградации городского пространства постепенно исчезают под влиянием архитектурных конструкций нового типа, несущих в себе «признаки глобализма в составе минимализма форм на фоне широких возможностей технологий»[139]. Возникшие словно в одночасье супермаркеты конкурирующих между собой торговых сетей практически вытеснили стихийные базары практически отовсюду (парадоксальным исключением из этого остается лишь центральная площадь города). Результатами строительного бума стали также возникшие во всех частях города жилые небоскребы, офисные и банковские центры, многочисленные кафе и рестораны, в то время как начавшаяся в последние годы автомобильная лихорадка наполнила это пространство неизбежными заторами на дорогах.

Архитектурные строения и районы города, в наибольшей степени вобравшие в себя советскую идеологию – «соцгород» времен первых пятилеток, монументальный сталинский ампир, стандартные хрущевские пятиэтажки, «спальные районы» брежневского времени, а также центральные и районные подобия московского Кремля с вездесущими памятниками Ленину и досками почета, – оказались наиболее устойчивыми к маркетизации, практически не оставив места для архитектурных инноваций[140]. Курьезным на этом фоне выглядит решение городских властей установить в парковой зоне отдыха в центре города детский игровой комплекс, имитирующий постройку московского Кремля, но – почему-то – без мавзолея...

Тем не менее, восстановить разорванное в годы экономической депрессии городское социокультурное пространство, оказавшееся теперь под влиянием уже глобального экономического кризиса, нелегко. Разбитые вдре-

безги тротуары, улицы, забрызганные грязью автомобили, проносящиеся на все сигналы светофора, неулыбчивый сервис, одомашненные стаи собак и даже назойливая реклама, звучащая с гигантского экрана на центральной площади города, – детали, бросающиеся в глаза приезжим, но ставшие обыденными для харьковчан, уже переставших жаловаться на провинциализацию «первой столицы».

Материал, содержащийся в данной главе, в целом подтверждает наблюдения и выводы исследователей, которые исходят из признания распространенности в Харькове и регионе смешанных, гибридных типов идентичностей, прежде всего украинско-русских, советских и восточнославянских, ставших результатом эрозии языковых и культурных границ между русскими и украинцами в империи и СССР и характеризующихся, в частности, неопределенным историческим самосознанием и использованием смешанного разговорного языка – т.н. суржика[141].

Харьковский пример показывает обоснованность вывода украинского социолога Виктории Середы, сделанного на материале Львова и Донецка, о том, что региональная историческая идентичность в каждом из этих городов чаще всего является отражением внешних, надрегиональных идентичностей, в том числе – советской и украинской национальной[142]. Совершенно очевидно, что первая из них продолжает оставаться влиятельным фактором в политическом, общественном и культурном пространстве города.

Советское прошлое, демонстрирующее удивительную способность к регенерации на всей территории Содружества Независимых Государств[143], попрежнему остается самым серьезным вызовом украинскому национальногосударственному проекту в его нынешнем виде, по крайней мере в Харькове. Ностальгия по советскому недавнему прошлому заметна не только среди старшего поколения, но и среди молодежи, причем как среди подавляющего большинства людей, обнищавших в результате несправедливого перераспределения ресурсов, так и среди новых политических и бизнес-элит.

В ноябре 2008 г. почти половина опрошенных жителей Харькова оценила 70-летний период существования СССР как «период стабильности, жизненных перспектив и достатка трудящихся», 15,3% человек назвали это время «периодом тоталитарного режима с тяжелыми последствиями для многих народов», 14,2% – «противоречивым периодом реализации заманчивых идей социализма жесткими методами», еще 18,7% затруднились ответить на вопрос, а 5,1% предпочли другую формулировку[144].

Эти цифры можно считать неким промежуточным итогом политического развития общества, пережившего не одно потрясение в процессе смены деградировавшего советского руководства – национальноориентированным режимом Л. Кравчука, десятилетнего пребывания у власти «прагматичного» режима Л. Кучмы и пришедшего ему на смену

режима В. Ющенко, удивительным образом скопировавшего далеко не лучшие черты своих предшественников. Последнее обстоятельство можно объяснить лишь отсутствием новых идей и осознания их необходимости в правительстве «оранжевой» коалиции.

В то же время, компоненты советской идентичности, содержащиеся в сознании немалой части населения, открывают, по мнению В. Середы, путь для их трансформации в направлении русской, а не украинской этнической самоидентификации[145], тем более что в постсоветском политическом пространстве Украины фактически отсутствует современная левая социал-демократическая составляющая. Ее отсутствие не могут восполнить ни откровенный популизм, ни охлократические лозунги, ни тем более неоимперский, православно-славянский дискурсы.

В свою очередь, украинский национальный дискурс в постсоветском Харькове продолжает сохранять устойчивый консервативный имидж. Помимо отпечатка маргинальности, он характеризуется приверженностью его носителей примордиалистской этнокультурной трактовке украинской нации. Непосредственная связь с официальными государственными структурами и символами, стремительно теряющими свою легитимность в глазах общественности, стремление к безусловному доминированию и отсутствие культуры диалога – также не способствуют респектабельности и влиятельности украинского национального дискурса в Харькове.

Транснациональные типы идентичности, как показали исследования Р. Тараса, О. Филипповой и Н. Победы, оказываются достаточно распространенными среди жителей города, во многом нейтрализуя проявления этноцентризма в местном обществе[146]. Однако необходимо учесть, что они включают в себя не только современные, но и домодерные типы идентичностей, в частности православно-славянскую, базирующуюся на сочетании конфессиональных и имперских компонентов, и по этой причине вступают в открытое противоречие не только с украинской национальной, но и с европейской транснациональной идентичностью.

Харьковское городское и региональное пространство вобрало в себя, словно в капле воды, основные противоречия новой эпохи, отразившиеся в культурном ландшафте города (прежде всего – топонимике, памятниках и архитектуре), публичных репрезентациях и исторических нарративах. Различные идентичности демонстрируют при этом различные темпоральные характеристики. В каком именно времени сейчас живет Харьков – имперском, советском, постсоветском, современном модерном – нельзя сказать с определенностью. Скорее всего – во всех одновременно, хотя и в разной степени.

Еще труднее определить будущее региональной идентичности Харькова, избегающей этнокультурной и политической определенности, вклю-

чающей в себя разные компоненты национальных и транснациональных, домодерных и модерных идентичностей, но сохраняющей дистанцию по отношению к каждому из них в отдельности. Это обстоятельство подтверждает мнение П. Роджерса о необходимости деконструкции понятия «Восточная Украина», коль скоро Харьков, например на политической карте Украины, оказывается ближе к Днепропетровску и Запорожью, чем к Донецку или Луганску[147]. Ожидает ли подобная судьба «Слободскую Украину», сказать трудно, особенно если учесть возможность того, что влияние фактора границы в жизни региона может возрастать и превращать ее в постоянный компонент местного локального пространства, все чаще используемый сегодня для описания феномена региональной идентичности[148].

В настоящее время границы Украины с Россией остаются неопределенными прежде всего по причине кризиса идентичности. Именно это обстоятельство помешало Украине окончательно определить свое место на политической и культурной карте Европы, а России – преодолеть идейное наследие домодерной национальной доктрины и советской национальной политики. Можно согласиться с Т. Журженко в том, что украинско-российскую границу еще придется создавать – не только как географическую, но и как символическую реальность[149].

Демаркация украинско-российской границы до сих пор продолжает оставаться камнем преткновения в отношениях Украины с Россией, рассматривающей границы внутри СНГ как свои «внутренние» и всячески стремящейся не допустить их превращения в «настоящие»[150]. Но это только часть правды. Другая коренится в неопределенности и гетерогенности украинского общества и представляющих его политических элит. Именно это последнее обстоятельство, в первую очередь, оставляет ощущение неуверенности в легитимности настоящего и перспективах будущего украинского государства[151].

По этой причине репрезентации и интерпретации границы в различных политических, академических и медиадискурсах Украины носят в основном конкурирующий характер[152]. Т. Журженко называет в их числе: пророссийский, проукраинский – в Украине, а также российский националистический в его имперской и евразийской вариациях – в соседней России[153].

Пограничное культурное пространство не только эклектично – оно изменчиво. Когда французский режиссер нового художественного фильма с участием Эмира Кустурицы искал в 2008 г. антураж для съемок Москвы сталинских времен, он нашел его в центре Харькова, на бывшей площади Дзержинского, ныне площади Свободы. Когда гастролирующая в Украине популярная группа «Queen» искала место для концерта в Харькове, она нашла его на нынешней площади Свободы – бывшей Дзержинского... Видимо,

в этой амбивалентности и следует искать корни многоликой региональной идентичности в пограничном пространстве Украины с Россией.

Примечания

[1] Kotkin S. *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000.* Oxford University Press, 2001. P. 2.

[2] Ibid.

[3] Анатоль Ливен именует их «одиозной смесью бывших советских бюрократов, “бизнесменов” и просто преступников», «алчных до потери разума» (Ливен А. *Русскоязычные регионы Украины: троянский конь?* // Украина и Россия: общества и государства / Ред.-сост. Д.Е. Фурман. М., 1997. С. 226, 250). Подробнее см.: Рябчук М. *Зона відчуження: українська олігархія між Сходом і Заходом.* Київ, 2004.

[4] Рябчук М. Вказ. праця. С. 8, 61; Riabczuk M. *Has the Second Rzecz Pospolita expanded to the borders of the first RP in the contemporary Ukraine?* // Nationalities Affairs = Sprawy Narodowosciowe. 2007. Iss. 31. P. 35. В последнее время метафора феодализма часто мелькала на страницах масс-медиа в связи с вопиющим случаем убийства крестьянина на Кировоградщине, в котором подозреваются представители местной власти, в том числе правоохранительных органов, а также местный олигарх, депутат Верховной Рады от Блока Юлии Тимошенко. Владимир Шляпентох в своем описании постсоветской России также использует феодальную модель общества (см.: Shlapentokh V. *Contemporary Russia as a Feudal Society. A New Perspective on the Post-Soviet Era.* Palgrave, McMillan, 2007).

[5] Болдецкая О. *Особенности пограничного региона и их влияние на этнонациональную идентичность* (по материалам социолог. исслед. в Харьк. и Белгород. обл.) // Регион. проблемы и перспективы. 1997. № 3. С. 53–58; Філіпова О. *Політика ідентичності і фактори консолідації українського суспільства: ситуація Прикордонного регіону* // Українсько-російське порубіжжя: формування соц. та культур. простору в історії та сучас. політиці. Київ, 2003. С. 49–58; Filippova O. *Ukrainians and Russians in Eastern Ukraine: Ethnic Identity and Citizenship in the Light of Ukrainian Nation-Building* (http://www.unl.ac.uk/ukrainecentre/WP/12.html); Rogers P.W. *A study of Identity change in the Eastern borderlands of Ukraine.* A Thesis submitted to the Fac. of Social sciences of the Univ. of Birmingham for the degree of Doctor of Philosophy. 2005. (Unpubl.)

[6] Журженко Т. *Українсько-російський кордон як культурний і політичний конструкт* // Українсько-російське порубіжжя: формування соц. та культур. простору в історії та сучас. політиці. Київ, 2003. С. 9–17; Фісун О. *Геоісторичне майбутнє українсько-російського кордону в контексті глобалізації та європейської інтеграції* // Там само. С. 3–9.

[7] Timofeev V., Wade R.A. *Kharkiv in the Post-Perestroika Days: Some Political Tendencies* // Soviet and Post-Soviet Review. 1994. Vol. 21. No. 1. P. 85–98; *Регіони України: Хроніка та керівники* / К. Мацузато (наук. ред.), В. Якушик (наук. ред.). Slavic Research Center Hokkaido University, 1999.

[8] Søvik M.V. *Support, Resistance, and Pragmatism. An examination of Motivation in Language Policy in Kharkiv, Ukraine.* Stockholm University, 2008.

[9] Переименована в 2006 г. на «Харьковские известия».

[10] *Мартиролог*: [Корот. відомості про харків'ян, що загинули в роки репресій / Підгот. М. Саппа за даними т-ва «Меморіал»] // Ленін. зміна. 1989. 12, 31 січ.; 11, 21 лют.; 21 берез.; 13 квіт.; 15 черв.; 13, 27 лип.; 17 серп.; 14 листоп.; 14, 28 груд.; 1990. 5 трав.; 11 листоп.; 8, 19 груд.; *Установлены места захоронений* [жертв стал. репрессий в Харькове] // Крас. знамя. 1990. 5 мая; Мурзіна О. *Жахлива теємниця Лісопарку* // Вечір. Харків. 1990. 31 лип.; Мармаро Ю. *Тайна Харьковской Катыни* // Слобода. 1991. № 13. С. 4: карта; Двірна К.П. *Інтелігенція Харківщини в роки сталінського терору (за сторінками місцевої преси 1937 р.)* // Культура України: Зб. ст. Харків, 1994. Вип. 2. С. 10–17; и др.

[11] Мирошниченко С. *Переименованы городские улицы* // Событие. 1993. 6 июля.

[12] Весьма вероятно, что в данном случае сработал психологический эффект, подобный тому, который сопровождал передачу Крыма в состав Украинской ССР в 1954 г.: мало кто рассчитывал, что это будет «всерьез и надолго» и тем более что граница между республиками приобретет характер государственной.

[13] Речь идет о носителях профессорских мантий В. Жириновском и Н. Витренко, организовывавших здесь публичные ритуальные акции, призванные изгнать призрак государственной границы из практики русско-украинских отношений...

[14] Журженко Т. Вказ. праця.

[15] Solchanyk R. *The politics of state building: Centre-periphery relations in post-Soviet Ukraine* // Europe-Asia Studies. 1994. Vol. 46. Iss. 1. P. 22, 47. [http://ezpprod1.hul.harvard.edu/login?url=http://search.ebscohost.com/login.aspx?direct=true&db=aph&AN=9410060707&site=ehost-live&scope=site]

[16] Solchanyk R. *Ukraine and Russia: The Post-Soviet Transition.* Lanham, 2001. P. 137.

[17] Згурский Г. *Малороссы, украинцы – или...?* // Контекст. Культурно-просветит. журн. 1992. № 1. С. 9–12. См. также: Красиков М.М. *Слобожанська ментальність: міф чи реальність?* // Культура та етноетика. Київ, 1994.

[18] Подробнее см.: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/ukrregions/

[19] Sysyn F.E. *The Re-emergence of the Ukrainian Nation and Cossack Mythology* // Social Research. 1991. Vol. 58. No. 4. P. 845–859; Титова О.М. *Пам'ятки і пам'ятні місця козацької доби на Харківщині* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 286–289.

[20] Максимов Б. *У Барвінковому – пам'ятник Барвінку* // Слобід. край. 1992. 29 серп.

[21] Корсунский В. *Ивану Сирко – атаману Запорожской Сечи* // Время. 1993. 1 июня.

[22] Романовский В. *Эллан – не просто имя…* // Веч. Харьков. 1994. 20 янв.; Дмитренко Т. *В Харькове открыт памятник Хвылевому* // Событие. 1995. 29 июня; Романовський В. *Живий і в бронзі перший повістяр* // Вечір. Харків. 1993. 21 жовт.; *Відкрито пантеон сім'ї Курбаса* // Вечір. Харків. 1992. 17 жовт.; Бородаєва А. *Льотчики підносять поета на п'єдестал* // Слобід. край. 1996. 7 груд.; Олегов С. *Здраствуйте, Григорію Савичу!..* // Вечір. Харків. 1992. 3 верес.

[23] *Архитекторы Харькова* / Под ред. С. Чечельницкого. Харьков, 2008. С. 24.

[24] Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine.* Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2008. P. 18.

[25] Шеховцова Н. *Харьков просыпается. Десятки тысяч посланцев трудовых коллективов вышли на митинг-протест* // Время. 1993. 19 марта; Тимофеев С. *Радикальное решение – взятие власти рабочими* // Событие. 1996. 4 янв.

[26] Самброс А. *Парламентські вибори на Харківщині у період 1994–2002 рр. Тенденції поведінки електорату та розстановки політичних сил* (http://politua.info/index.php?option=com_content&task=view&id=433).

[27] Kuzio T. *Ukraine under Kuchma: political reform, economic transformation and security policy in independent Ukraine.* Basingstoke: Macmillan; New York: St. Martin's Press, 1997; Idem. *Ukraine: state and nation building.* London; New York: Routledge, 1998; Dychok (Dyczok) M. *Ukraine: Movement Without Change, Change Without Movement.* Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 2000; Kuzio T., D'Anieri P. (eds.). *Dilemmas of State-Led Nation Building in Ukraine.* Westport CT: Praeger, 2002; и др.

[28] Шабасова М. *Внутриполитические отношения в России и Украине: еще один подход к проблеме сегментированных государств постсоветского пространства.* Рец. на кн.: Пространственные факторы в формировании партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов / Под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2002 // Ab Imperio. 2008. No. 3. C. 471–472.

[29] H. van Zon. *Political Culture and Neo-Patrimonialism Under Leonid Kuchma* // Problems of Post-Communism. 2005. Vol. 52. No. 5 (Sept./Oct.). P. 12–22.

[30] Фісун О.А. *Політичний режим України у порівняльній перспективі* // Стратегічні пріоритети. 2008. № 1 (6). С. 5–12.

[31] Кулінич І.М. *Губернатор.* Харьков, 1997. С. 219–220.

[32] *«Господар – його звали у народі...»* Харків, 2006. С. 5, 9–10, 240 и др. «Многие выходцы из "школы Масельского" стали для сегодняшней Харьковщины (и, шире, для всей Украины) тем же, чем для России XVIII в. "птенцы гнезда Петрова» (там само. С. 240).

[33] Там само. С. 3.

[34] *Харків – моя мала Батьківщина.* Навч. пос. з народознавства. Вид. 2, випр. і доп. Харків, 2003. С. 30.

[35] Саратов И.Е. *История харьковских гербов.* Уч. пос. Харьков, 2000.

[36] Журженко Т. Вказ. праця. С. 16.

[37] Регіональна комплексна програма соціально-економічного розвитку Харківської області до 2010 року. Харків, 1999.

[38] По остроумному замечанию Н. Победы и О. Филипповой, это обстоятельство само по себе подчеркивало периферийный статус «первой столицы» (Taras R., Filippova O., Pobeda N. *Ukraine's Transnationals, Far-away Locals and Xenophobes: The Prospects for Europeanness* // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. No. 6 (Sept.). P. 844).

[39] Кірюхін О. *Формування транскордонних єврорегіонів: чи є перспектива для Слобожанщини?* // Українсько-російське порубіжжя: формування соц. та культур. простору в історії та сучас. політиці. Київ, 2003. С. 39.

[40] Zhurzhenko T. *Cross-border cooperation and transformation of regional identities in the Ukrainian-Russian borderlands: towards a Euroregion «Slobozhanshchyna»?* // Nationalities Papers. 2004. № 1. Part 1. P. 207–232; Part 2. P. 497–551.

[41] Голиков А.П., Черномаз П.А. *Еврорегион «Слобожанщина» как отражение исторической общности сопредельных областей Украины и России* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 307–309.

[42] Багалій Д.І. *Історико-етнографічні і лінгвістичні матеріали про північний кордон УСРР з РРФСР* // Заставний Ф.Д. Географія України. Львів, 1994. С. 397–398.

[43] Кірюхін О. Вказ. праця. С. 41.

[44] Алексей Кирюхин, занимающий должность заместителя главы исполнительного комитета Совета руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, пишет о жителях исторической Слобожанщины, заселенной украинскими казаками и русскими военными, как о «едином народе, который имеет отличительные черты от великорусского населения» (Кірюхін О. Вказ. праця. С. 39). Надо ли понимать эти слова в качестве признания некой этнической специфики слободских жителей, отличающей их, в духе Г.Ф. Квитки, от «малороссов», автор не поясняет.

[45] Кірюхін О. Вказ. праця. С. 43.

[46] http://www.nbuv.gov.uaarticlescrimea200558.pdf.pdf

[47] Павлов К.В. *Экономическое славяноведение как перспективное направление исследований* (http//www.lib.csu.ru/vch/8/2005_01/002.pdf).

[48] Журженко Т. Вказ. праця. С. 14–15.

[49] Libman A. *Regionalisation and regionalism in the post-Soviet space: Current status and implications for institutional development* // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 402.

[50] *Російсько-українське порубіжжя: стан та перспективи співробітництва.* Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. 28 бер. 2009 р. Харків, 2009. С. 38, 42.

[51] Антонов А.Л. *История харьковского городского самоуправления 1654–1917.* Харьков, 2004; *Харківський національний університет ім. В.Н. Каразіна за 200 років* / В.С. Бакіров, В.М. Духопельников, Б.П. Зайцев та ін. Харків, 2004; Ярмиш О.Н., Посохов С. І. *Початок та перспективи серії «Харківський біографічний словник»* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл.). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 294–295; и др.

[52] Кушнарьов Є.П. *100 кроків Харківською землею.* Харків, 2004.

[53] Сорока Л.С. , Андрєєв М.В., Мінаєва Г.А., Борисов К.В., Воронова О.Г. *Рідне місто. 350 років Харкову*: Путівник по Харкову для першокласника. Харків, 2004; Сорока Л.С., Андрєєв М.В., Мінаєва Г.А., Хорошковатий О.В. *Рідне місто: Харкову – 350*: Нарис з історії рідного краю для учнів 4 кл. Харків, 2004; *Харків – моя мала Батьківщина*: Навч. посіб. Харків, 2003.

[54] Rodgers P. *'Compliance or contradiction'? Teaching 'History' in the 'New' Ukraine. A view from Ukraine's Eastern Borderlands* // Europe-Asia Studies. 2007. Vol. 59. No. 3 (May). P. 503–519.

[55] Михайлин І. *Стародавня межа* // Панорама. 1992. № 34 (86). С. 6.

[56] Сергійчук В. *Етнічні межі та кордони Сходу України* // Наше минуле. 1992. Жов.; Келеберда В. *Кто основал город* // Слобода. 1991. № 8; Василенко П. *Чиє насправді «Дике поле»?* // СХ. 1991. 24 вер.; Кравченко В. *На правах провінції* // Соціалістична Харківщина. 1990. 10 квітня; Он же. *Вхождение в империю* // Ориентир. Депутат и профсоюзы. 1990. 11 сент.; Он же. *Заселение Слободской Украины* // Там же. 16 окт.; Лаврів П.І. *Колонізація українських і суміжних степів. Історичний нарис.* Київ, 1994.

[57] *Харків – моя мала Батьківщина...* С. 39.

[58] Там же. С. 31–32, 51–60.

[59] Там же. С. 59–60.

[60] Шрамко Б.А., Скирда В.В. *Рождение Харькова.* Моногр. Харьков, 2004. К счастью, Харьков сумел избежать конфуза, приключившегося с соседним Белгородом, отметившем в 1993 г. свое 400-летие, а в 1995 г. – 1000-летие... (http://www.bitugin.narod.ru/statyi/1000.htm)

[61] «...Харків був завжди не лише історичним центром Східно-Слобідської України, але й найпотужнішим осередком наукової, культурної та прогресивної думки усіх Східно-Українських земель» (Вохмянін В.К. *Регіональний музей і проблематика досліджень з історії краю* // VIII Всеукр. наук. конф. «Історичне краєзнавство і культура» (Наук. доп. та повідомл). Ч. II. Київ; Харків, 1997. С. 300).

[62] Там же.

[63] *Історія Слобідської України.* Навч. посіб. з народознавства та краєзнавства / За ред. В.І. Торкатюк, О.Л. Сидоренка. Харків, 1998.

[64] Ср., например, с. 3 и 366 названного выше издания с: Кравченко В.В. *«Славних прадідів великих...»* // Багалій Д.І. Історія Слобідської України. Харків, 1990. С. 6.

[65] http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/ukrregions/

[66] Саратов И.Е. Указ. соч.

[67] Лейбфрейд А. Ю., Полякова Ю.Ю. *Харьков. От крепости до столицы: Заметки о старом городе.* Харьков, 2004; Шкодовский Ю.М., Лаврентьев И.Н, Лейбфрейд А.Ю., Полякова Ю.Ю. *Харьков вчера, сегодня, завтра: История градостроительства Харькова.* Харьков, 2004; Астахова О., Крупа Т. *Ми – Харків'яни, нам є чим пишатися.* Харків, 2003; и др.

[68] *Історія міста Харкова XX століття* / Кер. авт. колективу О.Н. Ярмиш; Відп. ред. С.І. Посохов. Харків, 2004; *Харків: Зб. архівних документів і матеріалів* / Держ. архів Харк. обл.; Вступ ст. С.І. Посохов; Упоряд. О.С. Гнезділо, Л.П. Добреля, Л.М. Момот, Г.В. Чернявська. Харків, 2004.

[69] Багалей Д.И., Миллер Д.П. *История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 год).* В 2 т. Репр. изд. Харьков, 1993.

[70] http://www.media-objektiv.com/forum/read.php?f=5&i=2739&t=2739

[71] Кеворкян К.Е. *Первая столица.* Харьков, 1995; 2-е изд.: Харьков, 1999.

[72] Попытку К. Кеворкяна издать сборник под грифом «Учебно-методическое пособие» (если, конечно, это не шутка склонного к эпатажу автора) можно было бы воспринимать как стремление придать интеллектуальному дискурсу «Первой столицы» официальный статус, если бы этот гриф, безо всяких объяснений, не исчез со второго издания сборника так же неожиданно, как появился на первом.

[73] Кеворкян К.Е. Указ. соч. 1-е изд. С. 96.

[74] Кеворкян К.Е. Указ. соч. 2-е изд. С. 205.

[75] Кеворкян К.Е. Указ. соч. 1-е изд. С. 79.

[76] Там же. С. 99.

[77] Кеворкян К.Е. Указ. соч. 2-е изд. С. 210.

[78] Трудно удержаться, чтобы не процитировать следующий пассаж: «Одной из главных причин духовного подъема Харькова стала идеологическая борьба с униатским влиянием в среде малороссов, для пресечения которого и было создано церковно-просветительское учреждение – Харьковский Коллегиум. Заметьте, Коллегиум был создан именно в украинском Харькове, а не в русском Белгороде...» (Кеворкян К.Е. Указ. соч. 2-е изд. С. 201). Откуда почерпнута сия премудрость – можно только догадываться. Еще более забавной на этом фоне выглядит громадная цитата, призванная доказать немыслимые зверства католиков против «православных малороссиян» в Речи Посполитой. У читателя, вероятно, до сих пор проходит мороз по коже от описаний нечеловеческой казни «гетмана Остряницы и тридцати семи знатных малороссиян» в Варшаве 1638 г. (Кеворкян К.Е. Указ. соч. 2-е изд. С. 200). «Я не понимаю… – гневно восклицает автор, – как поворачивается язык у сегодняшних львов-

ских унсовцев, благословляемых униатской церковью, называть себя наследниками запорожских казаков, не щадивших своей жизни в борьбе против врагов единой православной веры? Нет, я действительно не понимаю» (там же.). Для того чтобы автор все же попытался понять, что именно привело его к блужданию в трех соснах, замечу, что приведенная им цитата заимствована из «Истории русов» – анонимного историко-литературного памфлета конца XVIII – начала XIX в., считающегося – прошу держаться за любой из двенадцати стульев – духовной предтечей современного украинского национализма. Впрочем, чтобы успокоить автора и его преданных читателей, скажу коротко: страшная «казнь», от которой у читателя мороз по коже, на самом деле – чистейший вымысел, поскольку «колесованный» гетман Остряница, как известно каждому студенту-историку, после своей мучительной «гибели» еще ухитрился основать город-крепость Чугуев и уж затем погибнуть – правда, не на варшавском колесе и не от рук боевиков УНА-УНСО, а от рук своих же земляков, с которыми он переселился на степное порубежье. Но это уже другая история. Возможно, некоторым утешением автору послужит и тот факт, что описание страданий «тридцати семи знатных малороссов» в Варшаве в свое время произвело не меньший эмоциональный эффект на еще одного благодарного читателя «Истории русов» – Михаила Грушевского, создателя украинской национальной историографии...

79 *Харьков многонациональный.* Харьков, 2004. Специальные разделы книги посвящены общественным культурным организациям т.н. национальных меньшинств: азербайджанской, армянской, болгарской, грузинской, дагестанской, еврейской, караимской, немецкой, польской, цыганской, греческой, корейской. Издание осуществлено при поддержке областной и городской администрации, а также Ассоциации национально-культурных обществ Украины, возглавляемой местным бизнесменом А.Б. Фельдманом. См. также: Rogers P. Op. cit. P. 190.

80 Саратов И.Е. Указ. соч. Любопытно, что автор именует т.н. Дикое поле – Русским, ссылаясь при этом опять-таки на «авторитет» «Истории русов». Название этого трактата, видимо, еще долго будет вводить в заблуждение читателей.

81 http://news.media-objektiv.com/culture/2006/32691.shtml

82 Характерно, что харьковчане предпочитают «оставить все как есть», лишь бы не переименовывать проспект Ленина на проспект казака Харька (Анничев А. *Часто сижу я и думаю – как мне тебя называть…* // Время. 2004. 24 июля). Видимо, по соображениям благозвучности...

83 Wanner C. *Burden of Dreams. History and identity in Post-Soviet Ukraine.* The Pennsylvania State University Press, 1998. P. 181.

84 Я пользовался электронными версиями этих газет за последние 4 года.

85 Романовський В. *Неопалима купина братерства нашого* // Слобід. край. 2008. № 147 (23 груд.).

86 Иванов А. *Русь пошла из Донбасса* // Донец. кряж. 2004. 02 июля; 02 сент.

87 Удод О. *Історіографія Донецько-Криворізької радянської республіки* // Регіон. історія України. Зб. наук. ст. 2007. Вип. 1. С. 221–228.

88 Там же. С. 222.

89 По словам анонимных авторов сайта, откуда я почерпнул эту информацию: «Современный флаг города Белгорода является символом единения и взаимодействия жителей города»; вероятно, такую же функцию призван выполнять и городской девиз: «Дрожит даже наихрабрейший» (http://www.calend.ru/cityday/807).

[90] Вот как прокомментировал это событие белгородский журналист и краевед К. Битюгин: ««Очевидно: решение о переименовании центральных улиц было принято мэрией по чисто идеологическим соображениям (что еще больше роднит его с действиями городских властей советских времен). Сегодняшние отцы города наглядно задают горожанам новую систему координат и ценностей: вместо “красного мученика”, застреленного белоэмигрантами посла Воровского, – вельможа Ю.Ю. Трубецкой; “человека и ледокола” Красина (руководившего и внешней торговлей) заменит купец Чумичев, а устремление к коммунизму (по одноименной улице) перенаправлено на дорогу к ближайшему Преображенскому храму» (http://www.bitugin.narod.ru/statyi/history/pereimen.htm).

[91] http://www.patriarchia.ru/db/text/31098.html.

[92] http://www.hrono.ru/metodika/msimvol_ru.html; http://www.ipkps.bsu.edu.ru/source/kafedra/history/nauka/chernova1.doc.

[93] Clem R.S., Craumer P.R. *Orange, Blue and White, and Blonde: The Electoral Geography of Ukraine’s 2006 and 2007 Rada Elections* // Eurasian Geography and Economics. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 134.

[94] Solchanyk R. *Ukraine and Russia…* P. 141; Левіцька М., Фоланд А. *Територіальна ідентичність у Польщі та Україні: реґіональні відмінності* // Львів і Донецьк: соц. ідентичності в сучас. Україні (Україна модерна. Спец. вип.) / За ред. Я. Грицака, А. Портнова і В. Сусака. Київ; Львів, 2007. С. 290, 292, 295–296.

[95] Clem R.S., Craumer P.R. Op. cit. P. 134.

[96] Я пользовался данными, приведенными в аналитическом обзоре украинского Агентства моделирования ситуаций по Харьковской области в 2007 г. (http://www.agency.org.ua/index.php?mod=demo27_3). См. также: Дикань П. *Битва за Харків* // Дзеркало тижня. 2006. № 12. 1–7 квіт.

[97] http://www.cripo.com.ua/?sect_id=6&aid=46946; http://www.agency.org.ua/index.php?mod=demo42_5

[98] http://news.mediaport.info/society/2008/50670.shtml

[99] В предисловии сказано: «Я коренной харьковчанин. Я люблю этот удивительный город, переживаю за его судьбу. К сожалению, многие годы наш Харьков подвергался систематическому унижению, многие талантливые люди вынуждены были покинуть его, так и не найдя применения своим талантам. Именно против государственной политики подавления регионов, против систематического лишения права крупных центров Украины на творческую инициативу выступает наша Партия регионов, которую я имею честь представлять. Я верю в светлое будущее Харькова и убежден, что порукой тому является его великое прошлое и интересное настоящее» (*Неизвестный Харьков.* Харьков, 2000. С. 3).

[100] Остается добавить, что комплекс «Высота Конева», согласно указу президента Украины В. Ющенко, получил статус национального.

[101] http://www.gpu-ua.info/index.php?&id=161270

[102] Харьк. изв. 2009. 25 апр. (http://www.izv.kharkov.ua/index.php?editionID=201&menuID=1941&newsID=5285).

[103] Ivanova E. *Ukrainian High School Students’ Understanding of the Holocaust* // Holocaust and Genocide Studies. 2004. Vol. 18. No. 3 (Winter). P. 402–420.

[104] Заворотнов С. М. *Харьковская Катынь.* Харьков, 2004.

[105] http://www.bbc.co.uk/ukrainian/forum/story/2007/03/printable/070315_serhiychuk_rada_oh.shtml

106 http://news.mediaport.info/ (28.10.2008).

107 http://news.mediaport.info/city/2007/42734.shtml

108 http://news.mediaport.info/city/2007/43079.shtml

109 Там же.

110 В новейшем обзоре харьковской литературы он назван «одной из ключевых фигур харьковского литературного истеблишмента» (Мельников Р., Цаплин Ю. *Северо-восток юго-запада (о современной харьковской литературе)* // НЛО. 2007. № 85).

111 Минаков С. *Харьков: признаки жизни* // Знамя. 2001. № 5. Я пользовался электронной версией текста, размещенного в Интернете.

112 «...это наши полки Слободские / за победой на Запад идут... / Озерянскую Божию Матерь / Мерефянская рота несет, / А за ней – с чудотворной Песчанской – / выступает Изюмский отряд, / чтобы нечисти американской / прекратить непотребный парад...» и т.п. (Минаков С. *Новая походная песня слободских полков* // Харків'яни. Поема про місто в цитатах поетичних творів / Авт.-упор. Копичко В.П, Копичко Ю.Г. Харків, 2007. С. 363–364).

113 http://www.golos.com.ua/article/1209470069.html – по этому адресу расположено «Обращение украинской интеллигенции Харьковщины», напечатанное в газете «Голос Украины» 30 апреля 2008 г. Из текста отчетливо вырисовывается образ врага – это пресловутая «московско-азиатская» угроза, а также российская «пятая колонна» в Украине, описанная в стилистике советской контрпропаганды («враги», «агентура» и даже оставшийся неведомый советским пропагандистам термин «чертовы-плодки»). Несмотря на то, что письмо приписано украинской интеллигенции, оно пронизано антиинтеллектуальной традицией. И если ссылки на апокрифические высказывания К. Маркса и А. Солженицына можно было бы признать печальным недоразумением, а утверждения типа того, что всех въезжающих в США на вокзалах встречают плакаты «Любите Америку или убирайтесь вон», – наивными представлениями о Западе никогда не бывавших там людей, то заявления антисемитского толка или выражения вроде «братского союза европейских арийских народов» недвусмысленно указывают на идейную близость авторов этого письма к одиозной Межрегиональной академии управления персоналом (МАУП), получившей печальную известность своими антисемитскими публикациями и привлечением к преподавательской работе лидера американского Ку-клукс-клана.

114 http://maydan.tv/articles/a128

115 http://maydan.tv/articles/a88

116 Там же.

117 См. подробнее: Bilaniuk L. *Contested Tongues. Language Politics and Cultural Correction in Ukraine.* Cornwell University Press, 2005.

118 Søvik M.V. Op. cit. P. 99.

119 Idem. P. 128–129.

120 В курьезном для специалистов «обосновании» этого документа, подготовленного по заказу городских чиновников, содержится упоминание о единой «русской мове» в эпоху средневековья, под которой, вероятнее всего, подразумевается современный русский язык.

121 Søvik M.V. Op. cit. P. 129.

122 О суржике в современной Украине см. подробнее: Bilaniuk L. Op. cit.

[123] Бывший председатель областного совета Василий Салыгин демонстративно подписывался по-украински в русской транскрипции: Васілій Салигін (в соответствии с нормами украинского языка следовало бы – Василь Салигін).

[124] Среди этнических украинцев на востоке Украины приблизительно 9,5% украиноязычных, около 12,5% говорят на суржике и почти 41% – русскоязычные (Constant A., Kahanec M., Zimmermann K.F. *The Russian-Ukrainian Political Divide* // Discussion Paper. 2006. No. 2530 (Dec.). P. 21).

[125] Рубл Б. *Капітал розмаїтості. Транснаціональні мігранти у Монреалі, Вашингтоні та Києві.* Київ, 2007.

[126] Маслійчук В.Л. *Провінція на перехресті культур (дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст.).* Харків, 2007.

[127] *350 лет харьковской архитектуры* // Архитекторы Харькова / Ред. С. Чечельницкий. Харьков, 2008. С. 4.

[128] Мельников Р., Цаплин Ю. Указ. соч.

[129] Там же. С. 331, 386, 392.

[130] Гордость – одно из качеств местного дворянства, отмеченное в начале XIX в. немецким профессором Харьковского университета К.-Д. Роммелем.

[131] http://news.mediaport.info/ (28.09.2006).

[132] Рефлексии о Харькове самого французского фотографа, кажется, ограничивались сравнениями с Донецком в качестве мегаполиса, жители которого «почему-то живут небогато». Тем не менее в метафорическом зрительном ряду, представленном в репортаже, Донецк не упоминается.

[133] Грінченко Г., Кравченко В., Мусієздов О., Титар О. *Національно-культурна ідентичність мешканця «контактної зони»* (за матеріалами анкетування студентів-першокурсників м. Харкова) // Схід-Захід. Вип. 8. Порубіжжя. Харків; Київ, 2006. С. 161–184.

[134] Там же.

[135] Мазниця А. *Малий і середній бізнес – візитна картка Харківщини: кожен четвертий працюючий – підприємець* // Дзеркало тижня. 2003. № 25 (450) [http://www.zn.kiev.ua/ie/show/450/39185/].

[136] Проживающий в Донецке украинский олигарх Р. Ахметов, представляющий Партию регионов с ее ностальгией по советским временам и прорусской культурно-политической ориентацией, считается богатейшим человеком в Европе.

[137] Кірюхін О. Вказ. праця. С. 37.

[138] Макеев С., Патракова А. *Региональная спецификация социокультурных различий в Украине* // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 3. С. 122–123. Правда, следует учесть, что в используемой авторами региональной типологии Харьков размещается в одной группе с Донецкой и Луганской областями.

[139] Там же.

[140] Каганский В. *Советское пространство – наше наследство* // Рус. журн. (www.russ.ru/culture/20040820_kag.html).

[141] Rogers P.W. Op. cit. P. 1–2.

[142] Середа В.В. *Регіональні особливості історичних ідентичностей та їх вплив на формування сучасних політичних орієнтацій в Україні*: Дис. … канд. соціол. наук. Київ, 2006.

[143] Richardson T. Op. cit. P. 5; Каганский В. Указ. соч.

[144] *Что 7 ноября для жителей Харькова?* – соцопрос // МедиаПорт-Новости (http://www.mediaport.ua/). Дата доступа – 07.11.2008.

[145] Sereda V. *Regional Historical Identities and Memory* // Львів і Донецьк: соц. ідентичності в сучас. Україні (Україна модерна. Спец. вип.) / За ред. Я. Грицака, А. Портнова, В. Сусака. Київ; Львів, 2007. С. 200.

[146] Taras R., Filippova O., Pobeda N. Op. cit. P. 835–852.

[147] Barrington L.W., Herron E.S. *One Ukraine or many? Regionalism in Ukraine and its political consequences* // Nationalities Papers. 2004. Vol. 32. No. 1. P. 57.

[148] Laven D., Baycroft T. *Border regions and identity* // European Review of History : Revue Europeenne d'Histoire. 2008. Vol. 15. No. 3. P. 259.

[149] Журженко Т. Вказ. праця. С. 11–12.

[150] Там само. С. 11.

[151] Там само.

[152] *Неизвестный Харьков...* С. 12.

[153] Журженко Т. Вказ. праця. С. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к сентенции о том, что «Харьков – город не первый, но и не второй...», можно легко придать ей иной смысл, если признать, что Харьков – город и первый, и второй, и далее по порядку или без него. Харьков – столица пограничья, находящегося в постоянном движении. В нем можно найти все, но ничего определенного и сложившегося, завершенного или устоявшегося. Это обстоятельство подчеркивают постоянные изменения символической географии региона, выразившиеся, в частности, в его перемещении вдоль условного пограничного пространства между собственно русскими (Великороссией), левобережными украинскими (Малороссией) и освоенными в новое время территориями Юга России (Донбасс и Новороссия).

Границы региона изменялись, отражая зигзаги политических и культурных стратегий, осуществлявшихся на окраине тем или иным центром. При этом местная элита воспринимала и по-своему «редактировала» посылаемые ей центром сигналы, стараясь сохранить преемственность поколений в собственной среде. Глядя на то, с каким постоянством интеллектуалы разных поколений обращались к метафоре Слобожанщины и создавали на ее основе новые исторические нарративы, можно прийти к заключению, что региональная идентичность унаследована ими в не меньшей степени, чем изобретена... Она продолжает конструироваться и сегодня, напоминая калейдоскопическую игру разных комбинаций при помощи ограниченного числа символов, к которым время от времени добавляются новые...

Специфика культурного и политического пограничья, сообщавшая эклектику и многослойность региональной

идентичности, вероятно, сыграла основную роль в том, что на Слобожанщине не возникло политического регионализма или даже идейного областничества, подобного сибирскому или русинскому. Региональная идентичность обладала здесь достаточным потенциалом, чтобы вносить коррективы в политику центра, но не могла и не стремилась противопоставить ей внятной альтернативы. Пограничный, то есть открытый, в данном случае, характер культурной и общественной жизни Харькова практически не менялся, находя стилистическое выражение в некой амбивалентности, эклектичности локальной идентичности, лишенной четко выраженных границ и в то же время способной вбирать в себя новации каждой новой культурной эпохи, не отрекаясь от старых.

Решающую роль в образовании и развитии слободско-украинского региона сыграла гибкая реформаторская политика российского центра, более свободного в своих действиях на периферии империи, чем в исторически сложившихся, великорусских регионах. Правительство, создавая на степной окраине условия для притока сюда из-за рубежа военных поселенцев, наделяло их льготами, недоступными для «своих», русских. Важнейшим инструментом такой политики стали т.н. «слободы» – комплекс льгот и привилегий социально-экономического характера, давших имя всей территории слободских полков, а также легших в основу местной региональной идентичности. Отсюда родилось название региона – Слободская Украина, отличавшее его как от «коренных» русских, так и от соседних казацких и, тем более, татарских военно-политических образований.

Выступая объектом модернизационной политики имперской элиты, Слобожанщина во многих отношениях получала преимущество перед имперским центром. Здесь применялись более современные формы управления, связанные с элементами децентрализации и сохранения местных особенностей. Крепостничество – цена модернизации по-русски – здесь всегда было слабее, чем в центре империи, а университет появился раньше, чем в Санкт-Петербурге. Развитие транспортных коммуникаций, финансовые инвестиции превратили Харьков в один из наиболее динамично развивавшихся городов Роосcийской империи, сравнимый разве что с Одессой. Все это свидетельствует в пользу того, что периферия империи в данном случае оказывалась более динамичной и открытой к новациям, чем политический центр.

Региональная идентичность Слобожанщины не исчезла с инкорпорацией пограничных территорий в имперское экономическое, правовое, культурное пространство. «Слободы» и память о них в местной среде надолго пережили казацкое самоуправление, Крымское ханство и Речь Посполитую. Консолидации внутренних и вновь приобретенных территорий в рамках Российской империи, их сближению с центром страны препятствовала,

кроме того, продолжавшаяся экспансия государства. Харьков, благодаря исключительно удобному географическому положению, долгое время оставался административным, культурным, экономическим центром пограничных окраин бывшего степного порубежья, включая Слобожанщину, Малороссию, Запорожье, Причерноморье, Войско Донское, Северный Кавказ.

Пример Слобожанщины позволяет говорить об ошибочности представлений тех исследователей, которые связывают феномен регионализма с традиционализмом. Развитие модернизационных и интеграционных проектов на территории края не стирало региональной специфики, а лишь придавало ей новую форму и содержание. С одной стороны, региональная идентичность получила дополнительное, этнокультурное измерение под влиянием национальных идей и в результате деятельности Харьковского университета, способствовавшего усилению интереса к местной истории, языку и этнографии. Это обстоятельство, в свою очередь, способствовало культурному сближению исторической Слобожанщины не только с центром империи, но и с украинскими этническими территориями.

С другой стороны, степное порубежье, получившее условное название Юга России, стало основой для развития в местной среде южнорусской региональной идентичности, базировавшейся уже не на «слободах», как раньше, а преимущественно на географических и экономических характеристиках. Другими словами, пример Слобожанщины не подтверждает непосредственной связи между национализмом и модернизацией. Последняя может вести не только к формированию или усилению национальной идентичности, а к стремлению ее преодоления и развития транснациональных форм идентификации.

Сосуществование на территории региона разных типов идентичности было возможным, в первую очередь, благодаря слабости каждого из них. Национальные и региональные дискурсы здесь не приобретали эксклюзивного по отношению друг к другу характера, по крайней мере до развала Российской империи. Трансформация политического пространства последней в 1917–1920 гг. не внесла принципиальных изменений в эту картину. Она лишь привела к постепенному упадку южнорусской территориальной идентичности после поражения Вооруженных сил Юга России (белогвардейского движения) и противостоявшего им повстанческого движения под руководством Н.И. Махно. Регион Юга России так и не сложился окончательно, не приобрел институциональных основ для своего развития. В свою очередь, украинский национальный проект не смог реализовать себя на этнической украинской территории таким образом, чтобы «растворить» в новом, национальном пространстве старые и новые региональные идентичности.

Столичный статус Харькова и советская политика «украинизации» в 1920–1930-х гг. локализовали бывший слободской регион в украинском ад-

министративном и национально-культурном пространстве. Одновременно политика советской модернизации, новая советская культура и идеология вписывали город и область в общее экономическое и социокультурное пространство СССР. Проект создания «новой исторической общности людей – советского народа», постепенно переходя с марксистского интернационализма на почву русского имперского славянофильства, не был завершен и в конечном счете вернулся к точке исторической бифуркации, то есть к тому моменту, когда имперский и национальный проекты вошли в противоречие друг с другом. Тем не менее он оставил свой глубокий след в местной исторической традиции, прибавив к «южнорусскому» и украинскому национальному еще одно – советское культурное измерение.

Харьковская локальная идентичность вряд ли совместима сегодня с региональными идентичностями Крыма и Донбасса, по крайней мере в их исторических составляющих. В этом отношении попытки современных политологов объединить все вышеназванные регионы неким условным понятием «юго-восточных» (видимо, под впечатлением политических событий в Украине 2004 г.) вряд ли правомерны. Еще менее убедительны попытки обосновать некую историко-цивилизационную обособленность «юго-восточных» регионов Украины, никогда не бывших частью пространства шляхетской Речи Посполитой[1]. По крайней мере, это обстоятельство отнюдь не помешало складыванию здесь структур гражданского общества в XIX – начале XX в. и в новейшее время.

Региональный дискурс сегодня существенно корректирует украинский национальный. С другой стороны, он точно так же корректировал, хоть и в разной степени и с разным успехом, советский и православно-имперский дискурсы, лишая их массовой поддержки. Но сам по себе региональный дискурс не предлагает реальной альтернативы каждому из вышеназванных. Он лишь отражает и смягчает содержащиеся в них идейно-политические компоненты. С этой точки зрения региональный дискурс, видимо, близок понятию общественного консенсуса на уровне здравого смысла. Культурное пограничье открыто на все стороны, но не консолидировано. Его идентичность остается слабой, что в конкретной ситуации, вероятно не так уж и плохо.

Исторический опыт Слобожанщины-Харьковщины свидетельствует о том, что региональная идентичность в одних случаях может способствовать, а в других – противостоять любому национально-государственному проекту. Она играет конструктивную роль лишь в тех случаях, когда совмещается с успешными проектами и перспективами модернизации, но при этом между региональным, национальным и модернизационным компонентами общественной жизни нет жесткой взаимозависимости – каждый из них сохраняет автономию в рамках определенной политической системы.

Одна из причин того, что локальные идентичности урбанизированного востока Украины, включая Харьков, сегодня находятся в определенной оппозиции к национальной украинской идентичности – не в том, что они базируются на принципиально иных, в сравнении с западными, ценностях, а в том, что сам «украинский проект» в его нынешнем виде вряд ли можно отождествить с проектом «вестернизации». Политическое руководство Украины не имеет выработанной региональной стратегии и не в состоянии оценить преимущества регионального разнообразия страны, позволяющие эффективно использовать потенциал регионов для разработки проектов инновационных реформ и успешной модернизации.

Другой вопрос – способна ли региональная элита предложить некую альтернативу национально-государственным проектам, реализуемым нынешними политическими режимами Украины и России? Оснований для позитивного ответа на такой вопрос я не вижу. Региональные элиты Украины в большей степени, чем в центре, отягощены грузом исторической традиции, причем на уровне глубоко укорененных стереотипов. К тому же, как правило, они преследуют не стратегические, а вполне конкретные тактические задачи, рассчитанные на короткий срок. «Региональная революция», о которой пишут некоторые современные политологи, если и может произойти, то будет, скорее всего, консервативной по своему характеру. Но и в этом случае она вряд ли сможет в ближайшем будущем принципиально изменить модель общественного, экономического и политического бытия, обрекающую Украину на постоянный дрейф в неопределенном пространстве на окраине чего-то, «между чем-то и чем-то»...

В заключение – несколько мыслей вслух. Возможно, историкам Украины пора пересмотреть концепцию национальной идентичности, отдав предпочтение идее модернизации перед «государственнической» и заменив ностальгические вздохи по утраченному «золотому веку» историческим оптимизмом, направленным в будущее? Возможно, в новом историческом нарративе следовало бы уделить больше внимания тем регионам, структурам и периодам, которые в большей степени воплощали идею развития, чем Запорожская Сечь и Гетманат? Популярное с недавнего времени представление о «Европе регионов» в этом случае может быть применено и к современной Украине. Возможно, это привело бы к необходимости создания новой редакции национальной идентичности, которая базировалась бы не на истории и не на религии[2], а на ценностях гражданского общества, верховенства закона и индивидуальной свободы?..

Примечания

1 Riabczuk M. *Has the Second Rzecz Pospolita expanded to the borders of the first RP in the contemporary Ukraine?* // Nationalities Affairs = Sprawy Narodowosciowe. 2007. Issue 31. P. 29–37.

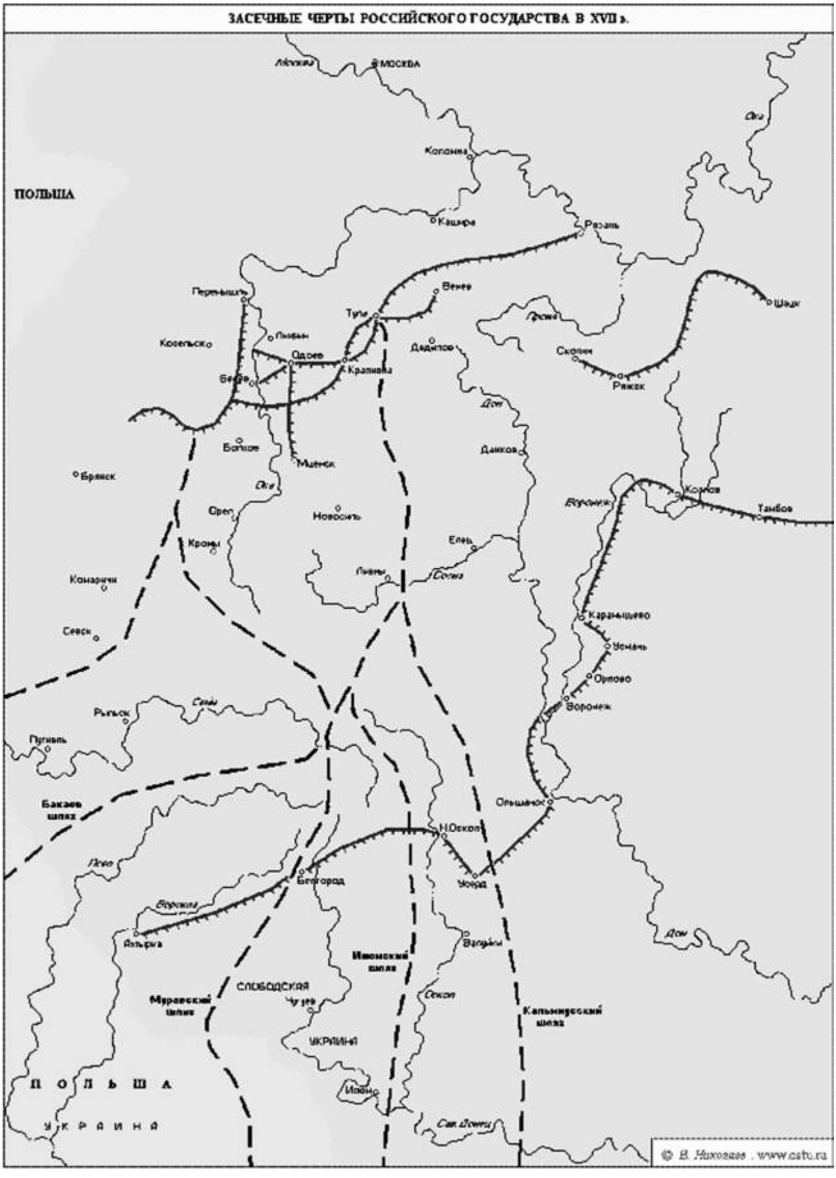
2 См. размышления по поводу европейской идентичности в: Berger S. *History and Forms of Collective Identity in Europe: Why Europe Cannot and Should Not be Built on History* // The Essence and the Margin. National Identities and Collective Memories in Contemporary European Culture / L. Rorato, A. Saunders (Studia Imagologica. Amsterdam Studies on Cultural Identity. 15. Serie editors H. Dyserinck and J. Leerssen). Amsterdam; New York, NY, 2009. P. 21–36.

КАРТЫ И ИЛЛЮСТРАЦИИ

Иллюстрации к главе 1

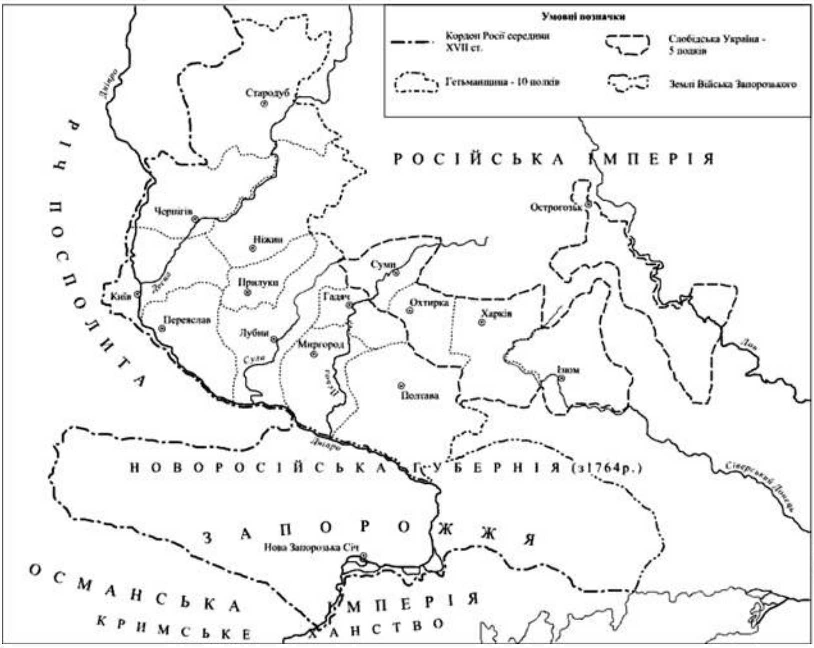

Половецкая баба – символ Великой Степи (фото автора)

Оборонительные сооружения на границах Российского государства XVII в. (http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=13040&ob_no=16154)

АДМІНІСТРАТИВНИЙ ПОДІЛ УКРАЇНИ У СКЛАДІ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ XVIII СТОЛІТТЯ

Додаток А

Украинские земли в составе Российской империи XVIII в. (http://www.cossackdom.com/maps/adm_ukr.gif)

Мифический основатель Харькова – казак Харько.
С открытки начала XX в.
(http://www.shops.kharkov.ua/galery/extimggal.php?url=oldok/124b.jpg)

Мифический основатель Харькова – казак Харько.
С открытки начала XXI в.
(памятник установлен в Харькове в 2004 г.)

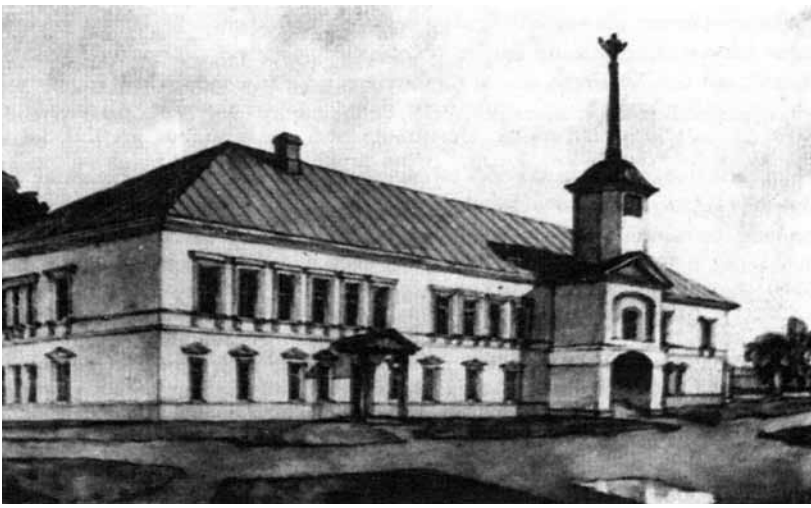

Васильковский С.И. (1854–1917) «Украинский пейзаж»
(http://dalizovut.narod.ru/shestoe/vasilk/10vas.jpg)

Левченко П.А. (1856–1917) «На Харьковщине»
(Харкову – 350. 500 впливових особистостей. Харків: Східно-Український біографічний інститут, 2004. С. 11)

Иллюстрации к главам 2 и 3

Харьковский коллегиум, 1726–1817 (реконструкция)
(Magocsi P. R. Ukraine: An Illustrated History.
University of Washington Press, Seattle, 2007. P. 116)

Гербы г. Харькова: слева направо – 1781, 1968 и 1995 гг.
(http://ru.wikipedia.org/wiki, http://www.city.kharkov.ua/ru/article/view/id/51/)

Памятник первому слободско-украинскому губернатору,
графу Е.А. Щербинину (2004 г.)
(фото автора)

Г.С. Сковорода на самой крупной (500-гривневой) украинской купюре

Памятник Г.Ф. Квитке (1778–1843) (фото К.Н. Клягина) (http://konst.org.ua/ru/photoshow/79/13)

Памятник В.Н. Каразину (1907 г.).
С открытки начала XX в.
(http://altfast.ru/index.php?newsid=1000018766)

Старое здание Харьковского университета.
С открытки начала XX в.
(http://altfast.ru/index.php?newsid=1000018766)

Иллюстрации к главе 4

Харьков второй половины XIX – начала XX в.
С открытки начала XX в.
(http://altfast.ru/index.php?newsid=1000018766)

Здание Харьковского вокзала. С открытки начала XX в.
(http://www.shops.kharkov.ua/galery/extimggal.php?url=oldok/50b.jpg)

Николаевская площадь, Северный банк. С открытки начала XX в. (http://www.shops.kharkov.ua/galery/extimggal.php?url=oldok/60b.jpg)

Украинская (малороссийская) презентация Харькова. С открытки начала XX в. (http://altfast.ru/index.php?newsid=1000018766)

Д.И. Багалей (1857–1932). Фотография начала XX в.
(http://ru.wikipedia.org/wiki/)

6.1

6.2

Репрезентации харьковскими художниками сюжета посещения Петром I Харьковской крепости накануне Полтавской битвы 1709 г.:
6.1 – картина В.И. Вихтинского (1918–2009) «Петр I осматривает укрепления Харькова»,
6.2 – тот же сюжет в изображении С. Васильковского (1854–1917)

Иллюстрации к главе 5

Плакат времен гражданской войны «Донбасс – сердце России» (http://drevo.uaportal.com/object/113740)

Административное здание треста «Донуголь», 1925. Современная фотография (фото автора)

Здание Госпрома, 1928. Современная фотография
(фото автора)

Ансамбль площади Дзержинского, 1931. Современная фотография
(фото Ю. Ворошилова)

Памятник Т.Г. Шевченко, 1935. Современная фотография (http://www.photoukraine.com/russian/photos/region/22/527)

Памятник В.И. Ленину (1963) на площади Дзержинского. Современная фотография (фото автора)

Иллюстрации к главе 6

Сквер за «Зеркальной струей» в центре Харькова: на переднем плане – гранитный камень, посвященный украинским студентам, погибшим в 1918 г. в боях с большевистскими войсками под Крутами; справа – аллея героев-комсомольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны; вдали слева – деревянный крест, на месте которого планируется возвести православную часовню (РПЦ) (фото автора)

Памятный знак в честь независимости Украины на площади Свободы (фото автора)

Памятник Независимости (2001)
на площади Розы Люксембург в старой части Харькова
(фото автора)

Благовещенский кафедральный собор (РПЦ), 1901.
Современная фотография
(фото автора)

Пространство площади Свободы в свободное от митингов время постоянно используется для торговли и аттракционов. На первом плане – создание композиции из песка на темы русских народных сказок. На заднем плане слева направо – здание Харьковского национального университета, памятник В.И. Ленину и здание Госпрома (фото Анджея Тымовского)

«Маленький дедушка Ленин» (?) в парке им. Тараса Шевченко в центре Харькова (фото автора)

Нынешние руководители Харьковского городского самоуправления: секретарь Харьковского городского Совета Г.А. Кернес (слева) вместе с мэром Харькова М.М. Добкиным Современная фотография (http://news.online.ua/110318/)

Ежегодный фестиваль международной славянской культуры «Хотмыжская осень» в с. Хотмыжске Борисовского района Белгородской области, 25–27 сентября 2009 г. (http://belgorod.unise.ru/clause/962, Белгородские известия)

Научное издание

Кравченко Владимир Васильевич

ХАРЬКОВ / ХАРКІВ: СТОЛИЦА ПОГРАНИЧЬЯ

Ответственный за выпуск *Л.А. Малевич*
Корректор *Г.А. Ребенкова*
Технический редактор *О.Э. Малевич*

Издательство
Европейского гуманитарного университета
г. Вильнюс, Литва
www.ehu.lt
e-mail: publish@ehu.lt

Подписано в печать 03.02.2009. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 23,25. Усл. печ. л. 22,4.
Тираж 250 экз.

Отпечатано «Petro Ofsetas»
Žalgirio g. 90, LT-09303 Vilnius